

Андрей Санковский

КРОВЬ, ПЛОТЬ, ЧАС ПРЕЗРЕНИЯ

Annotation

Пролилась кровь эльфов и настал Час Презрения. Время, когда предателем может оказаться любой и когда никому нельзя верить. Войны, заговоры, мятежи, интриги. Все против всех и каждый за себя. Но по-прежнему таинственно сплетены судьбы ведьмака Геральта, чародейки Йеннифэр и Дочери Старшей Крови, княжны Цириллы...

- [Анджей Сапковский](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)

- [notes](#)

- -
 -
-

Анджей Сапковский
Час Презрения

Глава 1

Ты в крови. Лицо и руки.
Вся в крови твоя одежда.
Так гори, прими же муки,
Фалька, изверг. Брось надежду.

Детская песенка, исполняемая во время
аутодафе куклы Фальки в сочевник Саовины

Ведьманы, т. е. ведьмаки нордлингов (см.) — таинственная элитная каста жрецов-воинов, вероятно, один из друидских кланов (см.). Обладая, как считается в народе, магической силой и сверхчеловеческими способностями, **В.** боролись против чудовищ, злых духов и всяческих темных сил. В действительности же мастерски владевшие оружием **В.** использовались владыками Севера в межплеменных разборках. Во время боя **В.**, впадая в транс, вызываемый, как полагают, самогипнозом либо одурманивающими декоктами, слепо бились, будучи совершенно невосприимчивыми к боли и даже серьезным телесным повреждениям, что укрепляло веру в их сверхъестественные способности. Теория, гласящая, что **В.** представляют собой продукт мутации либо генной инженерии, подтверждения не получила. **В.** — герои многочисленных сказаний нордлингов (см. Ф. Деланной, «Мифы и легенды народов Севера»).

Эффенберг и Тальбот. *Encyclopaedia Maxima Mundi*, том XV

— Чтобы зарабатывать на жизнь в качестве настоящего гонца, — любил говаривать Аплегатт поступающим на службу юнцам, — требуются, во-первых, золотая голова и, во-вторых, железная задница. Золотая голова, — поучал Аплегатт молодых гонцов, — необходима, поскольку под

одеждой, в привязанной к голой груди плоской кожаной суме гонец возит только малозначительные сообщения, которые, не опасаясь, можно доверить ненадежной бумаге либо пергаменту. По-настоящему же важные, секретные известия, от которых многое зависит, гонец должен запомнить и повторить кому следует. Слово в слово. А это порой бывают непростые слова. Их и выговорить-то трудно, не то что запомнить. А чтобы запомнить и, повторяя, не ошибиться, надобна воистину золотая голова.

Что же касается железной задницы, так это любой гонец очень даже скоро почувствует сам, стоит ему провести в седле три дня и три ночи, протрястись сто, а то и двести верст по большакам, а ежели понадобится, то и по бездорожью. Ну, само собой, сидишь в седле не беспрерывно, иногда слезаешь, чтобы передохнуть. Потому как человек может выдержать многое, а лошадь — нет. Но когда после передышки снова заберешься в седло, то кажется, что зад в голос вопит: «Спасите, убивают!»

— А кому в наше время нужны конные гонцы, господин Аплегатт? — иногда удивлялись молодые люди. — К примеру, из Венгерберга до Вызимы никому не доскакать быстрее, чем в четыре-пять дней, даже на самом что ни на есть резвом скакуне. А сколько времени понадобится чародею, чтобы из того же Венгерберга переслать магическое сообщение в Вызиму? Полчаса, а то и меньше. У гонца конь может сбить ногу. Его могут прикончить разбойники или «белки», разорвать волки или грифы. Был гонец, и нет гонца. А чародейское сообщение завсегда дойдет, дороги не попутает, не запоздает и не затеряется. К чему гонцы, коли при каждом королевском дворе есть чародеи? Нет, господин Аплегатт, теперь гонцы уже не нужны.

Какое-то время Аплегатт тоже думал, что больше он не пригодится. Ему было тридцать шесть. Ростом, правда, он не выдался, но был силен и жилист, работы не чурался, и голова была у него, разумеется, золотая. Мог он найти другую работу, чтобы прокормить себя и жену, отложить немного денег на приданое двум незамужним пока дочерям, мог по-прежнему помогать замужней, мужу которой, безнадежному недотепе, постоянно не везло в делах. Но Аплегатт не хотел и не представлял себе другой работы. Он был королевским конным гонцом.

И вдруг, после долгого мучительного бездействия и никому ненужности, Аплегатт снова потребовался. По большакам и лесным просекам застучали конские копыта. Гонцы, как в добрые старые времена, опять принялись бороздить краину, разнося известия от города к городу.

Аплегатт знал, в чем тут дело. Он видел много, а слышал и того больше. От него требовалось незамедлительно стереть из памяти

содержание переданного сообщения, забыть о нем так, чтобы не вспомнить даже под пытками. Но Аплегатт помнил. Помнил и знал, почему короли вдруг перестали обращаться к магии и магикам. Сообщения, которые перевозили гонцы, должны были оставаться тайной для чародеев. Короли вдруг не стали доверять магикам, перестали поверять им свои секреты.

Почему так неожиданно охладела дружба королей и чародеев, Аплегатт не знал, да и не очень-то хотел знать. И короли, и магики, по его мнению, были существами непонятными, непредсказуемыми — особенно когда наступали трудные времена. А того, что наступили трудные времена, не заметить было невозможно, разъезжая от города к городу, от замка к замку, от королевства к королевству.

Дороги были забиты военными. По большакам пылили колонны пехотинцев и конников, а каждый встречный начальник был возбужден, взволнован, обидчив и так важен, будто судьбы мира зависели от него одного. Города и замки тоже были полны вооруженного люда, день и ночь там кипела лихорадочная суeta. Обычно незаметные бургграфы и кастеляны теперь без устали метались по дворам и стенам замков, злые, словно осы перед бурей, орали, сквернословили, отдавали приказы (забывая проверить их исполнение), раздавали пинки и зуботычины. К крепостям и гарнизонам днем и ночью тянулись колонны тяжело груженных телег, навстречу им быстро и легко шли уже пустые обозы. На дорогах вздымали облака пыли перегоняемые прямо с пастбищ горячие трехлетки. Не привыкшие к удилам и вооруженному седоку лошади пользовались последними днями свободы, создавая погонщикам массу дополнительных хлопот, а другим пользователям дорог — немало забот.

Одним словом, в жарком, неподвижном воздухе висела война.

Аплегатт приподнялся на стремянах, осмотрелся. Внизу, у подножия взгорья, поблескивала река, круто извиваясь меж луговин и куп деревьев. За рекой, на юге, раскинулись леса. Гонец прижал пятками лошадь.

Время торопило.

Он был в пути уже два дня. Королевский приказ и почта застали его в Хагге, где он отдыхал после возвращения из Третогора. Из крепости выехал ночью, рысью прошел по большаку вдоль левого берега Понтара, перед рассветом пересек границу с Темерией, а теперь, в полдень второго дня, уже был на берегу Исмены. Если б король Фольтест оказался в Вызиме, Аплегатт вручил бы ему послание еще минувшей ночью. К сожалению, короля не было в столице, он пребывал на юге страны, в Мариборе, почти в двух сотнях верст от Вызимы. Аплегатт знал об этом, потому в районе Белого Моста оставил ведущий на запад большак и поехал лесами в

сторону Элландера. Он немного рисковал. В здешних лесах разбойничали «белки» — эльфы бригады, ская'таэли, и горе тому, кто попадал им в руки либо нарывался на стрелу. Но королевский гонец вынужден рисковать. Служба такая.

Аплегатт легко преодолел реку — с июня не было дождей, и вода в Имене заметно спала. Придерживаясь опушки леса, добрался до дороги, ведущей из Вызимы на юго-восток, в сторону краснолюдских медеплавилен, кузниц и поселков в массиве Махакам. По дороге тащились телеги, их то и дело опережали конные разъезды. Аплегатт облегченно вздохнул. Где людно — нет ская'таэлей. Кампания против восставших эльфов тянулась в Темерии уже год, преследуемые по лесам беличьи бригады разбились на мелкие группы, а мелкие группы держались вдали от шумных дорог, и засад на них не устраивали.

К вечеру он уже был на западной границе княжества Элландер, у развилки вблизи деревушки Завада, оттуда прямая и безопасная дорога вела на Марибор — сорок две версты мощеным людным трактом. На развилке пристроилась корчма. Он решил передохнуть и дать отдых лошади. Знал, что если выехать на заре, то, даже не особенно утомляя кобылку, можно будет еще до захода солнца увидеть серебряно-черные флаги на красных крышах башен мариборского замка.

Он расседлал кобылу и, отпустив слугу, сам протер ее. Аплегатт был королевским гонцом, а королевские гонцы никому не позволяют прикасаться к своим лошадям. Съел внушительную порцию яичницы с колбасой и четвертушку пеклеванного хлеба, запил четвертой пива. Послушал сплетни. Самые разные. В корчме останавливались путешественники со всех сторон света.

В Доле Ангре снова заварушка, снова отряд лирийской кавалерии столкнулся на границе с нильфгаардским разъездом. Мэва, королева Лирии, опять на весь мир обвинила Нильфгаард в провокациях и попросила помощи у короля Демавенда из Аэдиерна. В Третогоре свершилась публичная экзекуция реданского барона, который тайно сносился с эмиссарами нильфгаардского императора Эмгыра. В Каэдвене объединившиеся в большую группу подразделения ская'таэлей учинили резню в форте Лейда. В ответ население Ард Каррайга устроило погром, истребив почти четыре сотни живших в столице нелюдей.

В Темерии, рассказали едущие с юга купцы, среди цинтрийских эмигрантов, собранных под штандарты маршала Виссегерда, царит печаль и траур, ибо подтвердилось страшное сообщение о смерти Львенка, княжны Цириллы, последней из рода королевы Калантэ, Львицы из

Цинтры.

Было поведано еще несколько страшных и зловещих историй. Например, что в некоторых местностях коровы вдруг стали давать кровь, а не молоко, а на рассвете люди видели в тумане Деву Мора, предвестницу жуткой гибели. В Бругге, в районах леса Брокилон, заповедного королевства лесных дриад, объявился Дикий Гон, галопирующее по небесам скопище ведьм, а Дикий Гон, каждому ведомо, всегда предвещает войну. С полуострова Бремервоорд заметили призрачный корабль, а на его борту — привидение, черного рыцаря в шлеме с крыльями хищной птицы...

Дальше гонец прислушиваться не стал, он был сильно утомлен. Отправился в общую ночлежную комнату, колодой повалился на подстилку и уснул.

Поднялся на заре. Выйдя во двор, немного удивился — оказалось, что он не первым собрался в путь, а такое случалось не часто. У колодца стоял оседланный гнедой жеребец, рядом в корыте мыла руки женщина в мужской одежде. Услышав шаги Аплегатта, она обернулась, мокрыми руками собрала и отбросила на спину буйные черные волосы. Гонец поклонился. Женщина слегка кивнула.

Входя в конюшню, он чуть не столкнулся со второй ранней пташкой — молоденькой девушкой в бархатном берете, выводившей в этот момент серую в яблоках кобылу. Девушка потирала лицо и зевала, прижавшись к боку лошади.

— Ой-ёй, — буркнула она, проходя мимо гонца. — Точно, усну в седле... Усну... Аауауа...

— Холод разбудит, когда кобылку разгонишь, — вежливо сказал Аплегатт, стаскивая с балки седло. — Счастливого пути, мазелька...

Девушка повернулась и глянула на него так, словно только сейчас увидела. Глаза у нее были огромные и зеленые, как изумруды. Аплегатт накинул на лошадь чепрак.

— Счастливого пути, говорю. — Обычно он не был словоохотлив или разговорчив, но сейчас чувствовал потребность поболтать с ближним, даже если этим ближним была самая что ни на есть обычная заспанная девчонка. Может, виной тому — долгие дни одиночества на дороге, а может, то, что девчонка немного походила на его среднюю дочку.

— Храни вас боги, — добавил он, — от несчастий и дурных приключений. Вы же вдвоем, да к тому же женщины... А времена теперь недобрые. Кругом опасности поджидают на большаках...

— Опасности... — вдруг проговорила девочка странным, измененным

голосом. — Опасность — тихая. Не услышишь, как налетит на серых перьях. Я видела сон. Песок... Песок был горячий от солнца...

— Что? — замер Аплегатт, прижимая к животу седло. — О чем ты, мазелька? Какой песок?

Девочка сильно вздрогнула, протерла лицо. Серая в яблоках кобыла потрянула головой.

— Цири! — крикнула черноволосая женщина со двора, поправляя подпругу и вьюки. — Поспеш!

Девочка зевнула, глянула на Аплегатта, буркнула что-то невнятное. Казалось, она удивлена его присутствием в конюшне. Гонец молчал.

— Цири, — повторила женщина. — Заснула?

— Иду, иду, госпожа Йеннифэр!

Когда Аплегатт оседлал коня и вывел во двор, женщины и девочки там уже не было. Протяжно и хрипло пропел петух, разлаялась собака, в деревьях откликнулась кукушка. Гонец вскочил в седло. Неожиданно вспомнил зеленые глаза заспанной девочки, ее странные слова. Тихая опасность? Серые перья? Горячий песок? Не иначе как не в своем уме девка, подумал он. Множество таких сейчас встречается — спятивших девчонок, обиженных в военные дни мародерами или другими бродягами. Да, не иначе тронутая. А может, просто как следует не проснувшаяся, еще толком не пришедшая в себя? Диву даешься, какие бредни порой люди плетут на рассвете, между сном и явью...

Он снова вздрогнул, а между лопатками почувствовал боль. Помассировал плечи пятерней.

Оказавшись на мариборском тракте, он всадил коню пятки в бока и послал в галоп.

Время торопило.

В Мариборе гонец отдыхал недолго — не кончился день, а ветер уже снова свистел у него в ушах. Новый конь, чубарый жеребец из мариборских конюшен, шел ходко, вытягивая шею и метя хвостом. Мелькали придорожные вербы. Грудь Аплегатта прикрывала сума с дипломатической почтой. Зад вопиял.

— Хоть бы ты себе шею свернул, летун проклятый! — рывкнул ему вслед возница, натягивая вожжи пары, напуганной промчавшимся чубарым. — Ишь прет, будто ему смерть пятки лижет! Ну-ну, при, дурень,

все едино — от костлявой не сбежишь!

Аплегатт протер слезящиеся от ветра глаза.

Вчера он передал королю Фольтесту письмо, а потом проговорил тайное послание короля Демавенда:

«Демавенд — Фольтесту. В Доль Ангре все готово. Ряженные ждут приказа. Намечен срок: вторая июльская ночь после новолуния. Люди должны высадиться на том берегу спустя два дня.»

Над большаком, громко каркая, летели вороны. Они летели на восток, в сторону Махакама и Доль Ангры, в сторону Венгерберга. Гонец мысленно повторил слова секретного послания, которое через него король Темерии слал королю Аэдирна:

«Фольтест — Демавенду. Первое: акцию задержать. Мудрилы собрались на острове Танедд, хотят встретиться и что-то обсудить. Их Сбор может многое изменить. Второе: поиски Львенка можно прекратить. Подтвердилось: Львенок мертв.»

Аплегатт ткнул чубарого пятками. Время торопило.

Узкая лесная дорога была забита телегами. Аплегатт придержал коня, спокойно потрусил к последнему в длинной веренице возу. Сразу же сообразил, что через затор не пробиться. О том, чтобы повернуть назад, не было и речи: слишком большая потеря времени. Лезть в болотистую чащобу, чтобы обойти затор, тоже не очень улыбалось, тем более что дело шло к ночи.

— Что случилось? — спросил он возниц с последней телеги обоза, двух старичков, из которых один, похоже, дремал, а второй — был мертв. — «Белки» напали? Отвечайте! Я спешу!

Не успел старикан ответить, как со стороны невидимой в лесу головы колонны послышались крики. Возницы спешно запрыгивали на телеги, хлестали лошадей и волов, сопровождая удары малоизысканными проклятиями. Колонна тяжело стронулась с места. Дремавший старичок

очнулся, потрянул бородой, чмокнул мулам и хлестнул их вожжами по крупам. Старик, казавшийся мертвым, воскрес, сдвинул на затылок соломенную шляпу и глянул на Аплегатта.

— Гляньте-ка. Он спешит. Эй, сынок, те посчастливилось. В сам час прискакал.

— И то верно, — пошевелил бородой второй старик и подстегнул мулов. — В сам час. Ежели б в полудень заехал, стоял бы с нами, ждал вольного проезда. Все мы спешим, а торчать пришлось. А как проедешь, коли тракт запёрт?

— Тракт был закрыт? Это почему же?

— Свирепый людоедец объявился, сынок. На лыцаря напал, что сам-друг со слугой ехал. Лыцарю-то вроде как чуд энтот башку вместях со шлемом оторвал, коняке кишки выпустил. Слуга успел драпануть, кричал, мол, ужась тама одна, мол, тракт аж красным стал от кровищи.

— Что за чудовище-то? — спросил Аплегатт, сдерживая коня, чтобы продолжить разговор с возницами едва волочившейся телеги. — Дракон?

— Неа, не дракон, — встрял второй старичок, тот, что в соломенной шляпе. — Говорят, мандыгор аль как-то этак. Слуга болтал, мол, летучий стервь, страсть какой жуткий. А уж ярый — мочи нету! Слуга думал, сожрет лыцаря и улетит, ан где тама! Уселси на дороге, курвишше, и сидит, шипит, зубишшами клацает. Ну вот и закупорил дорогу, навроде как пробка флягу, потому как ежели кто подъезжал и чуду энту видел, тут же воз бросал и деру. Вozов понабралось с полверсты, а кругом, сам видишь, болоты, сынок, пушша и трясина, ни объехать, ни завернуть. Вот и стоим, стало быть.

— Столько народу, — фыркнул гонец, — а стояли как столбы какие! Надо было топоры хватать да колья и согнать зверюгу с дороги, а то и прибить.

— Оно, конешным делом, пробовали. Некоторые, — сказал державший вожжи старичок, подгоняя мулов, потому что колонна двинулась быстрее. — Трое краснолюдинов из купецкой стражи, а с ими четверо новобранцев, что в Каррерас в крепость шли, в войско. Краснолюдов бестия покалечила, а новобранцы...

— Сбегли, — dokonчил второй старичок, после чего сочно и далеко сплюнул, попав точно между крупами мулов. — Сбегли, едва энту мандыгорину узрели. Один вроде бы в штаны накла. О, глянь, глянь, сынок, это он! Вона там!

— Еще чего, — занервничал Аплегатт, — засранца мне собрались показывать? Не интересуюсь...

— Да нет! Чудишше! Убитое чудишше. Солдаты на фуру кладут. Видишь?

Аплегатт приподнялся на стремянах. Несмотря на опускающиеся сумерки, через головы любопытных увидел, как солдаты поднимают огромную бледно-желтую тушу. Крылья летучей мыши и скорпионий хвост чудовища бессильно волочились по земле. Гакнув, солдаты подняли тушу повыше и свалили на воз. Запряженные в воз лошади, взволнованные запахом крови и падали, заржали, дернули дышло.

— Не стоять! — рявкнул на старичков командовавший солдатами десятник. — Дальше! Не загораживать проезд!

Дедок подогнал мулов, воз подскочил на выбоинах. Аплегатт ткнул коня пяткой, поравнялся с ними.

— Похоже, солдаты бестию прикончили?

— Куды там, — возразил старичок. — Солдаты, как пришли, только на людей орали да ругались. То — стой, то — оттяни назад, то то, то другое. К чуду-то не больно спешили. Послали за ведьмаком.

— Ведьмаком?

— Ну да, — подтвердил второй старичок. — Которому-то из них припомнилось, будто он в деревне ведьмака видел, вот и послали за им. Опосля он проезжал мимо нас. Волос белый, морда отвратная и крепкий меч за спиной. И часу не прошло, как спереду кто-то крикнул, мол, щас можно будет ехать, потому как ведьмак бестию укотрупил. Тута наконец тронулись мы, и аккурат, сынок, ты заявился!

— Хм, — задумчиво проговорил Аплегатт. — Сколько лет по дорогам гоняю, а ведьмака еще не встречал. Кто-нибудь видел, как он то чудовище удеывал?

— Я видел! — крикнул паренек с расчехренной шевелюрой, подъезжая с другой стороны телеги. Ехал он без седла, управлял худой клячей с помощью уздечки. — Все видел! Потому как рядом с солдатами был, в самом переду!

— Гляньте-ка на него, — фыркнул старик с вожжами. — Молоко на губах не обсохло, а умничает — страх! А хлыста не хочешь?

— Оставьте его, отец, — бросил Аплегатт. — Скоро развилок, оттуда я на Каррерас пойду, а сначала хотелось бы знать, как оно было с тем ведьмаком. Давай выкладывай, малый.

— А было оно так, — быстро начал парень, двигаясь шагом вровень с телегой, — что прибыл тот ведьмак к войсковому командиру. Сказал, что звать его Герант. Командир ему на то: мол, как звать, так и звать, лучше пусть за дело берется. И показал, где чудовище сидит. Ведьмак подошел

ближе, поглядел малость. До чудовища было шагов сто, может, меньше, но он только сдала глянул и сразу говорит, мол, это исключительно огромный мантихор и что он его прибьет, ежели ему двести крон заплатят.

— Двести крон? — зашелся второй старичок. — Он што, сдурел?

— То же ему и командир сказал, только малость погрубше. А ведьмак на то: мол, столько это стоит и что ему-де все едино, пусть чудовище сидит на дороге хоть до Судного дня. Командир в ответ, что столько не заплатит, лучше погодит, пока чудо само улетит. Ведьмак ему: мол, не улетит, потому как оно голодное и злое. А ежели улетит, то тут же обратно возвратится, потому как это его охотничья тера... терера... тория.

— А ты, сопляк, не балаболь! — разозлился старичок, без видимого результата пытаюсь высморкаться в пальцы, в которых одновременно держал вожжи. — Говори, как оно было...

— А я чего? Ведьмак говорит: не улетит чудовище, а будет всю ночь убитого лыцаря глотать поманеньку, потому как лыцарь в железе, трудно его выковыривать изнутри-то. Тут подошли купцы и ну ведьмака уламывать: и так и этак, мол, скинутся и сто крон ему дадут. А ведьмак в ответ, что бестия-де зовется мантихор и сильно опасна, а свои сто крон купцы могут запихать себе в задницу, он шею подставлять задарма не намерен. Ну тут командир рассерчал и говорит: мол, такова, значит, собачья и ведьмачья доля — шею подставлять, а задница не для крон сделана, а к сранью приспособлена. А купцы, видать, боялись, что ведьмак тоже разозлится и уйдет, потому как согласились на сто пятьдесят. Ну ведьмак меч достал и отправился по тракту к тому месту, где чуда сидела. А командир, видать, со зла, шагнул след за ним, на землю сплюнул и говорит, что таких выроdkов адовых незнамо почему земля носит. Один купец ему на то, что коли б войско заместо того, чтоб по лесам за эльфами гоняться, страховидлов с дорог выгоняло, то и ведьмаки не нужны были бы, и что...

— Заткнись, — прервал старичок, — и давай выкладывай, что видал.

— Я, — похвалился парень, — ведьмакову кобылу стерег, каштанку со стрелкой белой.

— Хрен с ней, с кобылой! А как ведьмак чудишше забивал, видел?

— Эээ, — затянул парень. — Не видел... Меня назад прогнали. Все в голос орали и коней пугали, тогда...

— Я сказал, — презрительно сплюнул дедок, — ни фига ты не видел, сопляк.

— Ведьмака видел, когда он вернулся, — захорохорился паренек. — А командир, который на все смотрел, сбледнул с лица и тихо проговорил

солдатам, что это не иначе как чары магические либо эльфы фокусы и что обнаковенный человек так быстро мечом махать не сумеет... А ведьмак взял у купцов деньги, уселся на кобылу и уехал.

— М-да, — протянул Аплегатт. — Куда поехал? По тракту к Каррерасу? Если да, то, может, догоню. Хоть гляну на него...

— Неа, — сказал паренек. — Он с развилка в сторону Дорьяна двинул. Спешил сильно.

Ведьмаку редко что-нибудь снилось, да и те редкие сны он, проснувшись, не помнил. Даже кошмары — а обычно это кошмары и были.

На сей раз тоже был кошмар, но на сей раз ведьмак запомнил по крайней мере фрагмент. Из клубка каких-то неясных, но беспокоящих фигур, странных, зловещих сцен и непонятных, но навевающих ужас слов и звуков неожиданно вылутился четкий и чистый образ Цири. Не такой, какой он помнил по Каэр Морхену. Ее пепельные, развевающиеся в галопе волосы были длиннее — такие, как тогда, при первой встрече в Брокилоне. Когда она — во сне — проносилась мимо, он хотел крикнуть, но не мог издать ни звука. Хотел броситься за ней, но ему чудилось, будто он по пояс увяз в густеющей смоле. А Цири, казалось, не видит его, уносится дальше, в ночь, скрывается между покореженными ольхами и вербами, а деревья словно живые размахивают ветвями. И тут он увидел, что ее преследуют, что вслед за нею мчится вороной конь, а на нем — всадник в черных доспехах и шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

Геральт не мог ни пошевелиться, ни крикнуть. Мог только смотреть, как крылатый рыцарь догоняет Цири, хватает за волосы, стаскивает с седла и мчится дальше, волоча ее за собой. Он мог только смотреть, как лицо Цири синеет от боли, а изо рта ее вырывается беззвучный крик. *Проснуться!* — приказал он себе, не в силах выносить кошмар. — *Проснуться! Проснуться немедленно!*

Он проснулся.

Долго лежал неподвижно, заново переживая сон. Вытянул из-под подушки мешочек, быстро пересчитал десятикрановки. Сто пятьдесят за вчерашнего мантихора. Пятьдесят за мгляка, которого убил по просьбе войта из деревушки под Каррерасом. И пятьдесят за оборотня, которого ему указали поселенцы из Бурдорфа.

Пятьдесят за оборотня — работа была легкой. Оборотень не

защищался. Загнанный в пещеру, из которой не было выхода, он упал на колени и молча ожидал удара мечом. Ведьмаку было его жаль.

Но ему нужны были деньги.

Не прошло и часа, как он уже ехал по улицам города Дорьяна в поисках знакомого переуллка и знакомой вывески.

Вывеска гласила: «Кодрингер и Фэнн. Консультации и юридические услуги». Однако Геральт прекрасно знал, что занятия Кодрингера и Фэнна имели в принципе очень мало общего с законом, у самих же партнеров была масса причин избегать любого контакта как с законом, так и с его представителями. Не менее серьезно ведьмак сомневался и в том, что кто-либо из клиентов, посещавших контору, вообще знал, что означает слово «консультации».

На нижний этаж с улицы входа не было — были только солидно запертые ворота, вероятно, ведущие в сарай с телегами или в конюшню. Чтобы добраться до дверей, требовалось обойти дом сзади, войти на грязный, полный кур и уток двор, оттуда подняться по лесенке, а затем пройти по узкой галерейке к темному коридору. Только тогда посетитель оказывался перед крепкими, окованными железом дверями красного дерева, украшенными большой латунной колотушкой в форме львиной головы.

Геральт постучал и сразу же отступил. Он знал, что вмонтированный в двери механизм может выстрелить через скрытые в оковке отверстия двадцатидюймовыми железными стрелами. Теоретически стрелы вылетали из дверей только в том случае, когда кто-либо пытался алхимичить с замком или же когда Кодрингер либо Фэнн нажимали на спусковое устройство, но Геральт уже не раз убеждался, что безотказных механизмов не существует и порой они действуют даже тогда, когда действовать, казалось бы, не должны. И наоборот.

Видимо, в дверях было какое-то — скорее всего чародейское — приспособление, опознающее гостей. После того как посетитель ударял колотушкой, никто изнутри никогда ни о чем не спрашивал и не требовал, чтобы ему отвечали. Двери отворялись, и в них появлялся Кодрингер, и никогда — Фэнн.

— Привет, — сказал Кодрингер. — Входи. Незачем так прижиматься к стенке: я размонтировал защиту. Несколько дней назад с ней что-то

приключилось, она ни с того ни с сего заработала и продырявила старьевщика. Входи смело. У тебя дело ко мне?

— Нет. — Ведьмак вошел в просторные мрачные сени, в которых, как всегда, слегка отдавало кошкой. — Не к тебе. К Фэнну.

Кодрингер расхохотался, утверждая ведьмака в подозрении, что Фэнн — фигура стопроцентно мифическая, служившая лишь тому, чтобы вводить в заблуждение судебных приставов, прево, сборщиков налогов и прочих ненавистных Кодрингеру личностей.

Они вошли в контору, в которой было посветлее: комната располагалась на втором этаже, и в солидно зарешеченные окна большую часть дня светило солнце. Геральт занял стул, предназначенный для клиентов. Напротив за дубовым столом раскинулся в мягком кресле Кодрингер, велевший именовать себя «юристом», человек, для которого не существовало ничего невозможного. Если у кого-то возникали затруднения, заботы, проблемы — он шел к Кодрингеру. И тут же получал на руки доказательства непорядочности и злоупотреблений компаньонов или банковский кредит без обеспечения и гарантий. Единственный в длинном списке кредиторов взыскивал наличность с фирмы, объявившей себя банкротом. Получал наследство, несмотря на то, что богатый дядюшка грозился не оставить ему ни медяка. Выигрывал процесс о наследстве, потому что даже самые близкие родственники неожиданно снимали претензии. Сын клиента выходил из тюрьмы либо освобожденный от обвинений на основании неопровержимых доказательств, либо ввиду отсутствия таковых, ибо, если даже доказательства в свое время и существовали, они таинственным образом исчезали, а свидетели наперебой отказывались от прежних показаний. Охотник за приданым, пытающийся заарканить дочку, неожиданно обращал свои интересы на другую. Любовник жены или соблазнитель дочери в результате несчастного случая получал переломы трех конечностей, в том числе по меньшей мере одной верхней. Заклятый враг или иной столь же неудобный тип переставал вредить — как правило, он пропадал без следа. Да, если у кого-то были проблемы, он ехал в Дорьян, быстренько бежал в фирму «Кодрингер и Фэнн» и стучался в двери красного дерева. В дверях возникал «юрист» Кодрингер, невысокий, щуплый, седовласый, с нездоровой кожей, какая бывает у человека, редко выходящего на свежий воздух. Кодрингер приглашал в контору, усаживался в кресло, брал на колени большого черно-белого кота и поглаживал его. Оба — Кодрингер и котяра — осматривали клиента неприятным, вызывающим беспокойство взглядом желто-зеленых глаз.

— Я получил твоё письмо. — Кодрингер и кот бросили на ведьмака желто-зеленые взгляды. — Посетил меня также и Лютик. Он проезжал через Дорьян несколько недель назад. Рассказал кое-что о твоих заботах и горестях. Но очень мало. Слишком мало.

— Правда? Ты меня удивляешь. Это первый известный мне случай, когда Лютик не сказал слишком много.

— Лютик, — Кодрингер не улыбнулся, — мало сказал, потому что и знал мало. А сказал меньше, чем знал, потому что попросту кое о чем ты ему говорить запретил. Откуда такое недоверие? При чем к коллеге?

Геральт едва заметно вздохнул. Кодрингер собирался сделать вид, будто не заметил, но не смог, потому что заметил кот. Широко раскрыв глаза, кот обнажил белые клыки и почти беззвучно зашипел.

— Не раздражай кота, — сказал «юрист», успокаивая животное. — Тебе не понравилось слово «коллега»? Но это же правда. Я тоже своего рода ведьмак. Я тоже освобождаю людей от чудовищ и чудовищных забот. И тоже делаю это за деньги.

— Есть некоторая разница, — проворчал Геральт под все еще недружелюбным взглядом кота.

— Есть, — согласился Кодрингер. — Ты — ведьмак анахроничный, а я ведьмак — современный, идущий в ногу со временем. Поэтому вскоре ты останешься без работы, а я буду процветать. Выворотней, стрыг, эндриаг и вурдалаков в мире не останется. А сукины дети будут всегда.

— Но ты-то в основном избавляешь от хлопот именно сукиных детей, Кодрингер. Запутавшиеся в несчастьях бедняки не в состоянии оплатить твои услуги.

— Твои — тоже. Бедняки никогда ничего оплатить не в состоянии. Это им не по силам. Потому они и остаются бедняками.

— Удивительная логика! А уж новая — дух захватывает.

— Таково свойство истины — захватывать дух. А истина-то именно в том, что базу и опору нашей с тобой профессии составляют сукины дети. С той только разницей, что твои уже почти реликт, а мои — реальны и набирают силу.

— Хорошо, хорошо. Давай ближе к делу.

— Давно пора, — кивнул Кодрингер, поглаживая кота, который напрягся и громко замурлыкал, впиваясь когтями ему в колено. — И покончим с делами в порядке их значимости. Первое: мой гонорар, коллега ведьмак, составляет двести пятьдесят новиградских крон. Ты располагаешь такой суммой? Или тоже относишься к запутавшимся в заботах и хлопотах беднякам?

— Сначала проверим, заработал ли ты столько.

— Проверку, — холодно сказал «юрист», — ограничь исключительно собственной персоной и поспеши. А когда уже проверишь, выкладывай деньги на стол. Вот тогда и перейдем к следующим, менее важным вопросам.

Геральт отвязал от пояса мешочек и со звоном бросил на стол. Кот мгновенно прыгнул с колен хозяина и сбежал. «Юрист» спрятал мешочек в ящик стола, не проверяя содержимого.

— Ты спугнул кота, — сказал он с явным укором.

— Прости. Думал, звон монет — последнее, что может его спугнуть. Говори, что удалось узнать.

— Риенс, — начал Кодрингер, — который тебя так интересуется, фигура довольно таинственная. Мне удалось установить лишь, что два года он провел в школе чародеев в Бан Арде. Его вытурили оттуда, прихватив на мелких кражах. У школы, как обычно, ожидали вербовщики из каэдвенской разведки. Риенс дал себя завербовать. Что он делал для разведки Каэдвена, мне установить не удалось. Но выкидышей из школы чародеев обычно натаскивают на убийц. Сходится?

— Тютелька в тютельку. Продолжай.

— Следующая информация из Цинтры. Господин Риенс сидел там в кутузке. Во времена правления королевы Калантэ.

— За что?

— Представь себе, за долги. Сидел недолго, кто-то его выкупил, выплатив долги вместе с процентами. Операция была осуществлена через банк анонимным доброхотом. Я пытался проследить, от кого шли деньги, но после четырех банков сдался. Риенса выкупил профессионал. И ему очень важна была анонимность.

Кодрингер замолчал, тяжело раскашлялся, приложив платочек ко рту.

— И вдруг сразу по окончании войны господин Риенс появился в Соддене, в Ангрене и в Бругге, — продолжил он после недолгой паузы, вытерев губы и взглянув на платочек. — Изменившийся до неузнаваемости, во всяком случае, в смысле поведения и количества наличных, которыми сорил налево и направо. Потому что ежели говорить об имени, то наглец не перетрутился — продолжал пользоваться именем «Риенс». И как Риенс предпринял интенсивные поиски некоей особы, вернее, особы. Навестил друидов из ангреноского Круга, тех, что приютили сирот войны. Тело одного друида через некоторое время нашли в ближайшем лесу, изуродованное, со следами пыток. Потом Риенс появился в Заречье...

— Знаю, — прервал Геральт. — Знаю, что он сделал с семьей кметов

из Заречья. За двести пятьдесят крон я рассчитывал на большее. Пока что новостью для меня была лишь информация о школе чародеев и каэдвенской разведке. Остальное знаю. Знаю, что Риенс — беспощадный убийца. Знаю, что он наглый прохвост и мерзавец, не пытающийся даже брать себе фальшивые имена. Знаю, что работает по чьему-то поручению. По чьему, Кодрингер?

— По поручению какого-то чародея. Этот чародей выкупил его из каталажки. Ты сам сказал, а Лютик подтвердил, что Риенс пользуется магией. Настоящей магией — не фокусами, которые мог бы знать как бывший школяр. Стало быть, кто-то его поддерживает, снабжает амулетами, скорее всего обучает втайне. Некоторые из официально практикующих магов имеют таких секретных учеников и фактотумов для вершения нелегальных либо грязных делишек. На их жаргоне нечто подобное называется «ходить на поводке».

— Ходя на чародейском поводке, Риенс воспользовался бы камуфлирующей магией. А он не меняет ни имени, ни внешности. Не стал даже осветлять кожу после ожога, которым его наградила Йеннифэр.

— Это-то и подтверждает, что он ходит на поводке! — Кодрингер закашлялся, отер губы платочком. — Потому что чародейский камуфляж — никакой не камуфляж, только дилетанты применяют нечто подобное. Если бы Риенс скрывался под магическим покровом либо иллюзорной маской, об этом просигналил бы всякий магический аларм, а такие алармы сейчас имеются практически во всех городских воротах. А чародеи улавливают иллюзорные маски безошибочно. В любом скоплении народа, в самой большой толчее Риенс обратил бы на себя внимание каждого чародея так, словно из ушей у него пышет огонь, а из задницы прут клубы дыма. Повторяю: Риенс действует по распоряжению чародея, и действует так, чтобы не привлекать к себе внимания других чародеев.

— Некоторые считают его нильфгаардским шпионом.

— Знаю. Например, Дийкстра, шеф реданской разведки. Дийкстра ошибается редко, поэтому можно принять, что и на этот раз он прав. Но одно не исключает другого. Фактотум чародея может одновременно быть и нильфгаардским шпионом.

— А это значит, что какой-то официально практикующий чародей шпионит в пользу Нильфгаарда с помощью тайного фактотума.

— Глупости. — Кодрингер закашлялся, внимательно осмотрел платок. — Чародей шпионит в пользу Нильфгаарда? Чего ради? Из-за денег? Смешно. Рассчитывая на большую власть под правлением победоносного императора Эмгыра? Еще смешнее. Не секрет, что Эмгыр

вар Эмрейс держит своих чародеев в черном теле. Чародеи в Нильфгаарде играют исключительно служебную роль, как, скажем, конюхи. И власти у них не больше, чем у тех же конюхов. Кто-нибудь из наших разнузданных магигов решился бы на борьбу в пользу императора, у которого стал бы конюхом? Филиппа Эйльхарт, которая диктует Визимиру Реданскому королевские указы и эдикты? Сабрина Глевиссиг, перебивающая речи Хенсельта Каэдвенского ударом кулака по столу и приказывающая королю заткнуться и слушать? Или, может, Вильгефорц из Роггевеена, недавно ответивший Демавенду Аэдирнскому, что ему сейчас не до короля?

— Короче, Кодрингер. Так что там с Риенсом?

— Ничего особенного. Нильфгаардская разведка пробует добраться до чародея, привлекая к сотрудничеству его фактотума. Из того, что мне известно, Риенс не побрезговал бы нильфгаардскими флоренами и не задумываясь предал бы своего мэтра.

— Теперь-то уж ты несешь чепуху. Даже наши разнузданные, как ты их назвал, магики сообразили бы, что их предали, а раскрытый Риенс повис бы на шибенице. Если б повезло.

— Ну и ребенок же ты, Геральт. Раскрытых шпионов не вешают, а используют. Фаршируют дезинформацией, пытаются переделать в двойных агентов...

— Не заставляй ребенка скучать, Кодрингер. Меня не интересуют ни закулисные делишки разведок, ни политика. Риенс наступает мне на пятки, я хочу знать, почему и по чьей указке. Получается, что по указке какого-то чародея. Кто этот чародей?

— Еще не знаю. Но вскоре буду знать.

— Вскоре, — процедил ведьмак, — для меня слишком поздно.

— Не исключаю, — серьезно проговорил Кодрингер, — что ты влип в паскудную историю, Геральт. Хорошо, что обратился ко мне, я умею вытаскивать из историй. В принципе тебя уже вытащил.

— Seriously?

— Seriously. — «Юрист» приложил платок к губам и закашлялся. — Видишь ли, коллега, кроме чародея, а возможно, и Нильфгаарда, в игре участвует и третья партия. Представь себе, меня посетили агенты тайных служб короля Фольтеста. У них возникли затруднения. Король приказал искать некую потерявшуюся княжну. Когда оказалось, что все не так просто, агенты решили обратиться к специалисту по непростым делам. Излагая проблему, они намекнули специалисту, что о разыскиваемой княжне может многое знать некий ведьмак. Больше того, он даже может знать, где она находится.

— И что на это специалист?

— Для начала выразил недоумение. Его, понимаешь ли, удивило, что упомянутого ведьмака до сих пор не упекли в темницу, чтобы там традиционными способами вытянуть все, что он знает, и немало того, чего не знает, но придумает, дабы удовлетворить любопытство вопрошающих. Агенты ответили, что шеф запретил. У ведьмаков, пояснили агенты, ужасно хилая нервная система, и под пытками они тут же умирают, поскольку, как образно они выразились, у ведьмаков жилка в мозгу лопается. Поэтому-то им было поручено за ведьмаком только следить, но и эта задача оказалась им не по плечу. Специалист похвалил агентов за рассудительность и велел забежать через две недельки.

— И забежали?

— А как же. И тогда специалист, который уже считал тебя клиентом, представил агентам неопровержимые доказательства того, что ведьмак Геральт не имел, не имеет и не может иметь ничего общего с разыскиваемой княжной. Ибо специалист отыскал очевидцев кончины княжны Цириллы, внучки королевы Калантэ, дочери принцессы Паветты. Цирилла умерла три года назад в лагере для беженцев в Ангрене. Дифтерит. Перед смертью девочка страшно страдала. Не поверишь, у темерских агентов слезы в глазах стояли, когда они слушали моих очевидцев.

— У меня тоже стоят. Насколько я понимаю, темерские агенты не могли или не хотели предложить тебе больше двухсот пятидесяти крон?

— Твой сарказм разрывает мне сердце, ведьмак. Я вытащил тебя из паскудной истории, а ты вместо благодарности заставляешь меня страдать.

— Благодарю и прошу прощения. Зачем король Фольтест велел агентам искать Цири, Кодрингер? Что им было велено сделать, когда найдут?

— Ну и недогадлив же ты. Конечно, прикончить. Ее считают претенденткой на трон Цинтры, а относительно этого трона существуют и другие планы.

— Тут что-то не клеится, Кодрингер. Трон Цинтры сгорел вместе с королевским дворцом, городом и всей страной. Сейчас там правит Нильфгаард. Фольтест это прекрасно знает, другие короли тоже. Как Цири может претендовать на трон, которого уже нет?

— Пошли. — Кодрингер встал. — Попытаемся вместе найти ответ на твой вопрос. Попутно докажу, что доверяю тебе... Что тебя так заинтересовало в этом портрете, позволь узнать?

— То, что он продырявлен так, словно дятел долбил его несколько

сезонов подряд, — сказал Геральт, глядя на картину в золоченой раме, висящую на стене напротив стола «юриста». — И то, что на нем изображен исключительный идиот.

— Мой покойный родитель. — Кодрингер слегка поморщился. — Редкостный кретин. Я повесил портрет здесь, чтобы он всегда был у меня перед глазами. В качестве предостережения. Пошли, ведьмак.

Они вышли в сени. Котяра, лежавший посредине ковра и страстно вылизывавший вытянутую под странным углом заднюю лапу, при виде ведьмака незамедлительно сбежал в темень коридора.

— Почему коты так тебя не любят, Геральт? Тут есть что-то общее с...

— Да, — отрезал Геральт. — Есть...

Панель красного дерева беззвучно раздвинулась, явив потайной ход. Кодрингер прошел первым. Панель, несомненно, приводимая в движение магически, закрылась за ними, но они не погрузились в темноту. Из глубин коридора струился свет.

В помещении в конце коридора было прохладно и сухо, в воздухе стоял тяжкий, удушливый запах пыли и свечей.

— Познакомишься с моим компаньоном, Геральт.

— С Фэнном? — усмехнулся ведьмак. — Быть не может.

— Может. Признайся, ты подозревал, что никакого Фэнна не существует?

— Ну что ты...

Между подпирающими низкий потолок шкафами и книжными стеллажами послышался скрип, а спустя минуту оттуда выехал странный экипаж. Это было высокое кресло на колесах. В кресле сидел карлик с огромной головой, покоящейся — если не считать шеи — на непропорционально узких плечах. У карлика не было обеих ног.

— Познакомьтесь, — сказал Кодрингер. — Иаков Фэнн, ученый-правовед, мой компаньон и неоценимый сотрудник. А это наш гость и клиент...

— ...ведьмак Геральт из Ривии, — с улыбкой договорил калека. — Нетрудно догадаться. Работаю над проблемой несколько месяцев. Извольте за мной, милсдари.

Они двинулись вслед за поскрипывающим креслом по лабиринту между стеллажами, прогибающимися под тяжестью фолиантов, которых не постыдилась бы университетская библиотека Оксенфурта. Инкунабулы, по оценке Геральта, накапливало несколько поколений Кодрингеров и Фэннов. Ему было приятно оказанное доверие, радовало, что наконец-то можно познакомиться с Фэнном. Однако он не сомневался, что персона ученого

правоведа, хоть и абсолютно реальная, частично была и мифической. Мифического Фэнна, неразлучное alter ego Кодрингера, частенько видывали в городке, а прикованный к креслу ученый правовед, вероятнее всего, никогда помещения не покидал.

Середина комнаты была освещена особенно хорошо, здесь стоял невысокий, доступный для кресла на колесах пюпитр, на котором громоздились книги, свитки пергамента и веленовой бумаги, отдельные листы, какие-то документы, бутылки чернил и туши, пучки перьев и многочисленные загадочные принадлежности. Впрочем, не все были загадочными. Геральт узнал формы для подделки печатей и алмазную терку для ликвидации записей на официальных документах. На середине пюпитра лежал небольшой пулевой арбалет-репетир, а рядом из-под бархатной ткани выглядывали огромные увеличительные стекла, изготовленные из шлифованного горного хрусталя. Такие стекла были редкостью и стоили целое состояние.

— Нашел что-нибудь новое, Фэнн?

— Немного. — Калека улыбнулся. Улыбка была милой и располагающей. — Укоротил перечень потенциальных работодателей Риенса до двадцати восьми чародеев...

— С этим пока погодим, — быстро прервал Кодрингер. — Сейчас нас интересует другое. Изложи Геральту причины, по которым исчезнувшей княжной Цинтры так активно заинтересовались агенты Четырех Королевств.

— В жилах девочки течет кровь королевы Калантэ, — проговорил Фэнн, как бы удивленный необходимостью объяснять очевидное. — Она — последняя из королевского рода. У Цинтры серьезное стратегическое и политическое значение. Затерявшаяся, оказавшаяся вне пределов досягаемости претендентка на трон неудобна и даже опасна, если она попадет под нежелательное влияние. Например, влияние Нильфгаарда.

— Насколько я помню, — сказал Геральт, — в Цинтре закон лишил женщин права наследовать трон.

— Верно, — подтвердил Фэнн и снова улыбнулся. — Но ведь женщина может стать чьей-то женой и матерью ребенка мужского пола. Разведслужбы Четырех Королевств узнали о предпринимаемых Риенсом лихорадочных поисках княжны и убеждены, что именно об этом речь. Поэтому решили не дать княжне возможности стать женой и матерью. Простым, но эффективным способом.

— Но княжна мертва, — быстро бросил Кодрингер, наблюдая за изменениями, которые на лице Геральта вызвали слова улыбающегося

карлика. — Агенты узнали об этом и прекратили поиски.

— Временно прекратили. — Ведьмак с великим трудом сохранял спокойствие и холодный тон. — Ложь тем отличается от истины, что непременно становится явью. Кроме того, королевские агенты — только одна из партий, участвующих в игре. Агенты, вы сами это сказали, преследовали Цири, чтобы спутать планы другим, тем, кто ее ищет. А другие могут оказаться не столь податливыми на дезинформацию. Я нанял вас, чтобы вы нашли способ обеспечить ребенку безопасность. Ваши предложения?

— Есть у нас некая концепция. — Фэнн глянул на компаньона, но не увидел на его лице приказа молчать. — Мы хотим тонко, но широко распустить слухи, что не только княжна Цири, но даже ее возможные мужские потомки не имеют никаких прав на трон Цинтры.

— В Цинтре кудель не наследует, — пояснил Кодрингер, борясь с очередным приступом кашля. — Наследует исключительно меч.^[1]

— Совершенно верно, — подтвердил ученый правовед. — Геральт только что сказал сам. Это древний закон, даже дьяволице Калантэ не удалось его отменить, а ведь как старалась.

— Она пыталась свалить закон интригой, — убежденно сказал Кодрингер. — Поясни, Фэнн.

— Калантэ была единственной дочерью короля Дагорада и королевы Адалии. После смерти родителей она выступила против аристократии, видевшей в ней не более чем жену будущего короля. А она хотела править самолично и лишь для проформы и ради поддержания династии соглашалась на институт принца-консорта, сидящего рядом, но значащего не больше, чем расфранченная кукла. Древние роды воспротивились. Калантэ могла выбрать одно из трех: гражданскую войну, отречение в пользу другой линии либо брак с Рёгнером, князем Эббинга. Она выбрала третье. Управляла страной, но... при Рёгнере. Естественно, не позволила себя укротить или отправить в бабий притвор. Она была Львицей из Цинтры. Но на троне сидел Рёгнер, хоть никто и не титуловал его Львом.

— А Калантэ, — добавил Кодрингер, — до зарезу надо было забеременеть и родить сына. Однако ничего не получилось. Она родила дочь, Паветту, потом было два выкидыша, и стало ясно, что больше детей у нее не будет. Все планы рухнули. Вот она, бабья доля. Разрушенная матка перехеривает непомерные амбиции.

Геральт поморщился:

— Ты тривиален до безобразия, Кодрингер.

— Знаю. Правда тоже была тривиальной. Потому что Рёгнер начал

втихаря приискивать себе юную принцессу с соответственно широкими бедрами, желательно из семей с проверенной плодovitостью до прабабок включительно. А у Калантэ зашаталась почва под ногами. Любой обед, любой кубок вина могли быть последними, каждая охота могла завершиться несчастным случаем. Многие говорят за то, что именно тогда Львица из Цинтры взяла инициативу в свои руки. Рёгнер отошел в мир иной. В стране свирепствовала оспа, и смерть короля никого не удивила.

— Начинаю понимать, — проговорил ведьмак внешне равнодушно, — каковы будут слухи, которые вы намерены тонко, но широко распустить. Цири — по вашей версии — окажется внучкой отравительницы и мужеубийцы?

— Не забегай вперед, Геральт. Продолжай, Фэнн.

— Калантэ, — улыбнулся карлик, — сохранила себе жизнь, но корона была от нее все дальше. Когда после смерти Рёгнера Львица возжаждала абсолютной власти, аристократия вновь категорически воспротивилась нарушению законов и традиций. На троне Цинтры должен сидеть король, а не королева. Вопрос поставили ребром: как только маленькая Паветта начнет хоть немного смахивать на женщину, ее надлежит выдать за того, кто станет новым королем. Возможность повторного брака бесплодной королевы даже не рассматривалась. Львица из Цинтры поняла, что может рассчитывать самое большее на роль королевы-матери. Кроме того, мужем Паветты мог вообще стать человек, который полностью отстранил бы тещу от правления.

— Я снова буду тривиальным, — предупредил Кодрингер. — Калантэ всячески оттягивала момент замужества Паветты. Отвергла первый проект марьяжа, когда девочке было десять лет, и второй, когда той исполнилось тринадцать. Аристократы разгадали планы и потребовали, чтобы пятнадцатый день рождения Паветты стал ее последним днем в девичестве. Калантэ пришлось согласиться. Но уже раньше она добилась того, на что втайне рассчитывала. Паветта слишком долго ходила в девицах. У нее кое-где начало чесаться так, что она связалась с первым попавшимся бродягой, к тому же заколдованным и превращенным в чудовище. Были там какие-то сверхъестественные обстоятельства, какие-то предсказания, чары, обещания. Какое-то Право Неожиданности. Так, Геральт? Что случилось дальше, ты, вероятно, помнишь. Калантэ притащила в Цинтру ведьмака, а ведьмак наделал там шороху. Не зная, что им манипулируют, снял заклятие с чудовищного Йожа, позволив тому жениться на Паветте. Тем самым ведьмак обеспечил Калантэ сохранение трона. Связь Паветты с расколдованным чудовищем оказалась для вельмож таким шоком, что они

без слов одобрили неожиданный брак Львицы с Эйстом Турсеахом. Ярл с Островов Скеллиге показался им лучше, нежели бродяга Йож. Таким образом, Калантэ продолжала править страной. Эйст, как все островитяне, относился к Калантэ со слишком большим пиететом, чтобы в чем-либо ей противоречить, а исполнение королевских обязанностей попросту утомляло его. Он полностью отдал бразды правления в ее руки. А Калантэ, пичкая себя медикаментами и эликсирами, таскала супруга в постель днем и ночью. Хотела править до последнего своего часа. А уж если и быть королевой-матерью, то матерью собственного сына. Однако, как я уже сказал, амбиции-то непомерные...

— Не повторяйся.

— На принцессе же Паветте, жене странного Йожа, уже во время свадебной церемонии было подозрительно свободное платье. Отчаявшаяся Калантэ изменила планы. Если не мой сын, подумала она, так пусть будет сын Паветты. Но Паветта родила дочь. Проклятие или как? Однако принцесса еще могла рожать. То есть могла бы. Потому что произошел загадочный несчастный случай. Она и этот странный Йож погибли при невыясненных обстоятельствах в кораблекрушении.

— Не слишком ли много ты пытаешься мне навязать, Кодрингер?

— Я пытаюсь прояснить ситуацию, ничего больше. После смерти Паветты Калантэ скисла, но ненадолго. Ее последней надеждой была внучка. Дочь Паветты, Цирилла. Цири, неистовствующее при королевском дворе воплощение дьяволенка. Для некоторых — любимица, особенно для людей в годах, потому что она напоминала им Калантэ, когда та была ребенком. Для других — ублюдок, дочь чудовищного Йожа, на которую, кроме того, предъявлял права некий ведьмак. И теперь мы подходим к сути проблемы: любимицу Калантэ, настойчиво подготавливаемую на роль наследницы престола, воспринимаемую некоторыми даже как второе воплощение королевы, Львенка, в котором кипела кровь Львицы, уже тогда некоторые считали не имеющей прав на трон. Цирилла была зачата порочно. Паветта совершила мезальянс, смешала королевскую кровь с кровью приبلуды неведомого происхождения.

— Хитро, Кодрингер. Только в действительности все не так. Отец Цири вовсе не был последним приблудой. Он был принцем.

— Да что ты говоришь? Не знал. Из какого же королевства?

— Из какого-то на юге... Из Мехта... Да, именно из Мехта.

— Любопытно, — буркнул Кодрингер. — Мехт давно уже под Нильфгаардом. Входит в состав провинции Метинна.

— Но остается королевством, — вставил Фэнн. — Там на троне сидит

король.

— Но командует Эмгыр вар Эмрейс, — обрезал Кодрингер. — Кто бы ни сидел там на троне, он сидит по милости и воле Эмгыра. Но коли уж мы заговорили об этом, проверь, кого Эмгыр сделал королем. Я не помню.

— Уже ищу. — Калека толкнул колеса кресла, со скрипом отъехал к стеллажам, стянул с них толстый рулон и принялся просматривать листы, отбрасывая просмотренные на пол. — Хммм... Ага, вот. Королевство Мехт. В гербе попеременно серебряные рыбы и короны на красно-голубом четырехдольном поле...

— Плюнь на геральдику, Фэнн. Кто там король?

— Ойот по прозвищу Справедливый. Избран путем голосования...

— ...Эмгыром из Нильфгаарда, — холодно dokonчил Кодрингер.

— ...Девять лет назад.

— Не тот, — быстро прибрoсил «юрист». — Этот нас не интересует. Кто был до него?

— Минутку. Вот. Акерспаарк. Умер...

— Умер от острого воспаления легких, пробитых кинжалом убийц, подосланных Эмгыром или шибко справедливым Ойотом. — Кодрингер снова проявил догадливость. — Геральт, упомянутый Акерспаарк вызывает у тебя какие-нибудь ассоциации? Не мог ли это быть папуля Йожа?

— Да, — подтвердил ведьмак после недолгого раздумья. — Акерспаарк. Помню. Так Дани называл своего отца.

— Дани?

— Это его имя. Он был сыном Акерспаарка, принцем...

— Нет, — прервал Фэнн, рассматривая свитки. — Здесь перечислены все: законнорожденные сыновья — Орм, Горм, Хорм и Гонзалес; законнорожденные дочери — Аля, Валя, Нина, Полина, Мальвина и Аргентина...

— Снимаю обвинения в адрес Нильфгаарда и Справедливого Ойота, — серьезно заявил Кодрингер. — Акерспаарка не убили. Он нормально затрахался вусмерть. Потому что наверняка были у него и незаконнорожденные детишки, а, Фэнн?

— Были. И немало. Но никого по имени Дани я что-то не вижу.

— Ясное дело — не видишь. Твой Йож, Геральт, никакой не принц. Даже если его и вправду породил где-то на отшибе этот профессиональный трахтмахер Акерспаарк, от права на титул принца его отделяла чертовски длинная череда законнорожденных Ормов, Гормов и прочих Гонзалесов с их собственным, наверняка многочисленным же потомством. С формальной точки зрения брак Паветты — типичный мезальянс.

— А Цири — дитя мезальянса, не имеет права на трон?

— Браво!

Фэнн проскрипел к пюпитру, вертя колеса кресла.

— Это аргумент, — сказал он, поднимая огромную голову. — Всего лишь аргумент. Не забывай, Геральт, мы боремся не за корону для княжны Цириллы и не за лишение ее оной. Из распространяемых слухов должно следовать, что девочка не годится на то, чтобы с ее помощью наложить лапу на Цинтру. И если кто-то такую попытку предпримет, ее легко можно будет поставить под сомнение. В политической борьбе девочка перестанет быть фигурой, станет малозначительной пешкой.

— И ее оставят в живых, — бесстрастно dokonчил Кодрингер.

— С формальной точки зрения, — спросил Геральт, — сколь весом этот ваш аргумент?

Фэнн взглянул на Кодрингера, потом на ведьмака.

— Не очень. Цирилла — все же кровь Калантэ, хоть и немного разжиженная. В нормальных условиях ее, возможно, и отстранили бы от трона, но условия сейчас ненормальные. Кровь Львицы имеет политическое значение...

— Кровь... — Геральт потер лоб. — Что значит «Дитя Старшей Крови», Кодрингер?

— Не понимаю. А что, кто-то, говоря о Цирилле, употребил такую формулировку?

— Да.

— Кто?

— Не важно кто. Что это значит?

— Luned aep Nen Ichaer, — неожиданно сказал Фэнн, отъезжая от пюпитра. — Дословно это не «Дитя», а «Дочь Старшей Крови». Хммм... Старшая Кровь... Встречалось мне такое определение... не помню точно... Кажется, речь идет о каком-то эльфьем предсказании. В некоторых версиях текста пророчества Итлины, тех, что постарше, есть, кажется, упоминание о Старшей Крови Эльфов, или Aep Nen Ichaer. Но у нас нет полного текста пророчества. Надо бы обратиться к эльфам...

— Оставим это, — холодно прервал Кодрингер. — Не надо излишка проблем, Фэнн, излишек предсказаний и тайн вреден. Благодарю тебя. Ну бывай, плодотворной тебе работы. Геральт, позволь. Вернемся в контору.

— Маловат, верно? — удостоверился ведьмак, как только они вернулись и уселись в кресла: «юрист» за стол, он — напротив. — Маловат гонорар, верно?

Кодрингер поднял со стола металлический предмет в форме звезды и

повертел его в пальцах.

— Маловат, Геральт. Копаться в эльфьих предсказаниях — для меня дикая нагрузка, потеря времени и средств. Необходимо найти подходы к эльфам, потому что никто, кроме них, ничего в их записях понять не в состоянии. Эльфские манускрипты — в большинстве случаев дико закрученная символика, акростихи, а то и просто шифровки. Старшая Речь всегда двусмысленна. По меньшей мере. А в письменном виде может иметь и десяток значений. Эльфы никогда не стремились помогать тем, кто хотел разобраться в их пророчествах. А в теперешние времена, когда по лесам идет кровавая война с «белками», когда дело доходит до погромов, опасно к ним даже приближаться. Вдвойне опасно. Эльфы могут принять нас за провокаторов, люди — обвинить в предательстве...

— Сколько, Кодрингер?

«Юрист» минуту помолчал, не переставая играть металлической звездой. Наконец сказал:

— Десять процентов.

— Десять процентов от чего?

— Не издевайся, ведьмак. Дело принимает серьезный оборот. Становится все менее ясно, в чем тут дело, а когда не ясно, в чем дело, значит, дело наверняка в деньгах. Тогда мне милее проценты, нежели обычный гонорар. Дашь десять процентов от того, что сам с этого поимеешь. Конечно, с зачетом уже выплаченной суммы. Составим договор?

— Нет. Не хочу ввергать тебя в расходы. Десять процентов от нуля дает ноль, Кодрингер. Я, дорогой коллега, не поимею с этого ничего.

— Повторяю: не издевайся надо мной. Не верю, что ты действуешь без выгоды. Не верю, что за этим не скрывается...

— Меня не интересует, во что ты веришь. Не будет никакого договора. И никаких процентов. Назначь размер гонорара за сбор информации.

— Любого другого, — закашлялся Кодрингер, — я выкинул бы вон, будучи уверен, что он пытается меня провести. Но тебе, анахроничный ведьмак, как-то удивительно к лицу благородное и наивное бескорыстие. Это чисто в твоём стиле, прекрасно и патетически старомодно... позволить себя убить задаром...

— Не будем терять времени. Сколько, Кодрингер?

— Еще столько же. Всего — пятьсот.

— Сожалею, — покачал головой Геральт, — но меня не станет на такую сумму. Во всяком случае, сейчас.

— Повторяю предложение, которое я тебе уже сделал в самом начале нашего знакомства, — медленно проговорил «юрист», продолжая играть

звездой. — Возьми у меня работу, и тебя станет. И на информацию, и на другие прелести.

— Нет.

— Почему?

— Тебе не понять.

— Теперь ты ранишь уже не сердце, а гордость профессионала. Ибо я льщу себя надеждой, что в принципе понимаю все. В основе наших профессий лежит сволочизм окружающих, однако ты упорно предпочитаешь анахроничное современному.

— Браво, — усмехнулся ведьмак.

Кодрингер снова зашелся кашлем, вытер губы, посмотрел на платок, потом поднял желто-зеленые глаза.

— Ты глянул в список магичек и магиков, который лежал на пюпитре? В список потенциальных работодателей Риенса?

— Глянул.

— Ты не получишь его до тех пор, пока я не установлю точно — кто. Не обольщайся тем, что подглядел. Лютик сказал мне, что Филиппа Эйльхарт, вероятнее всего, знает, кто стоит за Риенсом, но тебе эти сведения дать не пожелала. Филиппа не стала бы прикрывать какую-нибудь шушеру. Значит, за этим поганцем стоит важная фигура.

Ведьмак молчал.

— Берегись, Геральт! Ты в серьезной опасности. Кто-то ведет с тобой игру. Кто-то точно предвидит твои действия, кто-то ими управляет. Не позволь невежеству и зазнайству взять над собой верх. С тобою играют не упыриха, не оборотень и не братья Мишеле. Это даже не Риенс. Дитя Старшей Крови, черт побери! Как будто мало было трона Цинтры, чародеев, королей и Нильфгаарда, так еще вдобавок эльфы. Прерви игру, ведьмак, выходи из нее. Спутай им планы. Сделай то, чего никто не ожидает. Разорви эту сумасшедшую связь, не допусти, чтобы тебя ассоциировали с Цириллой. Оставь ее Йеннифэр, а сам возвращайся в Каэр Морхен и не высывай оттуда носа. Затаись в горах, а я покопаюсь в эльфьих манускриптах, спокойно, без спешки, детально. А после того как узнаю имя занимающегося этим чародея, ты успеешь собрать деньги, и мы произведем обмен.

— Я не могу ждать. Девочка в опасности.

— Верно. Но мне известно, что считают помехой на пути к ней. Помехой, которую надлежит любым путем убрать. Именно поэтому ты — в опасности. За девочку примутся только после того, как прикончат тебя.

— Либо когда я прерву игру, отойду в сторонку и затаюсь в Каэр

Морхене. Я слишком много тебе заплатил, Кодрингер, чтобы ты давал мне такие советы.

«Юрист» покрутил в пальцах стальную звезду.

— За сумму, которую ты мне вручил, я активно действую уже некоторое время, ведьмак, — сказал он, сдерживая кашель. — Совет, который я тебе даю, продуман. Затаись в Каэр Морхене, исчезни. И тогда те, кто ищет Цириллу, возьмут ее.

Геральт сощурился и усмехнулся. Кодрингер не побледнел.

— Я знаю, что говорю, — продолжал он, выдержав взгляд и ухмылку. — Преследователи твоей Цири найдут ее и сделают с ней, что захотят. А тем временем и она и ты будете в безопасности.

— Объяснись, прошу. По возможности быстрее.

— Я нашел одну девочку. Дворянку из Цинтры, военную сироту. Она побывала в лагерях для беженцев, сейчас измеряет аршином и кроит ткани, приютил ее суконник из Бругге. Она не отличается ничем особенным, кроме одного: здорово напоминает портрет на некоей миниатюре, изображающей Львенка из Цинтры... Хочешь взглянуть?

— Нет, Кодрингер. Не хочу. И не согласен с таким решением.

— Геральт, — прикрыл глаза «юрист», — что тобою движет? Если ты хочешь уберечь свою Цири... Сдается мне, ты сейчас не можешь себе позволить роскошь презрения. Пренебрежения. Нет, я неверно выразился. Ты не можешь позволить себе роскошь пренебрегать пренебрежением. Презирать презрение. Грядет время небрежения, коллега ведьмак, Час Презрения. Колоссального. Безграничного. Ты должен приспособиться. То, что я тебе предлагаю, — прямая альтернатива. Некто должен умереть, чтобы мог жить другой. Тот, кого ты любишь, уцелеет. Умрет другая девочка, которую ты не знаешь, которой никогда не видел.

— Которой могу пренебречь? — прервал ведьмак. — За то, что я люблю, я должен заплатить пренебрежением к самому себе? Презрением? Нет, Кодрингер. Оставь ребенка в покое, пусть продолжает измерять сукно аршином. Ее портретик уничтожь. Сожги. А за мои двести пятьдесят тяжело заработанных крон, которые ты кинул в ящик, дай мне нечто другое. Информацию. Йеннифэр и Цири покинули Элландер. Я уверен, ты об этом знаешь. Уверен, знаешь, куда они направляются. Уверен, знаешь, следует ли кто-то за ними.

Кодрингер побарабанил пальцами по столу, закашлялся.

— Волк, забыв о предупреждении, хочет продолжить охоту, — отметил он. — Не видит, что охотятся на него, что он прет прямо на флажки, развешанные настоящим охотником.

— Не будь банальным. Будь конкретным.

— Ну как хочешь. Нетрудно догадаться, что Йеннифэр едет на Большой Сбор чародеев, назначенный на начало июля в Гарштанге на острове Танедд. Стремительно бежит и не пользуется магией, так что ее трудно засечь. Еще вчера она была в Элландере. Я высчитал, что через три-четыре дня доберется до города Горс Велен, от которого до Танедда один шаг. Направляясь в Горс Велен, она должна проехать через поселок Анхор. Отправившись немедленно, ты еще сможешь перехватить тех, кто едет за ней следом. А они едут.

— Надеюсь, — Геральт неприятно ухмыльнулся, — это не королевские агенты?

— Нет, — сказал «юрист», поигрывая металлической звездой. — Это не агенты. Но и не Риенс, который умнее тебя, потому что после драки с Мишеле затаился в какой-то дыре и не высовывает оттуда носа. Следом за Йеннифэр едут трое наемных убийц.

— Догадываюсь, ты их знаешь.

— Я всех знаю. И поэтому хочу предложить: оставь их в покое. Не езди в Анхор. А я воспользуюсь имеющимися знакомствами и связями, напущу их на Риенса. Если удастся...

Он резко оборвал, сильно замахнулся. Металлическая звезда взвыла в воздухе и со звоном врезалась в лоб Кодрингера-сеньора, продырявив полотно и воткнувшись в стену почти до половины.

— Хорошо, а? — широко улыбнулся «юрист». — Эта штука называется «Орион». Заморское изобретение. Тренируюсь уже с месяц, попадаю без промаха. Может пригодиться. С тридцати шагов такая звездочка безотказна и смертоносна, а спрятать ее можно в перчатке либо за ленточкой шляпы. Уже год, как Орионы поступили на вооружение нильфгаардских спецслужб. Ха-ха, если Риенс шпионит в пользу Нильфгаарда, то забавно будет, коли его найдут с Орионом в виске! Что скажешь?

— Ничего. Это твои проблемы. Двести пятьдесят крон лежат у тебя в ящике.

— Ясно, — кивнул Кодрингер. — Твои слова означают, что мне предоставлена свобода действий. Помолчим минутку, Геральт. Почтим скорую кончину господина Риенса минутой молчания. Почему ты кривишься, черт побери? Не уважаешь величия смерти?

— Уважаю, и слишком сильно, чтобы спокойно выслушивать насмехающихся над ней идиотов. Ты когда-нибудь думал о собственной смерти?

«Юрист» тяжело раскашлялся, долго рассматривая платок, которым прикрывал рот. Потом поднял глаза.

— Конечно, — сказал он тихо. — Думал. И довольно интенсивно. Но тебе нет никакого дела до моих мыслей, ведьмак. Едешь в Анхор?

— Еду.

— Ральф Блюнден по прозвищу «Профессор», Хеймо Кантор, Коротышка Йакса. Тебе о чем-нибудь говорят эти имена?

— Нет.

— Все трое прекрасно владеют мечом. Лучше Мишеле. Так что я посоветовал бы более верное, дальнобойное оружие. Например, нильфгаардские звездочки. Хочешь, продам несколько штук? У меня их много.

— Не куплю. Непрактично. Шумят в полете.

— Свист воздействует на психику. Парализует жертву страхом.

— Возможно. Но может и предостеречь. Я успел бы уклониться.

— Если бы видел, что в тебя кидают, конечно. Знаю, ты можешь уклониться от стрелы, пущенной из лука и даже из арбалета... Но сзади...

— Сзади тоже.

— Брехня.

— Поспорим, — холодно сказал Геральт. — Я повернусь лицом к портрету твоего папы-идиота, а ты брось в меня своим Орионом. Попадешь — выиграл. Не попадешь — проиграл. Проиграешь — расшифруешь эльфьи манускрипты. Меня интересует Дитя Старшей Крови. Добудешь информацию. В кредит.

— А если выиграю?

— Добудешь ту же информацию и покажешь Йеннифэр. Она заплатит. Ты внакладе не останешься.

Кодрингер открыл ящик и вынул второй Орион.

— Рассчитываешь на то, что я не приму заклада, — отметил, а не спросил он.

— Нет, — усмехнулся ведьмак. — Уверен, что примешь.

— Рисковый ты парень. Забыл? Я не страдаю угрызениями совести.

— Не забыл. Ведь грядет Час Презрения, а ты идешь в ногу с прогрессом и духом времени. Я же принял близко к сердцу упреки относительно анахроничной наивности и на этот раз рискну не без надежды выиграть. Ну так как? Уговорились?

— Уговорились. — Кодрингер взял металлическую звезду за один из лучей и встал. — Любопытство всегда брало во мне верх над рассудком, не говоря уж о беспричинном милосердии. Отвернись.

Ведьмак отвернулся. Глянул на густо издырявленную физиономию на портрете и торчащий в ней Орион. Потом прикрыл глаза.

Звезда взвыла и ударила в стену в четырех вершках от рамки.

— Черт побери! — вздохнул Кодрингер. — Даже не дрогнул. Ну и сукин сын!

— А чего ради было вздрагивать? Я слышал, что ты бросаешь так, чтобы промазать.

На постоялом дворе было пусто. В углу на лавке сидела молодая женщина с синяками вокруг глаз. Стыдливо отвернувшись, она грудью кормила ребенка. Широкоплечий парень, возможно, муж, дремал рядом, опершись спиной о стену. В тени за печью сидел еще кто-то, кого Аплегатт не мог различить в полумраке комнаты.

Хозяин поднял голову, увидел Аплегатта, заметил его одежду и бляху с гербом Аэдирна на груди и моментально погрузился. Аплегатт привык к таким встречам. Он был королевским гонцом, а королевские декреты говорили ясно — гонец имеет право в каждом городе, в каждом селе, на каждом постоялом дворе и гостинице потребовать свежего коня, и беда тому, кто откажет. Ясное дело, гонец своего коня оставлял, а нового брал, оставив расписку — владелец мог обратиться к солтысу и получить компенсацию. Но с этим бывало разное. Поэтому на гонца всегда смотрели с неприязнью и опаской — потребует или не потребует? Заберет на погибель нашего Злотка? Нашу с рождения выкормленную Краську? Нашего вынянченного Воронка? Аплегатту уже доводилось видеть ревущих детишек, вцепившихся в оседланного, выводимого из конюшни любимца и друга, не раз смотрел он в лица взрослых, побледневшие от несправедливости и чувства собственного бессилия.

— Свежего коня не надо, — сказал он быстро. Ему показалось, что хозяин облегченно вздохнул. — Я только перекушу, проголодался в дороге. Есть что в горшке?

— Малость похлебки осталось, сейчас подам, садитесь. Заночуете? Уже смеркается.

Аплегатт задумался. Два дня назад он повстречался с Гансом, знакомым гонцом, и, выполняя приказ, они обменялись посланиями. Гансом взял письма и послание к королю Демавенду и отправился через Темерию и Махакам в Венгерберг. Аплегатт же, взяв почту для короля

Визимира Реданского, поехал в сторону Оксенфурта и Третогора. Впереди было около трехсот верст.

— Поем и поеду, — решил он. — Полнолуние, а дорога ровная.

— Воля ваша.

Суп был жидковат и безвкусен, но гонец не придавал значения подобным пустякам. Смаковал он дома, женину кухню, а в пути ел, что на зуб попадало. Сейчас он медленно хлебал, неловко держа ложку огрубевшими от поводьев пальцами.

Дремавший на лежанке кот неожиданно поднял голову, зашипел.

— Королевский гонец?

Аплегатт вздрогнул. Вопрос задал человек, сидевший в тени. Теперь он вышел, подошел к гонцу. У него были белые как молоко волосы, стянутые на лбу кожаной повязкой. Черная куртка покрыта серебряными кнопками, высокие сапоги. Над правым плечом поблескивала сферическая головка перекинутого за спину меча.

— Куда путь держишь?

— Куда королевская воля пошлет, — холодно ответил Аплегатт. На подобные вопросы он никогда не отвечал иначе.

Беловолосый какое-то время молчал, внимательно глядя на гонца. У него было неестественно бледное лицо и странные темные глаза.

— Королевская воля, — сказал он наконец неприятным, слегка хрипловатым голосом, — вероятно, велит тебе поспешить? Надо думать, тебе срочно в дорогу?

— А вам что до того? Кто вы такой, чтобы меня подгонять?

— Я — никто. — Белоголовый неприятно усмехнулся. — И не подгоняю тебя. Но на твоём месте я бы уехал поскорее. Не хочу, чтобы с тобой приключилось что-нибудь скверное.

На такие замечания Аплегатт тоже имел отработанный ответ. Короткий и четкий. Незадиристый и спокойный — но однозначно напоминающий, кому служит королевский гонец и что грозит тому, кто отважится тронуть гонца. Однако в голосе беловолосого было что-то такое, что удержало Аплегатта от привычного ответа.

— Надо дать лошади передохнуть, господин. Час, может, два.

— Понимаю, — кивнул белоголовый и поднял голову, как бы прислушиваясь к доходящим снаружи голосам. Аплегатт тоже прислушался, но услышал только сверчка.

— Ну что ж, отдыхай. — Белоголовый поправил ремень, наискось пересекающий грудь. — Только во двор не выходи. Что бы ни случилось, не выходи.

Аплегатт воздержался от вопросов. Он инстинктивно почувствовал, что так будет лучше. Наклонился к тарелке и возобновил поиски немногочисленных плавающих в супе шкварок. Когда поднял голову, белоголового в комнате уже не было.

Спустя две минуты заржала лошадь, стукнули копыта.

В комнату вошли трое мужчин. Увидев их, корчмарь принялся быстрее протирать кубки. Женщина с младенцем пододвинулась ближе к дремлющему мужу, разбудила его тычком локтя. Аплегатт подтянул к себе табурет, на котором лежали его пояс и корд.

Мужчины подошли к стойке, быстрыми оценивающими взглядами окинули гостей. Шли они медленно, позвякивая шпорами и оружием.

— Приветствую, милостивые государи, — откашлялся корчмарь. — Чего желаете?

— Водки, — сказал один, высокий и кряжистый, с длинными, как у обезьяны, руками, вооруженный двумя зеррикскими саблями, ремни которых крест-накрест пересекали грудь. — Хлебнешь, Профессор?

— Вполне позитивно, — согласился второй, поправляя сидящие на крючковатом носу очки из шлифованного голубоватого горного хрусталя в золотой оправе. — Если отправка не подпорчена какими-нить инградиенциями.

Корчмарь налил. Аплегатт заметил, что руки у него слегка дрожат. Мужчины прислонились спинами к стойке и не спеша потягивали из глиняных чарок.

— Великомилостивый сударь хозяин, — вдруг проговорил очкастый. — Полагаю не без резону, здесь недавно тому проезжали две дамы, интенсивно следующие в направлении Горс Велена.

— Тут много кто проезжает, — проворчал хозяин.

— Инкриминированных дам, — медленно продолжил очкастый, — ты не мог бы не квалифицировать. Одна из них черноволоса и сверхординарно красива. Ехала на вороном жеребце. Вторая, помоложе, светловолосая и зеленоглазая, вояжирует на серой в яблоках кобыле. Были здесь таковые вышепоименованные?

— Нет, — опередил корчмаря Аплегатт, неожиданно почувствовавший холод спиной. — Не были.

Опасность с серыми перьями. Горячий песок...

— Гонец?

Аплегатт кивнул.

— Откуда и куда?

— Откуда и куда королевская воля пошлет.

— Дам, которыми я интересовался, акцидентально не было ль?

— Нет.

— Что-то больно прытко ты отрицаешь, — буркнул третий, высокий и худой как жердь. Волосы у него были черные и блестящие, словно намазаны жиром. — А мне не показалось, чтобы ты очень-то уж напрягал память.

— Перестань, Хеймо, — махнул рукой очкарик. — Это гонец. Не причиняй служивому сложностей. Как поименовывается сей пункт, хозяин?

— Анхор.

— До Горс Велена велика ли дистанция?

— Чего?

— Верст, говорю, сколько?

— Я верст не мерял. Но дня три езды будет...

— Верхом?

— На телеге.

— Эй! — вдруг вполголоса проговорил кряжистый, выпрямляясь и выглядывая во двор сквозь настежь распахнутые двери. — Глянь-ка, Профессор. Это кто такой? Уж не...

Очкарик тоже глянул во двор, и лицо у него неожиданно сморщилось.

— Да, — прошипел он. — Позитивно он. Однако посчастливилось нам.

— Погодим, пока войдет.

— Он не войдет. Он видел наших лошадей.

— Знает, кто мы...

— Заткнись, Йакса. Он что-то говорит.

— Предлагаю на выбор, — донесся со двора хрипловатый, но громкий голос, который Аплегатт узнал сразу же. — Один из вас выйдет и скажет мне, кто вас нанял. Тогда уедете отсюда без помех. Либо выйдете все трое. Я жду.

— Сукин сын, — буркнул черноволосый. — Знает. Что делать будем?

Очкарик медленно отставил чарку.

— То, за что нам заплатили.

Он поплевал на ладонь, пошевелил пальцами и вытащил меч. Увидев это, двое других тоже обнажили клинки. Хозяин раскрыл рот, чтобы крикнуть, но тут же захлопнул его под холодным взглядом из-под голубых очков.

— Всем сидеть, — прошипел очкарик. — И ни звука. Хеймо, как только он начнет, постарайся зайти ему сзади. Ну, парни, с Богом. Выходим.

Началось сразу же, как только они вышли. Удары, топот, звон оружия. Потом крик, от которого волосы встают дыбом.

Хозяин побледнел, женщина с синими обводами вокруг глаз глухо крикнула, обеими руками прижала младенца к груди. Кот на лежанке вскочил, выгнул спину, встопорщил щеткой хвост. Аплегатт быстро втиснулся со стулом в угол. Корд он держал на коленях, но из ножен не вынимал.

Со двора снова донесся топот ног, свист и звон клинков.

— Ах ты... — дико крикнул кто-то, и в этом крике, хоть и закончившемся грубым ругательством, было больше отчаяния, чем ярости. — Ты...

Свист клинка. И тут же высокий, пронзительный визг, который, казалось, разрывает воздух на клочки. Грохот, словно на доски рухнул тяжелый мешок с зерном. Со стороны коновязи стук копыт, ржание напуганных лошадей.

На досках снова удары, тяжелые, быстрые шаги бегущего человека. Женщина с ребенком прижалась к мужу, хозяин уперся спиной в стену. Аплегатт достал корд, все еще пряча оружие под столешницей. Бегущий человек направлялся прямо в комнату. Но прежде чем он оказался в дверях, просвистел клинок.

Человек вскрикнул и тут же ввалился в комнату. Казалось, он упадет на пороге, но нет, не упал. Медленно сделал несколько неуверенных шагов и только потом тяжело рухнул на середину комнаты, подняв пыль, накопившуюся в щелях пола. Обмякнув, он повалился лицом вниз, прижал руки и согнул ноги в коленях. Хрустальные очки со звоном упали на доски, превратившись в голубую кашу. Под неподвижным телом начала растекаться темная, поблескивающая лужа.

Никто не шелохнулся. Не издал ни звука.

В комнату вошел белоголовый.

Меч, который он до того держал в руке, он ловко сунул в ножны за спиной. Подошел к стойке, даже взглядом не удостоив лежащий на полу труп. Хозяин съежился.

— Паршивые люди... — хрипло сказал белоголовый. — Паршивые люди умерли. Когда придет судебный пристав, может оказаться, что за их головы назначена награда. Пусть поступит с ней, как сочтет нужным.

Хозяин усердно закивал.

— Может также случиться, — минуту спустя продолжил белоголовый, — что о судьбе этих паршивцев тебя станут расспрашивать их дружки либо товарищи. Этим скажешь, что их покусал Волк. И добавь,

чтобы почаще оглядывались. Однажды, оглянувшись, они увидят Волка.

Когда три дня спустя Аплегатт добрался до ворот Третогора, было уже далеко за полночь. Он обозлился, потому что проторчал перед рвом и надорвал себе горло — стражники спали мертвецким сном и долго не открывали ворот. Чтобы полегчало, он принялся проклинать их аж до третьего колена. Потом с удовольствием слушал, как разбуженный начальник вахты пополняет его упреки новыми красочными деталями и пожеланиями в адрес кнехтовых матерей, бабок и прабабок. Разумеется, о том, чтобы ночью попасть к королю Визимиру, нечего было и мечтать. Впрочем, это оказалось Аплегатту только на руку — он рассчитывал проспать до зари, до утреннего колокола, но ошибся. Вместо того чтобы указать гонцу место для отдыха, его без проволочек проводили в кордегардию. В комнате ожидал не ипат, а другой человек, толстый и заносчивый — Дийкстра, доверенное лицо короля Редании. Дийкстра — гонец знал об этом — был уполномочен выслушивать сведения, предназначенные исключительно королю. Аплегатт вручил ему письма.

— Устное послание есть?

— Есть, милостивый государь.

— Выкладывай.

— «Демавенд — Визимиру, — выложил Аплегатт, прищуриваясь. — Первое: ряженные будут готовы во вторую ночь после июльского новолуния. Присмотри, чтобы Фольтест не подвел. Второе: Сбор Мудрил на Танедде я личным присутствием не почту и тебе не советую. Третье: Львенок мертв».

Дийкстра слегка поморщился, побарабанил пальцами по стеклу.

— Вот письма королю Демавенду. А устное послание... Слушай хорошо, запомни точно. Передашь своему королю слово в слово. Только ему. Никому больше. Никому, понял?

— Понял, милостивый государь.

— Сообщение такое: «Визимир — Демавенду. Ряженных остановить обязательно. Кто-то предал. Пламя собрал армию в Доле Ангре и ждет предложения». Повтори.

Аплегатт повторил.

— Хорошо, — кивнул Дийкстра. — Отправишься, как только взойдет солнце.

— Я пять дней в седле, милостивый государь. — Гонец потер

ягодицы. — Поспать хотя бы до полудня... Позволите?

— А твой король Демавенд сейчас спит по ночам? А я сплю? За один только этот вопрос, парень, тебе следовало бы дать по морде. Перекусишь, потом немного передохнешь на сене. А на заре отправишься. Я велел дать тебе породистого жеребца, увидишь, скачет как вихрь. И не криви рожу. Возьми еще мешочек с экстрапремией, чтобы не болтал, мол, Визимир скупердьяй.

— Премного благодарен.

— В лесах под Понтаром будь внимателен. Там видели «белок». Да и обычных разбойников в тех краях хватает.

— Ну это-то я знаю, милостивый государь. Знаете, что я видел три дня тому...

— И что ж ты видел?

Аплегатт быстро пересказал события в Анхоре. Дийкстра слушал, скрестив на груди огромные ручищи.

— Профессор... — задумчиво сказал он. — Хеймо Кантор и Коротышка Йакса. Убиты ведьмаком. В Анхоре, на тракте, ведущем в Горс Велен, то есть в Танедд, к Гарштангу... А Львенок мертв?

— Что вы сказали, господин?

— Ничего. — Дийкстра поднял голову. — Во всяком случае, не тебе. Отдыхай. А на заре — в путь.

Аплегатт съел, что подали, полежал немного, от усталости даже не смежив глаз, и перед рассветом уже был за воротами. Жеребчик действительно оказался хорош, но норовист. Аплегатт не любил таких коней.

Спина между левой лопаткой и позвоночником дико чесалась, не иначе блоха укусила, пока дремал в конюшне. А почесать не было никакой возможности.

Жеребчик заплясал, заржал. Гонец дал ему шпорой и послал в галоп.

Время торопило.

— Gar'ean, — прошипел Каирбр, выглядывая из ветвей дерева, с которого наблюдал за большаком. — En Dh'oine evall a straede!

Торувель поднялась с земли, схватила пояс с мечом, препоясалась и носком ботинка ткнула в бедро Яевинна, который дремал рядом, в яме из-под вывороченного дерева. Эльф вскочил, зашипел, обжегшись о горячий

песок, на который оперся рукой.

— Que suecc's.

— Конник на дороге.

— Один? — Яевинн поднял лук и колчан. — Эй, Каирбр, всего один?

— Один. Подъезжает.

— Прикончим. Одним Dh'oine меньше.

— Успокойся, — схватила его за рукав Торувьель. — Зачем? Наше дело разведать — и к бригаде. Зачем убивать штатских на дорогах? Разве так борются за свободу?

— Именно так. Отодвинься.

— Если на дороге останется труп, первый же патруль поднимет шум. Армия начнет охоту. Прикроют броды, нам будет сложнее перейти на другой берег!

— Здесь мало кто ездит. Пока труп обнаружат, мы будем далеко.

— Верховой тоже уже далеко, — бросил с дерева Каирбр. — Надо было не трепаться, а стрелять. Теперь не достанешь. Тут добрых двести шагов.

— Из моей-то шестидесятифунтовки? — Яевинн погладил лук. — Тридцатидюймовой флейтой? К тому же тут не двести шагов. Самое большее — сто пятьдесят. Mire, que spar aen'kee.

— Перестань, Яевинн...

— Thaess aep, Toruviel.

Эльф повернул шапку так, чтобы ему не мешал прикрепленный к ней беличий хвост, быстро и сильно, до уха, натянул тетиву, прицелился и выстрелил.

Аплегатт ничего не услышал. Это была стрела с желобком вдоль стержня для увеличения жесткости и уменьшения веса, специально снабженная длинными узкими серыми перьями. Тройной, острый как бритва наконечник врезался гонцу в спину между лопаткой и позвоночником. Острия были расположены под углом — вонзаясь в тело, наконечник повернулся словно винт, рассекая мышцы, разрывая кровеносные сосуды, круша кости. Аплегатт повалился грудью на шею коня и сполз на землю, словно мешок шерсти.

Песок на дороге был горяч, раскален солнцем так, что от него шел пар. Но гонец этого уже не почувствовал. Он умер мгновенно.

Глава 2

Сказать, что я ее знал, было бы преувеличением. Думаю, кроме ведьмака и чародейки, никто ее не знал по-настоящему. Когда я увидел ее впервые, она не произвела на меня особого впечатления, даже несмотря на довольно необычные сопутствующие обстоятельства. Я знал людей, утверждавших, будто сразу, с первой же встречи они ощущали дыхание смерти, исходящее от этой девочки. Мне она показалась совершенно обыкновенной, хотя я и знал, что обыкновенной-то она как раз и не была — поэтому я настойчиво пытался усмотреть, обнаружить, почувствовать в ней необычность. Но ничего не заметил и ничего не почувствовал. Ничего, что могло стать сигналом, предчувствием либо предвестником позднейших трагических событий. Причиной которых была она. И тех, которые вызвала сама.

Люттик. «Полвека поэзии»

У самого развилка, там, где кончался лес, были вкопаны в землю девять столбов. К вершине каждого прибито колесо от телеги. Над колесами кружило воронье, расклеывая и терзая трупы, привязанные к обручам и спицам. Столбы были слишком высокими, да и птицы все время заслоняли разлагающиеся на колесах останки, так что догадаться, кем были казненные, Йеннифэр и Цири не могли.

Ветер принес тошнотворный запах тления. Цири отвернулась и с отвращением поморщилась.

— Изумительная декорация. — Йеннифэр наклонилась в седле и сплюнула, забыв, что совсем недавно отругала Цири за подобный плевков. — Живописная и ароматная. Но почему здесь, на опушке леса? Обычно такие штуки устанавливают сразу за городскими стенами. Верно, добрые люди?

— Это «белки», благороднейшая госпожа, — поспешил пояснить, сдерживая запряженную в двуколку пегую лошаденку, один из бродячих торговцев, которых они догнали на развилке. — Эльфы на столбах-то.

Потому и столбы в лесу стоят. Другим «белкам» на упреждение.

— Выходит, — взглянула на него чародейка, — взятых живьем скоя'таэлей привозят сюда...

— Эльфа, милсдарыня, — прервал торговец, — редко удастся взять живьем. А ежели даже кого воины схватят, то в город везут, где оседлые нелюди обретаются. Когда они казнь на рынке посмотрят, у них сразу отпадает охота с «белками» якшаться. А когда в бою таких эльфов убивают, то трупы свозят на развилки и вешают на столбах. Порой издалека возят, совсем уж померших...

— Подумать только, — буркнула Йеннифэр, — а нам запрещают заниматься некромантией из уважения к величию смерти и бренности останков, коим полагаются покой, почести и церемониальные погребения...

— Что вы сказали, госпожа?

— Ничего. Поехали побыстрее, Цири, как можно дальше от этого места. Тьфу, у меня такое ощущение, будто я вся пропиталась вонью.

— Я тоже, ой-ёй-ёй, — сказала Цири, рысью объезжая двуколку торговца. — Поедем галопом, хорошо?

— Хорошо... Но не сумасшедшим же!

Вскоре показался город, огромный, окруженный стенами, утыканный башнями с островерхими блестящими крышами. А за городом в лучах утреннего солнца искрилось море, сине-зеленое, усеянное белыми пятнышками парусов. Цири осадила коня на краю песчаного обрыва, приподнялась в стременах, жадно втянула носом ароматный морской воздух.

— Горс Велен, — сказала Йеннифэр, подъезжая и останавливаясь рядом. — Вот и добрались. Возвращаемся на большак.

На большаке снова пошли легким галопом, оставив позади несколько воловьих упряжек и пешеходов, нагруженных вязанками хвороста и дров. Когда опередили всех и остались одни, чародейка остановилась и жестом сдержала Цири.

— Подъезжай поближе, — сказала она. — Еще ближе. Возьми поводья и веди моего коня. Мне нужны обе руки.

— Зачем?

— Возьми поводья.

Йеннифэр вынула из вьюка серебряное зеркальце, протерла, тихо проговорила заклинание. Зеркальце выскользнуло у нее из руки, поднялось и повисло над конской шеей, точно напротив лица чародейки. Цири удивленно вздохнула, облизнула губы.

Чародейка извлекла из вьюка гребень, сняла берет и несколько минут энергично расчесывала волосы. Цири молчала. Она знала, что во время этой процедуры Йеннифэр нельзя мешать или расспрашивать. Живописный и на первый взгляд неряшливый беспорядок ее крутых буйных локонов возникал в результате долгих стараний и немалых усилий.

Чародейка снова полезла во вьюк. Вдела в уши бриллиантовые серьги, а на запястьях защелкнула браслеты. Сняла шаль, расстегнула блузку, обнажая шею. Стала видна черная бархотка, украшенная обсидиановой звездой.

— Да! — не выдержала наконец Цири. — Я знаю, зачем ты это делаешь! Хочешь хорошо выглядеть, потому что едем в город! Угадала?

— Угадала.

— А я?

— Что — ты?

— Тоже хочу хорошо выглядеть! Я причешусь...

— Надень берет, — резко бросила Йеннифэр, по-прежнему вглядываясь в висящее над ушами лошади зеркальце. — На то самое место, где он был. И убери под него волосы.

Цири недовольно фыркнула, но послушалась тотчас. Она уже давно научилась различать оттенки голоса чародейки. Знала, когда можно поспорить, а когда нет.

Йеннифэр, уложив наконец локоны на лбу, достала из вьюка маленькую баночку зеленого стекла.

— Цири, — сказала она уже мягче. — Мы путешествуем тайно. А поездка еще не кончилась. Поэтому ты должна прятать волосы под беретом. Во всех городских воротах есть люди, которым платят за точные и незаметные наблюдения за путешествующими. Понимаешь?

— Нет, — нахально ответила Цири, натягивая поводья вороного жеребца чародейки. — Ты стала такой красивой, что у всех, кто выглянет из ворот, глаза на лоб повылазят! Тоже мне — скрытность!

— Город, к воротам которого мы направляемся, — усмехнулась Йеннифэр, — называется Горс Велен. Мне в Горс Велене таиться не надо, совсем, я бы сказала, наоборот. С тобой дело другое. Тебя никто не должен запомнить.

— Кто будет глядеть на тебя, запомнит и меня!

Чародейка раскрыла баночку, из которой повеяло сиренью и крыжовником. Взяв на указательный палец немного содержимого, втерла себе под глаза чуточку мази, потом сказала, все еще загадочно улыбаясь:

— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь вообще обратил на тебя внимание.

Перед подъемным мостом стояла длинная колонна наездников и телег, у ворот толпились пешие, ожидающие своей очереди на досмотр. Цири ахнула, раздраженная перспективой долгого ожидания. Однако Йеннифэр выпрямилась в седле и направилась рысью, глядя поверх голов страждущих, а те быстро расступились, давая ей место и почтительно кланяясь. Стражники в длинных кольчугах сразу же заметили чародейку и освободили ей проход, не жалея древков копий, которыми подгоняли упрямых или слишком медлительных.

— Сюда, сюда, милостивая государыня! — крикнул один из стражников, таращась на Йеннифэр и бледнея. — Въезжайте здесь, прошу вас! А ну расступись! Расступись, хамы!

Спешно вызванный начальник вахты выглянул из кордегардии, хмурый и злой, но, увидев Йеннифэр, покраснел, широко раскрыл глаза и рот и согнулся в низком поклоне.

— Покорно приветствую в Горс Велене, милостивая государыня, — пробормотал он, выпрямляясь и еще больше выпучивая глаза. — Я в твоём распоряжении... Могу ли чем-то услужить? Эскорт? Провожатый? Может, вызвать кого?

— Не требуется. — Йеннифэр выпрямилась в седле, глянула на него сверху. — Я пробуду в городе недолго. Еду на Танедд.

— Конечно, конечно... — Вояка переступил с ноги на ногу, не отрывая глаз от лица чародейки. Остальные стражники следовали примеру начальника. Цири гордо задрала голову, но тут же увидела, что на нее вообще никто не смотрит. Так, словно ее и вовсе не существует.

— Конечно, — повторил командир стражи. — На Танедд, да... На Сбор, конечно. А как же. В таком случае желаю...

— Благодарю. — Чародейка тронула коня, определенно не интересуясь, чего хотел пожелать ей командир. Цири потрусила следом. Стражники кланялись проезжающей Йеннифэр, не устаивая девочку хотя бы взглядом.

— Даже имени твоего не спросили, — буркнула она, догоняя

Йеннифэр и ловко объезжая пробитые в грязи колеи. — И куда едем — тоже! Ты их заколдовала?

— Не их. Себя. — Чародейка повернулась, и Цири громко ахнула. Глаза Йеннифэр горели фиолетовым огнем, а лицо пылало красотой. Слепящей. Вызывающей. Грозной. И неестественной.

— Зеленая баночка! — сразу догадалась Цири. — Что там было?

— Гламария. Эликсир, точнее, мазь для особых случаев. Послушай, тебе обязательно надо лезть в каждую лужу на дороге?

— Хочу ополоснуть лошади бабки!

— Дождя не было целый месяц. Это не вода, а помои и конская моча.

— А-а... Скажи, зачем тебе понадобился эликсир? Так уж важно было...

— Это Горс Велен, — прервала Йеннифэр. — Город, который своим благополучием в значительной степени обязан чародеям. Ты сама видела, как тут относятся к чародейкам. А мне не хотелось ни представляться, ни доказывать, кто я такая. Предпочитаю, чтобы это было ясно с первого взгляда. Вон за тем красным домом свернем влево. Шагом, Цири, сдерживай лошадь, еще собьешь какого-нибудь ребенка.

— А зачем мы сюда приехали?

— Я тебе уже говорила.

Цири фыркнула, поджала губы, сильно ткнула лошадь пяткой. Кобыла заплясала, чуть не наскочив на проезжающую мимо телегу. Возница привстал на козлах и собирался покрыть ее цветистой фурманской вязью, но, увидев Йеннифэр, быстро сел и принялся внимательно изучать состояние собственных башмаков.

— Еще один такой фортель, — процедила Йеннифэр, — и мы повздорим. Ты ведешь себя, как юная коза. Мне стыдно за тебя.

— Ты намерена отдать меня в какую-то школу, да? Я не хочу!

— Тише. Люди смотрят.

— На тебя смотрят, не на меня! Не хочу я ни в какую школу! Ты обещала, что всегда будешь со мной, а теперь собираешься бросить! Одну. Я не хочу быть одна!

— И не будешь. В школе много девочек твоего возраста. Заведешь подружек.

— Не нужны мне подружки. Я хочу быть с тобой и с... Я думала, что...

Йеннифэр быстро обернулась.

— Что ты думала?

— Что мы едем к Геральту, — вызывающе подняла голову Цири. — Я

прекрасно знаю, о чем ты думала всю дорогу. И почему вздыхала ночью.

— Довольно, — прошипела чародейка, а блеск ее горящих глаз заставил Цири вжаться лицом в гриву лошади. — Слишком уж ты разговорила. Напоминаю: время, когда ты могла возражать, ушло. И случилось это по твоей собственной воле. Теперь ты должна слушаться. И делать то, что я прикажу. Поняла?

Цири кивнула.

— Да, что прикажу. И это будет для тебя лучше всего. Всегда. Поэтому ты будешь слушаться меня и выполнять все мои распоряжения, ясно? Останови лошадь. Мы на месте.

— Это школа? — буркнула Цири, окидывая взглядом внушительный фасад дома. — Это уже...

— Ни слова больше. Слезай. И води себя как положено. Это не школа, школа находится в Аретузе, а не в Горс Велене. Это банк.

— Зачем нам банк?

— Подумай. Слезай, я сказала. Да не в лужу! Оставь лошадь, для этого есть слуги, сними перчатки. В банк в перчатках для езды не входят. Взгляни на меня. Поправь берет. Выровняй воротничок. Выпрямись. Не знаешь, что делать с руками? Так не делай ничего!

Цири вздохнула.

Высыпавшие из здания служащие были краснолюдами. Цири внимательно приглядывалась к ним. Такие же невысокие и бородатые крепыши, они тем не менее ничем не походили на ее друга Ярпена Зигрина и его ребят. Служащие были какие-то безликие, одинаково одетые, никакие. И рабелепные, чего об Ярпене и его ребятах сказать было никак нельзя.

Йеннифэр и Цири вошли. Магический эликсир чародейки продолжал действовать, поэтому появление Йеннифэр тут же вызвало великое возбуждение, беготню, поклоны, дальнейшие рабелепные и покорные пожелания и заверения в готовности услужить, конец чему положило лишь появление невероятно толстого, богато одетого белобородого краснолюда.

— Уважаемая Йеннифэр! — загудел краснолюд, позвякивая золотой цепью, свисавшей с могучей шеи значительно ниже белой бороды. — Какая неожиданность! И какая честь! Прошу, прошу в контору! А вы там, не стоять, не глазеть! За работу! К счетам! Абакам! Вильфли, немедленно в контору бутылку Кастель де Нефа, года... Ну сам знаешь какого. Живо, одна нога тут, другая там! Изволь, изволь. Йеннифэр, истинное удовольствие видеть тебя. Ты смотришься... Ах, черт возьми, аж дух захватывает!

— Ты тоже, — улыбнулась чародейка, — недурственно держишься,

Джианкарди.

— Надеюсь. Прошу, прошу ко мне в контору. Ах, нет, нет, как можно, вы первыми. Ты же знаешь дорогу, Йеннифэр.

В конторе было темновато и приятно прохладно, в воздухе стоял аромат, который Цири помнила по башне писаря Ярре, — запах чернил, пергамента и пыли, покрывавшей дубовую мебель, гобелены и старые книги.

— Прошу вас, присаживайтесь. — Банкир отодвинул от стола тяжелое кресло для Йеннифэр, окинул Цири внимательным взглядом. — Хмм...

— Дай ей какую-нибудь книгу, Мольнар, — небрежно бросила чародейка, заметив его взгляд. — Она обожает книги. Сядет в конце стола и не будет нам мешать. Верно, Цири?

Цири не сочла нужным подтверждать.

— Книгу, хм, — обеспокоился красноряд, подходя к шкафу. — Что у нас тут есть? Вот книга прихода и расхода... Нет, не то. Пошлины и торговые оплаты... Тоже нет. Кредит и рембурс? Нет! О, а это как сюда попало? Черт его знает... Но, пожалуй, это будет в самый раз. Пожалуйста, девочка.

Книга называлась «Physiologus» и была очень старой и очень потрепанной. Цири осторожно перевернула обложку и несколько страниц. Фолиант заинтересовал ее сразу же, потому что повествовал о таинственных чудовищах и бестиях и был полон гравюр. Несколько следующих минут она старалась делить интерес между книгой и беседой чародейки с банкиром.

— Есть какие-нибудь письма, Мольнар?

— Нет. — Банкир налил вина Йеннифэр и себе. — Ни одного нового. Последнее поступило месяц назад. Я переслал тебе условленным образом.

— Я получила. Благодарю. А случайно... кто-нибудь этими письмами не интересовался?

— Здесь — нет, — улыбнулся Мольнар Джианкарди. — Но ты точно выбрала мишень, дорогая моя. Банк Вивальди доверительно информировал меня, что письма пытались выследить. Кроме того, их филиал в Венгерберге выявил попытку проследить операции на твоём личном счету. Один из работников оказался нелояльным...

Банкир осекся, глянул на чародейку из-под кустистых бровей. Цири прислушалась. Йеннифэр молчала, поигрывая обсидиановой звездой.

— Вивальди, — понизил голос Джианкарди, — не мог либо не хотел вести следствие. Нелояльный и скорый на подкуп служащий по пьянке свалился в канаву и захлебнулся. Несчастный случай. Жаль. Слишком

быстро, слишком неосмотрительно...

— Потеря невелика, а сожаление кратко, — надула губы чародейка. — Я знаю, кого интересуют мои письма и счета, следствие у Вивальди не дало бы ничего нового.

— Коли ты так считаешь... — Джианкарди почесал бороду. — Едешь на Танедд? На Большой Сбор чародеев?

— Именно.

— Решать судьбы мира?

— Зачем преувеличивать?

— Всекие слухи ходят, — сухо проговорил банкир. — И всякое творится.

— Например, если не секрет?

— С прошлого года, — сказал Джианкарди, поглаживая бороду, — наблюдаются удивительные сдвиги в налоговой политике... Знаю, тебя это не интересует...

— Говори.

— Двойной размер подушного налога и налога на зимний постой, а также налога, который берут непосредственно армейские власти. Все купцы и предприниматели должны дополнительно платить в королевскую казну «десятый грош», совершенно новый налог, один грош от каждого нобеля оборота. Краснолюды, гномы, эльфы и низушки, кроме того, платят повышенную подушную и подымную пошлины, а ежели ведут торговую либо производственную деятельность, то сверх того еще облагаются обязательной нелюдской «дарственной» податью, составляющей десять со ста. Таким образом, я отчисляю в казну больше шестидесяти процентов дохода. Мой банк, включая филиалы, дает Четырем Королевствам шестьсот гривен в год. К твоему сведению, это почти в три раза больше, чем богатый герцог или граф платит кварталы в королевскую казну.

— А люди дарственной на армию не облагаются?

— Нет. Платят только подушные и постойные.

— Получается, — покачала головой чародейка, — что краснолюды и другие нелюди финансируют проводящуюся в лесах кампанию против скоя'таэлей. Я ожидала чего-нибудь подобного. Но, прости, что общего у налогов со Сбором на Танедде?

— После ваших сборов всегда что-то происходит, — буркнул банкир. — Впрочем, надеюсь, на этот раз ничего страшного не случится, а наоборот — вдруг да прекратятся эти странные скачки цен. Был бы очень рад.

— Поясни.

Джианкарди раскинулся в кресле и сплел руки на прикрытом бородой животе.

— Я занимаюсь своим ремеслом немало лет. Достаточно долго, чтобы научиться увязывать некоторые движения цен с определенными фактами. Последнее время сильно подскочили цены на драгоценные камни. На них повысился спрос.

— Обменивают наличные на драгоценности, чтобы избежать потерь на колебаниях курса и паритета монет?

— И это тоже. Кроме того, у камней еще одно огромное преимущество: лежащий в кармане кошелек с несколькими унциями бриллиантов равняется по стоимости примерно пятидесяти гривнам, а такая сумма в монетах весит двадцать пять фунтов и требует солидного мешка. С кошельком в кармане можно бежать гораздо быстрее, чем с мешком на плечах. Да и обе руки свободны, что тоже немаловажно. Одной рукой можно держать жену, а второй, если потребуется, — кое-кому и тумака отвесить.

Цири негромко фыркнула, но Йеннифэр тут же успокоила ее грозным взглядом.

— Значит, — подняла она голову, — есть такие, кто уже заранее готовится к бегству. Интересно куда?

— Больше всего ценится дальний Север. Хенгфорс, Ковир, Повисс. Во-первых, потому что это действительно далеко, во-вторых, эти государства нейтральны и у них хорошие отношения с Нильфгаардом.

— Понимаю. — Ехидная ухмылка не сходила с уст чародейки. — Итак, бриллианты в карман, жену за руку — и на Север... Не рановато ли? Впрочем, Бог с ними. Что еще дорожает, Мольнар?

— Лодки.

— Что-что?

— Лодки, — осклабившись, повторил банкир. — Все корабли с побережья строят лодки, заказанные квартирмейстерством короля Фольтеста. Квартирмейстеры платят хорошо и постоянно делают заказы. Если у тебя есть свободный капитал, Йеннифэр, вложи в лодки. Золотое дело. Изготавлиешь челн из камыша и коры, выставляешь счет на баркас из первосортной сосны, выручкой делишься с квартирмейстером...

— Не дури, Джианкарди! Говори, в чем дело.

— Лодки, — неохотно сказал банкир, глядя в бревенчатый потолок, — транспортируют на юг, к Яруге, в Содден и Бругге. Но, насколько мне известно, их используют не для ловли рыбы, а прячут в лесах вдоль правого берега. Солдаты вроде бы часами тренируются садиться в них и

вылезать. Пока — на суше.

— Ага. — Йеннифэр закусил губу. — Но почему некоторые так спешат на север? Яруга-то на юге.

— Существует обоснованное опасение, — буркнул банкир, поглядывая на Цири, — что император Эмгыр вар Эмрейс не будет в восторге, узнав, что упомянутые лодки спущены на воду. Некоторые полагают, что такое действие может Эмгыра разозлить, и тогда лучше быть как можно дальше от нильфгаардских границ... Черт, хотя бы до жатвы. Ежели жатва будет позади, вздохну с облегчением. Если чему быть, это случится до жатвы.

— Урожай будет в амбарах, — медленно проговорила Йеннифэр.

— Верно. Коней трудно пасти на стерне, а крепости с полными амбарами придется осаждать долго... Погода благоприятствует земледельцам, и урожай обещает быть недурным... Да, погода исключительно хороша. Солнышко припекает, ждет не дожждется дождя... А Яруга в Доль Ангре очень мелка... Ее легко перейти. В обе стороны.

— Почему Доль Ангра?

— Надеюсь, — банкир погладил бороду, сверля чародейку острым взглядом, — тебе можно доверять?

— Как всегда, Джианкарди. Ничего не изменилось.

— Доль Ангра, — медленно проговорил банкир, — это Лирия и Аэдирн, у которых военный союз с Темерией. Уж не думаешь ли ты, что Фольтест покупает лодки для себя?

— Нет, — протянула чародейка. — Не думаю. Благодарю за информацию, Мольнар. Как знать, возможно, ты и прав. Может, на Сборе нам удастся повлиять на судьбы мира и населяющих его людей?

— Не забудьте о краснолюдах, — сказал Джианкарди, — и их банках.

— Постараемся. Кстати, коли уж мы об этом заговорили...

— Внимательно слушаю.

— У меня были расходы, Мольнар. А если я сниму со счета у Вивальди, опять кто-нибудь попытается утопиться, так что...

— Йеннифэр, — прервал краснолюд, — ты у меня пользуешься неограниченным кредитом. Погром в Венгерберге случился очень давно. Возможно, ты забыла, но я не забуду никогда. Никто из семейства Джианкарди не забудет. Сколько тебе нужно?

— Тысячу пятьсот темерских оронов с переводом на филиал Чианфанелли в Элландере на адрес храма Мелитэле.

— Принято. Приятный перевод — взносы в пользу храмов не облагаются налогами. Что еще?

— Сколько сейчас платят за обучение в школе в Аретузе?

Цири прислушалась.

— Тысячу двести новиградских крон, — сказал Джианкарди. — Для учениц не жалеют ничего, живут в Аретузе как принцессы. А ими кормится половина города — портные, сапожники, кондитеры, поставщики...

— Знаю. Внеси две тысячи на счет школы. Анонимно. С указанием, что это за зачисление и задаток за обучение. Одной ученицы.

Джианкарди отложил перо, взглянул на Цири, понимающе улыбнулся. Цири, сделав вид, будто изучает книгу, внимательно слушала.

— Все, Йеннифэр?

— Еще триста новиградских крон для меня. Наличными. Для Сбора на Танедде мне потребуются по меньшей мере три платья.

— Зачем тебе наличные? Дам банковский чек. На пятьсот. Импортные ткани тоже чертовски подорожали, а ведь ты не станешь надевать шерсть или лен. И если что-либо потребуется тебе или ученице в Аретузе, мои склады и магазины в твоём распоряжении.

— Благодарю. На какой процент договоримся?

— Проценты, — поднял голову краснолюд, — ты заплатила семье Джианкарди авансом, Йеннифэр. Во время погрома в Венгерберге. Не будем об этом.

— Не люблю таких долгов, Мольнар.

— Я тоже. Но я — купец, краснолюд дела. Я знаю, что такое обязательность. Знаю ей цену. Повторяю: не будем больше об этом. Со всем, о чем ты просила, покончено. О чем не просила — тоже.

Йеннифэр подняла брови.

— Некий близкий тебе ведьмак, — хохотнул Джианкарди, — недавно посетил городок Дорьян. Мне донесли, что он там задолжал ростовщику сто крон. Ростовщик работает на меня. Я покрою этот долг, Йеннифэр.

Чародейка кинула взгляд на Цири, сильно поморщилась.

— Мольнар. Не суй пальцы в дверь, в которой испортились петли. Сомневаюсь, чтобы он все еще считал меня близкой, а если узнает о покрытии долга, возненавидит вконец. Ты ведь его знаешь, он честолобив до идиотизма. И давно он был в Дорьяне?

— Дней десять назад. Потом его видели в Малом Логе. Оттуда, как мне сообщили, поехал в Хирунд, потому что получил задание от тамошних фермеров. Как обычно, прикончить какое-то чудовище...

— И за это, как обычно, ему заплатят деньгами, — голос Йеннифэр слегка изменился, — которых, как обычно же, ему едва хватит на лечение, если чудовище его покорежит. Как обычно. Если ты, Мольнар, действительно хочешь что-то для меня сделать, свяжись с фермерами в

Хирунде, пусть увеличат вознаграждение. Так, чтобы ему было на что жить.

— Как обычно, — фыркнул Джианкарди. — А если он все-таки узнает об этом?

Йеннифэр уставилась на Цири, которая смотрела на них и слушала, даже не пытаясь изображать заинтересованность Physiologus'ом.

— От кого бы это?

Цири опустила глаза. Банкир многозначительно улыбнулся, погладил бороду.

— Перед тем как выбраться на Танедд, ты отправишься в сторону Хирунда? Случайно, конечно?

— Нет, — отвела глаза чародейка. — Не направляюсь. Сменим тему, Мольнар.

Джианкарди снова погладил бороду, глянул на Цири. Цири опустила голову, закашлялась и заерзала на стуле.

— Верно, — согласился банкир, — пора сменить тему. Но твоей подопечной явно наскучила книга... и наши разговоры. А то, о чем я теперь хотел бы с тобой поговорить, наскучит ей, мне кажется, еще больше... Судьбы мира, судьбы краснолюдов этого мира, судьбы их банков — ах, какая скучная тема для юных дев, будущих выпускниц Аретузы! Приподними немного свои крылышки, Йеннифэр. Дай ей прогуляться по городу...

— Ох, да! — крикнула Цири.

Чародейка передернулась и уже собралась было возразить, но вдруг передумала. Цири не была уверена, но ей показалось, что причиной тому стало еле заметное движение глаз, сопровождавшее предложение банкира.

— Пусть девочка осмотрит достопримечательности славного града Горс Велена, — добавил Джианкарди, широко улыбаясь. — Ей положено немного свободы перед... Аретузой. А мы тут еще чуточку поболтаем кое о чем... хм... личном. Нет, я не предлагаю ребенку бродить в одиночку, хоть это и безопасный город. Я дам ей спутника и защитника — одного из моих младших коллег...

— Прости, Мольнар, — Йеннифэр не ответила на улыбку, — но мне кажется, что в нынешние времена даже в безопасном городе общество краснолюда...

— У меня и в мыслях не было, — притворно возмутился Джианкарди, — предлагать в спутники краснолюда. Клерк, о котором я говорю, сын уважаемого купца, человека, я бы так сказал, до последней морщинки. Ты думала, у меня работают только краснолюды? Эй, Вильфли!

Кликни-ка сюда Фабио, одна нога тут, другая...

— Цири. — Чародейка подошла к девочке, слегка наклонилась. — Только без глупостей, чтобы мне не пришлось краснеть. А с клерком — язык за зубами, поняла? Поклянись, что будешь следить за действиями и словами. Не кивай. Обещания дают в полный голос.

— Обещаю, госпожа Йеннифэр.

— Время от времени посматривай на солнце. В полдень вернешься. Точно. А если... Нет, не думаю, чтобы кто-то тебя узнал. Но если увидишь, что кто-то слишком уж внимательно на тебя поглядывает...

Чародейка открыла кошелек, достала небольшой, покрытый рунами хризопраз в форме песочных часов.

— Спрячь в кошелек. Не потеряй. В случае чего... Заклинание помнишь? Только аккуратно, активация дает сильное эхо, а действующий амулет испускает волны. Если вблизи окажется кто-то восприимчивый к магии, ты себя не замаскируешь, а совсем наоборот. Да, вот еще тебе... Если захочешь что-нибудь купить.

— Спасибо, госпожа Йеннифэр. — Цири положила амулет и монеты в кошелек, с любопытством взглянула на вбежавшего в контору мальчика. Мальчик был веснушчат, волнистые каштановые волосы ниспадали ему на высокий воротник серой униформы клерка.

— Фабио Сахс, — представил мальчика Джианкарди.

Тот почтительно поклонился.

— Фабио, это госпожа Йеннифэр, наша почетная гостья и уважаемая клиентка. А мазель, ее воспитанница, желает посетить город. Будешь ее провожатым и защитником.

Мальчик снова поклонился, на этот раз явно в сторону Цири.

— Цири, — холодно сказала Йеннифэр, — встань, пожалуйста.

Цири встала, немного удивленная, потому что знала: обычай этого не требует. И тут же поняла. Клерк, выглядевший ее ровесником, был на голову ниже.

— Мольнар, — сказала чародейка. — Кто кого будет защищать? Не мог дать кого-нибудь посolidнее?

Мальчик покраснел и вопросительно глянул на хозяина. Джианкарди кивнул. Клерк снова поклонился.

— Милостивая государыня, — проговорил он свободно и без тени смущения. — Возможно, я и невелик ростом, но на меня можно положиться. Я хорошо знаю город, пригороды и всю округу. В случае нужды буду защищать мазель в полную силу. А когда я, Фабио Сахс Младший, сын Фабио Сахса, делаю что-то в полную силу... то мало кто из

тех, что покрупнее, сравнивается со мной.

Йеннифэр несколько секунд глядела на мальчика, потом повернулась к банкиру.

— Поздравляю, Мольнар. Ты умеешь подбирать сотрудников. В будущем твой младший клерк не раз порадует тебя. Истинно благородный металл высшей пробы красиво звучит, когда по нему ударишь. Цири, с полным доверием отдаю тебя под опеку Фабио, сына Фабио, поскольку это мужчина серьезный и достойный доверия.

Мальчик покраснел до корней каштановых волос. Цири почувствовала, что тоже зарумянилась.

— Фабио. — Краснолюд открыл шкатулку, покопался в звонком содержимом. — Вот тебе полнобеля и три... и два пятака. На случай, если мазель выскажет какое-либо пожелание. Если не выскажет, вернешь. Ну, можете идти.

— В полдень, Цири, — напомнила Йеннифэр. — Ни минутой позже.

— Помню, помню.

— Меня зовут Фабио, — сказал мальчик, как только они сбежали по ступеням и вышли на шумную улицу. — А тебя — Цири, да?

— Да.

— Что бы ты хотела посмотреть в Горс Велене, Цири? Главную улицу? Переулок мастеров золотых дел? Морской порт? А может, рынок и ярмарку?

— Все.

— Хм... — задумался мальчик. — Времени у нас только до полудня... Лучше всего пойти на рынок. Сегодня базарный день, там можно увидеть много интересного! Но сначала поднимемся на стену, оттуда виден весь залив и знаменитый остров Танедд. Согласна?

— Пошли.

По улице тархтели телеги, тащились лошади и волы, бондари катили бочки, кругом — шум, гам и суета. Цири немного ошарашило движение и кажущийся беспорядок, она оступилась и вместо деревянного тротуара влезла по щиколотки в грязь и навоз. Фабио хотел взять ее за руку, но она вырвалась:

— Еще чего! Я сама ходить умею!

— Хм... Ну да. Тогда пошли. Сейчас мы на главной улице. Называется она Карод и связывает Главные и Морские ворота. В ту сторону ведет к ратуше. Видишь башню с золотым петушком? Это и есть ратуша. А там вон, где цветная вывеска, — трактир «Под расшнурованным корсетом». Но туда, хм... туда мы не пойдем. Давай срежем дорогу, пройдем по Окружной

улице через рыбный рынок.

Они свернули в переулок и вышли прямо на небольшую площадь, втиснувшуюся между стенами домов. Площадь была забита прилавками, бочками и кадками, из которых бил сильный запах рыбы. Тут шла оживленная и шумная торговля, перекупщики, продавцы и покупатели старались перекричать кружащих надо всем чаек. У стены сидели кошки, делая вид, будто рыба их вообще не интересует.

— Твоя госпожа, — вдруг сказал Фабио, лавируя между прилавками, — очень строгая.

— Знаю.

— Она тебе не родная, верно?

— Да. А как ты догадался?

— Сразу видно! Она очень красивая, — сказал Фабио с жестоким, разоружающим откровением совсем еще молодого человека.

Цири повернулась словно пружина, но прежде чем успела ответить Фабио какой-нибудь колкостью относительно его веснушек и роста, мальчик уже тащил ее между тележками, бочками и прилавками, одновременно объясняя, что возвышающаяся над площадью башня называется «Воровская», что камни для ее постройки брали со дна морского и что растущие около нее деревья называются пальмами.

— Ты ужасно неразговорчивая, Цири, — неожиданно заметил он.

— Я? — изобразила она удивление. — Ничего подобного! Просто внимательно тебя слушаю. Знаешь, ты рассказываешь очень интересно. Я как раз хотела тебя спросить...

— О чем?

— А далеко отсюда до... до города Аретузы?

— Совсем близко. Только Аретуза вовсе не город. Поднимемся на стену, покажу.

Стена была высокая, с крутыми ступенями. Фабио вспотел и задыхался, и неудивительно: он не закрывал рта, сообщил Цири, что стена, окружающая Горс Велен, построена недавно, она гораздо моложе самого города, возведенного еще эльфами, сказал, что в ней тридцать пять футов высоты и что это так называемая казематная кладка, сложенная из тесаного камня и необожженного кирпича, то есть материала, лучше других выдерживающего удары таранов.

Наверху их охватил морской ветер. Цири с удовольствием вдыхала его после плотной и неподвижной духоты города. Она оперлась локтями о край стены, глядя сверху на расцвеченный парусами порт.

— Что это, Фабио? Вон та гора?

— Остров Танедд.

Остров, казалось, был совсем близко. И походил не на остров, а на вколоченный в морское дно гигантский каменный столб, огромный зиккурат, спеленутый змеящимся серпантинном дороги, террасами и зигзагами лестниц. На террасах зеленели рощицы и сады, а из зелени проглядывали прилепившиеся к скалам, будто ласточкины гнезда, белые островерхие башни и изящные купола, венчающие группы окруженных галереями зданий, которые, похоже, были возведены не хитроумными строителями, а вырезаны в склонах горы, вздымающейся из морской пучины.

— Все это создали эльфы, — пояснил Фабио. — Говорят, с помощью эльфьей магии. Однако уже с незапамятных времен Танедд принадлежит чародеям. Ближе к вершине, там, где — видишь? — блестят на солнце купола, расположен дворец Гарштанг. В нем через несколько дней откроется Большой Сбор мажиков. А вон там, смотри, уже на самой вершине, высокая одинокая башня с зубцами. Это Тор Лара, Башня Чайки.

— Туда можно попасть по суше? Это же близко.

— Можно. Есть мост, он соединяет берег залива с островом. Его отсюда не видно, деревья заслоняют. А видишь красные крыши у подножия горы? Это дворец Локсия. Туда-то и ведет мост. Только через Локсию можно пройти к дороге, ведущей на верхние террасы.

— А туда, где вон те миленькие галерейки и мостики? И сады? Как они держатся на камнях и не падают? Что это за дворец?

— Это и есть Аретуза, которая тебя интересовала. Знаменитая школа для юных чародеек.

— Ах, — Цири облизнула губы, — так это там... Слушай, Фабио...

— Слушаю.

— Ты хоть иногда встречаешь молодых чародеек, которые учатся в школе? Ну в Аретузе?

Мальчик удивленно взглянул на нее.

— Что ты! Никогда! С ними никто не встречается! Им запрещено покидать остров и выходить в город. А на территорию школы никого вообще не пропускают. Даже бургграфа и судебного исполнителя. Если у них возникает какое-то дело к чародейкам, они могут пройти только в Локсию. На самый нижний уровень.

— Так я и думала, — покачала головой Цири, не отрывая глаз от горящих золотом крыш Аретузы. — Прямо не школа, а тюрьма какая-то! На острове, на скале, да еще и над пропастью. Тюрьма — и вся недолга.

— Вообще-то да, — согласился Фабио, немного подумав. — Оттуда

довольно трудно выйти... Только там не как в тюрьме. Просто ученицы — молодые девушки. Их надо охранять...

— От чего?

— Ну... — замялся мальчик. — Ты же знаешь...

— Не знаю.

— Хм... Я думаю... Ох, Цири, никто же их не запирает в школе. Они сами хотят...

— Ну конечно. — Цири шельмовски улыбнулась. — Хотят — вот и сидят в своей тюрьме. Не хотели б, так не дали бы себя запереть. Все так просто — надо только вовремя сбежать. Еще до того, как туда попадешь, потому как потом может быть труднее...

— Как это — сбежать? А куда им...

— Им, — прервала Цири, — вероятно, некуда, бедняжкам. Фабио? А где город... Хирунд?

Мальчик удивленно глянул на нее.

— Хирунд не город. Это ферма. Большая ферма. Там есть сады и огороды, поставляющие овощи и фрукты всем городам в округе. Есть пруды, в которых разводят карпов и других рыб...

— И далеко до этого Хирунда? В какую сторону? Покажи.

— Зачем тебе?

— Покажи, прошу тебя.

— Видишь дорогу, ведущую на запад? Там, где телеги? По ней как раз и едут в Хирунд. Верст пятнадцать, все время лесами.

— Пятнадцать верст, — повторила Цири. — Недалеко, если конь хороший... Спасибо, Фабио.

— За что?

— Не важно. Теперь проводи меня на рынок. Ты обещал.

— Пошли.

Такой толчеи, суеты, сутолоки и гомона, какие встретили их на рынке Горс Велена, Цири еще видеть не доводилось. Шумный рыбный базар, через который они недавно проходили, по сравнению с рынком показался бы тихим храмом. Площадь была огромной, и все-таки Цири казалось, что пройти на территорию ярмарки невозможно. Оставалось лишь взглянуть издали. Однако Фабио смело врезался в спрессованную толпу, волоча девочку за собой. У Цири сразу же закружилась голова.

Продавцы вопили, покупатели орали еще громче, затерявшиеся в толкотне дети выли и стонали. Мычали коровы, блеяли овцы, кудахтали куры и гоготали гуси. Ремесленники-краснолюды яростно колотили молотками по каким-то железякам, а когда прерывали свое занятие, чтобы

напиться, начинали жутко ругаться. В нескольких точках площади надрывались пищалки, гусли и цимбалы, видимо, там давали концерты ваганты и музыканты. Вдобавок ко всему кто-то невидимый в этом бедламе, но наверняка не музыкант, без устали дул в латунную трубу.

Цири отскочила от трусившей прямо на нее, пронзительно визжащей свиньи и налетела на клетку с курами. Ее толкнули, она наступила на что-то мягкое и мяукающее. Шарахнулась, чуть не угодив под копыта огромной вонючей, отвратной и ужасающе странной скотины, расталкивающей людей косматыми боками.

— Что это было? — ойкнула она, пытаясь удержаться на ногах. — А, Фабио?

— Верблюд. Не бойся!

— А я и не боюсь! Тоже мне! Подумаешь, вербульд!!!

Она с любопытством оглядывалась. Понаблюдала за работой низушков, на глазах у всех изготавливавших изящные бурдюки из козьей шкуры, повосхищалась прелестными куклами, которых предлагали на своем прилавке две полуэльфки. Долго рассматривала изделия из малахита и яшмы, выставленные на продажу угрюмым и все время бурчащим гномом. С интересом и знанием дела осмотрела мечи в мастерской оружейника. Остановилась около девушек, плетущих корзинки из ивы, и пришла к выводу, что нет ничего хуже такой работы.

«Трубодуй» перестал надрываться. Вероятнее всего, его прикончили.

— Чем так вкусно пахнет?

— Пончиками. — Фабио пощупал кошелек. — Хочешь попробовать один?

— Хочу попробовать два.

Продавец подал три пончика, принял пятак и сдал четыре медяка, один из которых переломил пополам. Цири, уже немного освоившаяся, с интересом наблюдала за операцией продавца, жадно поглощая первый пончик.

— Не отсюда ли, — спросила она, принимаясь за второй, — пошла поговорка «ломаного гроша не стоит»?

— Отсюда. — Фабио прикончил свой пончик. — Ведь монет меньше гроша не существует. А там, откуда ты родом, полугроши не в ходу?

— Нет. — Цири облизнула пальцы. — Там, откуда я родом, в ходу золотые дукаты. Кроме того, все это ломанье было бессмысленным и ненужным.

— Почему?

— Потому что я хочу съесть третий пончик.

Заполненные сливовым повидлом пончики действовали как самый волшебный эликсир. У Цири поднялось настроение, и бурлящая народом площадь перестала ее пугать, изумлять и даже начала нравиться. Она больше не позволяла Фабио тащить себя, а сама потянула его в самую гущу, к тому месту, с которого кто-то произносил речь, забравшись на импровизированную трибуну из бочек. Оратором оказался престарелый толстяк. По бритой голове и коричневому балахону Цири признала в нем бродячего жреца. Ей уже встречались такие, время от времени они навещали храм Мелитэле в Элландере. Мать Нэннеке никогда не называла их иначе как «эти дурные фанатики».

— Един суть на свете закон! — рычал толстый жрец. — Божий закон! Вся природа подчинена этому закону, вся земля и все, что на сей земле произрастает! А чары и магия — противны сему закону. Проклятие чародеям, близок уже день гнева, когда огонь небес поразит их богомерзкий остров! Рухнут стены Локсии, Аретузы и Гарштанга, за коими собираются ныне эти безбожники, плетущие козни! Рухнут эти стены...

— И придется, мать их перемать, все заново возводить, — буркнул стоящий рядом с Цири подмастерье в одежде, умаруханной известью.

— Увещаю вас, люди добрые и благочестивые, — не унимался жрец, — не верьте чародеям, не обращайтесь к ним за советами и с просьбами. Не позволяйте им соблазнять себя ни видом роскошным, ни речью гладкой, ибо истину говорю вам, чародеи оные есть аки гробы повапленные, снаружи прекрасные, изнутри же гнили и истлевших костей полные!

— Гляньте на него, — проговорила молодая женщина с корзинкой, полной моркови, — вот треплется! На магигов, вишь ты, лает, потому как завидует, вот и все.

— Точно, — поддакнул каменщик, — у самого, ишь, башка словно яйцо лысая, а брюхо аж до колен. А чародеи — вона какие красивые, не плешивеют, не брюхатят... А чародейки, ого, сама красотища...

— Ибо твои красавицы души дьяволу запродали! — крикнул невысокий типчик с сапожным молотком за поясом.

— Глуп ты, подошва гнилая. Если б не добрые тетki с Аретузы, ты б давно с сумой по миру пошел! Им скажи спасибо, что есть чего жрать.

Фабио потянул Цири за рукав, и они снова нырнули в толпу, которая понесла их к центру площади. Послышался грохот бубна и громкие крики, призывающие к тишине. Толпа и не думала замолкать, но глашатаю с деревянного помоста это вовсе не мешало. У него был зычный, хорошо поставленный голос, и он умел им пользоваться.

— Возвещаю, — заорал он, развернув рулон пергамента, — что Гуго Ансбах, низушек по рождению, объявлен вне закона, ибо злоумышленникам-эльфам, кои «белками» именуются, в доме своем ночлег и приют доставил. То же самое Юстин Ингвар, кузнец, краснолюд по рождению, коий негодникам оным наконечники для стрел ковал. Сим на обоих поименованных бургграф поиск оглашает и ловить их наказывает. Кто их схватит, тому награда — пятьдесят крон наличными. А ежели кто даст им пропитание альбо укрытие, их сообщником почитаться будет и одинаковая кара ему, какая и им назначена. А ежели в ополье либо в селении схвачены будут, все ополье либо все селение расплачиваться будут...

— Энто кто ж, — раздался выкрик в толпе, — низушку схронение дал? По ихним фермам пуцай шукают, а найдут, то всех их, нелюдев, в яму!

— Не в яму, на шибеницу!

Глашатай принялся читать дальнейшие объявления бургграфа и городского совета, но Цири потеряла к ним интерес. Она как раз намеревалась выбраться из толчеи, когда вдруг почувствовала на ягодице руку. Вовсе не случайную, нахальную и невероятно искусную.

Теснота, казалось бы, не позволяла обернуться, но Цири научилась в Каэр Морхене двигаться в местах, в которых двигаться невозможно. Она развернулась, вызвав некоторое замешательство окружающих. Стоявший у нее за спиной юный жрец с бритой головой усмехнулся нагловатой, отработанной ухмылкой. Ну и что, говорила эта ухмылка, что теперь? Чудненько покраснеешь и этим румянцем все окончится?

Видимо, жрец никогда не имел дела с ученицами Йеннифэр.

— Лапы прочь, ты, дубина лысая! — заорала Цири, бледнея от бешенства. — За свою задницу хватайся, ты... гроб повапленный!!!

Воспользовавшись тем, что зажатый в толпе жрец не мог пошевелиться, Цири собралась его пнуть, но помешал Фабио, спешно оттащивший ее подальше от священнослужителя и места происшествия. Видя, что она вся трясется от злости, он подсунул ей горсть посыпанных сахарной пудрой хрустиков, при виде которых Цири мгновенно забыла об инциденте. Они стояли около ларька, там, откуда был виден подиум с позорным столбом посредине. Однако преступника там не было, а сам подиум был увешан гирляндами цветов и служил ареной группе разряженных как попугаи бродячих музыкантов, изо всех сил рвущих струны гуслей и попискивающих на дудках и свистульках. Молодая черноволосая девушка в украшенном цехинами сердаке пела и плясала, потрясая тамбурином и весело притопывая маленькими туфельками:

Вот однажды чародейку тяпнула гадюка.
Чародейка хоть бы охнуть, а гадюка — трупом!

Толпящиеся вокруг подиума зрители хохотали до упаду и хлопали в ритм песенки. Продавец сладких хрустиков бросил в шипящее масло очередную порцию. Фабио облизнул пальцы и потянул Цири за рукав.

Ларьков было бесчисленное множество, и всюду предлагали что-нибудь вкусненькое. Они отведали еще по пирожному с кремом, потом — заодно — вяленого угорька, заели чем-то очень странным, жареным и наколотым на палочку. Позже задержались у бочек с квашеной капустой и сделали вид, будто пробуют, намереваясь якобы купить побольше. А поскольку, наевшись, так и не купили, торговка обозвала их засранцами.

Пошли дальше. На оставшиеся деньги Фабио приобрел корзиночку груш-бергамоток. Цири глянула на небо, но решила, что еще не полдень.

— Фабио! А что за палатки и будки вон там, у стены?

— Разные увеселения. Хочешь взглянуть?

— Хочу.

Перед первой палаткой стояли одни мужчины, возбужденно переступающие с ноги на ногу. Изнутри доносились звуки флейты.

— «Чернокожая Лейла... — Цири с трудом прочитала корявую надпись на полотне, — выдает в танце все секреты своего тела...» Глупость какая-то! Какие секреты?..

— Пошли дальше, пошли, — торопил Фабио, слегка покраснев. — Взгляни, это интересно. Здесь принимает ворожейка, будущее предсказывает. У меня еще есть два гроша, хватит...

— Жаль денег, — фукнула Цири. — Тоже мне — предсказание за два гроша! Чтобы предсказывать, надо быть вещуньей. Вещание — великий талант. Даже среди чародеек не больше чем одна из ста способна на такое.

— Моей старшей сестре, — заметил мальчик, — ворожейка предсказала, что она выйдет замуж, и это оправдалось. Не гримасничай, Цири. Пошли поворожим тебе...

— Я не хочу выходить замуж. Не хочу ворожбы. Тут жарко, а из этой палатки несет ладаном, я туда не пойду. Хочешь, иди один, я подожду. Только не знаю, на кой тебе эти предсказания. Что ты хочешь узнать?

— Ну... — замялся Фабио. — Больше всего... Буду ли я путешествовать. Смогу ли повидать весь мир...

«Будет, — вдруг подумала Цири, чувствуя головокружение. — Он будет плавать на больших белых парусниках... Доберется до стран,

которых до него никто не видел... Фабио Сахс, первооткрыватель новых земель... Его именем назовут полуостров, край континента, который сегодня еще не имеет названия. Пятидесяти четырех лет, имея жену, сына и трех дочерей, он умрет вдали от дома и близких... От болезни, которая сегодня еще не имеет названия...»

— Цири! Что с тобой?

Она потеряла лицо рукой. Ей казалось, что она выныривает из воды, выбирается к поверхности со дна глубокого, ледяно-холодного озера.

— Ничего, ничего... — пробормотала она, оглядываясь и приходя в себя. — Голова закружилась... Все из-за жары. И ладана из палатки...

— Скорее всего из-за капусты, — серьезно сказал Фабио. — Напрасно мы столько съели. У меня тоже в животе бурчит.

— Ничего со мной не случилось! — Цири молодцевато задрала голову, действительно почувствовав себя лучше. Мысли, которые вихрем пронеслись в голове, развеялись и тут же забылись. — Пошли, Фабио. Идем дальше.

— Хочешь грушу?

— Конечно.

У стены группа подростков играла в волчок на деньги. Волчок, обмотанный шнурком, надо было ловким, напоминающим щелчок бича рывком заставить вращаться так, чтобы он накручивал круги по начерченным мелом полям. Цири обыгрывала в волчок большинство мальчиков в Скеллиге, обыграла и всех послушниц в храме Мелитэле. Она уже собиралась было вступить в игру и освободить сорванцов не только от медяков, но и от залатанных штанов, когда ее внимание вдруг привлекли громкие крики.

На самом конце шеренги палаток и будок стояла притиснутая к стене и каменной лестнице странная полукруглая выгородка, образованная полотнищами, растянутыми на саженной высоты шестах. Между двумя шестами был вход, который загораживал высокий рябой мужчина в стеганке и полосатых штанах, заправленных в матросские сапоги. Перед ним теснилась кучка людей. Сунув в горсть рябого несколько монет, люди по одному скрывались за полотнищем. Рябой кидал деньги в большое сито, позвякивал ими и хрипло выкрикивал:

— Ко мне, добрые люди! Ко мне! Собственными глазами увидите самое страшнейшее страшилище, какое только боги создали! Ужас и страх! Живой василиск, ядовитое страховидло зерриканских пустынь, воплощение дьявола, ненасытный людоед! Такого чудовища вы еще не видели, люди! Только что пойманное, из-за моря на корабле привезенное!

Взгляните, взгляните на живого, злострашного василиска собственными глазами! Последняя возможность! Здесь, у меня, всего за три пятака! Бабы с детьми — по два!

— Ха, — сказала Цири, отгоняя от груши ос. — Василиск? Живой? Надо обязательно взглянуть. До сих пор я видела только гравюры. Пошли, Фабио.

— У меня кончились деньги.

— У меня есть. Я заплачу. Пошли смело.

— Полагается шесть. — Рябой взглянул на брошенные в горсть медяки. — Три пятака с особы. Дешевше только бабы с детьми.

— Он, — Цири ткнула в Фабио грушей, — ребенок. А я — баба.

— Дешевше только бабы с детьми на руках, — заворчал рябой. — Ну, давай, добавляй еще два пятака, хитроумная девка, или валяй отседова и пропусти других. Поспешите, люди! Осталось всего три свободных места.

Пришлось добавить.

За выгородкой из полотнищ толпились горожане, плотным кольцом окружая сколоченное из досок возвышение, на котором стояла покрытая ковром клетка. Запустив недостающих до комплекта зрителей, рябой запрыгнул на помост, взял длинную палку и сдернул ковер. Понесло падалью и отвратительной вонью. Зрители зашептались и малость отступили.

— Осторожнее, добрые люди, — упредил рябой. — Не слишком близко, это опасно!

В клетке, явно ему тесной, свернувшись клубком, лежал ящер, покрытый темной чешуей со странным рисунком. Когда рябой стукнул по клетке палкой, гад зашевелился, зашуршал чешуйками по прутьям, вытянул длинную шею и пронзительно зашипел, демонстрируя острые белые конические зубы, резко контрастирующие с почти черной чешуей, обрамляющей пасть. Зрители охнули. Залился лаем кудлатый песик, которого держала на руках женщина с внешностью торговки.

— Смотрите внимательней, — крикнул рябой, — и радуйтесь, что в наших сторонах подобные чудища не обретаются! Вот чудовищный василиск из далекой Заррикании! Не приближайтесь, не приближайтесь, потому как хоть он и заперт в клетке, но одним токмо своим дыханием может отравить!

Цири и Фабио наконец протолкались сквозь кольцо зрителей.

— Василиск, — продолжал с возвышения рябой, опираясь на палку, как страж на алебарду, — это самая что ни на есть ядовитая гадина на свете! Ибо василиск — царь всех змей! Если б василисков было больше,

наш мир пропал бы бесследно! К огромному счастью, это чудовище редкое, ибо рождается из петушиного яйца. А сами знаете, люди, что яйца сносит не каждый петух, а только такой паршивец, который на манер квочки другому петуху гузку подставляет.

Зрители дружным смехом прореагировали на шутку. Не смеялась лишь Цири, все время внимательно рассматривавшая существо, которое, раздраженное шумом, извивалось, билось о прутья клетки и кусало их, тщетно пытаясь расправить в тесноте исковерканные крылья.

— Яйца, таким петухом снесенные, — тянул рябой, — должны сто и одна змея высидывать! А когда из яйца проклюнется василиск...

— Это не василиск, — заметила Цири, откусывая грушу. Рябой косо глянул на нее.

— ...А когда выклюнется василиск, говорю, — продолжал он, — тогда он всех змей в гнезде пожрет, их яд поглотит. Но вреда ему от того никакого не будет. Сам же ядом так надуется, что не только зубом забить сумеет и не прикосновением даже, но дыхом одним! А ежели конный рыцарь возьмет и пикой василиска проткнет, то яд по древку вверх ударит и одновременно седока с конем на месте повалит.

— Это неправдивая неправда, — громко сказала Цири, выплевывая семечко.

— Самая наиправдивейшая правда! — возразил рябой. — Убьет. И коня и седока убьет!

— Как же, жди!

— Тихо, мазелечка! — крикнула торговка с собачкой. — Не мешай! Хотца нам полюбопытствовать и послушать!

— Перестань, Цири, — шепнул Фабио, ткнув ее в бок.

Цири фыркнула на него и полезла в корзинку за очередной грушей.

— От василиска, — рябой повысил голос, перебивая нарастающий меж зрителей шум, — каждый зверь в тот же миг сбегает, как только его шипение услышит. Каждый зверь, даже дракон, да что там, коркодрил даже, а коркодрилы невозможно страшные, кто их видел, тот знает. Одно только единое животное не боится василиска — это куна. Куница значит. Куна, как только чудовище в пустыне узрит, тут же в лес как можно шибчей мчится, там только одной ей ведомое зелье выищет и съест. Тогда василисков яд уже куне не страшен и она может его насмерть загрызть.

Цири хохотнула и издала губами протяжный, совершенно непристойный звук.

— Эй, мудрила! — не выдержал рябой. — Ежели тебе что не нравится, убирайся отседова. Нечего силком слушать и на василиска пялиться.

— Никакой это не василиск.

— Да? А что же оно такое, мазель мудрила?

— Выворотка, — заметила Цири, отбрасывая хвостик груши и облизывая пальцы. — Обычная выворотка. Молодая, маленькая, изголодавшаяся и грязная. Но выворотка, и все тут. На Старшей Речи — выверна.

— О, гляньте-ка! — воскликнул рябой. — Ишь, какая умная да ученая к нам заявила! Заткнись, не то я тебе...

— Эй-эй, — проговорил светловолосый юноша в бархатном берете и вамсе без герба, какие носят оруженосцы, держащий под руку тоненькую и бледненькую девушку в платьице абрикосового цвета. — Не так шибко, господин зверолов! Не угрожайте благородной девушке, не то я вас запросто своим мечом успокою. Кроме того, что-то тут шельмовством пахнет.

— Какое шульмовство, милсдарь юный рыцарь? — возмутился рябой. — Лгет эта соп... Я хотел сказать, эта благородная мазель ошибается! Это василиск.

— Это выворотка! — повторила Цири. — Тоже мне — василиск, ха!

— Какая еще «воротка»! Только гляньте, какой грозный, как шипит, как клетку кусает! Какие у него зубища-то! Зубища, говорю, как у...

— ...как у выворотки, — поморщилась Цири.

— Ежели ты вовсе разуму лишилась, — рябой одарил ее взглядом, которого не устыдился бы настоящий василиск, — то подойди! Подойди, чтобы он на тебя дыхнул! Враз все узрят, как ты копыта откинешь, посинеешь от яда! Ну, подойди!

— Пожалуйста. — Цири вырвала руку у Фабио и сделала шаг вперед.

— Я этого не допущу! — крикнул светловолосый оруженосец, отпуская руку абрикосовой подружки и заграждая Цири дорогу. — Этого делать нельзя. Ты слишком рискуешь, милая дама.

Цири, которую еще никто не величал милой дамой, слегка зарумянилась, взглянула на юношу и затрепыхала ресницами тем самым способом, который не раз испробовала на писаре Ярре.

— Нет никакого риска, благородный рыцарь, — кокетливо улыбнулась она, наперекор запретам Йеннифэр, которая достаточно часто напоминала ей присказку о дураке и сыре. — Ничего со мной не случится. Ее ядовитое дыхание — выдумка!

— И все же я хотел бы, — юноша положил руку на оголовье меча, — быть рядом с тобой. Для защиты и охраны... Позволишь?

— Позволю. — Цири не понимала, почему бешенство на лице

абрикосовой девушки доставляет ей такое удовольствие.

— Она под моей охраной и защитой! — поднял голову Фабио, вызывающе взглянув на оруженосца. — Я тоже иду с ней!

— Милостивые государи. — Цири вскинула голову. — Больше выдержки. И не толкайтесь. Всем места хватит.

Кольцо зрителей заволновалось и загудело, когда она смело подошла к клетке, чуть ли не чувствуя дыхание обоих мальчиков на затылке. Выворотка яростно зашипела и заметалась, в ноздри зрителей ударил змеиный смрад. Фабио громко засопел, но Цири не отступила. Подошла еще ближе и протянула руку, почти коснувшись клетки. Чудовище бросилось на прутья, хватая их зубами. Толпа снова закачалась, кто-то ойкнул.

— Ну и что, — гордо подбоченилась Цири. — Умерла? Отравило меня это ядовитое чудовище? Это такой же василиск, как я...

Она осеклась, заметив неожиданную бледность, покрывшую лица оруженосца и Фабио. Мгновенно обернулась и увидела, что два прута клетки расходятся под напором разъяренного ящера, вырывая из рамы ржавые гвозди.

— Бегите! — крикнула она во весь голос. — Клетка ломается!

Зрители с ревом ринулись к выходу. Некоторые пытались пробиться через полотно, но запутались в нем сами и запутали других, повалили шесты, попадали друг на друга, образуя верещащий клубок. Оруженосец схватил Цири за руку в тот момент, когда она пыталась отскочить, в результате оба завертелись, споткнулись и упали, переворачивая Фабио. Кудлатый песик торговли принялся лаять, рябой — поносить всех святых, а совершенно запутавшаяся абрикосовая девушка — пронзительно визжать.

Путь клетки с треском вылетели, выворотка выбралась наружу. Рябой соскочил с подиума и попытался удержать ее палкой, но чудовище одним ударом лапы выбило палку у него из рук, свернулось ихватило его шиповатым хвостом, превратив покрытую оспинами щеку в кровавое месиво. Шипя и расправляя покалеченные крылья, выворотка слетела с помоста и тут же кинулась на Цири, Фабио и оруженосца, пытавшихся подняться с земли. Абрикосовая девушка потеряла сознание и повалилась на спину. Цири напряглась для прыжка, но поняла, что не успеет.

Ее спас кудлатый песик, который вырвался из рук торговли, запутавшейся в своих шести юбках. Тонко влаивая, псина кинулась на чудовище. Выворотка зашипела, приподнялась, прижала собачонку когтями, взвилась невероятно быстрым змеиным движением и впилась ей зубами в шею. Песик дико взвыл.

Оруженосец поднялся на колени и потянулся за мечом, но не нашел рукояти, потому что Цири оказалась проворнее. Она молниеносно выхватила меч у него из ножен, подпрыгнула в полуобороте. Выворотка поднялась, оторванная голова собачки свисала у нее из зубастой пасти.

Все движения, которым Цири научилась в Каэр Морхене, проделались как бы сами собой, почти помимо ее воли и участия. Она рубанула не ожидавшую нападения выворотку по животу и тут же закружилась в вольте, а кинувшийся на нее ящер свалился на песок, исходя кровью. Цири перепрыгнула через него, ловко увернувшись от свистящего хвоста, уверенно, точно и сильно ударила чудовище в бок, отскочила, машинально проделала ненужный уже вольт и тут же ударила еще раз, перерубив позвонки. Выворотка свернулась и замерла, только змеиный хвост еще извивался и бил по земле, разбрасывая песок.

Цири осторожно сунула окровавленный меч в руку оруженосцу.

— Конец! — крикнула она собирающейся толпе и все еще выпутывающимся из полотен зрителям. — Чудовище убито! Этот мужественный рыцарь прикончил его...

Неожиданно она почувствовала спазм в горле и бурление в желудке, в глазах потемнело. Что-то со страшной силой ударило ее по ягодицам так, что аж клацнули зубы. Она осмотрелась дурным взглядом. Оказывается, никто ее не ударил, просто она упала.

— Цири, — шепнул опустившийся перед ней на колени Фабио. — Что с тобой? О боги, ты бледная как смерть...

— Жаль, — пробормотала девочка, — ты себя не видишь.

Вокруг толпились люди. Некоторые тыкали в тело выверны палками и головнями, другие приводили в себя рябого, остальные восхваляли героического оруженосца, бесстрашного изничтожителя драконов, единственного, кто сохранил спокойствие и предотвратил смертоубийство. Оруженосец успокаивал абрикосовую девушку, не переставая с некоторым одурением глядеть на клинок меча, покрытый размазанными полосами высохающей крови.

— Мой герой... — Абрикосовая мазелька пришла наконец в себя и закинула оруженосцу руки на шею. — Мой спаситель! Мой любимый!

— Фабио, — слабым голосом сказала Цири, видя пробивающихся сквозь толпу городских стражников. — Помоги встать и заberi меня отсюда поскорее.

— Бедные дети... — Полная горожанка в чепчике взглянула на них, когда они бочком пробирались сквозь толпу. — Ну досталось вам. Если б не храбрый рыцаренок, выплакали бы глазоньки ваши матери!

— Узнайте, у кого этот юноша в оруженосцах! — крикнул ремесленник в кожаном фартуке. — Он заслужил пояса и шпор!

— А зверолова — к позорному столбу! Палок ему, палок! Такое чудовище — да в город, да к людям...

— Воды, воды. Мазелька снова в обморок упала!

— Моя бедная Мушка! — вдруг взвыла торговка, склонившись над тем, что осталось от лохматого песика. — Моя несчастная собаченька! Люди, хватайте ту девку, ту шельму, которая дракона разозлила! Где она? Хватайте ее! Не зверолов, а она всему виной!

Городские стражники, поддерживаемые многочисленными добровольцами, принялись, крутя головами, проталкиваться сквозь толпу.

— Фабио, — шепнула Цири. — Разделимся. Встретимся на улочке, по которой пришли. Иди. Если тебя кто-нибудь задержит и спросит обо мне — ты меня не знаешь и понятия не имеешь, кто я такая.

— Но... Цири!

— Иди!

Она зажала в кулаке амулет Йеннифэр и пробормотала активирующее заклинание. Чары подействовали мгновенно и в самое время. Стражники, которые уже пробирались к ней, обескураженно остановились.

— Какого черта? — удивился один из них, глядя, казалось бы, прямо на Цири. — Где она? Ведь только что видел!

— Там, там! — крикнул второй, указывая в противоположную сторону.

Цири повернулась и ушла, все еще опьяненная азартом боя, ослабленная активизацией амулета. Амулет действовал так, как и должен был действовать, — ее не заметил никто, и никто не обращал на нее внимания. Абсолютно никто. В результате, пока она не выбралась из толпы, ее безбожно толкали, наступали на ноги и пинали. Она чудом избежала удара брошенной с воза крынки. Ей чуть не выбили глаз вилами. Заклятие, как оказалось, имело хорошие и дурные стороны — причем хороших не меньше, чем дурных.

Амулет действовал недолго. Цири не доставало сил овладеть им и продлить время действия заклинания. К счастью, чары прекратились в подходящий момент — когда она выбралась из толпы и увидела Фабио, ожидавшего на улочке.

— Ой-ёй, — сказал мальчик. — Ой-ёй, Цири. Пришла! Я беспокоился.

— Напрасно. Пошли скорее. Полдень уже миновал. Мне надо возвращаться.

— Недурно ты управилась с тем чудовищем, — уважительно взглянул на нее мальчик. — И крутилась быстро! Где научилась?

— Чему? Выверну убил оруженосец.

— Неправда. Я видел...

— Ничего ты не видел. Пожалуйста, прошу тебя, Фабио, ни слова никому. Никому. А особенно госпоже Йеннифэр. Ой-ёй, задаст она мне, если узнает... — Цири замолчала. — Они, — она указала за спину, туда, где остался рынок, — были правы. Я раздрадила выверну... Все случилось из-за меня...

— Не из-за тебя, — убежденно возразил Фабио. — Клетка прогнила и была сколочена кое-как. Могла развалиться в любой момент, через час, завтра, послезавтра... Хорошо, что это случилось сейчас, потому что ты спасла...

— Оруженосец спас! — рявкнула Цири. — Оруженосец! Заруби себе на носу! Если только ты меня выдашь, я превращу тебя... во что-нибудь ужасное! Я знаю чары! Я заколдую тебя...

— Эй! — раздалось у них за спиной. — Хорошего понемногу!

У одной из следовавших за ними женщин были темные, гладко зачесанные назад волосы, блестящие глаза и тонкие губы. На плечах — короткий плащик из фиолетовой камки, отороченный мехом сони.

— Почему ты не в школе, воспитанница? — спросила она ледяным, звучным голосом, окидывая Цири пронизательным взглядом.

— Подожди, Тиссая, — сказала вторая женщина помоложе, светловолосая и высокая, в зеленом платье с очень смелым декольте. — Я ее не знаю. Вряд ли она...

— Воспитанница, — прервала темноволосая. — Уверена, одна из твоих девочек. Ты же всех в лицо не знаешь. Она из тех, что сбежали из Локсии во время неразберихи при смене жилья. И сейчас она признается сама. Ну, воспитанница, слушаю.

— А? — поморщилась Цири.

Женщина сжала тонкие губы, поправила отвороты перчаток.

— У кого ты украла камуфлирующий амулет? Или тебе кто-то его дал?

— А?

— Не испытывай моего терпения, воспитанница. Как тебя зовут? Кто твоя наставница? Ну быстро!

— А?

— Прикидываешься дурочкой, воспитанница? Имя! Как тебя зовут?

Цири стиснула губы, в ее глазах заплясали зеленые огоньки.

— Анна Ингеборга Клопшток, — нагло процедила она.

Женщина подняла руку, и Цири тут же поняла всю величину своей промашки. Йеннифэр всего один раз, устав от ее затянувшихся капризов,

продемонстрировала ей действие парализующих чар. Ощущение было исключительно мерзкое. Теперь это повторилось.

Фабио глухо вскрикнул и кинулся к Цири, но другая женщина, светловолосая, схватила его за воротник и осадила на месте. Мальчик рванулся, но рука женщины была как железо. Цири не могла даже дрогнуть. Ей казалось, что она понемногу врастает в землю. Темноволосая наклонилась и уставилась на нее блестящими глазами.

— Я не сторонница телесных наказаний, — сказала она холодно, снова поправляя отвороты перчаток, — но постараюсь, чтобы тебя вздули, воспитанница. Не за непослушание, не за кражу амулета и не за прогулы. Не за то, что ты носишь недозволенный наряд, ходишь с мальчиками и болтаешь с ними о делах, о которых тебе говорить не дозволено. Тебя выпорют за то, что ты не сумела распознать гроссмейстера.

— Нет! — крикнул Фабио. — Не наказывай ее, благородная госпожа! Я работаю клерком в банке господина Мольнара Джианкарди, а эта девушка...

— Заткнись! — взвизгнула Цири. — Зат...

Заклинание, лишившее ее способности говорить, было брошено резко и грубо. Она почувствовала на губах кровь.

— Ну, — подтолкнула Фабио светловолосая, отпуская и ласковым движением разглаживая помятый воротник мальчика, — говори. Кто эта мазелька?

Маргарита Ло-Антиль вынырнула из бассейна, с плеском разбрызгивая воду. Цири не могла удержаться и не посмотреть на нее. Она не раз видела Йеннифэр обнаженной и никак не думала, что у кого-то может быть более совершенная фигура. Она ошибалась. При виде обнаженной Маргариты Ло-Антиль от зависти покраснели бы даже мраморные статуи богинь и нимф.

Чародейка схватила ушат с холодной водой и опрокинула себе на бюст, при этом непристойно ругаясь и отряхиваясь.

— Эй, дева! — крикнула она Цири. — Подай-ка, пожалуйста, полотенце. Да перестань наконец на меня пялиться.

Все еще обиженная, Цири тихо фыркнула. Когда Фабио проговорился, кто она такая, чародейки, выставив Цири на посмешище, силой протащили ее через половину города. В банке Джианкарди все, разумеется, тут же

выяснилось. Чародейки извинились перед Йеннифэр, объяснив свое поведение. Дело в том, что воспитанниц из Аретузы временно перевели в Локсию, так как помещения школы понадобились под жилища участникам и гостям Сбора чародеев. Воспользовавшись неразберихой при переезде, несколько воспитанниц сбежали с Танедда и отправились в город. Маргарита Ло-Антиль и Тиссая де Врие, встревоженные активизацией амулета Цири, приняли ее за одну из прогульщиц.

Обе чародейки извинились перед Йеннифэр, но ни та, ни другая и не подумали извиниться перед Цири. Йеннифэр, выслушивая извинения, глядела на нее, и Цири чувствовала, как горят у нее уши. А больше всего досталось Фабио — Мольнар Джианкарди отчитал его так, что у мальчика слезы стояли в глазах. Цири было его жалко, но она и гордилась им — Фабио сдержал слово и даже не заикнулся о выверне.

Выяснилось, что Йеннифэр прекрасно знает Тиссаю и Маргариту. Чародейки пригласили ее в «Серебряную цаплю», самую лучшую и самую дорогую гостиницу в Горс Велене, где Тиссая де Врие остановилась по приезду, по одной только ей известной причине оттягивая появление на острове. Маргарита Ло-Антиль, которая, оказывается, была ректором Аретузы, приняла приглашение старшей чародейки и временно делила с нею жилье. Гостиница действительно оказалась роскошная, в подвальных помещениях разместилась баня, которую Маргарита и Тиссая, выложив баснословные деньги, сняли в свое исключительное пользование. Йеннифэр и Цири, конечно, были приглашены и вот уже несколько часов то плавали в бассейне, то потели в парной, непрерывно сплетничая.

Цири подала чародейкам полотенце. Маргарита легонько ущипнула ее за щеку. Цири фыркнула и с плеском прыгнула в пахнущую розмарином воду бассейна.

— Плавает как маленький тюлень, — засмеялась Маргарита, растягиваясь рядом с Йеннифэр на деревянном лежаке. — А стройна как наядка. Дашь ее мне, Йенна?

— Для того и привезла.

— На который курс принять? Основы знает?

— Знает. Но пусть начнет, как все, с младшей группы. Не помешает.

— Разумно, — сказала Тиссая де Врие, занятая очередной перестановкой кубков на мраморном столике, покрытом капельками сконденсированного пара. — Умно, Йеннифэр. Девочке будет легче, если она начнет вместе с другими новичками.

Цири выбралась из бассейна, присела на край парапета, выжимая волосы и болтая ногами в воде. Йеннифэр и Маргарита лениво

перебрасывались словами, то и дело протирая лица смоченными в холодной воде салфетками. Тиссая, целомудренно обмотавшаяся простыней, не вступала в разговор и, казалось, была полностью поглощена установлением надлежащего порядка на столике.

— Покорно просим прощения, благородные дамы! — раздался сверху голос невидимого хозяина гостиницы. — Соблаговолите простить за то, что посмел помешать, но... Какой-то офицер желает срочно видеть госпожу де Врие! Говорит, это не терпит отлагательства!

Маргарита Ло-Антиль хохотнула и подмигнула Йеннифэр. Обе одновременно скинули с бедер полотенца и расположились в нарочито изысканных и соблазнительных позах.

— Пусть офицер войдет! — крикнула Маргарита, сдерживая смех. — Приглашаем. Мы готовы!

— Ну дети и дети, — вздохнула Тиссая де Врие, покачав головой. — Накройся, Цири!

Офицер вошел, но оказалось, что чародейки старались напрасно. Офицер, увидев их, не смутился, не покраснел, не раскрыл рта, не вытаращил глаза. Ибо офицер был женщиной. Высокой, стройной женщиной с мечом на боку и толстой черной косой.

— Госпожа, — сухо проговорила женщина, слегка поклонившись Тиссае де Врие и звякнув звеньями кольчуги. — Докладываю о выполнении твоих приказаний. Прошу разрешения вернуться в гарнизон.

— Разрешаю, — кратко ответила Тиссая. — Благодарю за сопровождение и помощь. Счастливого пути.

Йеннифэр присела на лежанке, не отводя глаз от черно-красно-золотого банта на плече воительницы.

— Мы не знакомы?

Воительница сдержанно поклонилась, протерла вспотевшее лицо. В бане было жарко, а она стояла в кольчуге и кожаном камзоле.

— Я часто бывала в Венгерберге, — сказала она, — госпожа Йеннифэр. Меня зовут Райла.

— Судя по банту, ты служишь в спецподразделениях короля Демавенда?

— Да, госпожа.

— В чине?

— Капитана.

— Прекрасно, — рассмеялась Маргарита Ло-Антиль. — В армии Демавенда, отмечаю это с удовлетворением, наконец-то начали выдавать офицерские патенты солдатам независимо от того, есть у них, прости,

Цири, яйца или нет.

— Разрешите идти?

— Я почувствовала неприязнь в твоём голосе, Йенна, — сказала Маргарита, подождав, пока Райла выйдет. — В чём дело?

Йеннифэр встала, взяла со столика два кубка.

— Ты видела столбы на развилках дорог? — спросила она. — Должна была видеть, должна была вдыхать вонь разлагающихся трупов. Эти столбы — их придумка и их дело. Капитана и её подчиненных из спецподразделений. Банда садистов!

— Идет война, Йеннифэр. Райле не раз доводилось видеть товарищей по оружию, живыми попавших в лапы «белок». Повешенных за руки на деревьях в качестве мишеней для стрел. Ослепленных, кастрированных, с ногами, обгоравшими на кострах. Жестокостей, которые совершают ская'таэли, не устыдилась бы сама Фалька.

— Методы спецподразделений тоже слишком живо напоминают методы Фальки. Но не о том речь, Рита. Я не лью слез над судьбой эльфов, я знаю, что такое война, и знаю, как выигрывают войны. Их выигрывают солдаты, которые убежденно и самоотверженно защищают свою страну, свой дом. Не такие наемники, как Райла, дерущиеся ради денег, не умеющие и не желающие жертвовать собой. Им вообще неизвестно, что такое самопожертвование. А если и ведомо, то они презирают его.

— Хрен с ними, с их самопожертвованиями и их презрением. Нам-то какое дело? Цири, накинь что-нибудь и сбегай наверх за новым кувшином. Хочу сегодня надраться.

Тиссая де Врие вздохнула, покачав головой. Это не ушло от внимания Маргариты.

— К счастью, — хохотнула она, — мы уже не в школе, милая мэтресса. И можем позволить себе все, что захочется.

— Даже в присутствии будущей воспитанницы? — ехидно спросила Тиссая. — Когда ректором Аретузы была я...

— Помним, помним, — улыбнувшись, прервала Йеннифэр. — При всем желании не забудем. Отправляйся за кувшином, Цири.

Наверху в ожидании кувшина Цири стала свидетельницей отъезда воительницы и четырех её солдат. С любопытством и удивлением она наблюдала за их поведением, выражением лиц, изучала одежду и оружие. Капитан Райла с мечом и черной косой препиралась с хозяином гостиницы:

— Не стану ждать до утра! И накласть мне на то, что ворота закрыты! Хочу немедленно за стены! У гостиничных конюшен есть собственные потайные потёрны. Приказываю открыть ход!

— Инструкции...

— Насрать мне на ваши инструкции! Я выполняю приказы гроссмейстера де Врие!

— Ну хорошо, хорошо, капитан, не кричите, сейчас открою...

Потерна оказалась узким, крепко запертым на засовы проходом, ведущим непосредственно за стены города. Прежде чем прислужник передал Цири кувшин, она увидела, как этот проход отворили, и Райла с группой выехала наружу. В ночь.

Цири задумалась.

— Ну наконец-то, — обрадовалась Маргарита то ли Цири, то ли кувшину. Цири поставила кувшин на столик, видимо, неточно, потому что Тиссая де Врие тут же его подвинула. Наполняя кубки, Йеннифэр нарушила тщательно продуманное расположение сосудов, и Тиссае снова пришлось наводить порядок. Цири с ужасом представила себе Тиссаю в роли учительницы.

Йеннифэр и Маргарита вернулись к прерванному разговору, не забыв о кувшине. Цири задумалась, одновременно прислушиваясь к беседе чародеек.

— Нет, Йенна, — покачала головой Маргарита. — Похоже, это у тебя не временно. Я, например, порвала с Ларсом. С ним покончено. Elaine deireadh, как говорят эльфы.

— И поэтому хочешь надраться?

— В частности, — подтвердила Маргарита Ло-Антиль. — Грустно мне, не скрываю. Ведь мы были вместе четыре года. Но пришлось порвать. Я убедилась, что с ним в общем-то каши не сваришь.

— Тем более, — фыркнула Тиссая де Врие, разглядывая золотое вино в хрустальном кубке, — что Ларс женат.

— Как раз это-то, — пожала плечами чародейка, — не имеет никакого значения. Все приличные мужчины интересующего меня возраста женаты, тут уж ничего не попишешь. Ларс любил меня, да и мне какое-то время казалось... Ах, что говорить. Он слишком многого хотел. Угрожал моей свободе, а меня тошнит при одной мысли о моногамии. Впрочем, я взяла пример с тебя, Йенна. Помнишь наш разговор в Венгерберге? Когда ты решила порвать со своим ведьмаком? Тогда я советовала тебе подумать, говорила, что любовь на улице не валяется. И все же ты была права.

Любовь любовью, а жизнь жизнью. Любовь проходит...

— Не слушай ее, Йеннифэр, — холодно сказала Тиссая. — Она огорчена и обижена. Знаешь, почему она не идет на банкет в Аретузу? Потому что ей неловко явиться одной, без мужчины, с которым ее связывали четыре года. Из-за которого ей завидовали. Которого она потеряла, потому что не сумела оценить его любви.

— А может, стоит поговорить о чем-нибудь другом? — предложила Йеннифэр вроде бы беспечным, но заметно изменившимся голосом. — Налей нам, Цири. Язви его, маловат кувшинчик-то. Будь другом, принеси еще один.

— Два, — засмеялась Маргарита. — В награду получишь глоточек и сядешь с нами, не надо будет прислушиваться издали. Твое воспитание начнется здесь и сейчас, в бане, еще прежде, чем ты попадешь ко мне в Аретузу.

— Воспитание! — Тиссая возвела очи горе. — О боги!

— Тише, любезная мэтресса. — Маргарита шлепнула себя по мокрому бедру, изображая гнев. — Сейчас я — ректор школы! Тебе не удастся срезать меня на последнем экзамене!

— Очень жаль.

— Мне тоже, представь себе. Будь у меня сейчас частная практика, как у Йеннифэр, мне не приходилось бы мытариться с воспитанницами, вытирать носы плаксам и ругаться с гордячками. Послушай меня, Цири, учись. Чародейки всегда действуют. Хорошо ли, плохо ли — станет ясно позже. Но необходимо действовать, смело хватать жизнь за гриву. Поверь, малышка, я жалею исключительно о бездеятельности, нерешительности, колебаниях. О действиях и поступках, даже если они порой приносят печаль и тоску, по-настоящему не жалею никогда. Взгляни на даму, которая сидит вон там, делает строгие гримасы и педантично поправляет все что можно. Это Тиссая де Врие, грессмейстер, воспитавшая десятки чародеек, вдалбливая им, что действовать следует всегда, что нерешительность...

— Перестань, Рита.

— Тиссая права, — сказала Йеннифэр, все еще глядя в угол бани. — Перестань. Знаю, ты грустишь из-за Ларса, но не делай из своей грусти науку жить. У девочки еще будет время научиться этому, к тому же не в школе. Иди, Цири, за кувшином.

Цири встала. Она уже была полностью одета.

И полна решимости.

— Что? — крикнула Йеннифэр. — Что такое? Как это — уехала?

— Приказала, — забормотал хозяин, бледнея и прижимаясь спиной к стене. — Приказала оседлать коня...

— И ты послушался? Вместо того чтобы кинуться к нам?

— Государыни! Откуда ж знать-то? Я был уверен, что она отправляется по вашему приказу... У меня и в мыслях не было...

— Дурак набитый...

— Спокойнее, Йеннифэр. — Тиссая приложила руку ко лбу. — Не поддавайся эмоциям. Сейчас ночь. Ее не выпустят за ворота.

— Она велела, — шепнул хозяин, — отворить потерну...

— И ей отворили?

— Из-за вашего Сбора, — опустил глаза хозяин, — в городе полно чародеев... Люди в страхе, боятся им перечить... Как я мог отказать? Она говорила точно как вы, госпожа, ну совсем таким же тоном... И глядела точно как вы. Никто не смел ей даже в глаза глянуть, не то что спрашивать... Она была ну точно такая же, как вы... Тютелька в тютельку... Велела подать перо и чернила... и написала записку.

— Давай сюда! — крикнула Йеннифэр.

Тиссая де Врие опередила ее и громко прочитала:

«Госпожа Йеннифэр. Прости меня. Еду в Хирунд, потому что хочу видеть Геральта. Встретиться с ним, прежде чем пойду в школу. Прости мое непослушание, но я должна. Знаю, ты меня накажешь, но не хочу в будущем сожалеть о бездейственности и колебаниях. Если и придется о чем-то жалеть, то пусть это будут действия и поступки. Я — чародейка. Хватаю жизнь за гриву. Вернусь, как только смогу.

Цири».

— Все?

— Есть еще приписка: «Скажи госпоже Рите, что в школе ей не придется вытирать мне нос».

Маргарита Ло-Антиль недоверчиво покачала головой, а Йеннифэр разразилась бранью. Хозяин гостиницы покраснел и раскрыл рот. Доводилось ему слышать проклятия, но такие он слышал впервые.

Ветер дул с суши. Волны туч затягивали висящую над лесом луну. Дорога в Хирунд тонула во мраке. Ехать галопом стало опасно. Цири сдержала лошадь, пошла рысью. О том, чтобы идти шагом, даже не подумала. Она торопилась.

Вдалеке было слышно ворчание надвигающейся бури, горизонт то и дело освещали вспышки молний, вырывающихся из мрака зазубренную пилу вершин деревьев.

Она остановила коня на развилке — дорога расходилась на два рукава, оба выглядели одинаково.

«Почему Фабио ничего не сказал о развилке? Да что там, ведь я никогда не плутаю, я всегда знаю, в какую сторону идти или ехать. Почему же сейчас не могу решить, на какую дорогу свернуть?»

Огромная тень беззвучно пронеслась над головой. Цири почувствовала, как сердце подскакивает к горлу. Конь заржал, дернулся и помчался галопом, выбрав правую дорогу. Немного погодя она сдержала его.

— Это всего-навсего обыкновенная сова, — проговорила она, стараясь успокоить себя и коня. — Обычная птица... Бояться нечего...

Ветер усиливался, темные тучи целиком затянули луну. Но впереди, там, где в плотной стене леса угадывался разрыв, было светлее. Она поехала быстрее, песок полетел из-под копыт коня.

Вскоре пришлось остановиться. Перед ней был обрыв и дальше море, из которого вздымался знакомый черный конус острова. С того места, где она стояла, огней Гарштанга, Локсии и Аретузы видно не было. Маячила лишь одинокая, венчающая Танедд башня.

Тор Лара.

Загрохотало, и почти тут же ослепительная молния сшила затянутое тучами небо с вершиной башни. Тор Лара глянула на нее красными зрачками окон. Казалось, внутри башни на секунду загорелся огонь.

«Тор Лара... Башня Чайки... Почему это название вызывает во мне такой ужас?»

Вихрь рванул деревья, зашумели ветви. Цири зажмурилась, пыль и листья ударили ее по щеке. Она развернула фыркающего и оседающего на задние ноги коня. Сориентировалась. Остров Танедд указывал на север, а ей надо ехать на запад. Песчаная дорога лежала во мраке четкой белой полосой. Она пустила коня галопом.

Загрохотало снова, и при свете молнии Цири неожиданно увидела конных. Темные, размытые, подвижные силуэты по обеим сторонам дороги. Услышала окрик:

— Gar'ean!

Не раздумывая, она остановилась, натянула поводья, развернулась и послала коня в галоп. За ней — крик, свист, ржание, топот копыт.

— Gar'ean! Dh'oine!

Галоп, удары копыт, ветер. Тьма, в которой мелькают белые стволы придорожных берез. Грохот. Молния, в ее свете двое конных пытаются перегородить ей дорогу. Один протягивает руку, хочет схватить поводья. К шапке пристегнут беличий хвост. Цири ударяет коня плеткой, прижимается к конской шее, проносится рядом. За ней — крик, свист, грохот грома. Молния.

— Spar'le! Yaevinn!

«В карьер, в карьер! Быстрее, конь! Гром. Молния. Развилок. Влево! Я никогда не ошибаюсь! Снова развилок. Направо. В карьер, конек! Быстрее, быстрее!»

Дорога идет в гору, под копытами песок, конь, хоть она и подгоняет его, замедляет бег...

На вершине холма она оглянулась. Очередная молния осветила дорогу. Пусто. Она прислушалась, но слышала только шум ветра в листьях. Загрохотало.

«Здесь никого нет. „Белки“ — всего лишь воспоминания, вынесенные из Каэдвена. Роза из Шаэрраведда... Мне привиделось. Тут нет ни единой живой души, никто за мной не гонится...»

В нее ударил ветер.

«Ветер дует с суши, — подумала она, — я чувствую его правой щекой... Я заблудилась».

Молния. В ее свете заискрилась поверхность моря, выплыл из мрака черный конус острова Танедд. И Тор Лара. Башня Чайки. Башня, которая притягивает как магнит... «Но я не хочу в эту башню... Я еду в Хирунд. Потому что должна увидеть Геральта».

Снова вспышка.

Между нею и обрывом возник черный конь. На нем — рыцарь в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы. Крылья вдруг захлопали, птица ринулась в полет...

Цинтра!

Парализующий страх. Руки до боли стискивают ременные поводья. Молния. Черный рыцарь останавливает коня. Вместо лица у него жуткая

маска. Крылья хлопают.

Конь без понукания рванулся в галоп. Тьма, освещенная молниями. Лес кончается. Под копытами плеск, чавканье грязи. Позади шум крыльев хищной птицы. Все ближе... Ближе...

Сумасшедший галоп, глаза слезятся от ветра. Молнии режут небо, в их свете Цири видит ольхи и вербы по обеим сторонам дороги. Но это не деревья. Это слуги Короля Ольх. Слуги черного рыцаря, который мчится за ней, и крылья хищной птицы шумят на его шлеме. Диковинные чудовища по обеим сторонам дороги протягивают к ней узловатые руки, дико хохочут, разевая черные пасти дупел. Цири прижимается к шее коня. Ветки свистят, достают ее, цепляются за одежду. Покореженные стволы скрипят, дупла шамкают беззубыми ртами, заливаются ехидным смехом...

Львенок из Цинтры! Дитя Старшей Крови!

Черный рыцарь уже совсем близко. Цири чувствует его руку, пытающуюся схватить ее за волосы на затылке. Подгоняемый криком конь рвется вперед, резким прыжком берет невидимую преграду, с треском ломает камыш, спотыкается...

Она натянула поводья, откинувшись в седле, завернула хрипящего коня. Крикнула, дико, яростно. Выхватила меч из ножен, завертела над головой.

«Это уже не Цинтра! Я уже не ребенок! Я не беззащитна. Не позволю...»

— Не позволю! Ты не прикоснешься ко мне! Никогда не прикоснешься ко мне!

Конь с плеском и хлюпаньем прыгнул в воду, достигающую ему до живота. Цири наклонилась, крикнула, ударила коня пятками, вырвалась на дамбу. «Пруды, — подумала она. — Фабио говорил о прудах, в которых разводят рыбу. Это Хирунд. Я на месте. Я никогда не блуждаю...»

Молния. Позади дамба, дальше черная стена леса, пилой режущая небо. И никого. Только стон ветра нарушает тишину. Где-то на болотах крикает испуганная утка.

«Никого. На дамбе никого. Никто за мной не гонится. Это был мираж, кошмар. Воспоминание о Цинтре. Мне все привиделось. Вдали огонек. Фонарик. Либо костер. Это ферма. Хирунд. Уже близко. Еще одно усилие...»

Молния. Одна, вторая, третья. Грома не слышно. Ветер неожиданно замирает. Конь ржет, мотает головой и встает на дыбы.

На черном небе появляется молочно-белая, быстро светлеющая полоса, извивающаяся змеей. Ветер снова ударяет в вербы, сбивает с дамбы

облака листьев и сухой травы.

Далекий огонек исчезает. Тонет и растворяется в лавине голубых огоньков, которыми вдруг вспыхивает болото. Конь фыркает, ржет, мечется по дамбе. Цири с трудом удерживается в седле.

В движущейся по небу ленте возникают нечеткие силуэты всадников. Они все ближе, их видно все четче. Раскачиваются буйволиные рога и растрепанные султаны на шлемах, под шлемами белеют оскалившиеся черепа. Наездники сидят на лошадиных скелетах, покрытых лохмотьями попон. Бешеный ветер воет в вербах, острия молний одно за другим режут черное небо. Ветер воет все громче. Нет, это не ветер, это жуткое пение.

Кошмарная кавалькада заворачивает, мчится прямо на нее. Копыта призрачных лошадей вспарывают мерцание болотных огоньков. В голове кавалькады несется Король Гона. Проржавевший шишак колышется над черепом, зияющим провалами глазниц, горящих синеватым огнем. Развевается рваный плащ. О покрытый ржавчиной нагрудник грохочет ворот, пустой, как старый гороховый стручок. Некогда в нем сидели драгоценные камни. Но они вывалились во время дикой гонки по небу. И стали звездами...

«Неправда! Этого нет! Это кошмар, бред, призраки, миражи! Мне это только кажется!»

Король Гона сдерживает лошадь-скелет, раздражается диким, жутким смехом.

Дитя Старшей Крови! Ты — наша! Ты — наша! Присоединяйся к кортежу, присоединяйся к нашему Гону! Мы будем мчаться, мчаться до конца, до скончания вечности, до пределов существования! Ты — наша, звездоокая дочь Хаоса! Присоединяйся, познай радость Гона! Ты — наша, ты — одна из нас! Твое место с нами, среди нас!

— Нет! — кричит Цири. — Прочь! Вы — трупы!

Король Гона смеется, клацают гнилые зубы над заржавевшим воротом доспехов. Синим горят глазницы черепа.

Да, мы — трупы! Но смерть — ты!

Цири прижимается к шее коня. Подгонять его нет нужды. Чувствуя позади настигающие их призраки, конь сломя голову мчится вперед по дамбе.

Бернье Хофмайер, низушек, фермер из Хирунда, поднял кучерявую

голову, прислушался к далеким раскатам грома.

— Опасная штука — такая буря и без дождя. Ударит где-нибудь молния, и пожар...

— Малость дождя не помешала бы, — вздохнул Лютик, подкручивая колки лютни, — потому как воздух такой, что хоть ножом режь... Сорочка липнет к спине, комары жрут... Но, пожалуй, все кончится ничем. Кружила буря, кружила, но теперь уже сверкает где-то на севере. Скорее всего над морем.

— Бьет в Танедд, — сказал низушек. — Самая высокая точка в округе, Тор Лара, прям-таки притягивает молнии. При крепкой буре все выглядит так, будто она полыхает огнем. Аж диво берет, что не разваливается...

— Магия, — убежденно отметил трубадур. — На Танедде все — магическое, даже сама скала. А чародеи молний не боятся. Да что это я! Известно ли тебе, Бернье, что они умеют молнии ловить?

— Да ну тебя! Врешь все, Лютик!

— Чтоб меня гром... — Поэт осекся, тревожно глянул на небо. — Чтоб меня гусь клюнул, ежели лгу. Говорю тебе, Хофмайер, магики ловят молнии. Собственными глазами видел. Старый Горазд, тот, которого позже на Содденском Холме убили, однажды схватил молнию на моих глазах. Взял длиннющий кусок проволоки, один конец прикрепил к вершине своей башни, а другой...

— А другой надо было в бутылку сунуть, — пискнул вдруг бегающий по двору сын Хофмайера, маленький низушек с густой и курчавой словно руно шевелюрой. — В стеклянную бутыль, в какой папка вино гонит. Молния по проволоке в бутыль и шмыгнет...

— А ну домой, Франклин! — рывкнул фермер. — В постель, спать, быстро! Скоро полночь, а завтра с утра за работу! Ох, гляди, поймаю я тебя, ежели будешь во время бури с бутылками и проволокой мудрить. Пущу ремень в дело! Две недели на заднице не усидишь! Петунья, заberi его отседова. А нам еще пивка принеси!

— Хватит, — гневно бросила Петунья Хофмайер, забирая сына со двора. — И без того вон сколько вылакали.

— Не ворчи. Того и гляди, ведьмак вернется. Гостя попотчевать надобно.

— Когда вернется, тогда и принесу. Для него.

— Ну, скупа баба, — буркнул Хофмайер, но так, чтобы жена не услышала. — Прям как свояченица Бибервельтиха из Почечуева Лога. Все до одного там скряга на скряге и скрягой погоняют... А ведьмака что-то долго не видать. Как пошел на пруды, так и пропал. Станный человек.

Видел, как вчера вечером на девочек глядел, на Цинию и Тангеринку, когда они во дворе играли? Станные у него были глаза. А теперь... Не могу отделаться от ощущения, что он пошел, чтобы побыть одному. Да и у меня гостит только потому, что моя ферма в стороне, вдали от других. Ты его лучше знаешь, Лютик, скажи...

— Знаю? Его-то? — Поэт прихлопнул комара на шее, потренировал лютне, всматриваясь в черные силуэты верб над прудом. — Нет, Бернье. Не знаю. Думаю, никто его не знает. Но с ним явно что-то творится. Зачем он сюда приехал, в Хирунд? Чтобы поближе к Танедду? А когда вчера я предложил ему вместе проехаться в Горс Велен, откуда Танедд видно, он тут же отказался. Что его здесь держит? Может, вы сделали какое-нибудь выгодное предложение?

— Где там, — буркнул низушек. — Честно говоря, я вообще не верю, чтобы тут какое-никакое чудовище объявилось. Того паренька, что в пруду утоп, могли спазмы схватить. А все сразу в крик: мол, это дело рук топляка или кикиморы, и, дескать, надобно ведьмака призвать... А уж деньги-то ему такие ничемные пообещали, стыдобища да и только. А он что? Три ночи по дамбам да прудам лазает, днем или спит, или сидит молча, копна копной, на детишек смотрит, на дом... Странно, я бы сказал — необыкновенно.

— И правильно бы сказал.

Сверкнула молния, осветив двор и постройки фермы. На мгновение глянули белым развалины эльфьего особняка в конце дамбы. Через несколько секунд над садами прокатилась волна грома. Сорвался неожиданный ветер, деревья и камыши над прудом зашумели и пригнулись, зеркало воды подернулось рябью и стало матовым, оцетинились вставшие торчком листья кувшинок.

— Все ж таки буря к нам идет, — глянул на небо фермер. — Может, магии чарами отогнали от острова? Их на Танедд съехалось больше двух сотен... Как думаешь, Лютик, о чем они там будут совещаться, на своем Сборе? Выйдет из того что-нибудь путное?

— Для нас? Сомневаюсь. — Трубадур провел большим пальцем по струнам лютни. — Их сборы — обычно показ мод, сплетни, повод для поклепов и внутренних разборок. Споры — распространять магию или, наоборот, предоставить элите. Склоки между теми, кто королям служит, и теми, кто предпочитает на королев давить, но при этом как бы оставаться в тени.

— Ох, — вздохнул Бернье Хофмайер, — что-то мне думается, во время ихнего Сбора будет на Танедде постоянно сверкать и греметь не хуже, чем

во время бури.

— Возможно. А нам-то какое дело?

— Тебе — никакого, — грустно проговорил низушек. — Потому как ты только и знаешь, что на лютне бренчать да песенки распевать. Глядишь на окружающий тебя мир, а видишь одни стихи да ноты. А у нас тут за последнюю неделю конники дважды капусту и репу копытами пропахали. Армия гоняется за «белками», «белки» крутятся и удирают, а и тем и другим дорога не иначе как через нашу капусту выпадает...

— Не время жалеть капусту, когда лес горит, — проговорил поэт.

— Ты, Лютик, — Бернье Хофмайер искоса глянул на него, — как чего скажешь, так неизвестно, плакать ли, смеяться ли или дать тебе под зад. Я серьезно говорю! И скажу тебе, паршивые времена пришли. На большаках колья, шибеницы, на полянах и по просекам — трупы, мать их. Эти края, пожалуй, так выглядели во времена Фальки. Ну и как тут жить? Днем заявляются люди короля и шумят, что за помощь «белкам» возьмут нас на дыбы. А ночью врываются эльфы, и попробуй откажи им в помощи! Они сразу же весьма поэтично обещают показать нам, как ночь обретает красное обличье. Такие, понимаешь, поэтичные, сукины дети, что выблевать невозможно. Так нас и взяли, как говорится, меж двух жерновов...

— Рассчитываешь на то, что чародейский Сбор что-то изменит?

— Ну да, рассчитываю. Ты сам сказал, что среди магиков два лагеря борются. Прежде уже бывало, что чародеи королей сдерживали, клали конец войнам и волнениям. Ведь именно магики мир заключили с Нильфгаардом три года тому. Так, может, и теперь...

Бернье Хофмайер замолчал, прислушался. Лютик ладонью приглушил звучащие струны.

Из мрака на дамбе показался медленно бредущий ведьмак. Снова сверкнула молния. Когда загрохотало, ведьмак был уже рядом, во дворе.

— Ну и как, Геральт? — спросил Лютик, чтобы прервать неловкое молчание. — Выследил уродину?

— Нет. Сегодня ночь неподходящая. Непокойная ночь. Непокойная... Устал я, Лютик.

— Сядь, передохни.

— Я не о том.

— Верно, — буркнул низушек, глядя в небо и прислушиваясь. — Непокойная ночь, что-то недоброе в воздухе висит... Животные маются в хлеве... А в ветре слышны крики...

— Дикий Гон, — тихо сказал ведьмак. — Замкните как следует ставни,

господин Хофмайер.

— Дикий Гон? — изумился Бернье. — Призраки?

— Не бойтесь. Они пройдут высоко. Летом Гон всегда проходит высоко. Гон опасен во время зимней бури, особенно — путникам на перекрестке дорог. Но дети могут проснуться. Гон несет с собой ночные кошмары. Лучше закрыть ставни.

— Дикий Гон, — проговорил Лютик, беспокойно зыряка навверх, — к войне.

— Глупости и преувеличение.

— Нет! Незадолго до нильфгаардского нападения на Цинтру...

— Тише! — Ведьмак жестом прервал его, резко выпрямился, уставившись в темень.

— Что слу...

— Конники.

— Дьявольщина, — прошипел Хофмайер, соскакивая со скамьи. — Ночью могут быть только скоя'таэли. Опять капусту...

— Один конь, — прервал его ведьмак, поднимая со скамьи меч. — Один живой конь. Остальные — призраки из Гона... Черт возьми... Невероятно... Летом?

Лютик тоже вскочил, но убежать постыдился, потому что ни Геральт, ни Бернье бежать не собирались. Ведьмак выхватил меч из ножен и бросился в сторону дамбы, низушек, не раздумывая, поспешил за ним, вооружившись вилами. Опять сверкнуло, на дамбе появился мчащийся галопом конь. А за конем следовало нечто неопределенное, нечто сотканное из мрака и отсвета, какой-то клуб, вихрь, мираж. Что-то, вызывающее панический страх, отвращение, ужас, проникающий до мозга костей.

Ведьмак крикнул, поднимая меч. Наездник заметил его, пришпорил коня, оглянулся. Ведьмак крикнул еще раз. Громыхнул гром.

Сверкнуло, но теперь это была не молния. Лютик повалился на колени рядом со скамьей и подлез бы под нее, не будь скамья слишком низкой. Бернье уронил вилы. Петунья Хофмайер, выбежавшая из дома, крикнула.

Ослепительный блеск материализовался в прозрачную сферу, внутри которой замаячила фигура, мгновенно обретая контуры и форму. Лютик распознал ее тут же. Он знал эти черные, рассыпавшиеся локоны и обсидиановую звезду на бархотке. Тем, чего он не знал и никогда раньше не видел, было лицо. Лицо Фурии, лицо богини Мести, Гибели и Смерти.

Йеннифэр подняла руки и выкрикнула заклинание, из ее пальцев с шипением вырвались разбрасывающие искры спирали, разрывая ночное

небо и тысячами звезд отражаясь в поверхности пруда. Спиралью копьями врезались в преследующий одинокого всадника клуб. Клуб вскипел. Лютику показалось, что он слышит жуткие крики, видит кошмарные силуэты призрачных коней. Это продолжалось доли секунды, потому что клуб вдруг сжался, собрался в шар и взмыл в небо, удлинняясь на ходу и подобно комете волоча за собой хвост. Опустилась тьма, освещаемая только колеблющимся светом фонаря, который держала Петунья Хофмайер.

Наездник осадил коня перед домом, слетел с седла, покачнулся. Лютик сразу же сообразил, кто это. Никогда раньше он не видел этой худенькой пепельноволосой девочки, но узнал ее мгновенно.

— Геральт... — прошептала девочка. — Госпожа Йеннифэр... Простите... Мне надо было. Ты же знаешь...

— Цири, — сказал ведьмак. Йеннифэр сделала шаг к девочке, но тут же остановилась. Молчала.

«К кому она подойдет?» — подумал Лютик. Однако никто из них, ни ведьмак, ни чародейка, не сделал ни шага, ни жеста. «К кому она подойдет прежде? К нему? Или к ней?»

Цири не подошла ни к нему, ни к ней. Не в состоянии выбрать, она просто-напросто упала в обморок.

Дом был пуст, все семейство низушков чуть свет отправилось на работу. Цири притворялась, будто спит, но слышала, как Геральт и Йеннифэр вышли. Она соскользнула с постели, быстро оделась, тихонько выбралась из комнаты и следом за ними пошла в сад.

Геральт и Йеннифэр свернули на дамбу, разделяющую покрытые белыми водяными лилиями и желтыми кувшинками пруды. Спрятавшись за разрушенной стеной, Цири сквозь щель наблюдала за чародейкой и ведьмаком. Девочка думала, что Лютик, известный поэт, стихи которого она читала не раз, еще спит. Она ошибалась. Поэт не спал. И застал ее на месте преступления.

— Эй, — хихикнул он, неожиданно подходя. — Разве хорошо подслушивать и подглядывать? Побольше деликатности, малышка. Позволь им немного побыть одним.

Цири покраснела, но тут же сжала губы и гордо проговорила:

— Во-первых, я не малышка. А во-вторых, мне кажется, я им не мешаю, а?

Лютик немного посерьезнел.

— Пожалуй, верно. Мне даже кажется, помогаешь.

— Я? Чем?

— Не прикидывайся. Вчера все было разыграно очень хитро. Но меня не проведешь. Ты изобразила обморок. Да?

— Да, — отвела глаза Цири. — Госпожа Йеннифэр сразу разгадала, а Геральт — нет...

— Они вдвоем отнесли тебя в дом. Их руки соприкасались. Они сидели у твоей постели почти до утра, не произнеся ни слова. Только теперь решились поговорить. Здесь, на дамбе, у прудов. А ты решила подслушать, о чем они говорят... И подглядеть за ними через пролом в стене. Тебе до зарезу надо знать, что они там делают?

— Они там ничего не делают. — Цири слегка зарумянилась. — Беседуют, вот и все.

— А ты... — Лютик присел на траву под яблоней и оперся спиной о ствол, предварительно убедившись, что там нет ни муравьев, ни гусениц. — Тебе до смерти хочется знать, о чем беседуют, да?

— Да... Нет! А впрочем... Впрочем, я все равно ничего не слышу. Слишком далеко.

— Если хочешь, — засмеялся бард, — я тебе скажу.

— А ты-то откуда можешь знать?

— Ха-ха! Я, милая Цири, поэт. Поэты о таких вещах знают все. Поверь, поэты о таком знают больше, чем сами собеседники. Если их можно так назвать.

— Как же!

— Слово даю! Слово поэта.

— Да? Ну тогда... Тогда скажи, о чем они разговаривают? Объясни, что все это значит!

— Взгляни еще раз в пролом и посмотри, что они делают.

— Хм-м-м... — Цири закусила верхнюю губу, потом наклонилась к отверстию. — Госпожа Йеннифэр стоит у вербы... Обрывает листики и даже не смотрит на Геральта... А Геральт, опустив голову, стоит рядом. И что-то говорит. Нет, молчит. Ой, ну и рожица у него... Ну и странная же...

— Все по-детски просто. — Лютик отыскал в траве яблоко, вытер о брюки и критически осмотрел. — Сейчас он просит простить ему всякие глупые слова и поступки. Просит простить за нетерпение, за недостаток веры и надежды, за упрямство, за ожесточение. За капризы и позы, недостойные мужчины. Просит простить за то, что когда-то не понимал, за то, что не хотел понять...

— Все это неправдивая неправда! — Цири выпрямилась и резким движением откинула челку со лба. — Все ты выдумал!

— Просит простить за то, что понял лишь теперь, — продолжал Лютик, уставившись в небо, а в его голосе послышались ритмы, свойственные балладам. — Что хочет понять, но боится: а вдруг да не успеет... И может даже быть, что не поймет уже. Извиняется и просит прощения... Прощения... Хм... Значения... Сомнения... Предназначения. Все банально, холера...

— Неправда! — топнула ногой Цири. — Геральт вовсе так не говорит. Он... он вообще молчит. Я же видела. Он стоит там с ней и молчит...

— В том-то и состоит роль поэзии, Цири. Говорить о том, о чем другие молчат.

— Дурацкая она, твоя роль. Все ты выдумываешь!

— И в этом тоже состоит роль поэзии. Ой, я слышу у пруда возбужденные голоса. А ну выгляни быстренько, взгляни, что там делается.

— Геральт, — Цири снова заглянула в щель, — стоит, опустив голову. А Йеннифэр страшно кричит на него. Кричит и размахивает руками. Ой-ёй... Что бы это значило?

— Детский вопрос. — Лютик снова глянул на плывущие по небу облака. — Теперь она просит у него прощения.

Глава 3

Сим беру тебя, дабы владеть тобой и оберегать тебя, беру на долю хорошую и долю плохую, долю самую лучшую и долю самую худшую, днем и ночью, в болезни и здоровьи, ибо люблю тебя всем сердцем своим и клянусь любить вечно, пока смерть не разлучит нас.

Старинная венчальная формула

О любви мы знаем немного. Любовь — что груша. Она сладкая и имеет определенную форму. Но попробуйте дать определение формы груши!

Лютик. «Полвека поэзии»

У Геральта были основания подозревать — и он действительно подозревал, — что банкеты чародеев отличаются от пиров и торжественных обедов простых смертных. Однако что различие окажется столь велико и принципиально — он не ожидал.

Предложение Йеннифэр сопровождать ее на предваряющем чародейский Сбор банкете оказалось для него неожиданным, но не ошарашило. Это было не первое предложение такого рода. Уже раньше, когда они жили вместе и их отношения складывались прекрасно, Йеннифэр хотелось присутствовать на сборах и дружеских пирушках в его обществе. Однако он решительно отказывался, полагая, что в компании чародеев в лучшем случае окажется диковинкой и сенсацией, а в худшем — нежелательным пришельцем и парией. Йеннифэр смеялась над его опасениями, но не настаивала. А поскольку в иных ситуациях она умела настаивать так, что весь дом сотрясался и сыпалось стекло, постольку Геральт утвердился в мнении, что его решения были правильными.

На этот раз он согласился. Не раздумывая. Предложение последовало после долгого, откровенного и эмоционального разговора. Разговора, который сблизил их вновь, отодвинул в тень и забытые давние конфликты, растопил лед обиды, гордыни и ожесточения. После разговора на дамбе в Хирунде Геральт согласился бы на любое, абсолютно любое предложение Йеннифэр. Не отказался бы даже от совместного посещения ада ради того,

чтобы хлебнуть чашечку кипящей смолы в компании огненных демонов.

И еще была Цири, без которой ни этого разговора, ни этой встречи не было бы, Цири, которой, если верить Кодрингеру, интересовался какой-то чародей. Геральт рассчитывал на то, что его присутствие на Сборе спровоцирует чародея и заставит того действовать. Но Йеннифэр он не сказал об этом ни слова.

Из Хирунда он, она, Цири и Лютик поехали прямо на Танедд. Для начала остановились в огромном комплексе дворца Локсия, разместившемся у юго-восточного подножия горы. Дворец уже кишмя кишел гостями Сбора и сопровождающими их лицами, но для Йеннифэр сразу же нашлись покои. В Локсии они провели целый день. Весь этот день Геральт разговаривал с Цири, Лютик бегал, собирал и распространял слухи и сплетни, чародейка выбирала и примеривала наряды. А когда наступил вечер, ведьмак с Йеннифэр присоединились к многоцветной процессии, направлявшейся в Аретузу — дворец, в котором предстояло иметь место банкету. И теперь, в Аретузе, Геральт удивлялся и изумлялся, хоть и дал себе слово ничему не удивляться и не изумляться.

Огромная центральная зала дворца имела форму буквы «Т». Длинное плечо освещали окна, узкие и невероятно высокие, достигающие чуть ли не до поддерживаемого колоннами свода. Свод тоже был высокий. Такой высокий, что трудно было разглядеть детали украшающих его фресок, на которых основным мотивом было многократно повторенное изображение пяти обнаженных фигур. Оконные проемы были забраны чертовски дорогими витражами, и все же в зале явно ощущались сквозняки. Геральта удивляло, что свечи при этом не гаснут, но, присмотревшись внимательнее, он удивляться перестал. Канделябры были магические, а возможно, даже иллюзорные. Во всяком случае, света они давали много, несравненно больше, чем обычные свечи.

Когда они вошли, в зале уже находилось не меньше сотни людей. Зала, по оценке ведьмака, могла вместить как минимум в три раза больше, даже если посередине, как того требовала традиция, поставить столы подковой. Но традиционной подковы не оказалось. Похоже было на то, что пировать собрались стоя, прохаживаясь вдоль стен, украшенных гобеленами, гирляндами и колеблющимися на сквозняке знаменами. Под гобеленами и гирляндами стояли ряды длинных столов. На столах теснились замысловатые блюда среди замысловатых цветных композиций из замысловатых ледяных фигур. Вглядевшись внимательнее, Геральт констатировал, что замысловатости было значительно, то есть значительно больше, чем еды.

— Есть нечего, — грустно отметил он, разглаживая на себе короткий черный, расшитый серебром и перехваченный в талии камзол, в который вырядила его Йеннифэр. Такой камзол — последний писк моды — почему-то называли дублетом. Откуда взялось такое название, ведьмак понятия не имел. И иметь не хотел. Йеннифэр на его замечание не отреагировала. Впрочем, Геральт и не ожидал реакции, хорошо зная, что чародейка не привыкла реагировать на подобные замечания. Но не отчаялся. Продолжал брюзжать. Просто ему хотелось побрюзжать.

— Музыки нет. Дует черт-те как. Присесть негде. Что, есть и пить будем стоя?

Чародейка одарила его волооким фиалковым взглядом и сказала неожиданно спокойно:

— Именно. Будем есть стоя. Кстати, тебе следует знать, что долго задерживаться у стола с блюдами бестактно.

— Постараюсь быть тактичным, — буркнул он. — Тем более что и задерживаться-то, похоже, негде.

— Пить большими глотками — очень бестактно, — продолжала поучать Йеннифэр, не обращая внимания на его ворчание. — Избегать беседы непростительно бестактно...

— А то, — прервал он, — что вон тот тощага в кретинских штанах указывает на меня пальцем двум своим подружкам, тоже бестактно?

— Да. Но не очень.

— Что будем делать, Йен?

— Фланировать по залу, здороваться, раздавать комплименты, беседовать... Перестань разглаживать дублет и поправлять волосы...

— Ты не разрешила мне надеть повязку...

— Твоя повязка слишком претенциозна. Ну, возьми меня под руку и пошли. Торчать вблизи входа — бестактно.

Они кружили по зале, постепенно наполняющейся гостями. Геральту зверски хотелось есть, но вскоре он понял, что Йеннифэр не шутила. Было видно, что обязывающий чародеев этикет и впрямь предполагает, что есть и пить надо мало и как бы с неохотой. Вдобавок ко всему каждая остановка у столика с яствами влекла за собой исполнение неких общественных обязанностей. Кто-то кого-то замечал, проявлял радость по сему случаю, подходил и приветствовал столь же многословно, сколь и фальшиво. После обязательной имитации взаимоцелования в щечку или до неприятности деликатного рукопожатия, неискренних улыбок и еще менее искренних, хоть и недурно замаскированных комплиментов следовала краткая и тоскливо банальная беседа ни о чем.

Ведьмак внимательно осматривался, пытаясь отыскать знакомые лица в надежде, что он тут все же не единственный, кто допущен к общению с чародейской братией. Йеннифэр заверяла его, что он, конечно же, не единственный, но что-то он не видел никого, кто не входил бы в Братство, а может, просто не мог никого узнать.

Пажи разносили на подносах вино, лавируя среди гостей. Йеннифэр не пила вообще. Ведьмак хотел, но не мог.

Ловко работая плечом, чародейка оттеснила его от стола и вывела в самый центр зала, в самый фокус всеобщего интереса. Сопротивление не помогло. Он понимал, в чем дело. Это была самая банальнейшая демонстрация.

Геральт знал, чего может ожидать, поэтому со стоическим спокойствием сносил полные нездорового любопытства взгляды чародеек и загадочные ухмылки чародеев. Хоть Йеннифэр и уверяла его, что правила хорошего тона и такта запрещают пользоваться на таких мероприятиях магией, он не верил, чтобы магии сумели удержаться, тем более что Йеннифэр провокационно выставяла его на всеобщее обозрение. И был прав. Несколько раз он почувствовал дрожание медальона и уколы чародейских импульсов. Некоторые мужчины, не говоря уже о дамах, пытались бесцеремонно читать его мысли. Он был к этому готов, знал, в чем дело, и знал, как реагировать. Глядел на идущую с ним под руку Йеннифэр, на бело-черно-бриллиантовую Йеннифэр с волосами цвета воронова крыла и фиалковыми глазами, а зондирующие его чародеи конфузились, смущались и, к его величайшему удовлетворению, явно теряли самоуверенность. Да, мысленно отвечал он им, да, вы не ошибаетесь. Существует только она. Она, рядом со мной, здесь и сейчас, и только это имеет значение. Здесь и сейчас. А кем она была раньше, где была раньше и с кем была раньше — ничего, абсолютно ничего не значит. Сейчас она со мной, здесь, среди вас. Со мной и ни с кем другим. Именно так я думаю, думаю постоянно о ней, неустанно думаю о ней, чувствую аромат ее духов, тепло ее тела. А вы хоть удавитесь от зависти.

Чародейка крепко сжала ему руку, прильнула к нему.

— Благодарю, — мурлыкнула она, снова направляясь к столам. — Но, пожалуйста, без чрезмерной демонстративности.

— А что, вы, чародеи, всегда принимаете искренность за демонстративность? Не потому ли, что не верите в искренность даже тогда, когда вычитаете ее в чужих мыслях?

— Да. Поэтому.

— И все-таки ты меня благодаришь?

— Потому что тебе верю. — Она еще сильнее сжала ему руку, потянувшись к блюду. — Положи мне немного лосося, ведьмак. И крабов.

— Это крабы из Повисса. Их выловили месяц назад, не иначе. А стоит жара. Не боишься...

— Эти крабы, — прервала она, — еще сегодня ползали по морскому дну. Телепортация — чудесное изобретение.

— Верно, — согласился он. — Неплохо бы его распространить, не думаешь?

— Мы над этим работаем. Накладывай, накладывай, есть хочу.

— Я люблю тебя, Йен.

— Я же просила, без демонстративности... — Она осеклась, вскинула голову, отбросила со щеки черные локоны, широко раскрыла фиалковые глаза. — Геральт! Ты впервые признался мне в этом!

— Невероятно. Издеваешься!

— Ничего подобного. Раньше ты только думал, сегодня сказал.

— Неужто такая уж разница?

— Огромная.

— Йен...

— Не разговаривай с набитым ртом. Я тоже тебя люблю. Разве не говорила? О боги, ты же задохнешься! Подними руки, я постучу тебя по спине. Дыши глубже.

— Йен...

— Дыши, дыши, сейчас пройдет.

— Йен!

— Да. Откровенность за откровенность.

— Ты не заболела?

— Я ждала. — Она выжала на лосося лимон. — Не могла же я реагировать на признания, которые делают мысленно! Дождалась слов, смогла ответить, вот и отвечаю. Я чувствую себя изумительно.

— Что случилось?

— Расскажу позже. Ешь. Лосось прекрасный, клянусь Силой, он действительно прекрасный.

— Можно тебя поцеловать? Сейчас, здесь, при всех?

— Нет.

— Йеннифэр! — Проходящая мимо темноволосая чародейка высвободила руку из-под локтя сопровождающего ее мужчины, подошла. — Все-таки приехала? Это чудесно! Я не видела тебя тысячу лет!

— Сабрина! — Йеннифэр обрадовалась так искренне, что любой, кроме Геральта, позволил бы себя обмануть. — Дорогая! Какая радость!

Чародейки осторожно обнялись и взаимно расцеловали друг друга воздух около ушей и бриллиантово-ониксовых сережек. Сережки обеих чародеек, напоминающие миниатюрные кисти винограда, были одинаковые — в воздухе незамедлительно запахло дикой враждой.

— Геральт, позволь представить — моя школьная подруга, Сабрина Глевиссиг из Ард Каррайга.

Ведьмак поклонился, чмокнул высоко поданную руку. Он уже успел сообразить, что все чародейки при встрече ожидали целования руки. Это как бы уравнивало их по меньшей мере с княжнами. Сабрина Глевиссиг подняла голову, ее серьги дрогнули и зазвенели. Тихонько, но демонстративно и нахально.

— Я так хотела с тобой познакомиться, Геральт, — улыбнулась она. Как все чародейки, она не признавала «господ», «милостивых государей», даже в сокращенной до «милсдаря» форме, или иных, обязательных у знати форм. — Рада, страшно рада. Наконец-то ты, Йен, перестала скрывать его от нас. Откровенно говоря, странно, что так долго тянула. Абсолютно нечего стыдиться.

— Я тоже так думаю, — не замедлила ответить Йеннифэр, слегка прищулив глаза и демонстративно отбрасывая волосы с собственных серег. — Прелестная блузка, Сабрина. Просто дух захватывает. Правда, Геральт?

Ведьмак кивнул, сглотнул. Блузка Сабрины Глевиссиг, сшитая из черного шифона, являла миру абсолютно все, что можно было являть, а являть было что. Карминовая юбка, стянутая серебряным пояском с огромной пряжкой в форме розы, была на боку разрезана в соответствии с последней модой. Однако мода требовала носить юбки с разрезом до половины ляжки, а Сабрина сделала разрез до половины бедра. Очень привлекательного бедра.

— Что нового в Каэдвене? — спросила Йеннифэр, прикидываясь, будто не видит, куда смотрит Геральт. — Твой король Хенсельт по-прежнему растрчивает силы и средства на ловлю «белок» по лесам? И все еще мечтает о карательной экспедиции против эльфов в Доле Блатанна?

— Оставим в покое политику, — улыбнулась Сабрина. Немного длинноватый нос и хищные глаза делали ее похожей на классическое изображение ведьм. — Завтра на Совете наедемся этой политики по горлышко. И наслушаемся разных... моралей. О необходимости мирного сосуществования... О дружбе... О надобности согласованной позиции в отношении планов и намерений наших королей... Чего еще наслушаемся, Йеннифэр? Что еще готовят нам на утро Капитул и Вильгефорц?

— Оставим в покое политику.

Сабрина Глевиссиг серебристо рассмеялась под аккомпанемент тихого позвякивания сережек.

— Верно. Подождем до завтра. Завтра... Завтра все выяснится. Ах, эта политика, эти бесконечные совещания... Как же скверно они отражаются на коже! К счастью, у меня есть прекрасный крем, поверь, дорогая, морщинки исчезают как сон золотой... Дать тебе рецепт?

— Спасибо, милая, но мне не нужно. Поверь.

— Знаю, знаю. В школе я всегда завидовала твоей коже. Господи, сколько лет-то прошло?

Йеннифэр сделала вид, будто кланяется кому-то из проходящих. Сабрина же улыбнулась ведьмаку и максимально выпятила то, чего не скрывал черный шифон. Геральт снова сглотнул, стараясь не глядеть чересчур нахально на ее розовые соски, слишком явно просматривающиеся под прозрачной тканью. Робко взглянул на Йеннифэр. Чародейка улыбнулась, но он знал ее достаточно хорошо. Она была в ярости.

— Ах, — сказала она вдруг. — Я вижу там Филиппу, мне обязательно надо с ней поговорить. Позволь, Геральт. Прости, Сабрина.

— Ну, ну... — Сабрина Глевиссиг заглянула ведьмаку в глаза. — А вкус у тебя... вполне... вполне.

— Благодарю. — Голос Йеннифэр был подозрительно холоден. — Спасибо, дорогая.

Филиппа Эйльхарт пребывала в обществе Дийкстры. Геральт, у которого когда-то случилась мимолетная встреча с реданским шпионом, в принципе должен был бы обрадоваться: наконец он напал на мало-мальски знакомого человека, который, как и он, не входил в Братство. Но он не обрадовался.

— Рада тебя видеть, Йенна. — Филиппа поцеловала воздух рядом с сережкой Йеннифэр. — Привет, Геральт. Оба вы знаете графа Дийкстру, не правда ли?

— Кто его не знает. — Йеннифэр наклонила голову и подала Дийкстре руку для поцелуя. — Рада вновь видеть вас, граф.

— Безмерно рад, — заверил шеф тайных служб короля Визимира, — вновь видеть тебя, Йеннифэр. Тем более в столь милом обществе. Господин Геральт, примите уверения в моем безмерном к вам почтении...

Геральт воздержался от заверений в том, что его почтение еще безмернее, пожал поданную руку, вернее, попытался это сделать, потому что размеры длани Дийкстры существенно превышали норму и делали рукопожатие практически невозможным. Гигантских габаритов шпион одет

был в светло-бежевый дублет, весьма неформально расстегнутый. Было видно, что граф чувствует себя в нем свободно.

— Мне показалось, — бросила Филиппа, — вы беседовали с Сабриной?

— Беседовали, — фыркнула Йеннифэр. — Ты видела, что на ней? Надо не иметь ни вкуса, ни совести, чтобы... Она, язви ее, старше меня на... А, бог с ней. Хоть было бы что показывать! Отвратная обезьяна!

— Она пыталась вас выпотрошить? Всем известно, что она шпионит в пользу Хенсельта из Каэдвена.

— Серьезно? — Йеннифэр изобразила изумление, что справедливо было воспринято как превосходная шутка.

— А вы, милсдарь граф, хорошо себя чувствуете на нашем празднике? — спросила Йеннифэр, когда Филиппа и Дийкстра уже отсмеялись.

— Превосходно. — Шпион короля Визимира галантно поклонился.

— Если учесть, — улыбнулась Филиппа, — что граф здесь по службе, то такое заверение весьма лестно для нас. И как всякая лесть, малоискренне. Всего минуту назад он признался мне, что предпочел бы милый семейный полумрак, аромат чуть чадающего факела и слегка подгоревшего на вертеле мяса. Недостает ему также традиционного, залитого соусом и пивом стола, по которому он мог бы стучать кулаком в такт хамским пьяным песням и под который мог бы под утро изящно свалиться, чтобы уснуть среди обгладывающих кости гончих. А к моим аргументам, иллюстрирующим преимущества нашего способа увеселения, он остался, представь себе, глух.

— Серьезно? — Ведьмак взглянул на шпиона дружелюбнее. — И какие же это были аргументы, позвольте узнать?

На сей раз в качестве изысканной шутки был воспринят его вопрос, и обе чародейки рассмеялись одновременно.

— Ах, мужчины, мужчины, — сказала Филиппа. — Ничего-то вы не понимаете. Разве в полумраке и дыме, сидя за столом, можно щегольнуть платьем и фигурой?

Геральт, не найдя ответа, только поклонился. Йеннифэр незаметно пожала ему руку.

— Ах, я вижу там Трисс Меригольд. Мне обязательно надо с ней поговорить... Простите, я вас покину. Встретимся позже, Филиппа. Мы наверняка еще найдем сегодня случай поболтать. Не правда ли, граф?

— Несомненно. — Дийкстра улыбнулся и низко поклонился. — Всегда к твоим услугам, Йеннифэр. По первому зову.

Они подошли к Трисс, переливающейся бесчисленными оттенками голубого и салатного. Увидев их, Трисс прервала беседу с двумя чародеями, радостно засмеялась, обняла Йеннифэр, ритуал целования воздуха около ушей повторился. Геральт взял поданную ему руку, но решил поступить вопреки церемониалу — обнял рыжеволосую чародейку и поцеловал в мягкую, как персик покрытую пушком щеку. Трисс слегка зарумянилась.

Чародеи представились. Первый назвался Дрительмом из Понт Ваниса, второй — его братом Детмольдом. Оба служили королю Эстераду из Ковира. Оба оказались неразговорчивыми, оба отошли при первой же возможности.

— Вы беседовали с Филиппой и Дийкстрой из Третогора, — заметила Трисс, поигрывая висящим на шее, оправленным в серебро и бриллиантики сердечком из ляпис-лазури. — Конечно, знаете, кто такой Дийкстра.

— Знаем, — сказала Йеннифэр. — Он с тобой говорил? Пытался выспрашивать?

— Пытался. — Чародейка многозначительно улыбнулась и засмеялась. — Довольно осторожно. Но Филиппа мешала ему, как могла. А я-то думала, у них отношения получше.

— У них прекрасные отношения, — серьезно предупредила Йеннифэр. — Будь внимательна, Трисс. Не пикни ему ни словечка о... Знаешь, о ком.

— Знаю. Кстати... — Трисс понизила голос. — Что у нее слышно? Увидеть можно будет?

— Если ты наконец решишься сесть за парту в Аретузе, — усмехнулась Йеннифэр, — сможете встречаться очень часто.

— Ах, так. — Трисс широко раскрыла глаза. — Понимаю. А что, Цири...

— Тише, Трисс. Поговорим позже. Завтра. После совещания.

— Завтра? — странно улыбнулась Трисс.

Йеннифэр насупилась, но прежде чем успела что-то спросить, в зале возникло легкое движение.

— Пришли. Наконец-то. — Трисс закашлялась.

— Да, — подтвердила Йеннифэр, отрывая глаза от лица подруги. — Пришли. Геральт, теперь ты сможешь познакомиться с членами Капитула и Высшего Совета. Если удастся, представлю тебя, но не помешает знать заранее, кто есть кто.

Собравшиеся чародеи расступились, почтительно кланяясь входящим в залу персонам. Первым следовал немолодой, но крепкий мужчина в очень

скромной шерстяной одежде. Рядом с ним шествовала высокая женщина с резкими чертами лица и темными, гладко зачесанными волосами.

— Герхард из Аэлле, известный под именем Хен Гедымдейт, самый старший из здравствующих ныне чародеев, — вполголоса сказала Йеннифэр. — Женщина рядом с ним — Тиссая де Врие. Она лишь немного моложе Хена, но активно применяет эликсиры.

За первой парой шла видная женщина с очень длинными темно-золотыми волосами, шелестя украшенным кружевами платьем цвета резеды.

— Франческа Финдабаир, именуемая Энид ан Глеанной, Маргариткой из Долин. Не таращись, ведьмак. Ее считают самой прелестной женщиной мира.

— Она член Капитула? — шепнул ведьмак. — Кажется очень юной. Тоже магические эликсиры?

— Не в ее случае. Франческа — эльфка чистых кровей. Обрати внимание на сопровождающего ее мужчину. Это Вильгефорц из Роггевеена. Вот он действительно молод. Но невероятно талантлив.

Определение «молод», как знал Геральт, охватывало у чародеев возраст до ста лет включительно. Вильгефорц выглядел на тридцать пять, был высок и прекрасно сложен, носил короткий камзол по рыцарской моде, но, разумеется, без герба. И смотрелся весьма пристойно. Это бросалось в глаза, несмотря на то, что рядом с ним плыла вся такая воздушная Франческа Финдабаир с огромными глазами лани и прямо-таки сказочно красивая.

— Вон тот невысокий мужчина рядом с Вильгефорцем — Артауд Терранова, — пояснила Трисс Меригольд. — Впятером они образуют Капитул...

— А девушка со странным лицом, которая идет за Вильгефорцем?

— Его ассистентка, Лидия ван Бредевоорт, — холодно сказала Йеннифэр. — Ничего не значащая особа, но всматриваться в ее лицо — грубейшая бестактность. Лучше обрати внимание на тех трех, что идут позади, это члены Совета. Феркарт из Цидариса, Радклифф из Оксенфурта и Кардуин из Лан Эксетера.

— И это весь Совет? Полный состав? Я думал, их больше.

— В Капитуле пять членов, в Совете еще пять. Филиппа Эйльхарт тоже числится в Совете.

— По-прежнему не сходится, — покрутил он головой, а Трисс захохотала.

— Ты ему не сказала? Ты действительно ничего не знаешь, Геральт?

— О чем?

— Ведь Йеннифэр тоже член Совета. Со времен битвы под Содденом. Ты еще не похвасталась, дорогая?

— Нет, дорогая. — Чародейка взглянула подруге прямо в глаза. — Во-первых, я не люблю хвастаться. Во-вторых, на это не было времени. Я не видела Геральта очень давно, у нас масса хвостов. Набрался длинный список. Мы отщелкиваем их в соответствии с этим списком.

— Конечно... — неуверенно проговорила Трисс. — Хм-м-м... После такого долгого перерыва... Понимаю. Есть о чем поговорить...

— Разговоры, — двусмысленно улыбнулась Йеннифэр, одаряя ведьмака очередным томным взглядом, — числятся в конце списка. В самом конце, Трисс.

Золотоволосая чародейка явно смутилась, слегка покраснела.

— Конечно, — повторила она, играя сердечком из ляпис-лазури. — Понимаю.

— Приятно слышать. Геральт, принеси нам вина. Нет-нет, не от этого пажа. От того, который подальше.

Геральт так и поступил, четко уловив приказ в ее голосе. Беря фужеры с подноса, который нес паж, он незаметно наблюдал за обеими чародейками. Йеннифэр говорила быстро и тихо, Трисс Меригольд слушала, опустив голову. Когда он вернулся, Трисс уже не было. Йеннифэр не проявила никакого интереса к принесенному вину, поэтому он отставил два ненужных уже фужера на стол и холодно спросил:

— Надеюсь, ты не пересолила?

Глаза Йеннифэр полыхнули фиолетом.

— Не пытайся сделать из меня идиотку. Думал, я не знаю о ней и тебе?

— Если в этом дело...

— Именно в этом, — обрезала она. — Не делай глупых мин и удержишься от комментариев. А прежде всего не пытайся лгать. Я знаю Трисс дольше, чем тебя, мы любим друг друга, прекрасно понимаем и будем понимать независимо от разных мелких... инцидентов. А сейчас мне показалось, что у нее возникли на этот счет некоторые сомнения. Я развеяла их, вот и все. Не будем возвращаться к этому.

Он и не собирался. Йеннифэр сдула локон со щеки.

— А теперь я ненадолго оставлю тебя: надо поговорить с Тиссаей и Францеской. Перекуси что-нибудь, у тебя в животе урчит. И будь внимателен. Несколько человек наверняка тебя зацепят. Не дай себя съесть с потрохами и не испорти мне репутации.

— Будь спокойна.

— Геральт?

— Да?

— Недавно ты выразил желание поцеловать меня здесь, при всех. Желание все еще в силе?

— И более того...

— Постарайся не размазать помаду.

Он краешком глаза зыркнул на собравшихся. Все наблюдали за поцелуем, но ненахально. Филиппа Эйльхарт, стоявшая неподалеку с группой молодых чародеев, подмигнула ему и сделала вид, что аплодирует.

Йеннифэр оторвала губы, вздохнула глубоко.

— Пустячок, а приятно, — проворчала она. — Ну иди. Я скоро вернусь. А потом, после банкета... Хм...

— Ну?

— Не ешь ничего с чесноком. Пожалуйста.

Когда она отошла, ведьмак, махнув рукой на церемонии, расстегнул дублет, выпил оба фужера и попытался всерьез заняться едой. Ничего из этого не получилось.

— Геральт?

— Господин граф?

— Давай без титулов, — поморщился Дийкстра. — Никакой я не граф. Визимир велел меня так титуловать, чтобы не раздражать дворян и магиков моей хамской родословной. Ну как у тебя идет демонстрация платья и фигуры? И показуха, будто ты от души веселишься?

— Мне незачем прикидываться. Я здесь, как говорится, не при исполнении.

— Интересно, — усмехнулся шпион. — Это еще раз подтверждает всеобщее мнение о тебе как о неповторимом и единственном в своем роде. Потому что все остальные здесь, как ты выразился, при исполнении.

— Этого-то я и опасался. — Геральт тоже счел нужным улыбнуться. — Чувствовал, что буду здесь неповторимым и единственным в своем роде. То есть не на месте.

Шпион исследовал ближайшие тарелки, с одной поднял и сунул в рот большой зеленый стручок неведомого Геральту растения.

— Пользуясь случаем, — сказал он, — благодарю за братьев Мишеле. Многие в Редании облегченно вздохнули после того, как ты зарубил всех четверых в оксенфуртском порту. Я смеялся до колик, когда вызванный на экспертизу университетский медик, осмотрев раны, авторитетно заявил, что кто-то использовал косу, насаженную торчком.

Геральт смолчал. Дийкстра взял второй стручок.

— Жаль, — продолжал он, с хрустом прожевывая стручок, — что, укокошив их, ты не обратился к ипату. Была назначена награда за живых или мертвых. Немалая.

— Слишком много хлопот с налоговой декларацией. — Ведьмак тоже решил попробовать зеленый стручок, который на вкус оказался вроде намыленного сельдерея. — Кроме того, мне надо было срочно выехать, потому как... Но тебе со мной, вероятно, скучно, Дийкстра, ты и так все знаешь.

— Где уж там, — усмехнулся шпик. — Всего не знаю. Да и откуда бы?

— Из сообщения Филиппы Эйльхарт, например.

— Сообщения, рассказы, сплетни... Приходится их выслушивать, такова моя профессия. Но моя профессия заставляет меня просеивать их через очень густое сито. Представь себе, недавно дошли до меня слухи, будто кто-то замочил знаменитого Профессора и двух его дружков. Случилось это у постоялого двора в Анхоре. Тот, кто это сделал, не очень-то спешил за наградой.

Геральт пожал плечами.

— Сплетни. Просей их через густое сито, посмотрим, что останется.

— Зачем? Я знаю, что останется. Обычно это бывает попытка сознательной дезинформации. Да, коли уж мы заговорили о дезинформации, как там чувствует себя малышка Цирилла? Нежная, болезненная девчушка, столь восприимчивая к дифтериту? Здорова ли?

— Остановись, Дийкстра, — холодно ответил ведьмак, глядя прямо в глаза шпиону. — Знаю, ты здесь по долгу службы, но не усердствуй чрезмерно.

Шпик захохотал. Две проходящие мимо чародейки удивленно и с любопытством взглянули на них.

— Король Визимир, — сказал Дийкстра, перестав хохотать, — платит мне повышенные премиальные за каждую раскрытую тайну. Чрезмерное усердие обеспечивает моей семье приличную жизнь. Ты усмеешься, но у меня есть жена и дети.

— Не вижу в этом ничего смешного. Продолжай зарабатывать на жизнь жене и детям, но, пожалуйста, не за мой счет. В этой зале, сдается, нет недостатка в секретах и загадках.

— Вот именно. Вся Аретуза — одна сплошная загадка. Думаю, ты заметил? Что-то тут висит в воздухе, Геральт. Чтобы было ясно: речь не о канделябрах.

— Не понимаю.

— Верю. Потому как и я не понимаю. А очень бы хотел понять. А ты б

не хотел? Ах, прости. Ты тут и так, вероятнее всего, все знаешь? Через Йеннифэр из Венгерберга, например. Подумать только, были времена, когда и мне доводилось узнавать то да сё от прелестной Йеннифэр. Ах, где они, прошлогодние снега?

— Я и верно не понимаю, о чем ты, Дийкстра. Ты не мог бы выражаться пояснее? Попытайся. При условии, что это не будет в порядке служебного долга. Прости, но я не собираюсь работать на твои повышенные премиальные.

— Думаешь, я пытаюсь незаметно выпросить тебя? — скривился шпион. — Хитростью вытянуть информацию? Обижаешь, Геральт. Мне попросту интересно, замечаешь ли ты в этой зале те же закономерности, которые бросаются в глаза мне.

— И что же такое тебе бросается?

— Тебя не удивляет полное отсутствие коронованных особ?

— Нисколько. — Геральту наконец удалось заостренной палочкой подцепить маринованную оливку. — Вероятно, коронованные особы предпочитают традиционные пиры за столом, под который под утро можно изящно свалиться. Кроме того...

— Что кроме того? — Дийкстра положил в рот сразу четыре оливки, которые, не смущаясь, извлек из соусницы пальцами.

— Кроме того, — ведьмак взглянул на прохаживающиеся по зале группки, — королям не хотелось утруждать себя. Взамен они прислали армию шпионов. Из чародейской братии и вне ее. Наверное, для того, чтобы те вынюхивали, что тут висит в воздухе.

Дийкстра выплюнул на стол косточки оливок, снял с серебряной подставочки длинную вилку и начал копать ею в глубокой хрустальной салатнице.

— А Вильгефорц, — сказал он, не прекращая своего занятия, — побеспокоился о том, чтобы не было недостатка в шпионах. Получил всех королевских нюхачей в одном котле. Зачем Вильгефорцу все королевские шпики в одном котле, ведьмак?

— Понятия не имею. И меня это мало интересует. Я же сказал: я здесь в частном порядке. Я тут — как бы это сказать? — не в котле.

Шпион короля Визимира выловил из салатницы маленькую осьминожку и с отвращением осмотрел ее.

— И они это едят, — сокрушенно покачал он головой с притворным сочувствием, потом повернулся к Геральту: — Слушай внимательно, ведьмак. Твоя уверенность в том, что ты присутствуешь здесь как частное лицо, убеждение в том, что все тут происходящее тебя не касается и

касаться не может, возбуждают меня и вызывают желание рискнуть. Как у тебя с этим делом? С азартом то есть?

— Если можно, пояснее, пожалуйста.

— Предлагаю пари. — Дийкстра поднял вилку с насаженным на нее головоногим. — Я утверждаю, что не пройдет и часа, как Вильгефорц заведет с тобой долгий разговор. Утверждаю, что во время этого разговора он докажет тебе, что ты вовсе не частное лицо, а сидишь в его котле. Если я ошибусь, то у тебя на глазах съем это дерьмо вместе со щупальцами и всем содержимым. Принимаешь пари?

— А что должен буду съесть я, если проиграю?

— А ничего. — Дийкстра быстро осмотрелся. — Если проиграешь, изложишь мне содержание вашей беседы.

Ведьмак некоторое время молчал, спокойно глядя на шпиона, наконец сказал:

— До встречи, граф. Приятно было побеседовать. Поучительно. Дийкстру передернуло.

— Даже так...

— Даже так, — перебил Геральт. — До встречи.

Шпион пожал плечами, бросил осьминога в салатницу вместе с вилкой, повернулся и отошел. Геральт, не глядя ему вслед, медленно направился к другому столу, где на серебряной патере вздымалась горка огромных бело-розовых креветок в обрамлении листиков салата и четвертушек лимона. Аппетит на креветки был велик, но, чувствуя на себе любопытные взгляды, он хотел полакомиться ракообразными элегантно, блюдя ритуал. Он нарочито медленно, сдержанно и с достоинством отведывал закуски с других блюд.

У соседнего стола стояла Сабрина Глевиссиг, погруженная в беседу с неизвестной ему огненно-рыжей чародейкой. На рыжей была белая юбка и блузка из белого жоржета, столь же прозрачная, как и у Сабрины, но отличавшаяся стратегически размещенными аппликациями и вышивкой. Геральт заметил, что у аппликаций было любопытное свойство: они и прикрывали, и в то же время подчеркивали соответствующие места.

Чародейки беседовали, попутно поедая кусочки лангуста в майонезе. Говорили они тихо и на Старшей Речи. И хотя не смотрели в его сторону, но разговаривали явно о нем. Он напряг свой чуткий ведьмачий слух, прикинувшись, будто занят исключительно креветками.

— ...с Йеннифэр? — уточнила рыжеволосая, поигрывая жемчужным ожерельем, накрученным на шею так, что оно выглядело ошейником. — Ты серьезно, Сабрина?

— Совершенно, — ответила Сабрина Глевиссиг. — Не поверишь, но это тянется уже несколько лет. И как ему удастся выдержать эту ядовитую змею, уму непостижимо.

— А что тут удивительного? Заговорила его, да так и держит. Ты сама, что ли, так не делала?

— Но это же ведьмак. Они не поддаются заговорам. Во всяком случае, не на такой срок.

— Значит, любовь, — вздохнула рыжеволосая. — А любовь слепа.

— Он слеп, — поморщилась Сабрина. — Поверишь, Марти, она осмелилась представить ему меня как свою школьную подружку. Bloede pest, она старше меня на... Ну не в этом дело. Говорю тебе, она ревнует своего ведьмака — слов не хватает. Малышка Меригольд только улыбнулась ему, а эта яга тут же отругала ее, не выбирая выражений, и прогнала. А сейчас... Ты только глянь. Стоит себе, разговаривает с Францеской, а сама с ведьмака глаз не сводит.

— Бойтся, — хихикнула рыжая, — что мы уведем его хотя бы на сегодняшнюю ночь. Что ты на это скажешь, Сабрина? Попробуем? Парень привлекательный, не то что наши дохляки с их комплексами и претензиями...

— Говори тише, Марти, — прошипела Сабрина. — Не гляди на него и не улыбайся. Йеннифэр за нами наблюдает. И держи стиль. Хочешь его соблазнить? Это дурно пахнет.

— Хм, ты права, — подумав, согласилась Марти. — А если, например, он подойдет и предложит сам?

— Ну тогда, — Сабрина Глевиссиг глянула на ведьмака хищным черным глазом, — я б дала ему не раздумывая, хоть на голом камне.

— А я, — хохотнула Марти, — даже на еже.

Ведьмак, вперившись в скатерть, прикрылся креветкой и листиком салата, невероятно радуясь тому, что мутация кровеносных сосудов не позволяет ему покраснеть.

— Ведьмак Геральт?

Он проглотил креветку, повернулся. Чародей со знакомыми чертами лица улыбнулся, коснувшись вышитых лацканов фиолетового дублета.

— Доррегарай из Воле. Мы ведь знакомы. Встречались...

— Помню. Простите, не узнал сразу. Рад...

Чародей улыбнулся чуть значительнее, приняв два фужера с подставленного пажом подноса.

— Наблюдаю за тобой довольно долго, — сказал он, вручая один из фужеров Геральту. — Всем, кому Йеннифэр тебя представляет, ты

сообщаешь, что рад. Лицемерие или некритичность?

— Вежливость.

— С ними-то? — Доррегарай широким жестом обвел пиршествующих. — Поверь мне, не стоит стараться. Эта спесивая, завистливая и лживая банда твоей вежливости не оценит, совсем наоборот — примет за издевку. С ними, ведьмак, надо обходиться по их собственным меркам — грубо, нагло, невежливо, вот тогда ты им, может быть, и понравится. Выпьешь со мной вина?

— Разбавленного, которое здесь предлагают? — мило улыбнулся Геральт. — С величайшим... отвращением. Но ежели тебе нравится... Заставлю себя.

Сабрина и Марти, наставив ушки из-за своего стола, громко фыркнули. Доррегарай окинул обеих полным презрения взглядом, щелкнул пальцем по фужеру ведьмака, улыбнувшись, но на этот раз искренне.

— Один-ноль в твою пользу. Ты быстро осваиваешься. Черт возьми, где ты научился так шевелить мозгами? На большаках, по которым все еще выслеживаешь вымиравших существ? Твое здоровье. Ты не поверишь, но ты — один из немногих в этой зале, кому я хотел бы предложить такой тост.

— Правда? — Геральт отхлебнул вина, облизнулся, одобряя вкус. — Несмотря на то, что я тружусь на ниве истребления вымиравших существ?

— Не лови меня на слове. — Чародей дружески хлопнул его по плечу. — Банкет только начался. Вероятно, тебя еще зацепят несколько персон, так что экономнее разбрасывайся ядовитыми замечаниями. Что же до твоей профессии... В тебе, Геральт, по крайней мере достаточно достоинства, чтобы не обвешиваться трофеями. А глянь вокруг. Ну смелее, брось условности, они любят, когда на них глазают.

Ведьмак послушно уставился на бюст Сабрины Глевиссиг.

— Взгляни. — Доррегарай, схватив его за рукав, указал пальцем на проходящую мимо, окутанную развевающимся гипюром чародейку. — Туфельки из кожи рогатой агамы. Заметил?

Ведьмак кивнул. Неискренне, потому что видел исключительно то, что, по идее, должна была скрывать прозрачная гипюровая блузочка.

— Или вот, изволь, каменная кобра. — Чародей безошибочно распознал очередные прохаживающиеся по зале туфельки. Мода, которая укоротила платья на пятерню выше щиколоток, облегчала ему задачу. — А там... Белый легван. Саламандра. Выверна. Очковый кайман. Василиск. Все это гады, которым угрожает вымирание. Холера, неужели нельзя носить обувь из телячьей либо свиной кожи?

— Ты, как всегда, о кожах, Доррегарай? — спросила Филиппа Эйльхарт, останавливаясь рядом. — О скорняжничестве и сапожничестве? До чего ж тривиальная и невкусная тема.

— На вкус и цвет... — презрительно скривился чародей. — У тебя чудесные аппликации на платье, Филиппа. Если не ошибаюсь, бриллиантовый горностаи? Вкус — на высоте. Ты, я думаю, знаешь, что этот вид, учитывая его изумительный мех, полностью истребили двадцать лет назад?

— Тридцать, — поправила Филиппа, кладя в рот последнюю креветку из тех, которые Геральт так и не успел съесть. — Знаю, знаю, этот вид незамедлительно воскрес бы, прикажи я модистке оторочить платье очесами льняной пакли. Я подумывала об этом. Но пакля не подходила по цвету.

— Перейдем к столу на той стороне, — предложил ведьмак. — Я видел там большую тарелку черной икры. А поскольку лопатоносные осетры уже тоже почти истреблены, надо поспешить.

— Икра в твоём обществе? Всю жизнь мечтала. — Филиппа взмахнула ресницами, сунула ему руку под локоть, возбуждающе пахнула корицей и нардом. — Пошли немедленно. Поддержишь нашу компанию, Доррегарай? Нет? Ну тогда привет, веселись на здоровье.

Чародей фыркнул и отвернулся. Сабрина Глевиссиг и её рыжая подруга проводили уходящих взглядами более ядовитыми, чем у вымирающих каменных кобр.

— Доррегарай, — буркнула Филиппа, бесцеремонно прижимаясь к Геральту, — шпионит в пользу короля Этайна из Цидариса. Будь внимателен. Все его змеи и кожи — не более чем вступление, которым он предваряет расспросы. А Сабрина Глевиссиг усиленно прислушивается...

— ...потому что шпионит для Хенсельта из Каэдвена, — закончил Геральт. — Знаю. Ты говорила. А та рыжая, её подружка...

— Не рыжая, а крашенная. У тебя что, глаз нет? Это Марти Содергрэн.

— А она для кого шпионит?

— Марти? — Филиппа рассмеялась, сверкнув зубами из-за ярких карминовых губ. — Ни для кого, Марти политикой не интересуется.

— Волнительно, как вы любите говаривать. Я думал, тут все шпионят.

— Во-первых, не волнительно, а волнующе, а во-вторых, многие, но не все, — прищурилась чародейка. — Во всяком случае, не Марти Содергрэн. Марти — целительница. И нимфоманка. Ах, гром меня порази, глянь. Выжрали всю икру! До последней икринки! Вылизали патеру! И что же теперь делать?

— Теперь, — невинно улыбнулся Геральт, — ты станешь мне рассказывать, что тут висит в воздухе. Скажешь, что я должен забыть о нейтралитете и сделать выбор. Предложишь пари. О том, что в этом пари может стать моей наградой, я даже мечтать не смею. Но зато знаю, что должен буду сделать, ежели проиграю.

Филиппа долго молчала, не опуская глаз, потом тихо сказала:

— Можно было догадаться. Дийкстра не удержался. Сделал тебе предложение. А ведь я его предупредила, что ты презираешь шпионов.

— Я презираю не шпионов. Презираю шпионство. И презираю презрение. Не предлагай мне никаких пари, Филиппа. Да, я тоже чувствую, что здесь что-то висит в воздухе. Ну и пусть себе висит на здоровье. Меня это не касается, и мне это безразлично.

— Когда-то ты мне это уже сказал. В Оксенфурте.

— Рад, что не забыла. Обстоятельства, надеюсь, тоже помнишь?

— В мельчайших подробностях. Я тогда не сказала тебе, кому служит Риенс, или как там его. Позволила ему бежать. Эх и зол же ты был на меня...

— Мягко говоря.

— Пришло время реабилитироваться. Завтра я отдам тебе Риенса. Не перебивай, не корчи рожи. Это вовсе не пари в стиле Дийкстры. Это обещание, а обещания я выполняю. Нет, пожалуйста, никаких вопросов. Подожди до завтра. А сейчас сосредоточимся на икре и банальных сплетнях.

— Нет икры.

— Минуточку.

Она быстро оглянулась, пошевелила рукой и пробормотала заклинание. Серебряный сосуд в форме изогнувшейся в прыжке рыбы тут же наполнился икрой уже совсем было вымершего лопатоносного осетра. Ведьмак усмехнулся.

— Иллюзией можно наесться?

— Нет. Но вкусовые железы сноба пощекотать можно. Попробуй.

— Хм. Действительно... Она даже кажется вкуснее натуральной...

— И от нее не полнеешь, — гордо проговорила чародейка, орошая лимонным соком очередную ложку икры. — Можно попросить рюмочку белого вина?

— Изволь. Филиппа?

— Слушаю.

— Кажется, правила приличия запрещают здесь произносить заклинания. Так, может, безопасней было бы вместо иллюзии икры

наколдовать только ее вкус? Ведь ты смогла бы...

— Конечно. — Филиппа Эйльхарт взглянула на него сквозь хрусталь фужера. — Конструкция такого заклинания проще устройства цепа. Но, получив только ощущение вкуса, мы потеряли бы удовольствие, которое доставляет действие. Процесс, сопровождающие его ритуальные движения, жесты... Сопутствующая этому процессу беседа, контакт глаз... Я потешу тебя шутилым сравнением, хочешь?

— Слушаю и тешусь авансом.

— Ощущение оргазма я тоже могла бы наколдовать.

Не успел ведьмак прийти в себя, как к ним подошла невысокая, худощавая чародейка с длинными, прямыми, соломенного цвета волосами. Он узнал ее сразу — это была та самая дамочка в туфельках из кожи рогатой агамы и блузке из зеленого гипюра, не скрывающего даже столь мелкую деталь, как крохотное родимое пятнышко над левой грудью.

— Простите, — сказала она, — но я вынуждена прервать ваш флиртик. Филиппа, Радклифф и Детмольд приглашают тебя на краткую беседу. Срочно.

— Что делать, коли так, иду. Будь, Геральт. Пофлиртуем позже!

— Ах! — Блондинка окинула его взглядом. — Геральт. Ведьмак, из-за которого вконец спятила Йеннифэр? Я наблюдала за тобой и никак не могла сообразить, кто бы это мог быть. И ужасно мучилась!

— Мне знакомы такого рода муки, — ответил он, вежливо улыбаясь. — Как раз сейчас я чувствую подобное.

— Прости за бестактность. Я — Кейра Мец. О, икра!

— Осторожнее! Это иллюзия.

— Дьявольщина, ты прав! — Чародейка бросила ложку так, словно это был хвост черного скорпиона. — Какая наглость! Чья работа? Твоя? Ты умеешь создавать иллюзию черной икры? Ты?

— Я, — солгал он, не переставая улыбаться. — Я — мэтр магии, а ведьмаком прикидываюсь, чтобы сохранить инкогнито. Неужто ты думаешь, что Йеннифэр заинтересовалась бы банальным ведьмаком?

Кейра Мец посмотрела ему прямо в глаза, скривила губы. На шее у нее висел серебряный медальон в форме креста «анкх», усыпанного цирконами.

— Вина? — предложил Геральт, чтобы прервать неловкое молчание и опасаясь, что его предыдущая шутка была не совсем верно понята.

— Нет, благодарю... коллега мэтр, — ледяным голосом сказала Кейра. — Не пью. Не могу. Сегодня ночью собираюсь забеременеть.

— От кого? — спросила, подходя, рыжая крашенная подруга Сабрины

Глевиссиг, одетая в прозрачную блузку из белого жоржета, украшенную продуманно размещенными аппликациями. — От кого? — повторила она, невинно взмахнув длинными ресницами.

Кейра повернулась и осмотрела ее всю от туфельек из белой игуаны до жемчужной диадемки.

— А тебе какое дело?

— Никакого. Профессиональное любопытство. Ты не представишь меня своему спутнику, известному Геральту из Ривии?

— Без особого желания. Но ведь от тебя не отделаешься. Геральт, это Марти Содергрэн. Целительница. Ее специальность — афродизии.

— Обязательно говорить о делах? О, вы оставили мне немного икры? Как мило!

— Осторожней! — в два голоса сказали Кейра и ведьмак. — Иллюзия.

— И верно! — Марти Содергрэн наклонилась, сморщила носик, потом взяла фужер, глянула на мазок карминовой помады. — Ясно. Филиппа Эйльхарт. Кто еще отважится на такую наглость? У, змейство! Знаешь, что она шпионка Визимира из Редании?

— И еще — нимфоманка? — рискнул ведьмак.

Марти и Кейра прыснули одновременно.

— Неужто ты на это рассчитывал, когда любезничал с ней и пытался флиртовать? — спросила целительница. — Если да, то учти: кто-то тебя здорово купил. Филиппа с некоторых пор перестала интересоваться мужчинами.

— Слушай, а может, ты — женщина? — Кейра Мец надула блестящие губки. — Может, только прикидываешься мужчиной, коллега мэтр магии? Чтобы соблюсти инкогнито? Знаешь, Марти, он минуту назад признался мне, что любит притворяться.

— Любит и умеет, — съязвила Марти. — Верно, Геральт? Я только что видела, как ты прикидывался, будто у тебя скверный слух и ты не знаешь Старшей Речи.

— У него уйма недостатков, — холодно бросила Йеннифэр, подходя и властно беря ведьмака за руку. — Практически он вообще состоит из одних недостатков. Вы напрасно теряете время, девочки.

— Похоже на то, — согласилась Марти Содергрэн, не переставая ехидно ухмыляться. — Ну что ж, желаем приятных утех. Пошли, Кейра, выпьем чуточку... безалкогольного. Может, и я решусь на что-нибудь сегодня ночью?

— Ф-фу, — выдохнул Геральт, когда они отошли. — Ты подросла в самое время, Йен. Благодарю.

— Благодарись? Ох, притвора! Я тут насчитала одиннадцать баб, щеголяющих сиськами под прозрачными блузками. Стоило оставить тебя на полчаса, и ты тут же занялся трепом с двумя из них... — Йеннифэр осеклась, глянула на блюдо в форме рыбы и добавила: — ...И поглощением иллюзий. Ох, Геральт, Геральт! Пошли. Выпал случай свести тебя с несколькими достойными знакомства особами.

— Одна из них — Вильгефорц?

— Интересно, — прищурилась чародейка, — что ты спрашиваешь именно о нем. Да, Вильгефорц хочет познакомиться с тобой и побеседовать. Предупреждаю, беседа может показаться банальной и поверхностной, но не обманись. Вильгефорц — опытный, невероятно ловкий и тонкий игрок. Не знаю, чего ему от тебя нужно, но будь внимателен.

— Буду внимателен, — вздохнул Геральт, — но не думаю, чтобы твой опытный игрок сумел заставить меня врасплох. Во всяком случае, после того, что я тут испытал. На меня напали шпионы, посыпались вымирающие гады и горностаи. Меня кормили несуществующей икрой. Не любящие мужчин нимфоманки подвергали сомнению мою мужескость, грозили изнасилованием на еже, пугали беременностью, Господи, даже оргазмом, к тому же таким, который не требует ритуальных телодвижений. Бррр...

— Ты пил?

— Немного белого из Цидариса. Но скорее всего в нем были афродизии... Йен? После разговора с твоим Вильгефорцем мы вернемся в Локсию?

— Мы не вернемся в Локсию.

— Не понял.

— Я хочу провести эту ночь в Аретузе. С тобой. Так, говоришь, афродизии? В вине? Любопытно...

— О-хо-хо, — вздохнула Йеннифэр, потягиваясь и закидывая ногу ведьмаку на бедро. — О-хо-хонюшки-хо-хо! Как же давно я не занималась любовью... Ужасно давно.

Геральт выпростал пальцы из ее локонов и ничего не ответил. Во-первых, замечание Йен могло быть провокацией, он опасался скрытого в приманке крючка. Во-вторых, не хотел словами смазать вкус блаженства, которое все еще чувствовал на губах.

— Ужасно давно не занималась любовью с мужчиной, который признался мне в любви и которому в любви призналась я, — замурлыкала она минуту спустя, когда уже стало ясно, что ведьмак на приманку не позарится. — Даже забыла, как это бывает. О-хо-хо-хо-хо!

Она ухватилась руками за уголки подушки, напряглась, и ее залитые лунным светом груди приобрели такую форму, которая отозвалась у ведьмака мурашками пониже спины. Он обнял Йеннифэр, они лежали неподвижно, угасали, остывали.

За окном стрекотали цикады, слышались отдаленные тихие голоса и смех — банкет все еще продолжался, хотя было уже довольно поздно.

— Геральт?

— Да, Йен?

— Расскажи.

— О разговоре с Вильгефорцем? Сейчас? Давай лучше утром.

— Нет, сейчас. Прошу тебя.

Он посмотрел на секретерчик в углу комнатки. Там лежали книги, альбомы и другие предметы, которые временно переведенная в Локсию воспитанница не прихватила с собой. Сидела там, опершись о книги, полненькая тряпичная куколка в оборчатом платице, помятом от частого прижимания. «Девочка не забрала куколку, — подумал он, — чтобы в Локсии, в общей спальне, не подвергаться насмешкам товарок. Она не забрала свою куколку и теперь, наверно, не может без нее уснуть».

Кукла смотрела на него глазками-пуговками. Он отвернулся.

Когда Йеннифэр представляла Геральта Капитулу, он внимательно наблюдал за чародейской элитой. Хен Гедымдейт удостоил его лишь кратким, утомленным взглядом — было видно, что банкет надоел старику. Артауд Терранова поклонился, двусмысленно улыбнувшись и переводя взгляд с него на Йеннифэр, но тут же посерьезнел под взглядами коллег. Голубые эльфьи глаза Францески Финдабаир были непроницаемы и жестки как стекло. Когда Геральта ей представляли, Маргаритка из Долин улыбнулась. Улыбка, хоть и сногшибательно красивая, заставила ведьмака внутренне содрогнуться. Тиссая де Врие, которая, казалось, была целиком поглощена тем, что непрерывно поправляла манжеты и бижутерию, улыбнулась ему не столь сногшибательно красиво, зато гораздо искреннее! И именно Тиссая тут же завела с ним разговор, напомнив одно из его благородных ведьмачьих деяний, которое он, надо сказать, запомнил и подозревал, что таковое высосано из пальца.

И тогда в беседу включился Вильгефорц. Вильгефорц из Роггевеена, чародей с импозантной внешностью, благородными, правильными чертами

лица, искренним и уважительным голосом. Геральт знал, что от таких типов можно ждать чего угодно.

Они беседовали долго, чувствуя на себе настороженные взгляды. На ведьмака смотрела Йеннифэр. На Вильгефорца — молодая чародейка с приятными глазами, все время прячущая нижнюю часть лица за веером. Они обменялись несколькими необязательными фразами, затем Вильгефорц предложил продолжить беседу в более узком кругу. Геральту показалось, что Тиссая де Врие была единственной, кого это предложение удивило.

— Ты уснул, Геральт? — Ворчание Йеннифэр вырвало его из задумчивости. — Ты же собирался рассказать о вашем разговоре.

Куколка с секретера глядела на него пуговками глаз. Он не выдержал ее взгляда.

— Как только мы вышли на галерею, — начал он, немного помолчав, — девица со странным лицом...

— Лидия ван Бредевоорт. Ассистентка Вильгефорца.

— Да, верно, ты говорила. Ничего не значащая особа. Так вот, когда мы вышли на галерею, эта ничего не значащая особа остановилась, взглянула на него и о чем-то спросила. Телепатически.

— Это была не бестактность. Лидия не может пользоваться голосом.

— Я догадался. Потому что Вильгефорц ответил ей не телепатически.

— Да, Лидия, прекрасная мысль, — ответил Вильгефорц. — Мы прогуляемся по Галерее Славы. Ты сможешь кинуть взгляд на историю магии, Геральт из Ривии. Ты, конечно, знаком с историей магии, но сейчас тебе предоставится возможность ознакомиться с ее иллюстрированным вариантом. Если ты тонкий знаток искусства, не пугайся. Большинство картин — работы студенток-энтузиасток из Аретузы. Лидия, будь добра, дай чуточку света. Здесь темновато.

Лидия ван Бредевоорт повела в воздухе рукой, и в коридоре тут же стало чуть светлее.

На первой картине был изображен древний парусник, который буруны металы меж торчащих из кипени рифов. На носу корабля стоял мужчина в белом одеянии. Его голову окружал светящийся ореол.

— Первая высадка, — догадался ведьмак.

— Конечно, — подтвердил Вильгефорц. — Корабль Изгнанников. Йан

Беккер овладевает Силой. Успокаивает волны, доказывая тем самым, что магия вовсе не обязательно должна быть злой и разрушительной, но может спасать жизнь.

— Это событие действительно имело место?

— Сомневаюсь, — усмехнулся чародей. — Гораздо вероятнее, что во время первого путешествия Беккера, вместе со спутниками перевесившегося через борт, выворачивало наизнанку. Силой удалось овладеть лишь после высадки, которая по странной случайности оказалась удачной. Пройдем дальше. Здесь ты опять видишь Йана Беккера, он заставляет воду брызнуть из камня в том месте, где было заложено первое поселение. А тут, взгляни, окруженный коленопреклоненными поселенцами Беккер разгоняет тучи и сдерживает ливень, чтобы спасти урожай.

— А какое событие изображает эта картина?

— Распознавание Избранных. Беккер и Джамбаттиста подвергают магическому испытанию прибывающих поселенцев, чтобы выявить Истоки. Этих детей отнимут у родителей и отправят в Мирту — первое пристанище магов. Ты видишь воистину исторический момент. Гляди — все дети напуганы, только вон та решительная брюнеточка протягивает руки к Джамбаттисте. Это прославившаяся впоследствии Агнесс из Гланвилля, первая женщина-чародейка. За ее спиной стоит мать. Грустная какая-то.

— А это что за массовая сцена?

— Новиградская Уния. Беккер, Джамбаттиста и Монк заключают соглашение с владыками, жрецами и друидами. Что-то вроде пакта о ненападении и отделении магии от государства. Страшный кич. Пройдем дальше. Здесь мы видим Джеоффрея Монка, отправляющегося в горы Понтара, тогда еще носившего название Aevon у Pont ar Gwennelen. Река Алебастровых Мостов. Монк плыл в Лок Муинну, чтобы склонить тамошних эльфов принять группу детей-Истоков, которых должны были обучать эльфы магии. Возможно, тебе будет интересно узнать, что среди детей был мальчик, которого позже назвали Герхартом из Аэлле. Ты с ним только что познакомился. Теперь он — Хен Гедымдейт.

— Сейчас, — ведьмак взглянул на чародея, — самое время вспомнить, что спустя несколько лет после столь мирного и успешного похода Монка войска маршала Раупеннека из Третогора учинили резню в Лок Муинне и Эст Хэмлете, перебив всех эльфов, невзирая на возраст и пол. И разразилась война, окончившаяся бойней у Шаэрраведда.

— При столь глубоком знакомстве с историей, — снова улыбнулся

Вильгефорц, — ты не можешь не знать, что в этих войнах не участвовал ни один из ныне здравствующих чародеев. Потому-то ни одна воспитанница и не вдохновилась темой. Пошли дальше.

— Пошли. А что за событие отражено на этом полотне? А, знаю! Это Раффар Белый примиряет враждующих королей и кладет конец Шестилетней войне. А здесь мы видим Раффара, отказывающегося принять корону. Прекрасный, благородный жест.

— Ты так считаешь? — наклонил голову Вильгефорц. — Ну что ж, во всяком случае, это был жест со значением. Однако Раффар принял пост первого советника и фактически правил страной, ибо король был дебилом.

— Галерея Славы... — буркнул ведьмак, подходя к следующей картине. — А что у нас тут?

— Исторический момент создания первого Капитула и утверждения Ордена. Слева направо сидят Герберт Стаммельфорд, Аврора Хенсон, Иво Рише, Агнесс из Гланвилля, Джеоффрей Монк и Радмир из Тор Карнедда. Здесь, если быть честным, тоже так и просится дополнительная батальная картинка, потому что вскоре в жестокой войне прикончили тех, кто не хотел признавать Капитул и подчиниться Ордену. В частности, Раффара Белого. Но об этом факте исторические трактаты умалчивают, чтобы не замутить прекрасную легенду, сложенную о нем.

— А здесь... Хм... Да, это, пожалуй, писала очень юная воспитанница.

— Верно. Кстати, это аллегория. Я бы назвал ее «Аллегория триумфа женственности». Воздух. Вода. Земля. Огонь. И четыре известные чародейки, магистры, овладевшие силами этих стихий. Агнесс из Гланвилля, Аврора Хенсон, Нина Фиораванти и Клара Ларисса де Винтер. Взгляни на следующее очень удачное полотно. На нем тоже изображена Клара Ларисса, открывающая академию для девушек. В здании, в котором мы сейчас находимся. А портреты — прославленные выпускницы Аретузы. Вот длинная история триумфа женственности и постепенной феминизации профессии: Йянна из Мурривеля, Нора Вагнер, ее сестра Августа, Жейд Глевиссиг, Летисия Шарбоннэ, Илона Ло-Антиль, Карла Деметия Крест, Виолента Суарец, Эйприль Венхавер... И единственная из ныне живущих — Тиссая де Врие...

Пошли дальше. Шелковое платье Лидии ван Бредевоорт шелковисто шептало, и в этом шепоте слышалась опасная тайна.

— А это? — Геральт остановился. — Что за чудовищная сцена?

— Мученичество мага Радмира, с которого живьем содрали кожу во время восстания Фальки. На дальнем плане полыхает город Мирта, который Фалька приказала предать огню.

— За что вскоре спалили самое Фальку. На костре.

— Широко известный факт. Темерские и реданские дети до сих пор играют в сожжение Фальки в сочевник Саовины. Давай вернемся. Осмотрим другую сторону Галереи... Хочешь о чем-то спросить? Слушаю...

— Меня удивляет хронология. Конечно, я знаю, как действуют эликсиры молодости, но одновременное изображение на полотнах ныне живущих и давно скончавшихся...

— Иначе говоря, ты удивлен, что встретил на банкете Хена Гедымдейта и Тиссаю де Врие, но не обнаружил ни Беккера, ни Агнесс из Гланвилля, ни Стаммельфорда, ни Нины Фиораванти?

— Нет. Я знаю, что вы не бессмертны...

— Что есть смерть? — прервал Вильгефорц. — Как ты думаешь?

— Конец.

— Конец чему?

— Существованию. Похоже, мы начинаем философствовать.

— Природа не знает такого понятия — философия, Геральт из Ривии. Философией принято называть предпринимаемые людьми жалкие и смешные потуги понять Природу. За философию сходят и результаты таких потуг. Это все равно как если б корень моркови пытался отыскать причины и следствия своего существования, называя результат обдумываний извечным и таинственным конфликтом Корня и Ботвы, а дождь считал бы Неразгаданной Созидающей Силой. Мы, чародеи, не теряем времени на отгадывание — что есть Природа. Мы знаем, что она есть, ибо сами являемся Природой. Ты меня понимаешь?

— Пытаюсь, но говори помедленнее, пожалуйста. Не забывай, ты разговариваешь с морковкой.

— Ты когда-нибудь задумывался над тем, что произошло, когда Беккер заставил воду брызнуть из камня? Говорится очень просто: Беккер овладел Силой. Принудил стихию к послушанию. Подчинил себе Природу... Как ты относишься к женщинам, Геральт?

— Не понял?

Лидия ван Бредевоорт отвернулась, шелестя шелком, и замерла в ожидании. Геральт увидел, что под мышкой она держит завернутую картину. Он понятия не имел, откуда эта картина взялась, ведь еще минуту назад у Лидии не было ничего. Амулет у него на шее легонько вздрогнул.

Вильгефорц усмехнулся.

— Я спросил о твоём мнении касательно отношений между мужчиной и женщиной, — напомнил он.

— Касательно какой стороны этих отношений?

— Ну можно ли, по-твоему, принудить женщину к послушанию? Разумеется, я имею в виду истинных женщин, а не самочек. Можно ли подчинить себе настоящую женщину? Овладеть ею? Заставить покориться твоей воле? И если да, то каким образом? Ответь.

Тряпичная куколка не спускала с них своих пуговичек. Йеннифэр отвела глаза.

— Ты ответил?

— Ответил.

Чародейка стиснула левой рукой его локоть, а правой — лежащие на ее груди пальцы.

— Как?

— Ты же знаешь.

— Ты понял, — немного помолчав, сказал Вильгефорц. — И, вероятно, понимал всегда. А значит, поймешь и то, что только когда умрут и исчезнут понятия воли и подчинения, приказа и послушания, хозяина и подчиненного, будет достигнуто единение. Общность, слияние в единое целое. Взаимопроникновение. А когда такое наступит, смерть перестанет что-либо значить. Там, в банкетной зале, присутствует Йан Беккер, который был водой, брызнувшей из камня. Говорить, что Беккер умер, все равно что утверждать, будто умерла вода. Взгляни на это полотно.

— Изумительно, — сказал ведьмак после недолгого молчания. И тут же почувствовал легкое дрожание своего медальона.

— Лидия, — улыбнулся Вильгефорц, — благодарит тебя за одобрение. А я вижу — у тебя есть вкус. Поздравляю. Картина изображает встречу Грегеннана из Леда с Ларой Доррен аэп Шиададь, легендарных любовников, разобщенных и уничтоженных часами презрения. Он был чародеем, она — эльфкой. Одной из элиты Aen Saevherne, то есть Ведающих. То, что могло стать началом объединения, обернулось трагедией.

— Я знаю эту легенду и всегда считал ее сказкой. А как было в

действительности?

— Этого, — серьезно ответил чародей, — не знает никто. То есть почти никто. Лидия, повесь свою картину тут, рядом. Полюбуйся, Геральт, очередным произведением кисти Лидии. Это портрет Лары Доррен аэп Шиададь, выполненный на основе древней миниатюры.

— Поздравляю. — Ведьмак поклонился Лидии ван Бредевоорт, и голос у него даже не дрогнул. — Истинный шедевр.

Голос у него не дрогнул, хотя Лара Доррен аэп Шиададь смотрела на него с портрета глазами Цири.

— Что потом?

— Потом? Лидия осталась в Галерее. Мы с Вильгефорцем вышли на террасу. И он поездил на мне в свое удовольствие...

— Сюда, Геральт. Пожалуйста, наступай только на темные плитки.

Внизу шумело море, остров Танедд вздымался из белой пены прибоя. Волны разбивались о стены Локсии, лежавшей прямо под ними. Локсия, как и Аретуза, искрилась огнями. Вздымающийся над ними каменный горб Гарштанга был черен и мертв.

— Завтра, — чародей проследил за взглядом ведьмака, — члены Капитула и Совета облачатся в традиционные одежды, знакомые тебе по древним гравюрам: серые, ниспадающие до земли плащи и островерхие шапки, а также вооружатся длинными палочками и посохами, уподобляясь таким образом колдунам и ведьмам, которыми пугают детей. Традиция, ничего не поделаешь. В сопровождении нескольких делегатов мы отправимся наверх, в Гарштанг. Там, в специально подготовленной зале, будем совещаться. Остальные будут ждать нашего возвращения и решения в Аретузе.

— Совещание в Гарштанге в узком кругу — тоже традиция?

— Совершенно верно. Давняя и продиктованная практическими соображениями. Случалось, что совещания чародеев бывали бурными и оканчивались чрезмерно активным обменом мнениями. Во время одного из таких обменов шаровая молния повредила прическу и платье Нины

Фиораванти. Нина, посвятив этому год работы, обложила стены Гарштанга чрезвычайно мощной аурой и антимагической блокадой. С тех пор в Гарштанге не действует ни одно заклинание, а дискуссии протекают спокойно. Особенно если предварительно отобрать у дискуссионщиков ножи.

— Понимаю. А башня, что повыше Гарштанга, на самой макушке, это что? Какое-то важное здание?

— Tor Lara. Башня Чайки. Руины. Важное? Пожалуй, да.

— Пожалуй?

Чародей оперся о перила.

— Предания эльфов говорят, что Tor Lara якобы связана телепортом с таинственной, до сих пор не обнаруженной Tor Zireael, Башней Ласточки.

— Якобы? Вам не удалось обнаружить этот телепортал? Не верю.

— И правильно делаешь. Мы обнаружили портал, но его пришлось заблокировать. Многие протестовали, все жаждало экспериментов, каждый хотел прославиться в качестве разведчика Башни Ласточки, мифического пристанища эльфских магов и мудрецов. Однако портал был испорчен вконец и действовал хаотично. Были жертвы, поэтому его и заблокировали. Пошли, Геральт, холодает. Осторожнее. Ступай только по темным плиткам.

— Почему только по темным?

— Эти строения разрушены. Влага, эрозия, сильные ветры, соленый воздух — все роковым образом сказывается на стенах. Ремонт обошелся бы слишком дорого, поэтому мы пользуемся иллюзией. Престиж. Понимаешь?

— Не совсем.

Чародей пошевелил рукой, и терраса исчезла. Под ними была пропасть, бездна, утыканная внизу торчащими из пены морской каменными зубьями. Они стояли на узенькой ленточке из темных плит, цирковым мостиком протянувшимся от дворика Аретузы к поддерживающей иллюзорную террасу колонне.

Геральт с трудом сохранил равновесие. Будь он нормальным человеком, не ведьмаком, ему бы не удержаться. Но даже он был захвачен врасплох. Чародей, конечно, заметил его резкое движение, да и выражение лица, несомненно, как-то изменилось. Ветер покачал его на узкой дорожке, пропасть взвыла зловещим шумом волн.

— А ведь ты боишься смерти, — ухмыльнулся Вильгефорц. — Все-таки ты ее боишься.

Тряпичная куколка глядела на них глазками-пуговками.

— Он тебя обманул, — проворчала Йеннифэр, прижимаясь к ведьмаку. — Никакой опасности не было, он наверняка страховал тебя и себя левитационным полем. Рисковать он не стал бы. Что дальше?

— Мы перешли в другое крыло Аретузы. Он провел меня в большую комнату, скорее всего — кабинет одной из учительниц, а то и ректорши. Мы присели за стол, на котором стояли песочные часы. Я уловил аромат духов Лидии и понял, что она побывала в комнате до нас...

— А Вильгефорц?

— Вильгефорц спросил...

— Почему ты не стал чародеем, Геральт? Тебя никогда не прельщало Искусство? Только откровенно.

— Откровенно? Прельщало.

— Так почему же ты не внял гласу влечения?

— Решил, что разумнее внимать гласу рассудка.

— То есть?

— Годы ведьмачества научили меня соизмерять силы с намерениями. Знаешь, Вильгефорц, когда-то я знал краснлюда, который в детстве мечтал стать эльфом. Как думаешь, стал бы, если б последовал гласу влечения?

— Это что же, сравнение? Параллель? Если да, то совершенно неудачная. Краснлюд не мог стать эльфом. Ибо у него не было матери-эльфки.

Геральт долго молчал. Наконец сказал:

— Ну конечно. Можно было догадаться. Ты немного покопался в моей биографии. Можешь сказать зачем?

— Может, мне привиделась такая картина в Галерее Славы: мы двое за столом, а на латунной табличке надпись: «Вильгефорц из Роггевеена заключает пакт с Геральтом из Ривии».

— Это была бы аллегория, — сказал ведьмак, — под названием «Знание торжествует над невежеством». Я предпочел бы картину более реалистическую: «Вильгефорц объясняет Геральту, в чем дело».

Вильгефорц сложил пальцы рук на уровне рта.

— Разве не ясно?

— Нет.

— Ты забыл? Картина-то, которая мне привиделась, висит в Галерее Славы, на нее глядят люди будущих поколений, которые прекрасно знают, в чем дело, какие события отражены на полотне. Изображенные там Вильгефорц и Геральт договариваются и заключают пакт о взаимопонимании, в результате чего Геральт, внемля гласу не какой-то там тяги или влечения, а истинного призвания, вступил наконец в ряды магов, положив конец тому не очень осмысленному и лишнему будущему существованию, которое вел до сих пор.

— Подумать только, — сказал ведьмак после очень долгого молчания, — еще совсем недавно я считал, будто уже ничто не в состоянии меня удивить. Поверь, Вильгефорц, долго я буду вспоминать этот банкет и здешнюю феерию событий. Воистину, это достойно картины под названием «Геральт покидает остров Танедд, лопааясь от смеха».

— Не понял. — Чародей слегка наклонился. — Я запутался в вычурностях твоей речи, густо пересыпанной изысканнейшими оборотами.

— Причины непонимания мне ясны. Мы слишком различны, чтобы понять. Ты — могущественнейший маг из Капитула, достигший единения с Природой. Я — бродяга, ведьмак, мутант, болтающийся по миру и за деньги уничтожающий чудовищ...

— Вычурность, — прервал чародей, — сменилась баналом...

— Мы слишком различны. — Геральт не позволил себя прервать. — А тот пустячок, что моя мать была, совершенно случайно, чародейкой, этого различия стереть не может. Кстати, из чистого любопытства: кем была твоя мать?

— Понятия не имею, — спокойно сказал Вильгефорц.

Ведьмак тут же умолк.

— Друиды из Ковирского Круга, — продолжил чародей, — нашли меня в канаве в Лан Эксетере. Приютили, воспитали и выучили. На друида, разумеется. Знаешь, кто такие друиды? Это такие мутанты, бродяги, которые болтаются по миру и поклоняются священным дубам.

Ведьмак молчал.

— А потом, — продолжал Вильгефорц, — в ходе некоторых друидских ритуалов вылезли наружу мои способности. Способности, которые определенно и неоспоримо позволяли установить мою родословную. Породили меня, конечно, случайно, два человека, из коих по меньшей мере один был чародеем.

Геральт молчал.

— Тот, кто мои скромные способности обнаружил, был, само собой, случайно встретившимся чародеем, — спокойно продолжал

Вильгефорц. — И он же решил оказать мне колоссальную услугу: предложил обучаться и совершенствоваться, а в перспективе — вступить в Братство магов.

— И ты, — глухо проговорил Геральт, — принял предложение.

— Нет. — Голос Вильгефорца становился все холоднее и неприятнее. — Отказался в крайне невежливой, даже просто в хамской форме. Вывалил на дедуню всю злобу. Хотел, чтобы он почувствовал себя виноватым, он и вся его магическая кодла. Виноватым, конечно, из-за канавы в Лан Эксетере, виноватым в том, что один или два прощельги магика, лишённые сердца и человеческих чувств поганцы, кинули меня в канаву после рождения, а не до него. Чародей, конечно, и не понял меня, и не возмутился тем, что я ему тогда сказал. Пожал плечами и пошел прочь, заклеив тем самым себя и своих соратников печатью бесчувственных, невежественных, заслуживающих величайшего презрения подлецов.

Геральт молчал.

— Друидами я пресытился, — продолжал Вильгефорц. — Поэтому покинул священные дубравы и ринулся в мир. Хватался за все, многого стыжусь до сих пор. В конце концов стал наемником. Моя дальнейшая жизнь потекла, как ты, вероятно, догадываешься, по известному руслу: солдат героический, солдат побежденный, мародер, грабитель, насильник, убийца, наконец — беглец, удирающий на край света от веревки. Ну драпанул я на край света. И там, на краю света, познал женщину. Чародейку.

— Осторожнее, — шепнул ведьмак, прищурившись. — Осторожнее, Вильгефорц, смотри, чтобы притягиваемые за хвост подобия не завели тебя слишком далеко.

— Подобия уже кончились. — Чародей не опустил глаз. — Потому что я не справился с чувствами, которые испытывал к той женщине. Ее чувств я не понял, а она и не пыталась мне помочь. Я ее бросил. Потому как она была, выражаясь научно, промискуитична, а проще говоря, хотела всегда, с кем угодно, где угодно и как угодно, а ко всему прочему была воплощением невежественности, злобности, бесчувственности и холодности. Подчинить ее себе было невозможно, а подчиняться ей — унизительно. Я бросил ее, так как понял, что она интересовалась мною только потому, что мой интеллект, личность и завораживающая таинственность как бы отводили на второй план тот факт, что я не был чародеем, она же только чародеям позволяла любить себя больше чем одну ночь. Что, впрочем, не противоречит тому факту, что она хотела всегда... ну и так далее. Я бросил ее, потому что... Потому что она была вроде как бы моей матерью. Я вдруг

понял, что мое чувство к ней вовсе не любовь, а нечто гораздо более сложное, сильное, но трудноопределяемое. Этакая смесь страха, обиды, бешенства, угрызений совести, потребности в искуплении, чувства вины, урона и ущербности, извращенной потребности страдать и каяться. То, что я чувствовал к этой женщине, было... ненавистью.

Геральт молчал.

Вильгефорц смотрел в сторону.

— Я бросил ее, — начал он снова. — И не смог жить с той пустотой в сердце, которая во мне возникла. И неожиданно понял, что причина этой пустоты — не отсутствие женщины, а отсутствие того, что я тогда ощущал. Парадокс, правда? Я думаю, доканчивать нет нужды, ты догадываешься о продолжении. Я стал чародеем. Из ненависти. И лишь тогда понял, сколь был глуп. Я путал небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

— Как ты справедливо заметил, параллели между нами не вполне параллельны, — буркнул Геральт. — Вопреки видимости между нами мало общего, Вильгефорц. Что ты хотел доказать, рассказывая свою историю? Что путь к вершинам чародейства крут и труден, но доступен всем? Даже, прости за параллели, незаконнорожденным и подкидышам, бродягам и ведьмакам...

— Нет, — прервал чародей. — Я не собирался доказывать, что такой путь доступен каждому. Это очевидно и давно доказано. Не было нужды доказывать и то, что для определенного рода людей другого пути попросту не существует.

— Итак, — усмехнулся ведьмак, — выбора у меня нет? Придется заключить с тобой пакт, которому предстоит быть темой картины, и стать чародеем? Только из-за генетики? Ну-ну! Мне немного знакома теория наследственности. Мой отец, до чего я дошел с немалым трудом, был бродягой, невеждой, грубияном, авантюристом и рубакой. У меня может оказаться избыток генов от папочки, а не от мамы. То, что я тоже неплохо умею рубить и колоть, вроде бы подтверждает сказанное.

— И верно, — ухмыльнулся чародей. — Слушай, песок почти весь просыпался, а я, Вильгефорц из Роггевеена, магистр магии, член Капитула, все еще не без приятственности треплюсь с невеждой, рубакой и бродягой, сыном невежды, рубаки и бродяги. Мы обсуждаем вопросы и проблемы, которые, как известно, обычно обсуждают, сидя у костров, невежды, рубаки и бродяги. Например, генетику. Откуда ты вообще знаешь это слово, друг мой рубака? Из храмовой школы в Элландере, в которой учат читать по слогам и писать двадцать четыре руны? Что заставило тебя читать книги, в

которых можно найти эти и подобные слова? Где ты оттачивал риторику и красноречие? И зачем? Чтобы общаться с вампирами? Ах, друг мой, генетический бродяга, которому улыбается Тиссая де Врие. Друг ты мой, ведьмак, рубака, привлекающий Филиппу Эйльхарт так, что у нее аж руки трясутся. Невежда, при одной мысли о котором Трисс Меригольд становится краснее мака. О Йеннифэр и не говорю.

— Может, и хорошо, что не говоришь. В часах действительно осталось совсем мало песка, можно песчинки пересчитать. Не пиши больше картин, Вильгефорц. Говори, в чем дело. Скажи просто и доходчиво. Представь себе, будто мы сидим у костра, два бродяги, запекаем на вертеле поросенка, которого только что сперли, и тщетно пытаемся упиться березовым соком. Я задаю простой вопрос. А ты отвечаешь. Как бродяга бродяге.

— И как же он звучит, твой простой вопрос?

— Что за договор ты мне предлагаешь? Какой пакт мы должны заключить? Зачем я понадобился тебе в твоём котле, Вильгефорц? В котле, в котором, сдается, уже начинает бурлить. Что здесь, кроме канделябров, висит в воздухе?

— Хм. — Чародей задумался или сделал вид, будто задумался. — Вопрос не прост, но попытаюсь ответить. Только не как бродяга бродяге. Отвечу... как один наемный рубака другому. Себе подобному.

— Ну что ж.

— Так слушай, друг-рубака. Намечается солидная драчка. Битва не на жизнь, а на смерть, поблажек не будет. Одни победят, других расклюют вороны. Говорю тебе, друг, присоединяйся к тем, у кого больше шансов. К нам. Других можешь бросить и наплевать на них. Им ничего не светит, так зачем же погибать вместе с ними? Нет, нет, друг, не кривись, я знаю, что ты хочешь сказать. Мол, ты — нейтрален. Мол, тебе до свечки и те и другие, ты просто пережدهшь заварушку в горах, в Каэр Морхене. Скверная идея, дружок. У нас будет все, что тебе любо. Если же не присоединишься, потеряешь все. И поглотит тебя пустота, тщета и ненависть. Уничтожит наступающий час презрения. Будь же благоразумен и примкни к соответствующей стороне, когда придется выбирать. А выбирать придется. Можешь поверить.

— Поразительно, — паскудно ухмыльнулся ведьмак. — Как будоражит всех мой нейтралитет. Всем не терпится заключать со мной пакты и союзы, предлагать сотрудничество, втолковывать, что необходимо делать выбор и присоединяться к соответствующей стороне. Вильгефорц, ты напрасно теряешь время. В этой игре я тебе партнер не равный. Не вижу возможности оказаться вместе на одном полотне в Галерее Славы. Тем

более — на батальном.

Чародей молчал.

— Расставляй, — продолжал Геральт, — на своей доске королей, ферзей, слонов и пешек, не обращая на меня внимания, потому что я на этой шахматной доске значу не больше, чем покрывающая ее пыль. Это не моя игра. Ты утверждаешь, что мне придется выбирать. Ошибаешься. Я не стану выбирать. Я подлажусь к событиям. Подлажусь к тому, что выберут другие. Я всегда так поступал.

— Ты фаталист.

— Да. Хотя это и еще одно слово, которого я знать не должен. Повторяю: это не моя игра.

— Неужто? — Вильгефорц перегнулся через стол. — В этой партии, ведьмак, на шахматной доске уже стоит черная ладья, намертво связанная с тобой узами Предназначения. Ты знаешь, о ком я, верно? Думаю, ты не хочешь ее потерять?

Глаза ведьмака превратились в щелочки.

— Что вам нужно от ребенка?

— Есть только один способ узнать.

— Предупреждаю: я не допущу, чтобы ее обидели...

— Есть только один способ сделать это. Я предложил тебе его, Геральт из Ривии. Обдумай мое предложение. У тебя впереди целая ночь. Думай, глядя на небо. На звезды. И не перепутай их с теми, которые отражаются в поверхности пруда. Песок в часах пересыпался.

— Я боюсь за Цири, Йен.

— Напрасно.

— Но...

— Поверь мне. — Она обняла его. — Поверь, прошу тебя. Не обращай внимания на Вильгефорца. Он — игрок. Он хотел тебя обмануть, спровоцировать. И частично ему это удалось. Но это не имеет значения. Цири — под моей опекой, а в Аретузе она будет в безопасности, сможет развить свои способности, и никто ей не помешает. Никто. Однако о том, чтобы она стала ведьмачкой, забудь. У нее иной дар. И иным свершениям она предназначена. Можешь мне поверить.

— Я верю тебе.

— Какой прогресс! А о Вильгефорце не думай. Грядущий день

прояснит многое и разрешит массу проблем.

«Грядущий день, — подумал он. — Она что-то от меня скрывает. А я боюсь спросить. Кодрингер был прав. Я попал в дикую кабалу. Но теперь у меня нет выхода. Приходится ждать, что принесет грядущий день, который якобы прояснит многое. Приходится ей верить. Я знаю: что-то должно случиться. Подожду. И подлажусь к ситуации».

Он взглянул на секретер.

— Йен?

— Я здесь.

— Когда ты училась в Аретузе... Когда спала в такой же комнате, как эта... У тебя была куколка, без которой ты не могла уснуть? Которую днем усаживала на секретер?

— Нет. — Йеннифэр резко пошевелилась. — У меня вообще не было кукол. Не спрашивай об этом. Пожалуйста, не спрашивай.

— Аретуза, — шепнул он, осматриваясь. — Аретуза на острове Танедд. Ее дом. На многие годы... Когда она отсюда выйдет, будет зрелой женщиной...

— Прекрати. Не думай и не говори об этом... Лучше...

— Что, Йен?

— Люби меня.

Он обнял ее. Прикоснулся. Нашел. Йеннифэр, невероятно мягкая и жесткая одновременно, громко вздохнула. Слова, которые они произносили, обрывались, тонули во вздохах и ускоренном дыхании, переставали что-либо значить, рассеивались. Они умолкали, сосредоточивались на поисках самих себя, на поисках истины. Они искали долго, нежно и тщательно, боясь неуместной поспешности, легкомысленности и развязности. Они искали сильно и самозабвенно, боясь святотатственного сомнения и нерешительности. Они искали осторожно, боясь кощунственной грубости.

Они отыскиали друг друга, преодолели страх, а минуту спустя нашли истину, которая вспыхнула у них под веками поражающей, ослепительной очевидностью, стоном разорвала сжатые в отчаянии губы. И тогда время спазматически дрогнуло и замерло, все исчезло, а единственным живым чувством было прикосновение. Минула вечность, вернулась реальность, а время опять дрогнуло и снова сдвинулось с места, медленно, тяжело, словно огромный перегруженный воз. Геральт взглянул в окно. Луна по-прежнему висела на небе, хотя то, что случилось мгновение назад, в принципе должно было бы сбросить ее на землю.

— Ой-ёй-ёй, ой-ёй, — после долгого молчания проговорила Йеннифэр,

медленным движением стирая со щеки слезинку.

Они лежали неподвижно на разбросанной постели, под шум дождя, среди исходящего паром тепла и угасающего счастья, в молчании, а вокруг них клубилась бесформенная тьма, перенасыщенная ароматами ночи и голосами цикад. Геральт знал, что в такие моменты телепатические способности чародейки обостряются и усиливаются. Поэтому старался думать только о прекрасном. О том, что могло принести ей радость. О взрывной яркости восходящего солнца. О тумане, стелющемся на рассвете над горным озером. О хрустальных водопадах, в которых резвятся лососи, такие блестящие, словно они отлиты из серебра. О теплых каплях дождя, барабанивших по тяжелым от росы листьям лопухов.

Он думал для нее. Йеннифэр улыбалась, слушая его мысли. Улыбка дрожала на ее щеке лунными тенями ресниц.

— Дом? — вдруг спросила Йеннифэр. — Какой дом? У тебя есть дом? Ты хочешь построить дом? Ах... Прости. Я не должна...

Он молчал. Он был зол на себя. Думая для нее, он против своего желания позволил ей прочесть мысль о ней.

— Прекрасная мечта. — Йеннифэр нежно погладила его по руке. — Дом. Собственноручно построенный дом, в этом доме ты и я. Ты бы разводил лошадей и овец, я занималась бы огородом, варила еду и чесала шерсть, которую мы возили бы на торг. На денежки, вырученные за шерсть и дары земли, мы покупали бы все необходимое, ну, скажем, медные казанки и железные грабли. Время от времени нас навещала бы Цири с мужем и тройкой детей, иногда на несколько деньков заглядывала бы Трисс Меригольд. Мы бы красиво и благолепно старели. А если б я начинала скучать, ты вечерами насвистывал бы мне на собственноручно изготовленной свирели. Всем известно: игра на свирели — лучшее лекарство от хандры.

Ведьмак молчал.

Чародейка тихонько кашлянула и сказала:

— Прости.

Он приподнялся на локте, наклонился, поцеловал ее. Она резко пошевелилась, обняла его.

— Скажи что-нибудь.

— Я не хочу тебя потерять, Йен.

— Но я же твоя.

— Эта ночь кончится.

— Всему на свете приходит конец...

«Нет, — подумал он. — Не хочу так. Я устал. Я слишком устал, чтобы спокойно принять перспективу концов, становящихся началами, с которых надо все начинать заново. Я хотел бы...»

— Помолчи. — Она быстро положила пальцы ему на губы. — Не говори, чего бы ты хотел и о чем мечтаешь. Ведь может оказаться, что я не сумею исполнить твоих желаний. А это причинит мне боль.

— А чего хочешь ты, Йен? О чем мечтаешь?

— Только о достигаемом.

— А как же я?

— Ты уже мой.

Он долго молчал. И дождался той минуты, когда она прервала молчание.

— Геральт?

— Ммм?..

— Люби меня. Ну пожалуйста...

Когда Геральт пришел в себя, луна по-прежнему была на своем месте. Яростно брэнчали цикады, словно и они безумием и исступленностью стремились перебороть беспокойство и страх. Из ближайшего окна в левом крыле Аретузы кто-то, кто не мог уснуть, кричал и бранился, требуя тишины. Из окна с другой стороны какой-то обладатель артистической души бурно аплодировал и поздравлял с успехом...

— Ох, Йен... — укоризненно шепнул ведьмак.

— Была причина... — Она поцеловала его, потом прижалась щекой к подушке. — У меня был повод кричать. Вот я и кричала. Этого нельзя глушить в себе, это нездорово и противоестественно. Обними меня, если можешь.

Глава 4

Телепорт Лара, или Портал Бенавента, названный так по имени обнаружившего его чародея, расположен на верхнем этаже Башни Чайки на острове Танедд. Стационарный, спорадически активный. Принципы функционирования — неизвестны. Назначение — неизвестно, вероятнее всего, искажено в результате самораспада; при активации не исключены многочисленные разветвления либо разбросы.

ВНИМАНИЕ: телепорт действует хаотично и смертельно опасен. Эксперименты категорически запрещены. В Башне Чайки и вблизи нее не разрешается применять магию. В особенности телепортационную. В виде исключения Капитул рассматривает запросы на вход в Тор Лара и осмотр телепортала. Заявления надлежит обосновать началом исследовательских работ и специализацией в соответствующей области.

Библиография: Джеоффрей Монк. «Магия Старшего Народа»; Иммануэль Бенавент. «Портал в Тор Лара»; Нина Фиораванти. «Теория и практика телепортации»; Рансант Альваро. «Врата тайны».

Перечень запрещенных артефактов; Ars Magica, изд. LVIII

Вначале был только пульсирующий, мерцающий хаос и каскад образов, вихрь, полная звуков и голосов бездна. Цири видела уходящую в небо башню, на крыше которой плясали молнии. Слышала крик хищной птицы и сама была этой птицей, мчащейся с огромной скоростью, а под нею бушевало море. Она видела маленькую тряпичную куколку и неожиданно сама становилась этой куколкой, а вокруг клубилась тьма, гудящая, звенящая стрекотом цикад. Цири видела гигантского черно-белого кота и тут же становилась этим котом, а вокруг нее был мрачный дом, потемневшие панели, аромат свечей и старых книг. Она слышала, как несколько раз произнесли ее имя, видела серебряных лососей, перепрыгивающих через водопады, слышала шум дождя, барабанищего по

листьям. А потом услышала странный, протяжный крик Йеннифэр. Этот-то крик и разбудил ее, вырвал из бездны безвременья и хаоса.

Теперь, тщетно пытаясь вспомнить сон, она уже слышала только тихие звуки лютни и флейты, гул тамбурина, пение и смех. Лютик и несколько случайно встретившихся вагантов все еще веселились в комнате в конце коридора.

В окно проник лунный лучик, развеяв мрак, и комнатка в Локсии сразу стала походить на место из сна. Цири откинула простыню. Она вспотела, волосы прилипли ко лбу. Вечером она долго не могла уснуть — не хватало воздуха, хоть окно было открыто настежь. Она знала почему. Выходя с Геральтом, Йеннифэр укрыла комнату магической защитой. Якобы для того, чтобы никто не мог войти, но Цири подозревала, что скорее всего Йеннифэр не хотела, чтобы выходила она. Ее попросту арестовали. Йеннифэр, хоть и явно радовалась встрече с Геральтом, еще не забыла и не простила ей самовольную и дурацкую эскападу в Хирунд, благодаря которой, вообще-то говоря, их встреча и состоялась.

Самое ее встреча с Геральтом разочаровала и наполнила грустью. Ведьмак был немногословен, сдержан, неспокоен и явно неоткровенен. Их беседы обрывались, увязали в неоконченных, прерванных на полуслове фразах и вопросах. Глаза и мысли ведьмака убегали от нее и уходили далеко-далеко. Цири знала, куда именно.

Из комнатки в конце коридора долетало одинокое тихое пение Лютика, музыка лютни, шуршащая как ручеек по камням. Она узнала мелодию, которую бард слагал несколько дней. Баллада — Лютик хвастался этим не раз — носила название «Неуловимая» и должна была принести автору победу на ежегодном турнире бардов, проходившем поздней осенью в замке Вартбург. Цири вслушалась в слова:

Ты плывешь над мокрыми крышами —
С мятным дождиком заодно.
Меж кувшинками светло-рыжими
Ты ныряешь, ныряешь... Но
(Не шути над мечтой моею)
Я пойму тебя все равно,
О, конечно, если успею...^[2]

Цокали копыта, наездники распарывали галопом ночь, на горизонте небо полыхало заревами пожаров. Хищная птица заскрипела и раскинула

крылья, устремляясь в полет. Цири снова погрузилась в сон, слыша, как кто-то произносит ее имя. То это был Геральт, то Йеннифэр, то Трисс Меригольд, наконец — причем несколько раз, — незнакомая худощавая светловолосая грустная девушка, смотрящая с оправленной в рог и латунь миниатюры.

Потом она увидела черно-белого кота, а мгновение спустя уже опять была этим котом, смотрела его глазами. Кругом — чужой, мрачный дом. Она видела большие шкафы, забитые книгами, освещенный несколькими свечами пюпитр, около него двух склонившихся над свитками мужчин. Один кашлял и вытирал губы платком. Другой, карлик с огромной головой, сидел в кресле на колесах. У него не было обеих ног.

— Невероятно... — вздохнул Фэнн, пробегая глазами истлевший пергамент. — Где ты взял эти документы?

— Не поверишь, если скажу, — раскашлялся Кодрингер. — Теперь ты понял, кто такая в действительности Цирилла, княжна Цинтры? Дитя Старшей Крови... Последний отпрыск этого проклятого древа ненависти! Последняя ветвь, а на ней последнее отравленное яблочко...

— Старшая Кровь... Так далеко вспять... Паветта, Калантэ, Адалия, Элен, Фиона...

— И Фалька.

— О Господи! Невозможно! Во-первых, у Фальки не было детей! Во-вторых, Фалька была законной дочерью...

— Во-первых, о юности Фальки нам не известно ничего. Во-вторых, не смей меня, Фэнн. Ты же знаешь, что при слове «законный» у меня начинаются колики. Я верю в этот документ, потому что он кажется мне подлинным и говорит правду. Фиона, прапрабабка Паветты, была дочерью Фальки, чудовища в человеческом обличье. Черт возьми, я не верю в идиотские вещания, пророчества и прочую чепуху, но как только вспомню пророчества Итлины...

— Порченная кровь?

— Порченная, отравленная, проклятая — понимать можно по-разному. Но по легенде, если помнишь, именно Фалька была проклята, потому что Лара Доррен аэп Шиададь навела порчу на ее мать...

— Сказки, Кодрингер.

— Верно, сказки. Но знаешь, когда сказки перестают быть сказками?

Как только в них начинают верить. А в сказку о Старшей Крови кое-кто верит. Особенно в ту ее часть, где говорится, что кровь Фальки породит Мстителя, который до основания разрушит старый мир, а затем на его руинах построит новый.

— И этот Мститель — Цирилла?

— Нет. Не Цирилла. Ее сын.

— А Цириллу разыскивает...

— Эмгыр вар Эмрейс, император Нильфгаарда, — холодно закончил Кодрингер. — Теперь понимаешь? Цирилла независимо от ее воли должна стать матерью наследника трона. Великого князя, которому предстоит быть Князем Тьмы, потомком дьяволицы Фальки. Мстителем. Гибель, а потом обновление мира должны, мне сдается, протекать управляемо, контролируемо.

Калека долго молчал.

— А тебе не кажется, — спросил он наконец, — что следовало бы известить Геральта?

— Геральта? — Кодрингер скривил рот. — Это еще кто такой? Уж не тот ли наивный тип, который недавно втолковывал мне, будто действует совершенно бескорыстно? Конечно, верю, он действует не ради собственной выгоды. Он действует ради чужой. Впрочем, неосознанно. Он преследует бегущего на поводке Риенса, но при этом не чувствует ошейника на собственной вые. И я должен его информировать? Помогать тем, кто хочет сам завладеть курочкой, несущей золотые яйца, чтобы шантажировать Эмгыра или влезть к нему в доверие? Нет, Фэнн, я глуп, но не настолько же.

— Ведьмак тоже бежит на поводке? На чем?

— Подумай.

— Дьявольщина!

— Точно сказано. Единственная, кто имеет на него влияние. Которой он доверяет. Но я ей не доверяю. И никогда не доверял. Я лично включусь в эту игру.

— Опасная игра, Кодрингер.

— Безопасных игр не бывает. Есть только игры стоящие и не стоящие свеч. Фэнн, брат, ты не понимаешь, что попало нам в руки. Золотая курочка, которая не кому-то, а нам снесет огромное яйцо, все из желтенького золотца...

Кодрингер раскашлялся. Когда отнял платок ото рта, на нем были пятна крови.

— Золотом этого не излечишь, — сказал Фэнн, глядя на платок в руке

компаньона. — А мне не вернешь ног...

— Как знать?

В дверь постучали. Фэнн беспокойно завертелся в кресле на колесах.

— Ты кого-то ждешь, Кодрингер?

— Да. Людей, которых посылаю на Танедд. За золотой курочкой.

— Не отворяй! — крикнула Цири. — Не отворяй дверей! За ними смерть! Не отворяй этих дверей!

— Открываю, открываю! — крикнул Кодрингер, отодвигая засов, потом повернулся к мяукающему коту: — Да сиди ты тихо, чудо в перьях...

И осекся. В дверях стояли не те, кого он ожидал. В дверях стояли трое, которых он не знал.

— Милсдарь Кодрингер?

— Хозяин выехал по делам. — «Юрист» изобразил глупейшую мину и поменял голос на слегка писклявый. — Я — камердинер хозяина, меня зовут Гломб. Микаэль Гломб. Чем могу служить?

— Ничем, — сказал один из троих, высокий полуэльф. — Коли хозяина нет, мы только оставим письмо и сообщение. Вот письмо.

— Передам незамедлительно. — Кодрингер, вживаясь в роль нерасторопного лакея, униженно поклонился, протянул руку за перевязанным красным шнурком свитком пергамента. — А сообщение?

Оплетающий рулон шнурок развернулся, как нападающая змея, рванулся вперед и туго охватил ему запястье. Высокий сильно дернул. Кодрингер потерял равновесие, качнулся вперед, чтобы не упасть на полуэльфа, инстинктивно уперся левой рукой ему в грудь. В таком положении он не мог уклониться от кинжала, которым его ткнули в живот. Он глухо застонал и хотел откатнуться назад, но закрученный на запястье магический шнур не пустил. Полуэльф снова притянул его к себе и ударил опять. Кодрингер повис на клинке.

— Вот сообщение и поздравление от Риенса, — просипел высокий полуэльф, сильно рванув кинжал кверху и потроша «юриста», как рыбу. — Отправляйся в пекло, Кодрингер, прямиком в пекло.

Кодрингер захрипел, чувствуя, как острое клинка скрипит на ребрах и грудной кости. Осел на пол, свернувшись в клубок. Хотел крикнуть, предостеречь Фэнна, но успел лишь захрипеть, и хрип тут же задушила волна крови.

Высокий полуэльф перешагнул через безвольное тело, вслед за ним в комнату вошли двое других. Люди.

Фэнн не дал застать себя врасплох.

Щелкнула тетива — один из бандитов рухнул навзничь, получив стальным шариком посередине лба. Фэнн отъехал к пюпитру, дрожащими руками попытался перезарядить арбалет.

Высокий подскочил к нему, сильным ударом перевернул кресло. Карлик покатился между раскиданными по полу бумагами. Бессильно перебирая маленькими ручками и культиями ног, он напоминал покалеченного паука.

Полуэльф пнул арбалет, выбил его из поля досягаемости Фэнна. Не обращая внимания на пытающегося ползти калеку, быстро просмотрел лежащие на пюпитре документы. Его внимание привлекла небольшая оправленная в рог и латунь миниатюра, изображающая светловолосую девочку. Он поднял миниатюру вместе с прикрепленным к ней листком.

Другой бандит бросил убитого дружка, приблизился. Полуэльф вопросительно поднял брови. Бандит отрицательно pokrutil головой.

Полуэльф спрятал за пазуху миниатюру и несколько прихваченных с пюпитра документов. Потом вынул из бокала пучок перьев и зажег их от свечи. Медленно вращая, чтобы получившаяся кисть как следует разгорелась, бросил на пюпитр, в свитки, которые тут же занялись огнем.

Фэнн вскрикнул.

Высокий полуэльф снял с уже горящего стола бутыль с жидкостью для вытраивания чернил, встал над мечущимся карликом и вылил на него все содержимое. Фэнн протяжно завыл. Второй бандит стащил со стеллажа полную охапку свитков и привалил ими калеку.

Огонь с пюпитра взвился к потолку. Вторая бутыль, поменьше, с жидкостью для проявления текста, с грохотом взорвалась, пламя лизнуло стеллаж. Свитки, рулоны и папки начали темнеть, сворачиваться и как бы оживать. Фэнн выл. Высокий отступил от горящего пюпитра, свернул из бумаг трубку и зажег ее. Другой бандит накинул на калеку еще одну охапку свитков.

Фэнн выл.

Полуэльф стоял над ним, держа в руке пылающий факел.

Черно-белый кот Кодрингера уселся на ближайшем заборчике. В его

желтых глазах плясало отражение пожара, превращающего дружественную ночь в жуткую пародию дня. Вокруг кричали: «Горит! Горит! Воды!» К дому сбегались люди. Кот замер, глядя на них с удивлением и презрением. Эти глупцы явно стремились туда, к огненному аду, из которого ему едва удалось выбраться.

Равнодушно отвернувшись, кот Кодрингера принялся вылизывать лапку, вымазанную кровью.

Цири проснулась вся в поту, до боли стискивая руками простыню. Кругом стояла тишина и мягкий сумрак, словно кинжалом пронзенный лучом лунного света.

Пожар. Огонь. Кровь. Кошмар... Не помню, ничего не помню...

Она глубоко вдохнула свежий ночной воздух. Ощущение духоты исчезло. Она знала почему.

Защитные заклинания больше не действовали.

Что-то случилось, подумала Цири, вскочила с кровати и быстро оделась. Прицепила кордик. Меча у нее не было, Йеннифэр отняла его и передала на хранение Лютику. Поэт уже наверняка спал, а в Локсии стояла тишина. Цири подумала было, не пойти ли и не разбудить, но тут почувствовала в ушах сильную пульсацию и шум крови.

Вливающаяся через окно струя лунного света превратилась в дорогу. На конце дороги, очень далеко, были двери. Двери раскрылись, в них стояла Йеннифэр.

Иди.

За спиной чародейки раскрывались новые двери. Одна за другой. Бесконечное множество. Во мраке туманно проступали черные столбы колонн. А может, статуй. «Я сплю, — подумала Цири, сама не веря в это. — Я сплю. Никакая это не дорога, это свет, полоса света. По ней невозможно идти».

Иди.

Цири пошла.

Если б не дурацкие принципы ведьмака, не его нежизненная

щепетильность, многие дальнейшие события протекали бы совершенно иначе. Многое вообще не случилось бы. И тогда история мира покатила бы по-другому.

Но история мира покатила так, как покатила — и исключительной тому причиной был тот факт, что у ведьмака были принципы. Проснувшись утром и почувствовав потребность сделать то, что на его месте сделал бы каждый, то есть выйти на балкончик и помочиться в цветочницу с настурциями, Геральт поступил иначе. Он был щепетил и принципиален. Он тихонько оделся, не будя крепко спящую Йеннифэр, которая лежала неподвижно и, казалось, не дышала. Да, он оделся и вышел из комнатки в сад.

Банкет еще продолжался, но, судя по звукам, подходил к концу. Алхимики бы сказали — это были следы банкета. В окнах бальной залы все еще горели огни, свет заливал атриум и клумбы с пионами. Поэтому ведьмак прошел немного дальше, к самым густым кустам, и там загляделся на светлеющее небо, уже разгорающееся на горизонте пурпурной полосой утренней зари.

Когда он неспешно возвращался, размышляя о важных проблемах, его медальон сильно дернулся. Ведьмак придержал его ладонью, чувствуя пронизывающую тело вибрацию. Было ясно — в Аретузе кто-то выкрикивал заклинания. Геральт наострил уши и услышал приглушенные крики, грохот и гул, доносящиеся с галереи в левом крыле дворца.

Любой другой на его месте немедленно бы развернулся и отправился в противоположную сторону, сделав вид, будто ничего не слышал. И тогда история мира, возможно, покатила бы иначе. Но ведьмак был щепетил и привык поступать в соответствии с дурацкими, нежизненными принципами.

Когда он вбежал на галерею, а затем в коридор, там уже шел бой. Несколько бандитов в серых куртках пытались заковать поваленного на пол невысокого роста чародея. Операцией командовал Дийкстра, шеф разведки Визимира, короля Редании. Прежде чем Геральт успел что-либо предпринять, двое бандитов приперли его к стене, а третий приставил к груди трехзубый наконечник корсеки.

На всех бандитах были медальоны с реданским орлом.

— Это называется «попал в дерьмо и не чирикай», — тихо пояснил Дийкстра, приближаясь. — А у тебя, ведьмак, похоже, врожденный талант попадать куда не надо. Стой спокойно и постарайся не привлекать к себе внимания.

Реданцы наконец осилили невысокого чародея и подняли его с пола,

держа за руки. Это был Артауд Терранова, член Капитула.

Позволявший видеть подробности свет исходился из шара, висящего над головой Кейры Мец, чародейки, с которой Геральт вечером болтал на банкете. Он едва узнал ее — она сменила воздушный гипюр на строгий мужской наряд, а на боку у нее висел кинжал.

— Заковать его! — кратко приказала она. В ее руке звякнули наручники, изготовленные из голубоватого металла.

— Не смей! — крикнул Терранова. — Не смей, Мец! Я — член Капитула.

— Был. Теперь ты обыкновенный предатель. И поступят с тобой как с предателем. Обыкновенным.

— А ты — паршивая, продажная девка, которая...

Кейра отступила на шаг, развернулась в бедрах и изо всей силы ударила его кулаком по лицу. Голова чародея отлетела назад, и на какое-то мгновение Геральту показалось, что она вот-вот оторвется от туловища. Терранова обмяк в руках державших его людей, из носа и рта потекла кровь. Второй раз чародейка не ударила, хотя уже занесла руку. Ведьмак заметил латунный высверк кастета на ее пальцах. И не удивился. Кейра была щупловата, такой удар не мог быть нанесен голой рукой.

Он не пошевелился. Бандиты держали его крепко, а острия корсеки продолжали упираться в грудь. Неизвестно, кстати, стал ли бы он шевелиться, если б был свободен, да и знал ли бы, как поступить.

Реданцы защелкнули наручники на вывернутых за спину руках чародея. Терранова закричал, задергался, согнулся, захрипел в позыве рвоты. Геральт уже понял, из чего сделаны наручники. Это был сплав железа и двумерита, редкого минерала, обладающего свойством глушить магические способности. Такое глушение сопровождалось довольно неприятными для магигов побочными явлениями.

Кейра Мец подняла голову, откинула волосы со лба. И тут увидела Геральта.

— А он что тут делает, черт побери? Как он-то сюда попал?

— Да вот — попал, — равнодушно ответил Дийкстра. — Хобби у него такое — попадать куда не следует. Что с ним делать?

Кейра помрачнела, несколько раз топнула каблуком сапожка.

— Стереги. У меня сейчас нет времени.

Она быстро ушла, за ней последовали реданцы, волоча Терранову. Светящийся шар поплыл следом за чародейкой, но уже наступало утро, быстро светлело. По знаку Дийкстры наемные убийцы отпустили Геральта. Шпион подошел и заглянул ведьмаку в глаза.

— Сохраняй полное спокойствие.

— Что тут происходит? Что это...

— И полное молчание.

Кейра Мец вернулась очень скоро и не одна. Сопровождал ее чародей с льняными волосами, которого вчера представили Геральту как Детмольда из Бан Арда. Увидев ведьмака, он выругался, стукнул кулаком по ладони:

— Дьявольщина! Это тот самый, который так нравится Йеннифэр?

— Он, — подтвердила Кейра. — Геральт из Ривии. Проблема в том, что я не знаю, как обстоят дела у Йеннифэр...

— Я тоже не знаю, — пожал плечами Детмольд. — Во всяком случае, он уже впутался. Слишком много видел. Отведите его к Филиппе, она решит. Наденьте на него наручники.

— В этом нет необходимости, — медленно проговорил Дийкстра. — Я за него ручаюсь. Отведу куда следует.

— Все складывается прекрасно, — кивнул Детмольд. — У нас со временем туго. Пошли, Кейра, наверху все осложняется...

— Ну и горячатся, — буркнул реданский шпион, глядя вслед уходящим. — Нет опыта, вот в чем дело. А путчи и перевороты — это как крошка. Ее положено есть холодной. Пошли, Геральт. И помни: спокойно, с достоинством, без фокусов. Не заставляй меня сожалеть о том, что я не дал тебя заковать или связать.

— Что тут творится, Дийкстра?

— Ты еще не догадался? — Шпион шел рядом, трое реданцев держались позади. — Ну скажи честно, ведьмак, как получилось, что ты сюда появился?

— Боялся, настурции завянут.

— Геральт, — криво взглянул на него Дийкстра. — Ты вляпался в дерьмо по самую макушку. Сейчас вынырнул и держишь рот над поверхностью, но ногами все еще не достал дна выгребной ямы. Тебе подадут руку помощи, рискуя свалиться туда же и испоганиться. Перестань строить из себя идиота. Прийти сюда тебе велела Йеннифэр, верно?

— Нет. Йеннифэр спит в тепленькой постельке. Успокоился?

Тучный шпик резко отвернулся, схватил ведьмака за плечи и припер к стене коридора.

— Нет, не успокоился, ты, идиотский кретин, — зашипел он. — Неужели все еще не понял, дурень, что порядочные, верные королям чародеи сегодня ночью не спят? Что они вообще не ложились в постельки? В теплых постельках спят подкупленные Нильфгаардом предательницы. Предательницы, которые сами готовили путч, но не на сегодня. Они не

знали, что их планы и намерения раскрыты. И именно сейчас их вытаскивают из теплых постелек, бьют кастетами по зубам, надевают наручники из димерита. С предателями покончено, понимаешь? Если не хочешь отправляться на дно вместе с ними, перестань прикидываться идиотом! Вчера вечером Вильгефорц привлек тебя на свою сторону? Или, может, еще раньше это сделала Йеннифэр? Говори! Быстро, потому что дерьмо уже начинает заливать тебе рот!

— Окрошка, Дийкстра, — напомнил Геральт. — Проводи меня к Филиппе. Спокойно, с достоинством и без фокусов.

Шпион отпустил его, отступил на шаг.

— Идем, — сказал он холодно. — По этой лестнице вверх. Но нашу беседу мы еще закончим. Это я тебе обещаю.

Там, где сходились четыре коридора, у поддерживающей свод колонны было светло от фонарей и магических шаров. Здесь толпились реданцы и чародеи. В числе последних — члены Совета: Радклифф и Сабрина Глевиссиг. Сабрина, как и Кейра Мец, была в черном мужском костюме. Геральт понял, что в происходящем у него на глазах путче стороны можно различать по одежде.

На полу, склонившись над телом, лежащим в луже крови, стояла на коленях Трисс Меригольд. Геральт узнал Лидию ван Бредевоорт. По волосам и шелковому платью. По лицу бы не узнал, потому что лица у нее уже не было, а был чудовищно жуткий череп с приоткрытыми до половины щек зубами и деформированной, запавшей, скверно сросшейся челюстью.

— Прикройте ее, — сухо сказала Сабрина Глевиссиг. — Когда она скончалась, фантом развеялся. Черт побери, да закройте же ее чем-нибудь!

— Как это случилось, Радклифф? — спросила Трисс, отдергивая руку от позолоченной рукояти стилета, торчавшего пониже грудины Лидии. — Как это могло случиться? Ведь трупов не должно было быть!

— Она напала на нас, — буркнул чародей, опуская голову. — Когда выводили Вильгефорца, она кинулась на нас. В неразберихе... Я и сам не знаю, как получилось... Это ее собственный стилет.

— Закройте ей лицо! — Сабрина быстро отвернулась. Увидела Геральта, ее хищные, антрацитово-черные глаза полыхнули пламенем. — А этот откуда взялся?

Трисс мгновенно вскочила, прильнула к ведьмаку. Геральт увидел

перед глазами ее ладонь, потом вспышку и медленно погрузился в темноту. Почувствовал руку на воротнике и резкий рывок.

— Держите его, а то упадет. — Голос Трисс был неестественным, в нем звучал притворный гнев. Она снова дернула его так, чтобы он на мгновение оказался рядом с ней.

— Прости, — услышал он быстрый шепот. — Так надо.

Люди Дийкстры поддержали его.

Он пошевелил головой и переключился со зрения на другие органы чувств. В коридорах царило оживление, воздух колебался, приносил ароматы. И голоса. Сабрина Глевиссиг ругалась. Трисс уговаривала ее. Воняющие казармой реданцы тащили по полу бессильное тело, шепчущее шелком платья. Кровь. Запах крови. И запах озона. Запах магии. Возбужденные голоса. Шаги, нервный стук каблуков.

— Поспешите! Дело затягивается! Мы уже должны быть в Гарштанге! — Филиппа Эйльхарт. Нервничает. — Сабрина, быстро отыщи Марти Содергрэн. Если понадобится, вытащи ее из постели. Гедымдейту плохо. Скорее всего, сердце. Пусть Марти займется. Но ничего не говори ни ей, ни тому, с кем она спит. Трисс, найди и доставь в Гарштанг Доррегарая, Дрительма и Кардуина.

— Зачем?

— Они представляют здесь королей. Пусть проинформируют Этайна и Эстерада о нашей акции и ее результатах. Отведешь их... Трисс, у тебя на руке кровь! Кто?

— Лидия.

— Дьявольщина! Когда? Как?

— Разве важно как? — Холодный, спокойный голос. Тиссая де Врие. Шелест платья. Тиссая была в бальном платье. Не в реданской униформе. Геральт прислушался, но не услышал звона оков из двимерита.

— Прикидываешься взволнованной? — повторила Тиссая. — Отчаявшейся? Когда организуют мятежи, когда ночью приводят вооруженных убийц, следует считаться с возможными жертвами. Лидия мертва. Хен Гедымдейт при смерти. Я только что видела Терранову с изуродованным лицом. Сколько еще будет жертв, я тебя спрашиваю, Филиппа Эйльхарт?

— Не знаю, — жестко ответила Филиппа. — Но я не отступлю.

— Конечно. Ты не отступаешь никогда и ни перед чем.

Дрогнул воздух, каблуки застучали по полу в знакомом ритме. Филиппа шла к нему. Он запомнил нервный постук ее каблуков, когда вчера они вместе проходили через залу Аретузы, чтобы полакомиться икрой.

Запомнил аромат корицы и нарда. Сейчас этот аромат смешивался с запахом соды. Геральт категорически исключал возможность своего участия в каком-либо перевороте или путче, но подумал: а стал бы он сначала чистить зубы, а уж потом поднимать мятеж?

— Он тебя не видит, Филь, — спокойно сказал Дийкстра. — Он ничего не видит и ничего не видел. Вон та красотка с прекрасными волосами ослепила его.

Геральт слышал дыхание Филиппы и фиксировал каждое ее движение, но растерянно пошевелил головой, изображая беспомощность. Чародейка не дала себя обмануть.

— Не прикидывайся, Геральт. Трисс затмила тебе взор, но ведь не лишила разума. Каким чудом ты тут оказался?

— Меня прихватили случайно. Где Йеннифэр?

— Блажен неведающий. — В голосе Филиппы не было насмешки. — Ибо проживет дольше. Благодарю Трисс. Это было мягкое заклинание, слепота скоро пройдет. Зато ты не видел того, чего тебе видеть нельзя. Присмотри за ним, Дийкстра. Я сейчас вернусь.

Снова движение. Голоса. Звучное сопрано Кейры Мец, немного гундосый бас Радклиффа. Стук реданских сапожищ. И возбужденный голос Тиссаи де Врие:

— Отпустите ее! Как вы смели? Как вы смели так с ней поступить?

— Это предательница! — Радклифф. С прононсом.

— Ни за что не поверю!

— Кровь — не водица. — Холодно. Филиппа Эйльхарт. — А император Эмгыр обещал эльфам свободу. И собственное независимое государство. Здесь, на этих землях. Разумеется, после того, как будут вырезаны люди. И этого хватило, чтобы она тут же нас предала.

— Ответь! — Тиссая де Врие. Возбужденно. — Ответь ей, Энид!

— Ответь, Францеска!

Звон кандалов из двимерита. И певучий эльфский акцент Францески Финдабаир, Маргаритки из Долин, самой красивой женщины мира:

— *Va vort a me, Dh'oine. N'aen te a dice'n.*

— Тебе этого достаточно, Тиссая? — Голос Филиппы словно лай. — Теперь поверишь? Ты, я, все мы есть и всегда были для нее *Dh'oine*, людьми, которым ей, *Aen Seidhe*, нечего сказать. А ты, Феркарт? Что тебе пообещали Вильгефорц и Эмгыр, коли ты решился на предательство?

— Иди ты к дьяволу, спятившая проститутка!

Геральт затаил дыхание, но не услышал удара кастетом по челюсти. Филиппа была гораздо сдержаннее Кейры. Или же у нее не было кастета.

— Радклифф, забирай предателей в Гарштанг! Детмольд, подай руку гроссмейстеру де Врие. Идите. Я сейчас присоединюсь.

Шаги. Аромат корицы и нарда.

— Дийкстра?

— Слушаю, Филь.

— Твои подчиненные больше не нужны. Пусть возвращаются в Локсию.

— Я верно понял?

— В Локсию, Дийкстра!

— Слушаюсь, милостивая государыня. — В голосе шпиона прозвучала насмешка. — Лакеи сделали свое дело, лакеи могут уходить. Теперь это уже забота исключительно одних чародеев. А посему я незамедлительно исчезаю с прекрасных глаз вашего высочества. Благодарности за помощь и соучастие в путче не ожидаю, но уверен, что ваше высочество сохранит меня в своей благодарной памяти.

— Прости, Сигизмунд. Благодарю за помощь.

— Не за что. Было чрезвычайно приятно. Эй, Воймир, собирай людей! Пятеро останутся со мной. Остальных отведи вниз и посади на «Шпагу». Только тихонько, на цыпочках, без шума, без фортелей. Боковыми коридорами. В Локсии и в порту — ни-ни! Выполняй!

— Ты ничего не видел, Геральт, — шепотом сказала Филиппа Эйльхарт, пахнув на ведьмака корицей, нардом и содой. — Ничего не слышал. С Вильгефорцем никогда не беседовал. Сейчас Дийкстра заберет тебя в Локсию. Я постараюсь отыскать тебя там, когда... Когда все кончится. Я кое-что обещала тебе вчера и свое слово сдержу.

— Что с Йеннифэр?

— У него, кажется, заскок. — Дийкстра вернулся, шаркая ногами. — Йеннифэр, Йеннифэр... Йеннифэр — и ничего больше! Оскомину набило. Не обращай на него внимания, Филь. Есть дела поважнее. У Вильгефорца нашли что-нибудь?

— Да. Пожалуйста, это тебе.

— Ого! — Шелест разворачиваемой бумаги. — Ого! Ого! Ого! Прекрасно! Герцог Нитерт. Отлично! Барон...

— Пожалуйста, без имен! И очень тебя прошу: вернувшись в Третогор, не начинай сразу с экзекуций. Не вызывай скандалов прежде времени.

— Не бойся. Парни из этого списка, столь падкие на нильфгаардское золото, в безопасности. Пока. Это будут мои любимейшие марионеточки. Для начала подвяжу им ниточки к ручкам и ножкам. А позже накинута шнурочки на шейки... А что, были и другие письма? Предатели из

Каэдвена, из Темерии, из Аэдирна? Рад был бы взглянуть на них. Хотя бы одним глазком...

— Знаю, что был бы рад. Но это не моя работа. Те письма добыли Радклифф и Сабрина Глевиссиг, уж эти-то знают, как с ними поступить. А теперь — прощай. Я спешу.

— Филь...

— Слушаю?

— Верни ведьмаку зрение. Чтобы не спотыкался на лестнице.

В бальной зале Аретузы банкет все еще продолжался, но сменил характер на более традиционный и непринужденный. Столы передвинули, чародейки и чародеи натаскали в залу где-то раздобытые стулья, кресла и табуретки, расселись и предались разнообразным увеселениям, большинство которых не отличалось особой тактичностью. Многочисленная группа, окружив большущий бочонок первача, болтала и время от времени раздражалась безудержным смехом. Те, кто еще совсем недавно деликатно покалывал изысканные закуски серебряными вилками, теперь бесцеремонно обглаживали бараньи ребрышки, ухватив их обеими руками. Несколько магиков резались в карты, наплевав на окружающих, многие спали. В углу какая-то парочка бурно целовалась, и азарт, с которым это делалось, указывал на то, что поцелуями дело не ограничится.

— Ты только взгляни на них, ведьмак, — перегнулся Дийкстра через поручень галереи, рассматривая чародеев сверху. — Как они самозабвенно веселятся. А тем временем их Совет скрутил чуть ли не весь Капитул и судит за измену и кумовство с Нильфгаардом. Глянь на эту парочку. Сейчас они кинутся искать укромный уголок и еще не успеют натрахаться вдосыть, как Вильгефорц будет висеть. Нет, удивителен все-таки этот мир...

— Заткнись, Дийкстра.

Дорога, ведущая в Локсию, вгрызалась зигзагом ступеней в склон горы. Ступени соединяли террасы, украшенные запущенными теперь живыми изгородями, клумбами и увядшими агавами в горшках. На одной из террас Дийкстра остановился, подошел к стене, к ряду каменных

химерьих голов, из пастей которых сочилась вода. Наклонился и долго пил.

Ведьмак подошел к балюстраде. Море искрилось золотом, небо выглядело еще более кичовым, чем на картинах в Галерее Славы. Внизу виднелся отряд отосланных из Аретузы реданцев, строем направляющихся в порт. Сейчас они как раз переходили мостик, стягивающий берега каменного ущелья.

Неожиданно внимание Геральта привлекла одинокая яркая фигура, бросившаяся в глаза потому, что она быстро двигалась в сторону, противоположную реданцам. В Аретузу.

— Ну, — кашлянув, поторопил его Дийкстра. — Пора в путь-дорогу...

— Если тебе невтерпеж, можешь идти один.

— Как же, — поморщился шпион. — А ты вернешься наверх спасать свою ненаглядную Йеннифэр. И набезобразничаешь не хуже перепившего гнома. Пошли в Локсию, ведьмак. Или у тебя галлюцинации, или еще что-то в том же роде? Ты думаешь, я вытащил тебя из Аретузы из чувства долго скрываемой любви? Как бы не так. Я вытащил тебя потому, что ты мне нужен.

— Зачем?

— Прикидываешься? В Аретузе учатся двенадцать девиц из самых знатных семей Редании. Я не могу конфликтовать с глубокоуважаемой ректоршей Маргаритой Ло-Антиль. Ректорша не выдаст мне Цириллу, княжну Цинтры, которую Йеннифэр привезла на Танедд. А тебе выдаст. Если попросишь.

— Откуда такое смехотворное предположение, что я попрошу?

— Из смехотворного предположения, что ты захочешь обеспечить Цирилле безопасность. Под моим присмотром, под опекой короля Визимира она будет в безопасности. В Третогоре. На Танедде этого нет и не будет. Воздержись от ехидных замечаний. Да, я знаю, вначале планы королей относительно девочки не отличались особым вкусом. Но все изменилось. Сейчас стало ясно, что живая, здоровая и находящаяся в безопасности Цирилла может сыграть в надвигающейся бойне роль гораздо более существенную, нежели десять полков тяжелой конницы. Мертвая же она и гроша ломаного не стоит.

— Филиппа Эйльхарт знает о твоих планах?

— Нет. Она не знает даже, что мне известно о том, что девочка находится в Локсии. Моя некогда столь обожаемая Филь высоко задирает нос, но пока еще в Редании правит король Визимир. Я выполняю приказы Визимира, интриги чародеев меня мало волнуют. Цири сядет на «Шпагу» и отправится в Новиград, а оттуда — в Третогор. И будет в безопасности. Ты

мне веришь?

Ведьмак наклонился к одной из химер, отпил воды, льющейся из чудовищной пасти.

— Веришь? — повторил Дийкстра, стоя над ним.

Геральт выпрямился, вытер губы и изо всей силы двинул его по щеке. Шпион покачнулся, но не упал. Ближайший из реданцев подскочил и хотел схватить ведьмака, но схватил воздух и тут же сел, выплевывая кровь и зуб. На Геральта сразу накинулись остальные, возникла толкучка, беспорядок, хаос и сутолока. А как раз это-то ведьмаку и было надо.

Один реданец с грохотом врезался в каменную морду химеры. Струящаяся из пасти вода мгновенно стала красной. Другой получил костяшками кулака по кадыку, согнулся, словно у него вырвали гениталии. Третий, отхватив локтем в глаз, со стоном отскочил. Дийкстра облапал ведьмака медвежьей хваткой, Геральт сильно ударил его каблуком по ступне, шпион взвыл и смешно заплясал на одной ноге.

Очередной бандюга хотел рубануть ведьмака кордом, но только рассек воздух. Геральт схватил его одной рукой за локоть, другой — за запястье, завертел, повалив на землю двух других, пытавшихся встать. Бандюга был силен и не подумал выпустить из рук корд. Геральт нажал сильнее и с хрустом сломал ему руку.

Дийкстра, продолжая прыгать на одной ноге, поднял с земли корсеку и собирался пригвоздить ведьмака к стене трехзубым острием. Геральт уклонился, схватил древко обеими руками и использовал хорошо знакомый ученым принцип рычага. Шпион, видя растущие на глазах кирпичи и щели стены, отпустил корсеку, но было поздно: избежать удара промежностью по истекающей водой морде химеры ему не удалось.

Геральт воспользовался корсекой, чтобы свалить с ног очередного убийцу, потом уперся древком в пол и ударом сапога переломил его, сократив до размеров меча. Для начала испытал палку, хлобыстнув по шее Дийкстру, все еще сидящего верхом на химерьей голове, и тут же утихомирил дылду со сломанной рукой. Швы дублета давно разошлись под обеими подмышками, и ведьмак чувствовал себя гораздо свободнее.

Последний, еще державшийся на ногах парень тоже налетел на ведьмака с корсекой, думая, что ее длина дает ему преимущество. Геральт ударил его по переносице. Парень с разгона уселся на горшок с агавой. Другой реданец, слишком уж упрямый, вцепился зубами в ляжку ведьмаку и больно укусил. Ведьмак разозлился не на шутку и сильным пинком лишил грызуна возможности грызть вообще что-либо и когда-либо.

На ступени вбежал запыхавшийся Лютик, увидел, что творится, и

побледнел как бумага.

— Геральт! — завопил он спустя секунду. — Цири исчезла! Нету ее.

— Так я и думал. — Ведьмак наградил палкой очередного реданца, не желавшего лежать спокойно. — Заставляешь себя ждать, Лютик. Я тебе еще вчера сказал: если что-то случится — мчись со всех ног в Аретузу. Меч принес?

— Оба!

— Второй — Цирин, идиот. — Геральт походя треснул детину, пытавшегося выбраться из горшка с агавой.

— Я в мечях не разбираюсь, — просипел поэт. — Слушай, да перестань ты их лупцевать! Не видишь реданских орлов, что ли? Они — люди короля Визимира! Твои действия означают бунт и измену, за это можно угодить в узилище...

— На эшафот, — с трудом ворочая языком, проговорил Дийкстра, выхватывая кинжал и приближаясь нетвердыми шагами. — Оба пойдете на эшафот...

Больше он ничего сказать не успел, потому что упал на четвереньки, получив в висок обломком древка корсеки.

— Колесование, — угрюмо оценил Лютик. — А предварительно — раскаленные клещи...

Ведьмак пнул шпиона по ребрам. Дийкстра перевернулся на бок, как прибитый лось.

— Четвертование, — вынес приговор поэт.

— Прекрати, Лютик. Давай сюда оба меча. И уматывай, да побыстрее. Беги с острова. Беги как можно дальше!

— А ты?

— Возвращаюсь наверх. Надо спасти Цири... и Йеннифэр. Дийкстра, лежи смиренненько и оставь в покое кинжал!

— Это тебе даром не пройдет, — выдохнул шпион. — Я приведу своих. Я пойду за тобой...

— Не пойдешь.

— Пойду. У меня на борту «Шпаги» пятьдесят человек...

— А цирюльника среди них нет?

— Чево-о-о?!

Геральт зашел шпику за спину, наклонился, схватил его за ногу, дернул, резко и очень сильно крутанул. Хрустнуло. Дийкстра взвыл и потерял сознание. Лютик вскрикнул так, словно это был его собственный сустав.

— То, что с моими останками сделают после четвертования, —

буркнул ведьмак, — меня уже мало волнует.

В Аретузе стояла тишина. В Бальной Зале остались одни слабаки, которым уже не доставало сил шуметь. Геральт не стал туда заходить, не хотел, чтобы его видели.

Не без труда отыскал комнату, в которой провел ночь с Йеннифэр. Коридоры дворца составляли самый настоящий лабиринт и все выглядели одинаково.

Тряпичная куколка глядела на него глазками-пуговками.

Он присел на кровать, крепко обхватил голову руками. На полу крови не было. Но на спинке стула висело черное платье. Йеннифэр переоделась. В мужскую одежду, униформу заговорщиков?

Либо ее вытащили в исподнем. В кандалах из двимерита?

В оконной нише сидела Марти Содергрэн, целительница. Услышав шаги, подняла голову. Щеки у нее были мокрыми от слез.

— Хен Гедымдейт скончался, — сказала она ломким голосом. — Сердце. Я ничего не могла сделать... Почему меня вызвали так поздно? Сабрина ударила меня. По лицу. Почему? Что случилось?

— Ты Йеннифэр видела?

— Нет. Оставь меня. Я хочу побыть одна.

— Покажи мне кратчайший путь в Гарштанг. Пожалуйста.

Выше Аретузы были три зарешеченные террасы, дальше склон горы становился обрывистым и недоступным. Над обрывом возносился Гарштанг. У основания дворец был темным, гладким, прилепившимся к скалам каменным блоком. Лишь самый высокий уровень поблескивал мрамором и витражами окон, да золотилась на солнце облицовка куполов.

Мощенная булыжником дорога, ведущая в Гарштанг и дальше на вершину, змеей обвивала гору. Однако была еще одна дорога, более

короткая, — лестницы, соединяющие террасы, под самым Гарштангом уходящие в черную пасть туннеля. Именно на них указала ведьмаку Марти Содергрэн.

Туннель оканчивался мостом, связывающим края пропасти. За мостом лестница шла круто вверх и сворачивала, скрываясь за каменным изломом. Ведьмак пошел быстрее.

Перила лестницы украшали фигурки фавнов и нимф. Фигурки словно шевелились и казались живыми. Медальон ведьмака начал сильно дрожать.

Геральт протер глаза. Кажущееся движение фигурок объяснялось тем, что камень, из которого они были вытесаны, со временем местами выветрился, был изъеден морской солью и стал пористым. К тому же, когда он проходил мимо, его глазам являлись другие участки камня.

Маскирующая Танедд иллюзия колебалась, исчезала. Мостик тоже частично был иллюзорным. Сквозь дырявый как решето камуфляж проглядывала пропасть и грохочущий на дне водопад.

Здесь не было темных плит, указывающих безопасный путь. Геральт перешел мостик медленно, проверяя каждый шаг, проклиная в душе потерю времени. Оказавшись по другую сторону пропасти, он услышал шаги человека и узнал его сразу.

Сверху по лестнице сбегал Доррегарай, чародей, состоящий на службе у короля Этайна из Цидариса. Геральт помнил слова Филиппы Эйльхарт. Чародеев — представителей нейтральных королей пригласили в Гарштанг в качестве наблюдателей. Но Доррегарай мчался по лестнице с такой скоростью, что было ясно: приглашение внезапно отменили.

— Доррегарай!

— Геральт? — засопел чародей. — Ты что тут делаешь? Не стой, беги! Быстрее вниз, в Аретузу!

— Что случилось?

— Предательство.

— Что?!

Доррегарай неожиданно вздрогнул, как-то странно кашлянул, сразу же наклонился и упал прямо на ведьмака. Прежде чем Геральт успел подхватить его, он заметил стержень серо-перистой стрелы, торчащей у чародея из спины. Схватив чародея, он покачнулся, и это спасло ему жизнь, потому что вторая такая же стрела, вместо того чтобы пробить ему горло, ударила в слащаво ухмыляющуюся физиономию каменного фавна, отколов тому нос и часть щеки. Ведьмак отпустил Доррегарая и спрятался за балюстрадой лестницы. Чародей повалился на него.

Стрелков было двое. Их шапки украшали беличьи хвосты. Один

остался наверху лестницы, натянув тетиву лука, второй выхватил из ножен меч и помчался вниз, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. Геральт скинул с себя Доррегарая, вскочил, вытащил меч. Запела стрела, ведьмак прервал ее пение, отразив наконечник быстрым ударом клинка. Второй эльф был уже близко, но, увидев отбитую стрелу, на мгновение остановился. Только на мгновение — и тут же кинулся на ведьмака, замахнувшись мечом. Геральт парировал удар быстро, коротко, укосом, так, чтобы клинок эльфа скользнул по клинку его меча. Эльф потерял равновесие, ведьмак медленно развернулся и рубанул его по шее, под ухо. Только один раз. Этого было достаточно.

Стрелок на верхней ступени лестницы снова натянул лук, но тетиву отпустить не успел. Что-то сверкнуло, эльф крикнул, раскинул руки, плашмя повалился на лестницу, а огненная молния с шипением пролетела над ним, обратив в пыль фигурку фавна.

— Прекрати! — крикнул Геральт. — Это я, ведьмак!

— Черт побери, — выдохнул подбежавший чародей. Геральт не видел его на банкете. — Я принял тебя за одного из эльфьих бандюг... Что с Доррегараем? Жив?

— Кажется, да...

— Быстрее. На ту сторону моста.

Они перетащили Доррегарая, к счастью, удачно, потому что в спешке не обращали внимания на раскачивающуюся и исчезающую иллюзию. Никто за ними не гнался; несмотря на это, чародей вытянул руку, проговорил заклинание, и очередная молния развалила мост. По стенам пропасти загрохотали камни.

— Это должно их задержать, — проговорил он.

Ведмак отер струйку крови, текущую изо рта Доррегарая.

— У него пробито легкое. Помочь сможешь?

— Я могу, — сказала Марти Содергрэн, с трудом взбираясь по лестнице со стороны Аретузы, от туннеля. — Что тут происходит, Кардуин? Кто его подстрелил?

— Скоя'таэль. — Чародей отер лоб рукавом. — В Гарштанге продолжается бой. Треклятая банда, одни лучше других! Филиппа ночью заковывает в кандалы Вильгефорца, Вильгефорц и Франческа Финдабаир вызывают на остров «белок»! А Тиссая де Врие... Дьявольщина, эта натворила дел!

— Говори понятнее, Кардуин!

— Не до болтовни сейчас! Я бегу в Локсию, оттуда немедленно телепортируюсь в Ковир. А эти тут, в Гарштанге, пусть перебьют друг

дружку! Все это уже потеряло всякий смысл! Война! Здешнюю драчку затеяла Филиппа, чтобы дать королям повод начать войну с Нильфгаардом! Мэва из Лирии и Демавенд из Аэдиерна спровоцировали Нильфгаард! Вы это понимаете?

— Нет, — сказал Геральт. — И не хотим понимать. Где Йеннифэр?

— Прекратите! — крикнула Марти Содергрэн, наклонившись над Доррегараем. — Помогите мне! Поддержите его. Я не могу вытащить стрелу.

Они помогли. Доррегарай стонал и дергался, ступени лестницы тоже дрожали. Геральт вначале думал, что это результат магических заклинаний целительницы, но это был Гарштанг. Неожиданно разлетелись витражи, в окнах дворца замерцал огонь, за клубился дым.

— Продолжают драться, — скрежетнул зубами Кардуин. — Там все кипит, заклинание на заклинании...

— Заклинания? В Гарштанге? Там же антимагическая аура!

— Тиссаина работа! Она наконец выбрала, на чью сторону встать. Сняла блокаду, рассеяла ауру и нейтрализовала димерит. Тогда все кинулись друг на друга. Вильгефорц и Терранова с одной стороны, Филиппа и Сабрина — с другой... Треснули колонны и обвалился потолок... А Франческа открыла входы в подземелья, оттуда вдруг выскочили эти чертовы эльфы... Мы кричали им, что мы нейтральны, но Вильгефорц только рассмеялся. Не успели мы организовать заслон, как Дрительм получил стрелу в глаз, Рейеана превратили в утыканного стрелами ежа... Дальше я ждать не стал. Марти, долго еще? Надо сматываться.

— Доррегарай не сможет идти. — Целительница отерла окровавленные руки о белое бальное платье. — Телепортируй нас, Кардуин.

— Отсюда? Да ты, никак, спятила. Слишком близко Тор Лара. Портал Лара эмитирует и искривит любую телепортировку. Отсюда нельзя телепортироваться!

— Он не может идти! Я должна остаться с ним...

— Так оставайся, — встал Кардуин. — И ликуй! Мне моя жизнь дороже! Я возвращаюсь в Ковир. Ковир — нейтрален!

— Блеск! — Ведьмак плюнул вслед исчезающему в туннеле чародею. — Дружба и солидарность! Но и я не могу с тобой остаться, Марти. Я должен идти в Гарштанг. Твой нейтральный собрат развалил мост. Другая дорога есть?

Марти Содергрэн шмыгнула носом. Потом подняла голову и

утвердительно кивнула.

Он был уже у стены Гарштанга, когда на голову ему свалилась Кейра Мец.

Указанная целительницей дорога вела через висячие сады, соединенные серпантинами лестниц. Лестницы густо заросли плющом и душистой жимолостью. Растения усложняли подъем, зато давали укрытие. Геральту удалось незамеченным пробраться к самой стене дворца. Кейра свалилась на него в тот момент, когда он искал вход. Оба упали в кусты терновника.

— Я выбила себе зуб, — угрюмо заметила чародейка, слегка шепелявя. Она была взъерошена, растрепана, грязна, измазана штукатуркой и сажей, на щеке сиял кровоподтек. — И, кажется, сломала ногу, — добавила она, отплевываясь кровью. — Это ты, ведьмак, что ли? Я свалилась на тебя? Каким чудом?

— Вот и я тоже спрашиваю.

— Меня выкинул в окно Терранова.

— Встать можешь?

— Нет.

— Я хочу пробраться внутрь. Незаметно. Как?

— Слушай, — Кейра снова сплюнула, застонала, пытаясь приподняться на локте, — а что, все ведьмаки такие психи? В Гарштанге идет бой! Там творится такое, что аж штукатурка сыплется со стен. Тебе обязательно надо набить себе шишки? Без них ты не можешь?

— Нет. Я ищу Йеннифэр.

— Ха! — Кейра отказалась от попыток привстать. Легла. — Хотелось бы, чтобы и меня хоть кто-нибудь так любил. Возьми меня на руки.

— Может, в другой раз. Я маленько тороплюсь.

— Возьми меня на руки, говорю! Покажу дорогу в Гарштанг. Мне необходимо добраться до этой суки Террановы. Ну чего ждешь? Сам ты входа не найдешь, а если и найдешь, тебя тут же пришьют подлецы эльфы... Я не могу идти, но еще в состоянии бросить парочку заклинаний. Тот, кто встанет у нас на пути, пожалеет.

Она охнула, когда он ее поднимал.

— Прости.

— Пустое. — Она обхватила руками его шею. — Нога, понимаешь. А

от тебя все еще несет духами. Нет, не сюда. Вернись и иди наверх. Есть другой вход, со стороны Тор Лара. Может, там нет эльфов... О-о-о! Осторожнее, черт...

— Прости. Откуда тут взялись скоя'таэли?

— Ждали в подземельях. Танедд пуст как выеденное яйцо, там есть огромная каверна, туда можно заплыть на корабле, если знать откуда. Кто-то им выдал... О-ой! Осторожнее. Не трясись так!

— Прости. Значит, «белки» приплыли морем? Когда?

— Черт их знает когда. Может, вчера, может, неделю назад. Мы охотились на Вильгефорца, а Вильгефорц — на нас. Вильгефорц, Франческа, Терранова и Феркарт... Здорово они нас уделали... Филиппа-то думала, что они собирались постепенно перехватить власть в Капитуле, чтобы влиять на королей... А они, оказывается, надумали прикончить нас во время Большого Сбора... Геральт, мне не выдержать... Нога... Положи меня на минутку... Ау-у-у-у...

— Кейра, у тебя открытый перелом. Кровь течет через голенище.

— Заткнись и слушай. Речь о твоей Йеннифэр. Мы вошли в Гарштанг, в зал совещаний. Там — антимагическая блокада, но она на двимерит не действует, мы чувствовали себя в безопасности. Началась склока, ругань. Тиссая и нейтралы кричали на нас, мы орали на них. А Вильгефорц молчал и усмехался...

— Повторяю: Вильгефорц — предатель! Он стакнулся с Эмгыром из Нильфгаарда, втянул в заговор других. Предал Орден. Изменил нам и королям...

— Помаленьку, Филиппа. Я знаю, благосклонность Визимира тебе важнее солидарности Братства. То же относится и к тебе, Сабрина, ибо такую же роль ты играешь при дворе в Каэдвене. Кейра Мец и Трисс Меригольд представляют интересы Фольтеста из Темерии, Радклифф — орудие Демавенда Аэдирнского...

— Какое это имеет отношение, Тиссая, к...

— Интересы королей не обязательно должны совпадать с нашими. Я точно знаю, в чем дело. Короли начали истреблять эльфов и других нелюдей. Может быть, ты, Филиппа, считаешь это справедливым. Может быть, ты, Радклифф, считаешь правильным помогать армии Демавенда устраивать облавы на скоя'таэлей? Но я-то против! И не удивлюсь, если

Энид Финдабаир против. Однако это еще не предательство. Не прерывай! Я прекрасно знаю, что удумали ваши короли, знаю, что они хотят развязать войну. Действия, которые направлены на то, чтобы помешать этой войне, возможно, и являются изменой в глазах твоего Визимира, но в моих — нет. Ежели ты хочешь судить Вильгефорца и Францеску, суди и меня тоже!

— О какой войне тут шумят? Мой король, Эстерад из Ковира, не поддержит агрессивных действий против империи Нильфгаард! Ковир есть и будет нейтральным!

— Ты — член Совета, Кардуин, а не посол своего короля!

— И кто это говорит? Сабрина!

— Довольно! — хлопнула ладонью по столу Филиппа. — Я удовлетворю твое любопытство, Кардуин. Тебя интересует, кто готовит войну? Ее готовит Нильфгаард, который намерен напасть на нас и уничтожить. Но Эмгыр вар Эмрейс не забыл Содденский Холм и на этот раз решил оградить себя, выключив чародеев из игры. Для этого он установил контакт с Вильгефорцем из Роггевеена. Купил его, пообещав власть и почести. Да, Тиссая, Вильгефорцу, герою Соддена, светило стать наместником и хозяином всех завоеванных стран Севера. Именно Вильгефорц при поддержке Террановы и Феркарта должен был бы управлять провинциями, которые будут созданы на месте захваченных королевств, именно ему досталась бы честь хлестать бичом спины заселяющих эти страны невольников, вкалывающих, прости за грубое слово, на Империю. А Францеска Финдабаир, Энид ан Глеанна, надеялась стать королевой государства Свободных Эльфов. Конечно, под нильфгаардским протекторатом, но эльфов это устроило бы, если только император Эмгыр позволит им уничтожать людей. А эльфам не надо ничего больше, как только истреблять Dh'oine.

— Тяжкое обвинение. Поэтому и доказательства должны быть столь же весомыми. Но прежде чем ты, Филиппа, положишь на чашу весов свои доказательства, тебе следует знать мою позицию. Доказательства можно сфабриковать, действия и их мотивы можно интерпретировать. Но существующих фактов не изменит ничто. Ты разрушила единство и солидарность Братства, Филиппа Эйльхарт. Ты заковала членов Капитула в кандалы, словно бандитов. Поэтому не смей предлагать мне место в новом Капитуле, который намеревается сколотить продавшаяся королям шайка путчиков. Между нами — смерть и кровь. Смерть Хена Гедымдейта. И кровь Лидии ван Бредевоорт. Эту кровь ты пролила с презрением. Ты была моей лучшей ученицей, Филиппа Эйльхарт. Я всегда гордилась тобой. Но теперь я тебя презираю.

Кейра Мец была бледной как пергамент.

— С некоторого времени, — шепнула она, — в Гарштанге вроде бы стало потише. Кончается... Гоняют по дворцу. Там пять этажей. Семьдесят шесть комнат и залов. Есть где побегать...

— Я спросил об Йеннифэр. Поспеш. Боюсь, ты потеряешь сознание.

— Йеннифэр? Ах да... Все шло по нашей задумке, когда неожиданно появилась Йеннифэр. И привела в зал медиума...

— Кого?

— Девочку. Лет, пожалуй, четырнадцати. Пепельные волосы, огромные зеленые глаза... Не успели мы ее толком рассмотреть, как она начала вещать. Рассказала о событиях в Доле Ангре. Никто не сомневался, что она говорит правду. Она была в трансе, а в трансе не лгут.

— Вчера ночью, — проговорила девочка, — войска со знаками Лиры и штандартами Аэдирна напали на империю Нильфгаард. Штурмовали Глевициген, пограничный форт в Доле Ангре. Герольды от имени короля Демавенда огласили по окрестным деревням, что с сего дня Аэдирн принимает на себя власть над всей страной. Население призвали к вооруженному восстанию против Нильфгаарда...

— Невероятно! Чудовищная провокация!

— Гладко у тебя это получается, Филиппа Эйльхарт, — спокойно сказала Тиссая де Врие. — Не обольщайся, твои всхлипывания не прервут транса. Продолжай, дитя мое...

— Император Эмгыр вар Эмрейс отдал приказ ответить ударом на удар. Нильфгаардские войска сегодня на рассвете вошли в Лирию и Аэдирн.

— Вот так, — усмехнулась Тиссая, — ваши короли доказали, какие они разумные, просвещенные, прогрессивные и миролюбивые владыки. А некоторые из чародеев показали, чьему делу в действительности служат. Тех, кто мог бы противодействовать агрессивной войне, предусмотрительно заковали в двимерит и против них выдвинули нелепые обвинения...

— Все это отъявленная ложь!

— Да идите вы все в жопу! — неожиданно взорвалась Сабрина Глевиссиг. — Филиппа! Что все это значит? Что означает драчка в Доле Ангре? Разве мы не договорились не начинать раньше времени? Почему трахнутый Демавенд не сдержался? Почему потаскуха Мэва...

— Замолкни, Сабрина!

— Нет, нет, пусть говорит, — подняла голову Тиссая де Врие. — Пусть расскажет о концентрации на границе армии Хенсельта из Каэдвена. Пусть расскажет о войсках Фольтеста из Темерии, которые скорее всего уже спускают на воду лодки, укрытые до той поры в зарослях над Яругой. Пусть скажет об экспедиционном корпусе под командованием Визимира из Редании, стоящем на берегах Понтара. Или ты думала, Филиппа, мы слепы и глухи?

— Все это чудовищная провокация! Король Визимир...

— Король Визимир, — прервала бесстрастным голосом пепельноволосая девочка, — убит вчера ночью. Убит кинжалом. В Редании больше нет короля.

— В Редании уже давно не было короля. — Тиссая де Врие встала. — В Редании правила всемилостивейшая государыня Филиппа Эйльхарт, достойная воспреемница Раффара Белого. Готовая ради власти пожертвовать тысячами жизней.

— Не слушайте ее! — взвизгнула Филиппа. — Не слушайте эту девчонку! Она — орудие, бездумное орудие... Кому ты служишь, Йеннифэр? Кто приказал тебе привести сюда это чудовище?

— Я, — сказала Тиссая де Врие.

— Что дальше? Что случилось с девочкой? С Йеннифэр?

— Не знаю. — Кейра закрыла глаза. — Тиссая вдруг сняла блокаду. Одним заклинанием. В жизни не видела ничего подобного... Одурманила нас и заблокировала, потом освободила Вильгефорца и других. А Франческа отворила входы в подземелья, и в Гарштанге сразу стало полным-полно скоя'таэлей. Ими командовал тип в латах и крылатом нильфгаардском шлеме. В этом ему помогал субъект с меткой на лице. Этот умел выкрикивать заклинания. И прикрываться магией...

— Риенс.

— Возможно, не знаю. Было горячо... Рухнул потолок. Заклинания и стрелы... Бойня... У них убит Феркарт, у нас — Дрительм, Радклифф,

Марквар, Рейеан и Бианка д'Эст... Контужена Трисс Меригольд, ранена Сабрина... Увидев трупы, Тиссая спохватилась, пыталась нас защищать, уговаривала Вильгефорца и Терранову... Вильгефорц отругал ее и поднял на смех. Тогда она убежала. Ох, Тиссая... Столько трупов...

— Что с девочкой и Йеннифэр?

— Не знаю. — Чародейка зашлась кашлем, сплюнула кровью. Дыхание было поверхностным и явно затрудненным. — После какого-то очередного взрыва я на мгновение потеряла сознание. Тот тип с меткой и его эльфы парализовали меня. Терранова сначала ударил меня ногой, а потом выкинул в окно.

— У тебя не только нога, Кейра. Сломаны ребра.

— Не бросай меня.

— Вынужден. Я за тобой вернусь.

— Как же...

Вначале был только мерцающий хаос, мигание теней, мешанина тьмы и света, хор неразборчивых, доносящихся из пучины голосов. Неожиданно голоса набрали силы, поднялся крик и гул. Свет превратился в огонь, пожирающий гобелены и ковры, обернулся снопами искр, брызнувшими, казалось, со стен, с балюстрад и с колонн, поддерживающих свод.

Цири задохнулась дымом и поняла, что это уже не сон.

Попыталась встать, опираясь на руки. Наткнулась ладонью на влагу, взглянула вниз. Она стояла на коленях в луже крови. Тут же лежало неподвижное тело эльфа.

— Встань.

Рядом стояла Йеннифэр, держа в руке кинжал.

— Госпожа Йеннифэр... где мы? Я ничего не помню...

Чародейка быстро схватила ее за руку.

— Я с тобой, Цири.

— Где мы? Почему все горит? Кто этот... ну мертвец?

— Когда-то, столетия назад, я сказала тебе, что Хаос протягивает к тебе руки. Помнишь? Нет, вероятно, не помнишь. Этот эльф протянул к тебе руку. Пришлось убить его, потому что его хозяева только того и ждали, чтобы одна из нас выдала себя, воспользовавшись магией. И они дождутся, но не сейчас... Ты уже пришла в себя?

— Эти чародеи... — шепнула Цири. — В большой зале... Что я им

говорила? И почему говорила? Я вовсе не хотела... Но вынуждена была говорить! Почему? Зачем, госпожа Йеннифэр?

— Тише, утенок. Я совершила ошибку. Идеальных людей не бывает.

Снизу донесся гул и ужасающий крик.

— Пошли. Быстрее. У нас нет времени.

Они побежали по коридору. Дым густел, душил, давил, слепил. Стены дрожали от взрывов.

— Цири. — Йеннифэр остановилась на перекрестье коридоров, сильнее сжала руку девочки. — Теперь послушай меня внимательно. Я должна здесь остаться. Видишь лестницу? Спустишься по ней...

— Нет! Не оставляй меня одну!

— Вынуждена. Повторяю: спустишься по этой лестнице. На самый низ. Там будут двери, за ними длинный коридор. В конце коридора конюшня, в ней стоит оседланный конь. Один. Только один. Выведешь его и сядешь. Это обученный конь, он служит гонцам, едущим в Локсию. Знает дорогу, достаточно его подстегнуть. Когда будешь в Локсии, отыщешь Маргариту и отдашься под ее защиту. Не отходи от нее ни на шаг.

— Госпожа Йеннифэр! Нет! Я не хочу оставаться одна!

— Цири, — тихо сказала чародейка. — Когда-то я уже сказала тебе, что все, что я делаю, делается ради твоего блага. Поверь мне. Пожалуйста, поверь. Беги.

Цири уже была на лестнице, когда снова услышала голос Йеннифэр. Чародейка стояла около колонны, упершись в нее лбом.

— Я люблю тебя, доченька, — еле слышно шепнула она. — Беги.

Ее окружили на середине лестницы. Снизу два эльфа с беличьими хвостами на шапках, сверху человек в черной одежде. Цири не раздумывая перескочила через поручни и бросилась в боковой коридор. Они последовали за ней. Она была быстрее и запросто убежала бы, если бы коридор не оканчивался оконным проемом.

Она выглянула. Вдоль стены шел каменный выступ шириной не больше двух ладоней. Цири перебросила ноги через подоконник и вышла. Отодвинулась от окна, прижалась спиной к стене. Вдалеке блестело море.

Из окна высунулся эльф. У него были светлые волосы и зеленые глаза, на шее — шелковый платок. Цири быстро отодвинулась, перемещаясь к другому окну. Но в него выглянул человек в черной одежде. У этого глаза были темные и отвратные, на щеке красовалось пятно.

— Ну вот и конец, девка!

Она глянула вниз. Под собой, очень далеко, увидела двор. А над двором, в каких-нибудь десяти футах ниже выступа, на котором она стояла,

был мостик, соединяющий две галерейки. Только дело в том, что это не был мостик. Это были жалкие остатки мостика. Узкая каменная кладка с остатками разбитых поручней.

— Ну чего ждете? — крикнул человек с пятном. — Вылезайте и хватайте ее!

Светловолосый эльф осторожно поставил ноги на выступ, прижался спиной к стене. Протянул руку. Он был совсем близко.

Цири сглотнула. Каменная кладка, остатки мостика, была не уже балансира в Каэр Морхене, а она десятки раз прыгала на балансир, умела амортизировать прыжок и удерживать равновесие. Но ведьмачий балансир отделяли от земли четыре фута, а под каменным мостиком зияла пропасть настолько глубокая, что плиты двора казались меньше ладони.

Она прыгнула, опустилась, покачнулась, удержала равновесие, ухватила за остатки поручней. Уверенным шагом достигла галереи. Не могла удержаться, обернулась и показала преследователям согнутую в локте руку, жест, которому ее научил краснолюд Ярпен Зигрин. Человек с отметиной громко выругался.

— Прыгай! — крикнул он светловолосому эльфу, стоящему на выступе. — Прыгай за ней!

— Да ты, никак, рехнулся, Риенс, — холодно сказал эльф. — Прыгай сам, если хочется.

Удача, как водится, недолго сопутствовала ей. Когда она сбежала с галереи и выбралась за стену, в кусты терновника, ее схватили. Схватил ее и сжал чертовски сильно невысокий, полноватый мужчина с припухшим носом и разбитой губой.

— Ну и готово, — прошипел он. — Готово, пташечка!

Цири дернулась и взвыла, потому что руки, сжимавшие ей плечи, причинили дикую, лишающую силы боль. Мужчина захохотал.

— Не трепыхайся, серая пташка, не то подпалю тебе перышки. Ну-ка дай взглянуть на птенчика, столь милого сердцу Эмгыра вар Эмрейса, императора Нильфгаарда. И Вильгефорца тоже.

Цири перестала вырываться. Невысокий мужчина облизнул разбитую губу.

— Интересно, — снова зашипел он, наклоняясь к ней. — Вроде бы такая ценность, а я, понимаешь, не дал бы за тебя и ломаного гроша. Глянь

ты, до чего ж обманчива бывает внешность. Ха! Ну-с, сокровище мое! А если б, к примеру, подарочек Эмгыру преподнесет не Вильгефорц, не Риенс, не тот модник в шлеме с перьями, а старый Терранова? Как отблагодарит Эмгыр старого Терранову? Что скажешь, пташечка? Ты же мастерица пророчествовать!

Его дыхание смердило невыносимо. Цири отвернулась, скривилась. Он понял ее неверно.

— Не щелкай на меня клювиком, пташечка. Я не боюсь птичек. Или надо бояться? Что скажешь, фальшивая ворожейка? Подставная прорицательница? Должен я бояться пташек?

— Должен, — шепнула Цири, чувствуя головокружение и неожиданно охвативший ее холод.

Терранова засмеялся, откинув голову назад. Смех перешел в вопль боли. Сверху опустилась большая серая сова и впилась ему когтями в глаза. Чародей выпустил Цири, резким движением сбросил с себя сову и тут же рухнул на колени, схватившись за лицо. Меж пальцев хлынула кровь. Цири вскрикнула, попятилась. Терранова отнял от лица окровавленные руки, диким, рвущимся голосом принялся было выкрикивать заклинания, но не успел. За его спиной возникла размытая фигура, ведьмачий клинок просвистел в воздухе и перерубил ему шею под самым затылком.

— Геральт!

— Цири!

— Отложите нежности на потом! — крикнула с каменной стены сова, оборачиваясь темноволосой женщиной. — Уходите! Сюда бегут «белки»!

Цири высвободилась из рук Геральта, глянула недоуменно. На сидящую на стене женщину-сову было страшно смотреть. Обожженная, обшарпанная, измазанная пеплом и кровью, она выглядела ужасно.

— Ты, маленькое чудовище, — сказала женщина-сова, глядя на нее сверху. — За твое несвоевременное прорицание тебя надо было бы... Но я кое-что обещала твоему ведьмаку, а я всегда держу слово. Я не смогла дать тебе Риенса, Геральт. Взамен даю ее. Живую. Бегите.

Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах был взбешен. Девчонку, которую ему приказали схватить, он видел всего минуту, но не успел ничего предпринять, потому что эти чертовы чародеи распалили в Гарштанге такое пекло, что невозможно было что-либо сделать. Кагыр заплутал в дыме и пожаре, вслепую кружил по коридорам, метаясь по лестницам и галереям, проклиная Вильгефорца, Риенса, себя и весь мир.

От встреченного эльфа он узнал, что девчонку видели за стенами дворца, бегущей по дороге на Аретузу. И тут счастье улыбнулось Кагыру. Скоя'таэли обнаружили в конюшне оседланного коня.

— Беги быстрее, Цири. Они близко. Я задержу, а ты беги. Беги что есть мочи. Как на Мучильне!

— Ты тоже оставляешь меня одну?

— Я — следом. Только не оглядывайся!

— Дай мой меч, Геральт.

Он взглянул на нее. Цири невольно попятилась. Таких глаз у него она не видала никогда.

— Получив меч, ты вынуждена будешь убивать. Сможешь?

— Не знаю. Дай меч.

— Беги. И не оглядывайся.

На дороге зацокали копыта. Цири обернулась. И замерла, парализованная страхом.

Ее догонял черный рыцарь в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы. Крылья шумели, развевался черный плащ, конские подковы выбивали искры из булыжников дороги.

Цири не могла пошевелиться.

Черный конь прорвался сквозь придорожные кусты, рыцарь громко крикнул. В крике этом была Цинтра. Ночь, смерть, кровь и пожар. Цири переборола обессиливающий страх и бросилась бежать. С разбега перепрыгнула живую изгородь и упала на каменные плиты маленького дворика с бассейном и фонтаном. Отсюда не было выхода, дворик окружали высокие и гладкие стены. Конь захрипел у нее за спиной. Она

попятилась, споткнулась и вздрогнула, уткнувшись спиной в твердую и податливую стену. Ловушка.

Хищная птица захлопала крыльями, срываясь в полет. Черный рыцарь рванул коня, перескочил через живую изгородь, отделяющую его от двора. Копыта зазвенели по плитам, конь поскользнулся, проехал, осев на зад. Рыцарь покачнулся в седле, наклонился. Конь вскочил, сбросив рыцаря. Латы загудели о камни. Однако рыцарь тут же поднялся, загородив Цири, втиснувшуюся в угол.

— Ты не прикоснешься ко мне! Никогда не прикоснешься ко мне! — крикнула она голосом, глухим от угрозы, припертая спиной к каменной стене.

— Должен. Я выполняю приказ.

Когда он протянул к ней руку, страх вдруг исчез, его место заняла дикая ярость. Напряженные, застывшие в предплечье мышцы заработали как пружины, все выученные в Каэр Морхене движения исполнились сами собою, гладко и плавно. Цири прыгнула, рыцарь кинулся на нее, но он не был готов к пируэту, с помощью которого она запросто вывернулась за пределы его рук. Меч взвыл и укусил, безошибочно попав между пластинами лат. Рыцарь покачнулся, упал на одно колено, из-под наплечника брызнула светло-красная струйка крови. Яростно вереща, Цири снова обошла его пируэтом, снова ударила, на этот раз прямо в купол шлема, повалив рыцаря на другое колено. Бешенство и злоба совершенно ослепили ее, она не видела ничего, кроме ненавистных крыльев. Посыпались черные перья, одно крыло отлетело, второе упало на окровавленный наплечник. Рыцарь, все еще тщетно пытаясь подняться, попробовал остановить клинок, схватив его железной перчаткой, но ведьмачье острие разрубило кольчугу и поранило руку. После очередного удара упал шлем. Цири отскочила, чтобы набрать инерции для последнего, смертельного удара.

И не ударила.

Не было черного шлема, не было крыльев хищной птицы, шум которых преследовал ее в ночных кошмарах. Больше не было черного рыцаря из Цинтры. Перед ней в луже крови стоял на коленях бледный темноволосый юноша с ничего не понимающими голубыми глазами и губами, искривленными гримасой ужаса. Черный рыцарь из Цинтры пал под ударами ее меча, перестал существовать, от жутких крыльев остались обрубленные перья. Изумленный, сжавшийся, истекающий кровью парнишка был никем. Она никогда раньше не видела его и не знала. Он был ей безразличен. В ней не было ни страха, ни ненависти. И она не хотела

убивать.

Она бросила меч на плиты двора.

Повернулась, слыша крики скоя'таэлей, приближающихся со стороны Гарштанга. Поняла, что еще мгновение — и они окружают ее во дворе. Поняла, что нагонят на дороге. Необходимо было опередить их. Она подбежала к вороному коню, перебирающему подковами на плитах двора, криком послала его в галоп, на бегу заскакивая в седло.

— Оставьте меня... — простонал Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах, отталкивая здоровой рукой поднимающих его эльфов. — Ничего не случилось! Пустяковая рана... Ловите ее! Ловите девчонку...

Один из эльфов крикнул, на лицо Кагыра брызнула кровь. Другой скоя'таэль покачнулся, закружился и упал на колени, обеими руками хватаясь за рассеченный живот. Остальные отскочили, рассыпались по дворику, сверкая мечами.

На них напало белоголовое чудовище. Прыгнуло со стены. С высоты, с которой невозможно было спрыгнуть, не сломав ног. Невозможно было опуститься мягко, завертеться в неуловимом глазом пируэте и за долю секунды убить. Но белоголовое чудовище совершило это. И начало убивать.

Скоя'таэли дрались ожесточенно. На их стороне было количественное преимущество. Но шансов не было никаких. На глазах Кагыра, широко раскрытых от ужаса, свершалась бойня. Сероволосая девочка, только что ранившая его, была быстрой, была невероятно ловкой, была словно кошка, защищающая котят. Но белоголовое чудовище, влетевшее между скоя'таэлями, было зерриканским тигром. Сероволосая девочка из Цинтры, которая по неведомой причине не убила его, казалась сумасшедшей. Белоголовое чудовище не было сумасшедшим. Оно было спокойным и холодным. Оно убивало спокойно и холодно.

У скоя'таэлей не было никаких шансов выжить. Один за другим они замертво валились на плиты двора. Но не отступали. Не убегали, даже оставшись вдвоем, и вновь и вновь нападали на белоголовое чудовище. На глазах Кагыра чудовище одному отрубило руку повыше локтя, другого как бы лишь мимолетно коснулось, однако этот почти незаметный удар отбросил эльфа назад, перекинул через парапет фонтана и повалил в воду. Вода выплеснулась через край бассейна карминной волной.

Эльф с отрубленной рукой стоял на коленях у фонтана, дурными глазами глядя на истекающую кровью культю. Белоголовое чудовище схватило его за волосы и быстрым движением меча перерезало горло. Когда Кагыр открыл глаза, чудовище уже было рядом.

— Не убивай... — прошептал рыцарь, отказавшись от попыток подняться со скользких от крови плит. Рассеченная сероволосой девочкой рука перестала болеть, занемела.

— Я знаю, кто ты, нильфгаардец. — Белоголовое чудовище пнуло шлем с обрубленными перьями. — Ты преследовал ее упорно и долго. Но больше ты не сможешь причинить ей зла.

— Не убивай...

— Почему? Ну, давай, хотя бы один факт в свою пользу! Хотя бы один! И поспеши.

— Это я... — прошептал Кагыр. — Это я вывез ее тогда из Цинтры. Из пожара... Я спас ее. Спас ей жизнь...

Когда Кагыр открыл глаза, чудовища уже не было, а он лежал во дворе один, окруженный трупами эльфов. Вода в фонтане играла, переливаясь через край, размывала кровь на плитах. Кагыр потерял сознание.

У основания башни пристроилось здание, образующее одну большую залу, вернее, нечто вроде атриума. Сплошь издырявленная крыша над перистилем, вероятно, иллюзорная, опиралась на колонны и пилястры, выполненные в виде скуподетых кариатид с восхитительными бюстами. Точно такие же кариатиды поддерживали свод портала, в котором скрылась Цири. За порталом Геральт обнаружил лестницу, ведущую наверх, в башню.

Он выругался про себя, не понимая, зачем девочка побежала туда. Следуя за ней по стенам, он видел, как пал ее конь. Видел, как она ловко вскочила на ноги, но вместо того чтобы бежать по обвивающему вершину серпантину, вдруг помчалась наверх, в сторону одинокой башни. Лишь позже он обнаружил на дороге эльфов. Занятые обстрелом бегущих в гору людей, эльфы не видели ни Цири, ни его. Из Аретузы приближалась помощь.

Он собирался последовать за Цири по лестнице, когда услышал шум. Сверху. Он быстро обернулся. Это была не птица.

Вильгефорц, полоща широкими рукавами, влетел сквозь дыру в

потолке и медленно опустился на пол.

Геральт встал у входа в башню, вытянул меч и вздохнул. Он искренне надеялся, что драматическая финальная битва разыграется между Вильгефорцем и Филиппой Эйльхарт. Участвовать в таком представлении у него не было ни малейшего желания.

Вильгефорц отряхнул камзол, поправил манжеты, взглянул на ведьмака, прочел его мысли и вздохнул:

— Идиотский трагифарс.

Геральт не отозвался.

— Она вошла в башню?

Ведьмак не ответил. Чародей покачал головой.

— Вот тебе и эпилог. Конец венчает дело. А может, Предназначение? Знаешь, куда ведет эта лестница? В Тор Лара. В Башню Чайки. Оттуда нет выхода. Все кончено.

Геральт отступил так, чтобы его фланги были защищены поддерживающими портал кариатидами.

— Разумеется, — процедил он сквозь зубы, наблюдая за руками чародея. — Все кончено. Половина твоих сообщников перебита. Трупы стянутых на Танедд эльфов валяются до самого Гарштанга. Остальные сбежали. Из Аретузы приближаются чародеи и люди Дийкстры. Нильфгаардец, который должен был схватить Цири, вероятно, уже истек кровью. А Цири там, в башне. Говоришь, оттуда нет выхода? Рад слышать. Значит, туда есть только один вход. Тот, который загораживаю я.

Вильгефорц засопел.

— Ты не исправим. По-прежнему не умеешь правильно оценить обстановку. Капитул и Совет больше не существуют; армии императора Эмгыра идут на север; лишившиеся советов и помощи чародеев короли беспомощны как дети. Под напором Нильфгаарда их королевства рухнут как песочные замки. Я предлагал тебе вчера и повторяю сегодня: присоединись к победителям. Наплюй на проигравших.

— Проиграл — ты. Для Эмгыра ты был всего лишь орудием. Ему нужна была Цири. Вот он и прислал этого юнца с крыльями на шлеме. Интересно б знать, как Эмгыр поступит с тобой, когда ему сообщат о провале твоей миссии.

— Стреляешь вслепую, ведьмак. И, естественно, мажешь. А если я тебе скажу, что не я Эмгырово орудие, а Эмгыр — мое?

— Не поверю.

— Будь рассудителен. Неужто ты действительно собираешься устроить театр, банальную сцену борьбы Добра и Зла? Повторяю

вчерашнее предложение. Еще не поздно. Ты еще можешь выбирать, встать на соответствующую сторону...

— На ту, которую я сегодня немного... проредил?

— Не смейся, твои демонические ухмылки на меня не действуют. Несколько обезглавленных эльфов? Артауд Терранова? Мелочь, ничего не значащие фактики. Можно о них забыть.

— Конечно. Твой взгляд на мир мне известен. Смерть не имеет значения, верно? Тем более — чужая?

— Не будь банальным. Мне жаль Артауда, но что поделаешь? Назовем это... взаиморасчетами. В конце концов, я дважды пытался тебя прикончить. Эмгыр торопил, поэтому пришлось напустить на тебя убийц. Всякий раз я делал это с искренним нежеланием. Я, понимаешь ли, не теряю надежды, что когда-нибудь нас изобразят на одном полотне.

— Отбрось надежду, Вильгефорц.

— Убери меч. Войдем вместе в Тор Лара. Успокоим Дитя Старшей Крови, которая где-то там, наверно, умирает от страха. И уйдем отсюда. Вместе. Ты будешь рядом с ней. Увидишь, как исполняется ее Предназначение. А император? Ну что ж, император получит то, что хотел. Ведь я забыл тебе сказать, что хотя Кодрингер и Фэнн мертвы, но их дела и идеи по-прежнему живы и чувствуют себя неплохо.

— Врешь. Уходи. Пока я не наплевал тебе в рожу.

— Поверь, у меня действительно нет желания убивать тебя. Я вообще убиваю неохотно.

— Правда? А Лидия ван Бредевоорт?

— Не произноси этого имени, ведьмак, — поморщился чародей.

Геральт крепче сжал рукоять меча, насмешливо улыбнулся.

— Почему Лидия должна была умереть, Вильгефорц? Почему ты приказал ей умереть? Чтобы отвести внимание от себя, верно? Выгадать время, чтобы иммунизироваться на димерит и послать телепатический сигнал Риенсу? Бедная художница Лидия с изуродованным лицом. Все знали, что она — ничего не значащая особа. Все. Кроме нее.

— Молчи.

— Ты убил Лидию, чародей. Воспользовался ею. А теперь хочешь воспользоваться Цириллой? С моей помощью? Нет. Ты не войдешь в Тор Лара.

Чародей отступил на шаг. Геральт напрягся, ожидая прыжка и удара. Но Вильгефорц не сделал ни того, ни другого. Он просто отвел руку немного в сторону, и Геральт тут же увидел, как в руке буквально из ничего материализовалась толстая шестифутовая палка.

— Знаю, — сказал магик, — что мешает тебе разумно оценить положение. Знаю, что усложняет и затрудняет тебе правильное видение будущего. Твое невежество, Геральт. Я отучу тебя от невежества. Отучу при помощи этой вот волшебной палочки.

Ведьмак прищурился, немного приподнял клинок.

— Дрожу от нетерпения.

Спустя несколько недель, уже исцеленный стараниями дриад и водой Брокилона, Геральт пытался сообразить, какую ошибку совершил во время боя. И пришел к выводу, что во время боя он не совершил никакой. Единственную ошибку он совершил перед боем. Следовало бежать еще до того, как бой начался.

Чародей был скор, палка так и вертелась в его руках. Тем большим было изумление Геральта, когда во время защиты меч и палка, столкнувшись, звякнули металлом. Но на долгое удивление времени не было. Вильгефорц напал, ведьмаку приходилось извиваться в вольтах и пируэтах. Он боялся парировать мечом. Чертова палка была железной, к тому же магической.

Четырежды он оказывался в позиции, пригодной для контрнападения и удара. Четырежды ударял. В висок, в шею, под мышку, в пах. Каждый удар мог быть смертельным. И каждый был парирован.

Ни один человек не сумел бы парировать такие выпады. Геральт понемногу начал понимать. Но было уже поздно.

Удара, которым чародей его достал, он не видел. Удар бросил его на стену. Он оттолкнулся спиной, но отскочить не успел, не успел сделать ложный выпад: удар лишил его дыхания. Он получил второй раз, в плечо, снова отлетел назад, сильно стукнулся затылком о выступающие груди кариатиды. Вильгефорц ловко подскочил, размахнулся и саданул его палкой в живот, под ребра. Колени мгновенно стали ватными, он упал. И это был конец боя. В принципе.

Стоя на коленях, он неловко пытался заслониться мечом. Клинок, застрявший между стеной и пилястром, переломился под ударом со стеклянным вибрирующим стоном. Он заслонил голову левой рукой, палка с размаха сломала ему кость предплечья. Боль ослепила.

— Я мог бы выдавить тебе мозг через уши, — очень издали проговорил Вильгефорц. — Но ведь это был всего лишь урок. Ты ошибся, ведьмак, перепутал небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда. Ага, тебя рвет? Прекрасно. Сотрясение мозга. Кровь из носа? Отлично. Ну, стало быть, до свидания. Когда-нибудь увидимся. Возможно.

Он уже не видел ничего и ничего не слышал. Тонул, погружался во

что-то теплое. Думал, что Вильгефорц ушел, и поэтому удивился, когда по его ноге с размаха ударил железный стержень, круша основание бедренной кости.

Следующих ударов, даже если они и были, он уже не помнил.

— Держись, Геральт, не поддавайся, — непрерывно повторяла Трисс Меригольд. — Держись. Не умирай... Прошу тебя, не умирай...

— Цири...

— Молчи. Сейчас я тебя отсюда вытащу. Держись... О боги, у меня нет сил...

— Йеннифэр... Я должен...

— Ничего ты не должен! Ничего ты не можешь! Держись, не поддавайся... Не теряй сознания... Не умирай, пожалуйста...

Она волокла его по полу, устланному трупами. Он видел свою грудь и живот, все в крови. Кровь текла из носа. Видел ногу. Она была вывернута под странным углом и казалась гораздо короче здоровой. Боли он не чувствовал. Ощущал лишь холод, все тело было холодным, одеревенелым и чужим. Его тошнило.

— Держись, Геральт. Из Аретузы идет помощь. Уже скоро...

— Дийкстра... Если Дийкстра на меня нападет... мне конец.

Трисс дико выругалась.

Она тащила его по лестнице. Сломанные нога и рука подскакивали на ступенях. Боль ожила, вгрызлась во внутренности, в виски, дошла до глаз, ушей, макушки. Он не кричал. Знал, что крик облегчит боль, но не кричал. Только раскрывал рот, это тоже приносило облегчение.

Услышал гул.

На верху лестницы стояла Тиссая де Врие. Волосы взлохмачены, лицо в пыли. Она подняла обе руки, ее ладони запылали. Она выкрикнула заклинание, а пляшущий на кончиках пальцев огонь ринулся вниз в виде ослепительного гудящего шара. Ведьмак услышал грохот рушащихся стен и дикие крики обожженных.

— Тиссая, нет! — отчаянно крикнула Трисс. — Не делай этого!

— Им сюда не войти, — проговорила Великий Магистр, не поворачивая головы. — Здесь — Гарштанг на острове Танедд. Никто не приглашал сюда королевских прихвостней, выполняющих приказы своих близоруких владык!

— Ты их убиваешь!

— Молчи, Трисс Меригольд! Покушение на единство Братства провалилось, островом по-прежнему владеет Капитул! Короли — руки прочь от Капитула! Это наш конфликт, и мы сами его разрешим! Решим свои проблемы, а потом положим конец вашей идиотской войне! Ибо на нас, чародеях, лежит ответственность за судьбы мира!

Из ее руки вырвалась новая шаровая молния, множественное эхо взрыва прокатилось меж колонн и каменных стен.

— Прочь! — крикнула она снова. — Вам нет хода сюда! Вон!

Крики внизу прекратились. Геральт понял, что нападающие отступили от лестницы, ретировались. Силуэт Тиссаи расплылся у него в глазах. Это была не магия. Он терял сознание.

— Беги отсюда, Трисс Меригольд, — услышал он слова чародейки, доносящиеся издалека, как из-за стены. — Филиппа Эйльхарт уже сбежала, убралась на своих птичьих крыльях. Ты была ее сообщницей в этом гнусном заговоре, я должна тебя покарать. Но уже достаточно крови, смерти, несчастий! Вон отсюда! Отправляйся в Аретузу, к своим сообщникам! Телепортируйся. Портал Башни Чайки больше не существует. Он рухнул вместе с башней. Можешь телепортироваться не страшись. Куда захочешь. Хоть к своему королю Фольтесту, ради которого ты предала Братство!

— Я не брошу Геральта... — прошептала Трисс. — Он не должен попасть в руки реданцев... Он тяжело ранен... У него внутреннее кровоизлияние... Но у меня больше нет сил! Нет сил, чтобы раскрыть телепорт! Тиссая! Помоги мне, прошу тебя!

Тьма. Пронизывающий холод. Издалека, из-за каменной стены голос Тиссаи де Врие:

— Я помогу тебе.

Глава 5

Эвертсен Петер — род. в 1234, приспешник императора Эмгыра Деитвена и один из фактических творцов могущества Империи. Главный коморний армии во времена Северных войн (см.); с 1290 Верховный Имперский Казначей (коронный подскарбий). В последний период правления Эмгыра возведен в сан коадьютора Империи. При императоре Морване Воорысе, будучи несправедливо обвинен в злоупотреблениях, осужден, заключен в крепость, умер в 1301 в замке Виннебург. Реабилитирован посмертно императором Иоанном Кальвейтом в 1328.

Эффенберг и Тальбот. Encyclopaedia Maxima Mundi, том V

Трепещите, ибо близок Тот, Кто Уничтожит Народы. Земли ваши истопчет он и веревкою их отмерит. И разрушены будут города ваши и пустынные. Нетопырь, ворон и филин поселятся в домах ваших. И змей угнездится в них.

Aen Ithlinnespeath, пророчество Ithlinne Aegli aep Aevenien

Командир отряда остановил лошадь, снял шлем, прошелся пальцами по редким, слипшимся от пота волосам.

— Приехали, — повторил он в ответ на вопросительный взгляд трубадура.

— Что? Как? — удивился Лютик. — Почему?

— Дале не поедем. Видите? Речка, что внизу блестит, энто Ленточка. Мы токмо до ей бралися вас провожать. Сталбыть, время возвратиться.

Солдаты, беспокойно осматриваясь, остановились позади. Ни один не слез с коня. Лютик заслонил глаза рукой, поднялся на стременах.

— Это где ж ты реку увидел?

— Внизу, говорю. Спускайтесь по яру, сразу попадете.

— Проводите хотя бы до берега, — возразил Лютик. — Покажите брод...

— Ну да! Было б чего указывать. С мая ни капли. Жаришша вонна, вот она, вода, сталбыть, и опала. Замелела Ленточка-то. В каждом месте конь перейдет...

— Я показывал вашему начальнику письмо от короля, — насупившись, сказал трубадур. — Он ознакомился, и я собственными ушами слышал, как он велел вам проводить меня до самого Брокилона. А вы хотите бросить меня здесь, в этой чащобе? А если я заблужусь?

— Не заблудите, — угрюмо буркнул подъехавший к ним солдат, который до сих пор молчал. — Не успеете заблудить-то. Сперва вас-то духобабы стрела отышшет.

— Ну и трусоваты же вы, — съязвил Лютик. — Ну и нагнали же на вас страху дриады. Ведь Брокилон только на том берегу Ленточки начинается. Ленточка — граница. Мы ее еще не пересекли!

— Ихая граница, — пояснил, оглядываясь, командир, — доходит дотудова, откудова ихние стрелы летят. Стрела, пушшенная с того берега, ежели крепко пустить, долетит аж до опушки, да ишшо и такую силу имет, штоб кольчугу продырявить. Вы-то уперлися, штобы туда иттить. Ваша шкура. А мне жизнь мила. Я дале не пойду. Надыть мне башку в шершнево гнездо сувать-то?

— Я же вам объяснил, — Лютик сдвинул шапочку на затылок и выпрямился в седле, — что еду в Брокилон с миссией. Я, можно сказать, посол. Дриад не боюсь. Но прошу вас проводить меня до берега Ленточки. А вдруг да на меня в этих зарослях разбойники нападут?

Второй солдат, угрюмый, вымученно улыбнулся.

— Разбойники? Тута? Ясным днем? Ну, господин, днем тута духа живого не встренешь. Остатние времена духобабы пушшают стрелы в каждого, кто на берегу Ленточки кажется, а то, бывает, и далеко на нашу сторону запушшают. Не-а, разбойников-то вы не бойтесь.

— Правда твоя, — подтвердил командир. — Шибко глупым должен быть разбойничек-то, штобы днем до Ленточки иттить. Да и мы-то не дурни. Сам-друг едете, без латов и оружия и на вояка, прошшенья просим, не смотритея, за версту видать. Ну так вам, может, и пошшасливица. А вот ежели духобабы узрят нас, конных, да с оружием, не видать нам солнца за стрелами-то летучими.

— М-да, трудное дело... — Лютик похлопал коня по шее, глянул вниз, в пойму. — Стало быть, еду один. Ну, бывайте, солдатики. Благодарю за сопровождение.

— Не тыркайтесь больно-то. — Угрюмый солдат глянул в небо. — Вечер рядом. Как туман с воды подымет, тут и ежжайте. Потому как, знаете...

— Что?

— В тумане-то выстрел понеуверенней. Ежели к вам судьба будет ласковой, промажет духобаба-то. Токмо что они, господин, редко мажут.

— Я ж говорю вам...

— Ну, ну, говорили, не забыл. Дескать, с мисьей к им едете. Но я вам кой-чего другого скажу: с мисьей ли, с процесьей, им все едино. Пустят в вас стрелу, и конец.

— Нанялись, что ль, пугать меня? — снова надул щеки поэт. — За кого вы меня принимаете, за городского писаку, или как? Я, господа хорошие, видел больше битв, чем вы все, вместе взятые. И о дриадах тоже знаю побольше вас. Хотя бы то, что они никогда не стреляют без предупреждения.

— Было так-то, правда ваша, — тихо сказал командир. — Упреждали. Пустят стрелу в ствол либо на стежку, сталбыть, где энта стрела — тама и рубеж, дале — ни шагу. Ежели человек быстро заворотит, мог уйти целехоньким. Токмо ныне все иначе. Ныне они сразу шьют так, чтобы забить.

— С чего бы такое ожесточение?

— Вишь ли, — буркнул солдат, — оно вона как. Когда короли мир с Нильфгаардом заключили, то взялись сильно за эльфовы банды. Видать, здорово их прижали, потому как не проходит ночи, чтобы недобитки не сбегали через Бругге, в Брокилоне шукая схоронения. А когда наши эльфов гонют, то часом, бывает, и с духобабками разделяются, которые из-за Ленточки на помощь идут. А бывало, и наше войско с разбегу в лес заглянет... Понятно?

— Понял. — Лютик внимательно глянул на солдата, покивал головой. — Преследуя скоя'таэлей, вы переходили Ленточку. Убивали дриад. И теперь дриады отвечают вам той же монетой. Война.

— Точно, господин. Война всамделишная. Всегда это была драка не на живот, а на смерть, но теперича-то уж и вовсе паршиво. Меж ними и нами — ненависть. Ишшо раз говорю: ежели нет нужды, не ездите туды.

Лютик сглотнул.

— В том-то и дело, — он выпрямился в седле, с большим трудом изобразив на лице воинственную мину, — что есть нужда. И я еду. Сейчас. Вечер не вечер, туман не туман, надо двигаться, коли долг призывает.

Годы тренировок взяли свое. Голос трубадура звучал красиво и грозно,

сурово и холодно, звенел железом и мужеством. Солдаты взглянули на него с неприкрытым изумлением.

— Прежде чем двинетесь, — командир отстегнул от седла плоскую деревянную фляжку, — глотните первачу, милсдарь певун. Глотните...

— Легчей помирать будет, — угрюмо добавил другой, неразговорчивый.

Поэт отхлебнул из фляжки.

— Трус, — гордо возвестил он, как только перестал кашлять и отдышался, — умирает сто раз. Мужественный человек — лишь однажды. Но госпожа Фортуна благоприятствует смелым, трусов презирает. Так сказать, смелого стрелы боятся, смелого меч не берет.

Солдаты взглянули с еще большим восхищением. Они не знали и не могли знать, что Лютик цитирует слова известной в его стороне боевой песни, к тому же написанной не им.

— А вот этим, — поэт вытащил из-за пазухи звякнувший содержимым кожаный мешочек, — позвольте отблагодарить за эскорт. Прежде чем до форта доберетесь, прежде чем вас снова суровая служба-матка приласкает, загляните в кабак, выпейте за мое здоровье.

— Благодарим, господин. — Командир слегка покраснел. — Щедрый вы человек, а ведь мы... Прощевайте и простите, что одного вас оставляем, но...

— Пустое. Ну, бывайте.

Бард лихо сдвинул шапочку на левое ухо, тронул коня пяткой и направился вниз по откосу, насвистывая известную исключительной непристойностью кавалерийскую песенку из «Свадьбы в Беллерлине».

— А корнет-то в замке болтал, — услышал он еще слова угрюмого, — мол, энто дармоед, трус и балда. А энто боевитый и храбрый господин, хоть и виршеплет.

— Истинная правда, — ответил командир. — Трусом-то его не назовешь, ничего не скажешь. Даже глазом не моргнул, это точно. Да ишшо и свишшет, слышь? Хо, хо... Слыхал, что говорит? Мол, послом идет. Не боись, кого-нить послом не назначут. Надыть голову иметь на плечах-то, штобы послом стать.

Лютик прибавил ходу, чтобы как можно скорее скрыться у них из глаз. Он не хотел подпортить только что заработанной репутации. А знал — долго ему не просвистеть, потому как не хватит уже влаги на пересохших от страха губах.

Яр был мрачный и влажный, мокрая глина и покрывающий ее ковер погнивших листьев приглушали звон копыт темно-гнедого мерина,

которого поэт окрестил Пегасом. Пегас шел медленно, свесив голову. Это был один из тех немногих коней, которым все всегда без разницы.

Лес кончился, но от русла реки, обозначенного полосой ольх, Лютика еще отделяла широкая, заросшая камышами низинка. Поэт остановил коня. Внимательно осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил. Напряг слух, но услышал только кваканье лягушек.

— Ну, коняга, двум смертям не бывать, — кашлянул он. — Вперед.

Пегас немного приподнял голову и вопросительно поставил торчком обычно отвисающие уши.

— Ты верно слышал. Вперед.

Мерин медленно двинулся, под копытами зачавкало болото. Лягушки длинными прыжками удирали из-под ног коня. В нескольких шагах перед ними с шумом и кряком поднялась утка, и сердце трубадура на мгновение остановилось, а потом взялось стучать очень быстро, как бы наверстывая упущенное. Пегас вообще не обратил на утку никакого внимания.

— Ехал герой... — пробормотал Лютик, вытирая залитую потом шею платочком, вытянутым из-за пазухи. — Ехал неустрашимо чрез урочище, не обращая внимания на скачущих земноводных и летающих драконов. Ехал себе и ехал. И доехал до бескрайних просторов...

Пегас фыркнул и остановился. Они были у реки. Камыши и очерет доходили выше стремени. Лютик отер пот со лба, повязал платок на шею. Долго, до слез, вглядывался в ольховник на противоположном берегу. Не заметил ничего и никого. Поверхность воды морщинили вытянувшиеся по течению водоросли, над ними шмыгали бирюзово-оранжевые зимородки. Воздух мерцал от туч насекомых. Рыбы заглатывали поденок, оставляя на воде большие круги.

Всюду, насколько хватало глаз, виднелись бобриные зарубки, кучки надкусанных веток, поваленные и обглоданные стволы, омываемые медленным течением. «Ну и бобров же тут, — подумал поэт, — невероятное богатство. И неудивительно. Никто не беспокоит чертовых древоточцев. Сюда не заходят ни бандиты, ни ловчие, ни бортники, даже вездесущие трапперы не устанавливают здесь силков. А те, которые пытались, получали стрелу в горло, и раки обгладывали их в прибрежном иле. А я, идиот, лезу сюда по доброй воле, сюда, на Ленточку, в реку, затянутую трупной вонью, которую не перебивает даже запах аира и мяты...»

Он тяжело вздохнул.

Пегас медленно ступил в воду передними ногами, опустил морду, пил долго, потом повернул голову и глянул на Лютика. Вода стекала у него с

губ и ноздрей. Поэт покачал головой, снова вздохнул, громко потянул носом.

— И взглянул герой на бурлящую пучину, — продекламировал он тихонько, стараясь не стучать зубами. — Взглянул и двинулся вперед, ибо сердце его не ведало тревоги.

Пегас повесил голову и опустил уши.

— Тревоги не ведало, говорю.

Пегас тряхнул головой, звякнул кольцами поводьев и мундштука. Лютик ткнул его пяткой в бок. Мерин обреченно ступил в воду.

Ленточка была речкой мелкой, но сильно заросшей. Пока они добрались до середины русла, за ногами Пегаса уже заплетались длинные косы водорослей. Конь ступал медленно и с трудом, при каждом шаге пытаясь стряхнуть удерживающие его растения.

Прибрежные заросли и ольховник правого берега были уже недалеко, так недалеко, что Лютик почувствовал, как желудок опускается у него вниз, аж до самого седла. Он прекрасно понимал, что посередине реки, увязнувший в водорослях, он представляет собой прекрасную, не позволяющую промахнуться мишень. Глазами воображения он уже видел изгибающиеся дуги луков, напружинивающиеся тетивы и острые наконечники нацеленных в него стрел.

Он стиснул икрами бока коня, но Пегас начихал на это. Вместо того чтобы пойти быстрее, конь остановился и задрал голову. Яблоки будущих удобрений шлепнулись в воду. Лютик протяжно застонал.

— Смелчак, — пробормотал он, прикрывая глаза, — не смог форсировать бурлящих порогов. Погиб геройской смертью, пронзенный бесчисленными стрелами. Навечно поглотила его темно-синяя топь, взяли в свои объятия водоросли, зеленые, как нефриты. Пропал по нему след всякий, осталось только конское говно, уносимое стремниной к далекому синему морю...

Пегас, которому, видимо, полегчало, без принуждения пошел резвее, а на прибрежной, свободной от водорослей быстрине даже позволил себе взбрыкнуть, в результате чего целиком вымочил Лютику ботинки и штаны. Поэт этого даже не заметил — картина нацеленных ему в живот стрел не покидала его ни на мгновение, а ужас ползал по спине и затылку словно огромная, холодная и скользкая пиявка. Потому что за ольховником, меньше чем в ста шагах, за сочной зеленой полосой трав вздымалась из вереска отвесная, черная, грозная стена леса.

Брокилон.

На берегу, в нескольких шагах ниже по течению, белел конский скелет.

Крапива и очереты проросли сквозь клетку ребер. Валялось там еще немного других костей, поменьше, не похожих на конские. Лютик вздрогнул и отвернулся.

Подгоняемый пятками мерин с плеском и хлюпаньем выбрался на прибрежное болото, тина противно засмердила. Лягушки ненадолго прекратили музицировать. Стало очень тихо. Лютик прикрыл глаза. Больше он уже не декламировал, не импровизировал. Остался только холодный, отвратительный страх, ощущение сильное, но совершенно лишенное творческих посылов.

Пегас застриг ушами и бесстрастно пошлепал в сторону Леса Дриад, который многие именовали Лесом Смерти.

«Я пересек границу, — подумал поэт. — Сейчас все решится. Пока я был у реки и в реке, они еще могли проявлять великодушие. Но теперь... Теперь я — пришелец, чужак, незванный-непрошенный. Как и тот, чьи косточки... От меня тоже может остаться лишь скелет... Предостережение очередным... Если дриады здесь... Если они за мной наблюдают...»

Он вспомнил турниры лучников, ярмарочные конкурсы и стрелецкие смотры, соломенные щиты и манекены, утыканные и разорванные наконечниками стрел. Что чувствует человек, в которого попала стрела? Удар? Боль? А может... ничего?

Дриады либо не было поблизости, либо они еще не решили, как поступить с одиноким всадником, который, сказать по правде, хоть и подъехал к лесу физически живой, целый и невредимый, но зато полумертвый от страха. Путь к деревьям преграждала поросшая кустарником, оцетинившаяся корнями и ветками путаница бурелома, но у Лютика и без того не было ни малейшего желания подъезжать к самой опушке и уж тем более углубляться в лес. Он мог принудить себя к риску, но не к самоубийству.

Очень медленно слез с седла, привязал поводья к торчащему вверх корню. Обычно он так не делал — Пегас, как правило, не удалялся от хозяина. Однако Лютик не мог сказать, как конь поведет себя, услышав свист и жужжание стрел. До сих пор ни у него, ни у Пегаса не было okazji привыкнуть к таким звукам.

Он снял с луки седла лютню, уникальный, высокого класса инструмент с изящным грифом. «Презент от эльфки, — подумал он, поглаживая инкрустированное дерево. — Может случиться, что он вернется к Старшему Народу... Разве что дриады положат его рядом с моим трупом...»

Невдалеке лежало древнее, поваленное ветром дерево. Поэт присел на

ствол, опер лютню о колено, облизнул губы, вытер вспотевшие ладони о штаны.

Солнце клонилось к закату. Над Ленточкой вздымался туман, серо-белым покрывалом затягивая луга. Становилось прохладнее. Прокурлыкали и улетели журавли, осталось лишь кваканье лягушек.

Лютик ударил по струнам. Раз, другой, третий. Покрутил колки, настроил инструмент и начал играть. А потом запел.

Yviss, m'evelienn vente caelm en tell
Elaine Ettariel,
Aep cor me lode deith ess'viell
Yn blath que me darienn
Aen minne vain tegen a me
Yn toin av muireann que dis eveigh e aep llea...

Солнце скрылось за лесом. В тени гигантских деревьев Брокилона сразу же стало сумрачно.

L'eassan Lamm feainne renn, ess'ell,
Elaine Ettariel,
Aep cor...

Нет, он не услышал. Он почувствовал присутствие.

— N'te mire daetre. Sh'aente vort.

— Не стреляй, — прошептал он, не оглядываясь. — N'aen aespar a me... Я пришел с миром...

— N'ess a tearth. Sh'aente.

Он послушался, хотя пальцы озябли и занемели на струнах, а песня с трудом пробивалась из горла. Но в голосе дриады не слышалось враждебности, а он, черт побери, был профессионалом.

L'eassan Lamm feainne renn, ess'ell,
Elaine Ettariel,
Aep cor aen tedd teviel e gwen
Yn blath que me darienn
Ess yn e evellien a me
Que shaent te caelm a'vean minne me striscea...

На этот раз он позволил себе глянуть через плечо. То, что притаилось около ствола, очень близко, напоминало обмотанный плющом куст. Но это был не куст. У кустов не бывает таких огромных горящих глаз.

Пегас тихо фыркнул, и Лютик понял, что у него за спиной, в темноте кто-то поглаживает коня по ноздрям.

— Sh'aente vort, — снова попросила приткнувшаяся за его спиной дриада. Голос напоминал шум листвы, по которой скатываются капельки дождя.

— Я... — начал он, — я... Я друг ведьмака Геральта... Я знаю, что Геральт... Что Gwynbleidd находится у вас в Брокилоне. Я приехал...

— N'te dice'en. Sh'aente, va.

— Sh'aent, — мягко попросила из-за его спины другая дриада, чуть ли не одновременно с третьей. И, кажется, четвертой. Он не был уверен.

— Yea, sh'aente, taedh, — проговорило серебристым звучным голосом то, что еще минуту назад казалось поэту березкой, растущей в нескольких шагах от него. — Ess'laine... Taedh... Ты петть... Еще об Эттариэль... Да?

Он так и сделал.

Любить тебя — вот жизни цель,
Бесспорная, как смерть,
Прекрасная Эттариэль!
Позволь же мне посметь

В груди встревоженной нести
Воспоминаний клад.
От злого времени спасти
Твой голос, жест и взгляд.

И колдовской цветок, заклад
Любви и наших встреч,
Струящий сладкий аромат,
Не запрещай сбересть!

На нем крупинки серебра —
Поблескиванье рос.
Мне тайна чудится, игра
И откровенность слез.^[3]

На этот раз он услышал шаги.

— Лютик!

— Геральт!

— Да. Можешь больше не шуметь.

— Как ты меня отыскал? Как узнал, что я в Брокилоне?

— От Трисс Меригольд... Черт... — Лютик снова споткнулся и наверняка упал бы, если б идущая рядом дриада не поддержала его ловким приемом, удивительно сильным при ее небольшом росте.

— Gar'ean, taedh, — серебристо предостерегла она. — Va caelm.

— Спасибо. Тут ужасно темно... Геральт? Где ты?

— Здесь. Не отставай.

Лютик пошел быстрее, снова споткнулся и чуть не налетел на ведьмака, остановившегося перед ним. Дриады бесшумно миновали их.

— Ну и мрак... Далеко еще?

— Нет. Сейчас будем в лагере. Кто, кроме Трисс, знает, что я прячусь здесь? Ты кому-нибудь проболтался?

— Пришлось сказать королю Вензлаву. Необходим был пропуск через Бругге. Такие времена, что и не говори... Кроме того, нужно было согласие на вход в Брокилон. Но ведь Вензлав тебя любит и знает. Представь себе, он назначил меня послом. Я уверен, что он сохранит тайну, я его просил. Не злись, Геральт...

Ведьмак подошел ближе. Лютик не видел выражения его лица, видел только белые волосы и заметную даже в темноте многодневную белую щетину.

— Я не злюсь. — Геральт положил руку барду на плечо, и тому показалось, что холодный до того голос ведьмака немного изменился. — Я рад, что ты приехал. Курицын сын.

— Холодно тут, — вздрогнул Лютик, потрескивая ветками, на которых они сидели. — Может, костер разжечь?

— И не думай, — буркнул ведьмак. — Забыл, где находишься?

— Они до такой степени... — Трубадур пугливо осмотрелся. — Никакого огня, да?

— Деревья ненавидят огонь. Они тоже.

— Черт подери, так и сидеть в холоде? И в темноте? Руку вытянешь — собственных пальцев не видно...

— А ты не вытягивай.

Лютик вздохнул, ссутулился, потер локти. Было слышно, как сидящий рядом ведьмак переламинает пальцами тоненькие прутики.

В темноте неожиданно мигнул зеленый огонек. Вначале слабый и нечеткий, он быстро сделался ярче. Затем загорелись новые, сразу во многих местах, они двигались и танцевали, будто светлячки или болотные огни. Лес вдруг ожил мерцанием теней. Лютик стал различать силуэты окружающих их дриад. Одна приблизилась, поставила рядом с ними что-то похожее на подожженный клубок растений. Поэт осторожно протянул руку, поднес ладонь. Зеленый жар был совершенно холодным.

— Что это, Геральт?

— Гнилушка и разновидность мха, который растет только здесь, в Брокилоне. Они одни знают, как надо все это сплести, чтобы светило. Спасибо, Фаувэ.

Дриада не ответила, но и не ушла. Присела рядом. Ее лоб перехватывал венок, длинные волосы спадали на плечи. В слабом свете волосы казались зелеными, а может, и верно были такими. Лютик знал, что волосы у дриад порой бывают удивительного цвета.

— Taedh, — сказала она мелодично, подняв на трубадура глаза, горевшие на миниатюрном личике, пересеченном двумя параллельными, косо расположенными полосками маскировочной раскраски. — Ess've vort sh'aente aen Ettariel? Sh'aente a'vean vort?

— Нет... Может, потом, — мягко ответил он, старательно подбирая слова Старшей Речи. Дриада вздохнула, наклонилась, нежно погладила гриф лежащей рядом лютни, пружинисто встала. Лютик смотрел, как она уходит в лес, к другим, тени которых тихо покачивались в неярком свете зеленых фонариков.

— Как думаешь, я ее не обидел, а? — спросил он тихо. — Они разговаривают на своем диалекте, я не знаю вежливых форм...

— Проверь, не торчит ли у тебя нож в животе. — В голосе ведьмака не было ни издевки, ни улыбки. — Дриады реагируют на обиду тем, что всаживают нож в живот. Не бойся, Лютик. Похоже, они готовы простить тебе много больше, чем языковые ошибки. Концерт, который ты дал на

опушке, явно пришелся им по вкусу. Теперь ты для них ard taedh, великий бард. Они ожидают продолжения «Цветка Эттариэли». Ты знаешь продолжение? Ведь баллада-то не твоя.

— Перевод мой. Я немного обогатил эльфью мелодию, не заметил?

— Нет.

— Так я и думал. К счастью, дриады лучше разбираются в искусстве. Где-то я вычитал, что они невероятно музыкальны. Вот я и разработал свой хитрый план, за который, кстати, ты меня все еще не похвалил.

— Хвалю, — сказал ведьмак, немного помолчав. — Действительно, ловко было задумано. Да и счастье тебе тоже подвалило. Как всегда. Их луки бьют точно в цель за двести шагов. Обычно дриады не ждут, пока кто-нибудь перейдет на их берег и начнет петь. Они очень восприимчивы к неприятным запахам. А после того как течение Ленточки унесет труп, у них в лесу не воняет.

— Ну-ну, — сглотив, откашлялся поэт. — Главное — у меня получилось, и я нашел тебя. Геральт, как ты тут...

— Бритва есть?

— Бритва? Ну конечно.

— Утром одолжишь? Эта борода у меня уже в печенках сидит.

— А у дриад не было... Хм... Ну конечно, верно, им бритвы ни к чему. Конечно, одолжу. Слушай, Геральт?

— А?

— У меня с собой нет ничего съестного. Как ты думаешь, ard taedh, великий бард, может в гостях у дриад рассчитывать на ужин?

— Они не ужинают. Никогда. А стражницы на границе Брокилона и не завтракают. Придется тебе поститься до обеда. Я уже привык.

— Но когда мы доберемся до их столицы, до их знаменитой, укрытой в чащобе Дуэн Канэлли...

— Мы туда не доберемся, Лютик.

— То есть? Я думал... Но ты же... Ведь они предоставили тебе убежище. Ведь они... тебя... уважают.

— Точно сказано.

Молчали долго.

— Война, — сказал наконец поэт. — Война, ненависть и презрение. Всюду. Во всех сердцах.

— Поэтизируешь.

— Да так оно и есть.

— Точно. Ну говори, с чем прибыл. Рассказывай, что творилось в мире, пока меня здесь штопали.

— Сначала, — наконец сказал поэт, — Расскажи-ка, что в действительности произошло в Гарштанге.

— А Трисс не рассказывала?

— Рассказывала. Но мне хотелось бы услышать твою версию.

— Если ты знаешь версию Трисс, значит, знаешь более подробную и наверняка более точную. Расскажи, что случилось потом, когда я уже был в Брокилоне.

— Геральт, — шепнул Лютик, — честное слово, я не знаю, что случилось с Йеннифэр и Цири... Никто не знает. Трисс тоже...

Ведьмак резко пошевелился, хрустнули ветки.

— Разве я о Цири или Йеннифэр спрашиваю? — бросил он изменившимся голосом. — Расскажи о войне.

— Ты ничего не знаешь? До тебя никакие вести не дошли?

— Дошли. Но я хочу услышать все от тебя. Ну же, говори.

— Нильфгаардцы, — начал бард, немного помолчав, — напали на Лирию и Аэдирн. Без объявления войны. Поводом якобы стало нападение войск Демавенда на какой-то пограничный форт в Доль Ангре во время сблища чародеев на Танедде. Некоторые утверждают, что это была провокация и все устроили нильфгаардцы, переодетые в солдат Демавенда. Как там было в натуре, нам никогда не узнать. Во всяком случае, реакция Нильфгаарда была молниеносной и массовой: границу перешла могучая армия, которую накапливали в Доль Ангре никак не меньше нескольких недель, а то и месяцев. Спалля и Скалля, две лирийские пограничные крепости, были взяты с ходу, всего за три дня, Ривия подготовилась к многомесячной осаде, а капитулировала через два дня под давлением цеховиков и купечества, которым пообещали, что если они откроют ворота и дадут откупного, то их не станут грабить.

— Обещание сдержали?

— Да.

— Интересно. — Голос ведьмака снова немного изменился. — Сдерживать обещания в нынешние времена? Уж не говоря о том, что раньше и не думали давать таких обещаний, да никто их и не ожидал. Ремесленники и купцы не отворяли крепостных ворот, защищали их, каждый свою башню или навесную бойницу.

— У денег нет родины, Геральт. Купцам без разницы, под чьим правлением деньгу зашибать. А нильфгаардскому палатину без разницы, из кого он будет выколачивать налоги и подати. Мертвые купцы денег не куют и налогов не платят.

— Дальше.

— После капитуляции Ривии армии Нильфгаарда быстро пошли на север, почти не встречая сопротивления. Войска Демавенда и Мэвы отступили, не сумев организовать для решительной битвы. Нильфгаардцы дошли до Альдерсберга. Чтобы не допустить блокады крепости, Демавенд и Мэва решили принять бой. Позиция их армий оставляла желать лучшего... Черт, если б было больше света, я б тебе начертил...

— Не черти. И сокращайся. Кто победил?

— Слышали, господа? — Один из регистрантов, задыхающийся и потный, пробился сквозь группу, окружающую стол. — Прибыл гонец с поля боя! Победа наша! Бой выигран! Победа! Наш, наш сегодня день! Побили мы врага, разбили наголову!

— Тише, — поморщился Эвертсен. — Голова раскалывается от ваших воплей. Да слышали мы, слышали. Побили мы врага. Наш сегодня день. Наше поле и победа наша. Тоже мне — сенсация!

Коморники и регистранты удивленно уставились на начальника.

— Вы не радуетесь, милсдарь коморный?

— Радуюсь, но умею делать это тихо и без надрыва.

Регистранты молча переглянулись. «Щенки, — подумал Эвертсен. — Возбужденные сопляки. Впрочем, им я не удивляюсь, но, извольте, там, наверху, даже Мэнно Коегоорн и Элан Трахх, да что там, даже седобородый генерал Брайбан верещат, прыгают от радости и дубасят друг друга по спинам. Виктория! Победа! Наш день! А чей он должен быть? Королевства Аэдирн и Лирия вместе сумели мобилизовать три тысячи конных и десять тысяч пехоты, из которых одна пятая в первые же дни наступления была отрезана и блокирована в фортах и крепостях. Часть оставшейся армии им пришлось вывести из боя для защиты флангов, которым угрожали глубокие рейды нашей легкой кавалерии и диверсионные уколы отрядов скоя'таэлей. Оставшиеся пять или шесть тысяч — из них не больше тысячи двухсот рыцарей — приняли бой на полях под Альдерсбергом. Коегоорн бросил на них тринадцатитысячную армию, в том числе десять тысяч хоругвей латников, цвет нильфгаардского рыцарства. А теперь радуется, вопит, колотит маршальским жезлом по ляжке и требует пива... Виктория! Победа! Тоже мне — сенсация!»

Решительным движением он смел в кучу и собрал покрывающие стол

карты и записи, поднял голову, осмотрелся, потом резко сказал:

— Слушайте мои распоряжения.

Подчиненные замерли в ожидании.

— Каждый из вас слушал вчерашнее выступление фельдмаршала Коегоорна перед хорунжими и офицерами. Посему обращаю ваше внимание, милостивые государи, на то, что все, что маршал говорил военным, нас не касается. У вас будут другие задания и другие распоряжения. Мои.

Эвертсен задумался, потер лоб.

— «Мир хижинам, война крепостям, — сказал вчера командирам Коегоорн. — Вам известен такой принцип. Этому вас учили в военной академии. Принцип этот действовал до сегодняшнего дня. С завтрашнего вы должны его забыть. С завтрашнего дня вы обязаны руководствоваться другим принципом, который отныне станет девизом нашей войны. Девиз этот и мой приказ таковы: война всему живому. Война всему, что горит. Вы должны оставлять за собой выжженную землю. С завтрашнего дня мы переносим войну за пределы той линии, за которую отойдем после подписания мирного договора. Мы отойдем, но там, за линией, должна остаться выжженная земля. Королевства Аэдири и Лирия должны быть превращены в пепел! Вспомните Содден! Сегодня пришел час возмездия!» Так сказал фельдмаршал.

Эвертсен громко откашлялся.

— А теперь мой приказ: прежде чем войска оставят за собой выжженную землю, мы должны вытянуть из этой земли и этой страны все, что удастся, все, что может приумножить богатства нашей родины. Ты, Авдегаст, займешься погрузкой и вывозом уже собранных и складированных плодов земли. То, что еще на полях и чего не уничтожат героические рыцари Коегоорна, следует собрать.

— У меня мало людей, милсдарь коморный...

— А пленные зачем? Гоните их на работу. Мардер и ты... забыл, как тебя кличут...

— Гельвет. Эван Гельвет, милсдарь коморный.

— Займетесь живым инвентарем. Собрать в стада, согнать в предназначенные пункты на карантин. Остерегаться ящюра и других болезней. Больную либо подозрительную скотину забить, трупы сжечь. Остальное гнать на юг назначенными путями. Ясно?

— Так точно.

«Теперь специальные задания, — подумал Эвертсен, приглядываясь к подчиненным. — Кому их поручить? Все младенцы, молоко на губах не

обсохло, почти ничего в жизни не видели, не испытали... Эх, мне б сейчас тех старых, бывалых коморников и регистрантов... Войны, войны, постоянные войны... Солдаты гибнут во множестве и часто, но и коморники, с учетом соотношения, тоже ненамного реже. Но среди воинов незаметен урон, потому что армия постоянно пополняется, ибо каждый хочет быть воином. А кто хочет быть коморником либо регистрантом? Кто, вернувшись, на вопрос сына, что он делал на войне, захочет ответить, как корcem измерял зерно, пересчитывал вонючие кожи и взвешивал воск, как вел по разъезженным, покрытым воловьими лепешками дорогам колонну заполненных трофеями телег, погонял мычащие и блеющие стада, глотая пыль, вонь и мух...

Специальное задание. Плавильня в Гулете с огромными печами, плавильня Гальмея и большая кузня в Эйсенлаане, три тысячи пудов готовой продукции. Литейные мастерские и шерстяные мануфактуры в Альдерсберге. Солодовни, винокурни, ткацкие и красильные мастерские в Венгерберге...

Демонтировать и вывезти. Так приказал император Эмгыр, Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов. Двумя словами: демонтировать и вывезти, Эвертсен.

Приказ есть приказ. Прииски и их добычу. Монеты. Драгоценности. Произведения искусства. Но этим займусь я сам. Лично».

Рядом со стоящими на горизонте черными столбами дыма выросли новые. И опять. И снова. Армия осуществляла приказы Коегоорна. Королевство Аэдирн превращалось в страну пожаров и пожарищ.

По дороге, фурча и вздымая тучи пыли, тащилась длинная колонна штурмовых машин. На все еще обороняющийся Альдерсберг. И на Венгерберг, столицу короля Демавенда.

Петер Эвертсен смотрел и считал. Рассчитывал. Пересчитывал. Петер Эвертсен был Верховным Имперским Казначеем, во время войны — первым коморником армии. Он исполнял обязанности двадцать пять лет. Расчеты и подсчеты были его жизнью.

Стенобойная машина стоит пятьсот флоренов, осадная башня — двести, камнемет — минимум сто пятьдесят, самая простая баллиста — восемьдесят. Обученная прислуга получает десять с половиной флоренов месячного жалованья. Колонна, которая тащится на Венгерберг, обходится,

считая лошадей, волов и мелкое оборудование, самое меньшее в триста гривен. Из гривны, иначе — марки чистого золотого песка, весящей полфунта, чеканят шестьдесят флоренов. Годовая добыча крупных приисков — пять-шесть тысяч гривен...

Осадную колонну обошла легкая кавалерия. По значкам на штандартах Эвертсен распознал тактическую хоругвь князя Виннебурга, одну из переброшенных из Цинтры. Да, подумал он, этим будет чем поживиться. Битва выиграна, аэдирнская армия рассеяна. Резервные отряды в тяжелые бои с регулярными войсками не бросят. Будут преследовать отступающих, уничтожать разрозненные, потерявшие командиров группы, убивать, грабить и жечь. Радуются, потому что наклеывается приятная, веселая войнишка. Войнишка, на которой не перетрудишься. И на которой не убьют.

Эвертсен подсчитывал.

Тактическая хоругвь состоит из девяти обычных хоругвей и насчитывает две тысячи конных. Хоть солдаты Виннебурга скорее всего уже не будут участвовать в крупных боях, все же в стычках поляжет не меньше одной шестой состава. Потом будут лагеря и биваки, отравленная пища, грязь, вши, комары, протухшая вода. Неизбежно начнутся тиф, дизентерия, малярия, которые унесут еще не меньше четверти. К этому надо прибавить общим счетом непредвиденные несчастные случаи, обычно около пятой части состава. Домой вернутся восемьсот. Не больше. А скорее всего — и того меньше.

Веселая войнишка.

По большаку прошли очередные хоругви, за кавалерией появились пехотные корпуса. Маршировали лучники в желтых куртках и круглых шлемах, арбалетчики в плоских касках, щитники и пикинеры. За ними тяжело шагали латники, закованные в броню как раки, ветераны из Виковаро и Этолии, дальше — разномастная толпа: кнехты из Метинны, наемники из Турна, Мехта, Гесо и Эббинга.

Несмотря на жару, подразделения двигались в меру бодро, вздымаемая солдатскими ботинками пыль клубилась над дорогой. Грохотали барабаны, развевались штандарты, покачивались и блестели наконечники пик, копий, алебард и гизарм. Солдаты шли в меру резво и весело. Маршировала армия победителей. Непобежденная армия. Дальше, парни, вперед, в бой! На Венгерберг! Прикончить врага, отомстить за Содден! Повоевать на славу, набить мешки добычей и домой, домой!

Эвертсен глядел. И подсчитывал.

— Венгерберг пал через неделю, — закончил Лютик. — Ты удивишься, но тамошние цеховики доблестно и до конца защищали башни и назначенные им отрезки стен. Поэтому нильфгаардцы вырезали все отряды и всех жителей города, что-то около шести тысяч человек. Когда об этом узнали, началось великое бегство. Разгромленные полки и гражданское население в массовом порядке двинулись в Темерию и Реданию. Толпы беженцев тянулись по Долине Понтара и перевалам Махакама. Но не всем удалось уйти. Конные разъезды нильфгаардцев следовали за ними, отрезали дорогу к бегству... Знаешь, что им было нужно?

— Нет. Я в этом не разбираюсь... Я не знаток войн, Лютик.

— Пленники. Рабы. Нильфгаардцы хотели захватить в неволю как можно больше людей. Для Нильфгаарда это самая дешевая рабочая сила. Поэтому они так активно преследовали беглецов. Это была хорошо организованная гигантская охота. Ведь армия бежала, а уходящих людей никто не защищал.

— Никто?

— Почти никто.

— Не успеем, — закашлялся Виллис, оглядываясь. — Не успеем уйти... Дьявольщина, граница уже так близко... Так близко...

Райла привстала в стремени, глянула на большак, извивающийся меж покрытых лесом взгорий. Дорога, сколько хватало глаз, была усеяна брошенным имуществом, трупами лошадей, сдвинутыми на обочины телегами и колясками. Сзади, из-за лесов, вздымались в небо черные столбы дымов. Был слышен приближающийся гул, нарастающие звуки боя.

— Приканчивают арьергард... — Виллис отер с лица сажу и пот. — Слышишь, Райла? Они нагнали арьергард и вырезают всех до одного! Нам не успеть!

— Теперь — мы арьергард, — сухо сказала наемница. — Теперь наша очередь.

Виллис побледнел, кто-то из прислушивавшихся солдат громко вздохнул. Райла дернула поводья, развернула тяжело хрипящего, с трудом

поднимающего голову коня.

— В любом случае убежать не успеем, — сказала она спокойно. — Кони вот-вот падут. Прежде чем мы доберемся до перевала, они догонят нас и зарубят.

— Бросим все и скроемся в лесу, — сказал Виллис, не глядя на нее. — По одному, каждый за себя. Может, удастся... выжить.

Райла не ответила, глазами и движением головы указала на перевал, на дорогу, на последние группки длинной колонны беженцев, тянущихся к границе. Виллис понял. Грязно выругался, соскочил с седла, покачнувшись, оперся на меч.

— Спешиться! — хрипло крикнул он солдатам. — Перекрыть большак чем только можно. Ну чего уставились? Двум смертям не бывать... Мы — армия! Мы — арьергард! Мы должны остановить преследователей, задержать хоть ненадолго...

Он умолк.

— Если мы ненадолго задержим преследователей, люди успеют перейти в Темерию, на ту сторону гор, — dokonчила Райла, тоже слезая с коня. — Там — женщины и дети. Ну что таращитесь? Это наше ремесло. За это нам платят, забыли?

Солдаты переглянулись. Несколько мгновений Райла думала, что они все-таки сбегут, поднимут мокрых измученных коней на последний невероятный рывок, погонят их вслед за колонной беженцев, к спасительному перевалу. Она ошиблась. Она плохо их знала.

Солдаты перевернули на дорогу воз. Быстро возвели баррикаду. Кустарную, невысокую. Совершенно недостаточную.

Долго ждать не пришлось. В ущелье, спотыкаясь, храпя, разбрасывая хлопья пены, влетели два коня. Наездник был только на одном.

— Блайс!

— Готовьтесь... — Наемник сполз с седла на руки солдат. — Готовьтесь, мать вашу... Они совсем близко...

Конь захрапел, сделал несколько танцевальных движений, упал на зад, тяжело рухнул на бок, дернулся, вытянул шею, протяжно заржал.

— Райла... — прохрипел Блайс, отводя глаза. — Дайте... Дайте мне что-нибудь. Я потерял меч...

Воительница, глядя на упирающиеся в небо дымы пожаров, указала головой на топор, лежащий у перевернутого воза. Блайс схватил оружие, покачнувшись. Левая штанина пропиталась кровью.

— Что с остальными, Блайс?

— Вырезали, — простонал наемник. — Всех. Весь отряд... Райла, это

не нильфы... Это «белки»... Нас догоняли эльфы. Скоя'таэли идут первыми, перед нильфгаардцами.

Один из солдат душераздирающе крикнул, второй тяжело опустился на землю, закрыв лицо руками. Виллис выругался, подтянул ремни полулат.

— По местам! — крикнула Райла. — За баррикаду! Им нас живыми не взять. Обещаю!

Виллис сплюнул, быстро сорвал с наплечника трехцветную черно-красно-золотую кокарду специальных войск короля Демавенда, кинул ее в заросли. Райла, разглаживая и очищая от грязи и пыли свою кокарду, криво усмехнулась:

— Не знаю, поможет ли это тебе, Виллис. Не знаю.

— Ты обещала, Райла.

— Обещала. И обещание выполню. По местам, парни! Арбалеты и луки к бою!

Да, долго ждать не пришлось.

После того как они отразили первую волну, их осталось лишь шестеро. Бой был кратким, но яростным. Мобилизованные из Венгерберга солдаты дрались как дьяволы, остервенением не уступая наемникам. Ни один не хотел попасть живым в руки скоя'таэлей. Предпочитали умереть в бою. И умирали, пронзенные стрелами, умирали от ударов копий и мечей. Блайс умер лежа, зарезанный кинжалами двух эльфов, которые свалились на него, спрыгнув с баррикады. Ни один не поднялся. У Блайса тоже был кинжал.

Скоя'таэли не дали им передохнуть. Навалилась другая группа. Виллис, получив третий раз копьем, успел только крикнуть:

— Райла! Капитан! Ты обещала!

Наемница, уложив очередного эльфа, быстро обернулась.

— Прощай, Виллис. — Она уперла лежащему острие меча чуть пониже грудной кости и резко нажала. — Встретимся в аду!

Через минуту она осталась одна. Скоя'таэли охватили ее со всех сторон. Воительница, вымазанная кровью с головы до ног, подняла меч, закружилась, взмахнула черной косой. Она стояла среди трупов, страшная, скривившаяся как демон. Эльфы попятились.

— Идите! — крикнула она дико. — Ну чего ждете! Вам не взять меня живой. Я — Черная Райла!

— Glaeddyv vort, beanna, — спокойно сказал светловолосый красивый эльф с лицом херувима и огромными васильковыми глазами ребенка. Он выдвинулся из-за окружающих ее, но все еще мнущихся скоя'таэлей. Его снежно-белый конь хрипел, мотал головой вверх-вниз, энергично роя копытами напоенный кровью песок большака.

— Glaeddyv vort, beanna, — повторил наездник. — Брось меч, женщина.

Наемница жутко расхохоталась, отерла лицо отворотом перчатки, размазывая пот, смешанный с пылью и кровью.

— Мой меч слишком дорого мне обошелся, чтобы бросаться им, эльф! — крикнула она. — Чтобы его взять, тебе придется ломать мне пальцы! Я — Черная Райла! Ну иди же!

Долго ждать не пришлось.

— И никто не пришел Аэдирну на помощь? — спросил ведьмак после долгого молчания. — Ведь, кажется, существовали какие-то союзы. Договоры о взаимопомощи... Пакты...

— В Редании, — откашлялся Лютик, — хаос после смерти Визимира. Ты знаешь, что король Визимир убит?

— Знаю.

— Правление взяла на себя королева Гедвига, но в стране возникла неразбериха. И террор. Охота на скоя'таэлей и нильфгаардских шпииков. Дийкстра мотается по всей стране, эшафоты не просыхают от крови. Дийкстра все еще не может ходить. Его носят в паланкине.

— Догадываюсь. Он преследовал тебя?

— Нет. Мог, но не преследовал. А, не важно. Во всяком случае, погруженная в хаос Редания не в состоянии была выставить армию, которая могла бы поддержать Аэдирн.

— А Темерия? Почему король Фольтест Темерский не поддержал Демавенда?

— Как только началась агрессия в Доле Ангре, — тихо сказал Лютик, — Эмгыр вар Эмрейс направил посольство в Визиму...

— К черту, — прошипел Бронибор, глядя на закрытую дверь. — О чем они так долго болтают? Почему Фольтест вообще снизошел до переговоров? Принял этого нильфгаардского пса? Его надо было обезглавить и голову отослать Эмгыру! В мешке!

— О Боже, комес, — поперхнулся жрец Виллемер. — Это же посол!

Персона посла священна и неприкосновенна! Не годится...

— Ах, не годится? Я скажу вам, что годится, а что не годится! Не годится бездействовать и посматривать, как агрессор опустошает страны, с которыми мы в союзе! Лирия пала. Аэдирн вот-вот падет! Демавенд в одиночку Нильфгаарда не сдержит! Необходимо немедленно выслать в Аэдирн экспедиционный корпус, надо облегчить положение Демавенда ударом на левый берег Яруги! Там мало войск, большую часть они перебросили в Долю Ангру! А мы тут совещаниями балуемся! Вместо того чтобы бить, болтаем. Да еще нильфгаардского посла принимаем!

— Замолчите, комес. — Князь Эревард из Элландера окинул старого вояку холодным взглядом. — Это политика. Надо учиться видеть немного дальше конских ноздрей и своего копья. Посла надобно выслушать. Император Эмгыр выслал его к нам не без причины.

— Ясно, не без причины, — проворчал Бронибор. — Эмгыр сейчас громит Аэдирн и знает, что если вступим мы, а с нами и Редания и Каэдвен, то мы разобьем его, выкинем за Долю Ангру, в Эббинг. Знает, что если мы ударим на Цинтру, то угодим ему в незащищенный живот, заставим драться на два фронта! Он этого боится! Поэтому пытается напугать нас, чтобы мы не вступали в войну! Именно с таким заданием сюда приехал нильфгаардский посол.

— Стало быть, надлежит выслушать посла, — повторил князь. — И принять решение, соответствующее интересам нашего королевства. Демавенд безрассудно спровоцировал Нильфгаард и теперь пожинает плоды. А я вовсе не тороплюсь помирать за Венгерберг. То, что творится в Аэдишне, — не наши проблемы.

— Не наши? Да что вы, сто тысяч чертей, плетете? То, что нильфгаардцы уже в Лирии и Аэдишне, на правом берегу Яруги, что нас отделяет от них только лишь Махакам, вы называете не нашими проблемами? Надо не иметь ни крупницы разума, чтобы...

— Прекратите, — остановил Виллемер. — Ни слова больше. Король идет.

Двери залы отворились. Члены королевского Совета встали, отодвигая стулья. Многие стулья пустовали. Командующий наемными войсками и большинство командиров были при подразделениях в Долине Понтара, в Махакаме и у Яруги. Пустовали также стулья, обычно занятые чародеями. Чародеи... «Да, — подумал жрец Виллемер, — местам, которые занимают здесь, при королевском дворе в Вызиме, чародеи, долго оставаться незанятыми. Как знать, не навсегда ли?»

Король Фольтест быстро пересек залу, остановился у трона, но не сел,

только наклонился, оперся руками о сиденье. Он был очень бледен.

— Венгерберг осажден, — тихо произнес король Темерии, — и падет с минуты на минуту. Нильфгаард безостановочно идет на север. Окруженные полки еще бьются, но это уже ничего не изменит. Аэдирн потерян. Король Демавенд бежал в Реданию. Судьба королевы Мэвы неизвестна.

Совет молчал.

— На нашу восточную границу, то есть на устье Долины Понтара, нильфгаардцы выйдут через несколько дней, — продолжал Фольтест так же тихо. — Хагга, последняя крепость Аэдирина, долго не продержится. А Хагга — это уже наша восточная граница. И на нашей южной границе произошло нечто очень скверное. Король Эрвилл из Вердэна присягнул на верность императору Эмгыру. Открыл ворота и сдал крепости в устье Яруги. В Настроге, Розроге и Бодрогге, которые должны были защищать наш фланг, теперь размещены нильфгаардские гарнизоны.

Совет молчал.

— Благодаря этому, — продолжал Фольтест, — Эрвилл сохранил королевский титул, но его сюзереном стал Эмгыр. Так что формально Вердэн все еще королевство, но практически он — нильфгаардская провинция. Вы понимаете, что это означает? Ситуация изменилась на обратную. Вердэнские крепости в устье Яруги — в руках Нильфгаарда. Я не могу приступить к форсированию реки. И не могу ослабить стоящую там армию, формируя корпуса, которым следовало бы вступить в Аэдирн и поддержать армии Демавенда. Я не могу этого сделать. На мне лежит ответственность за страну и подданных.

Совет молчал.

— Император Эмгыр вар Эмрейс, — продолжал король, — предложил мне... заключить пакт. Я принял предложение. Сейчас я изложу вам, в чем суть этого пакта. А вы, выслушав меня, поймете... Признаете, что... Скажете...

Совет молчал.

— Скажете... — закончил Фольтест, — скажете, что я принес вам мир.

— Итак, Фольтест поджал хвост, — буркнул ведьмак, переламывая пальцами очередной пруттик. — Стакнулся с Нильфгаардом. Бросил Аэдирн на произвол судьбы...

— Да, — подтвердил поэт. — Однако ввел войска в Долину Понтара,

обложил и занял крепость Хаггу. А нильфгаардцы не вошли на перевалы Махакама и не пересекли Яругу в Соддене, не напали на Бругге, который после капитуляции и действий Эрвилла взяли в клещи. Несомненно, такова была цена нейтралитета Темерии.

— Цири была права, — прошептал ведьмак. — Нейтралитет... Нейтралитет, как правило, бывает подлым.

— Что?

— Ничего. А Каэдвен, Лютик? Почему Хенсельт из Каэдвена не поддержал Демавенда и Мэву? Ведь у них был союз, их объединял пакт. А если даже Хенсельт по примеру Фольтеста наплевал на подписи и печати на документах и пустил по ветру королевское слово, то, надо думать, не по дурости? Разве он не понимает, что после падения Аэдирна и пакта Нильфгаарда с Темерией придет его черед, что он — следующий в нильфгаардском списке? Ведь ясно же, что Каэдвен должен поддержать Демавенда. В мире уже нет ни веры, ни правды, но ум-то, надо думать, еще остался? А, Лютик? Есть еще в мире ум? Или остались лишь подлость и презрение?

Лютик отвернулся. Зеленые фонарики были близко, окружали их плотным кольцом. Он не заметил этого раньше, но теперь понял: дриады прислушивались к его рассказу.

— Молчишь, — сказал Геральт. — Значит, Цири была права. Значит, Кодрингер был прав. Значит, все были правы. Только один я, наивный, анахроничный и глупый ведьмак, был не прав.

Сотник Дигот по прозвищу «Полгарнец» откинул полотно палатки, вошел, тяжело сопя и зло ворча. Десятники повскакивали с мест, приняв армейскую стойку и нагнав на лица подходящие случаю выражения. Зывик ловко накинул кожушок на стоящий между седлами бочонок водки, прежде чем глаза сотника успели привыкнуть к полумраку. Не то чтобы Дигот был таким уж ярым противником выпивок в лагере, просто надо было спасти бочонок. Прозвище сотника родилось не на пустом месте — все знали, что при соответствующих условиях он был способен лихо и чуть ли не мгновенно выхлебать полгарнца самогона. Казенный солдатский кубок емкостью в кварту сотник опустошал как полквартировку одним махом и редко когда проливал хоть каплю на усы.

— Ну и как, господин сотник? — спросил Бодэ, десятник лучников. —

До чего там договорились благородные командиры? Какие приказы? Переходим границу? Говорите же!

— Щас, — буркнул Полгарнец. — Ну и жарщица, забодай ее комар... Щас все выложу. Только для начала дайте чего напиться, не то глотка высохнет вконец. И не трепитесь, мол, нету, потому как самогоном несет от палатки за версту. И знаю, откедова несет. О, из-под того вон кожушка.

Зывик, бормоча под нос ругательства, добыл бочонок. Десятники сбились в плотную кучку, забренчали чарки и оловянные кружки.

— Аааа! — Сотник отер усы и глаза. — Уууух, крепка, забодай ее... Лей еще, Зывик.

— Ну же, говорите, — поторапливал Бодэ. — Приказы-то какие? Идем на нильфов аль дале будем торчать на границе, словно грачи на заборе?

— Горит вам в драчку, что ль? — Полгарнец надолго раскашлялся, сплюнул, тяжело присел на седло. — Так уж и тянет за рубеж, в Аэдирн? Подпирает, э? Ярые волчишки, ничего не скажешь, клыками так и клацаете.

— А как же, — холодно сказал малыш Сталер, переступая с ноги на ногу. Обе, как у всякого старого кавалериста, были кривыми, как дуги. — А как же, господин сотник. Пяту ночь в обувке спим, в готовности, стало быть. Вот и хотим знать, чего будет-то. То ль битва, то ль обратно в форт.

— За рубеж идем, — кратко сообщил Полгарнец. — Завтра на заре. Пять хоругвей. Бурая — передом. А теперь слушайте, скажу, что нам, сотникам и хорунжим, велели комес и благородный господин маркграф Мансфельд из Ард Каррайга, напрямки от короля прибывши, передать. Наставьте уши, потому как дважды говорить не стану. А приказы те непростые.

В палатке стало тихо.

— Нильфы перешли через Доль Ангру, — сказал сотник. — Прихлопнули Лирию, за четыре дня дошли до Альдерсберга, там после генерального боя разбили армию Демавенда. С марша после неполных шести дней осады предательством взяли Венгерберг. Теперича резко прут на север, теснят войска из Аэдиерна к долине Понтара и к Доль Блатанна. Идут к нам, в Каэдвен. Потому приказ для Бурой Хоругви таков: перейти рубеж и быстро двигаться на юг, прямо к Долине Цветов. За три дни надо нам стать у речки Дыфни. Повторяю, за три дни, стало быть, на рысях идти будем. За речку Дыфню — ни шагу. Ни шагу, повторяю. Вот-вот на том берегу покажутся нильфы. С ними, слушайте как следует, в бой не вступать. Никоим разом, понятно? Даже ежели они где-нить захочут речку перейти, то только показать им, знаки, стало быть, дать, чтобы знали — это мы, каэдвенское войско.

В палатке стало еще тише, хотя казалось, тише уже быть не может.

— Это как же ж так? — бухнул наконец Бодэ. — Нильфгаардцев-то не бить? На войну идем или как? Как же ж так, господин сотник?

— Приказ такой, стало быть. Идем не воевать, только... — Полгарнец почесал шею. — А с братской помощью. Переходим границу, чтобы дать защиту людям из Верхнего Аэдирна... Не, чего я... Не из Аэдирна, а из Нижней Мархии. Так сказал благородный господин маркграф Мансфельд. Так, мол, и так, говорит, Демавенд понес поражение, откинул копыта и лежит, потому как дрянно правил и политикой, стало быть, подтирался. Значит, с ним уже конец и со всем Аэдирном тоже. Наш король Демавенду много грошей одолжил, пришел час возвратить с процентом. Не можем мы также позволить, чтобы наши земки и братья из Нижней Мархии попали к нильфгаардцам в полон. Должны мы их, того, высвободить. Потому как это наши извечные земли, Нижняя, стало быть, Мархия. Когда-то под скипетром Каэдвена земли те были и ноне под тот скипетр возвращаются. Аж по самую речку Дыфню. Такой вот пакт заключил наш милостивый король Хенсельт с Эмгыром из Нильфгаарда. Но пакт пактом, а Бурая Хоругвь должна у реки встать. Понятно?

Никто не ответил. Полгарнец скривился, махнул рукой.

— А, забодай ты комар, ни хрена вы не поняли, вижу. Да и ладно. Потому как и я сам тоже. Для понимания существуют король, графья, комесы и благородные господа. А мы — войско! Наше дело — приказы слушать: дойти до речки Дыфни за три дня, там стать и стоять стеной. И все тут. Плесни, Зывик.

— Господин сотник... — робко начал Зывик. — А чего будет, ежели, к примеру, аэдирнская армия сопротивляться почнет? Дорогу загородит? Ведь с оружием через ихнюю страну идем! Как тогда?

— Ну да, а ежели наши земки и братья, — язвительно подхватил Сталер, — те, которых мы высвободить вроде бы должны... Ежели они примутся из луков бить, камнями кидать? Э?

— Должны мы за три дня стать у Дыфни, — с нажимом сказал Полгарнец. — Не позже. Кто нас захочет задержать, тот, стало быть, неприятель. А неприятеля на мечи поднять надоть. Но внимание и смирно! Слушай приказ! Ни сел, ни халуп не палить, у людей имущество не отбирать, не грабить, баб не трогать! Вбейте себе и солдатам в мозг: кто тот приказ нарушит, пойдет на шибеницу. Комес десяток раз это повторил: идем, забодай ты комар, не с нашествием, а как бы с братской помощью! Ну чего зубы скалишь, Сталер? Приказ! А теперь бегом в десятки, поднять всех на ноги, кони и снаряжение должны гореть, как в полнолуние! Перед

ужином все хоругви выстроить, сам комес будет проверять с хорунжими. Ежели за какую-нить десятку стыду наберуся, попомнит меня десятник, ой, попомнит! Выполнять!

Зывик вышел из палатки последним. Щуря ослепшие от солнца глаза, поглядел на царящий в лагере балаган. Десятники спешили к своим подразделениям, сотники бегали и лаялись, корнеты, зная и пажи путались под ногами. Латники из Бан Арда носились по полю, вздымая тучи пыли. Жарища была страшная.

Зывик пошел быстрее. Миновал четырех прибывших вчера скальдов из Ард Каррайга, сидевших в тени богато разукрашенного шатра маркграфа. Скальды занимались тем, что загодя слагали балладу о победоносной войсковой операции, о гениальности короля, расторопности командиров и мужестве простого солдата. Как обычно, делали это авансом перед операцией, чтобы не терять попусту времени.

— Ох, встречали нас братушки да хле-ебом-солью... — начал на пробу один из скальдов. — Избавителей встречали да хле-ебом-солью... Эй, Графнир, подкинь-ка какую-нибудь рифму к «соли». Новую. Неизбитую.

Другой скальд подкинул рифму. Зывик не расслышал какую. То ли «фасоль», то ли «антресоль».

Расположившиеся среди верб у пруда десять солдат вскочили, увидев своего командира.

— Собирайсь! — рявкнул Зывик, останавливаясь достаточно далеко, чтобы источаемый им перегар не повлиял на морально-боевой уровень подчиненных. — Прежде чем солнце на четыре пальца подымет, все на смотр! Все должно блестеть, как энто самое солнце, оружие, амуниция, конь тожить! Будет маршировка, ежели из-за кого перед сотником стыду наберуся, ноги тому сукин-сыну повыдергиваю! Живо!

— В бой идем! — догадался конник Краска, быстренько запихивая рубашку в брюки. — В бой идем, господин десятник?

— А ты че думал? На пляски по случаю начала жатвы? Или как? Рубеж переходим. Завтра на заре двинется вся Бурая Хоругвь. Сотник не сказал, в каком строю, но токмо наша десятка передом пойдет, как завсегда. Ну живее, подымайте жопы-то! Кру-у-гом! Скажу сразу, потому как опосля времени верняком не достанет. Никакая это не будет обнаковенная бойня, парни. Какую-то дурь надумали благородные, мать их так. Какое-то вызволение, или как там ее. Не идем ворога колотить, а на эти, ну на наши изувечные, не — извечные земли, с этой, ну как ее, братской помощью. А теперя смирно! Чего скажу-то: людишек из Аэдирна не трогать, не грабить...

— Это как же так? — раскрыл рот Краска. — Как же так-то — не грабить? А чем коней кормить, господин десятник?

— Фураж для коней грабить, боле ничего. Но людишек не сечь, халуп не палить, посевов не травить... Закрой пасть, Краска! Это тебе не вече, это войско, мать вашу так! Приказы слушать, иначе на шибеницу! Сказал: не убивать, не палить, баб... — Зывик осекся, задумался и dokonчил после минутного раздумья: — Баб трахать без шуму и штоб никто не видел.

— На мосту через реку Дыфню, — dokonчил Лютик, — они обменялись рукопожатиями. Маркграф Мансфельд из Ард Каррайга и Мэнно Коегоорн, главнокомандующий нильфгаардскими войсками из Доля Ангры. Пожали друг другу руки над кровоточащим, догорающим королевством Аэдирн, закрепляя тем самым бандитский раздел добычи. Самый отвратный из жестов, какие только знала история.

Геральт молчал.

— Раз уж мы остановились на отвратности, — немного погодя сказал он неожиданно спокойно, — то что с чародеями, Лютик? Я имею в виду тех, что из Капитула и Совета?

— С Демавендом не остался ни один, — начал поэт. — А Фольтест всех, кто ему служил, вытурил из Темерии. Филиппа — в Третогоре, помогает королеве Гедвиге наводить порядок в том бардаке, который все еще царит в Редании. С ней Трисс и еще трое, имен не помню. Несколько в Каэдвене. Многие сбежали в Ковир и Хенгфорс. Предпочли нейтралитет, потому что Эстерад Тиссен и Недамир, как ты знаешь, нейтралитет сохраняли и сохраняют.

— Знаю. А как Вильгефорц? И те, кто при нем?

— Вильгефорц исчез. Предполагалось, что он вынырнет в захваченном Аэдирне в качестве наместника Эмгыра... Но от него ни слуху ни духу. От него и всех его поделщиков. Кроме...

— Говори, Лютик.

— Кроме одной чародейки, которая стала королевой.

Филавандрель аэп Фидаиль молча ожидал ответа. Королева,

заглядевшись в окно, тоже молчала. Окно выходило в сады, еще недавно бывшие гордостью и красой властелина Доль Блатанна, наместника тирана из Венгерберга. Убегая от Вольных Эльфов, идущих в авангарде войск императора Эмгыра, наместник-человек успел вывезти из древнего дворца эльфов большую часть ценных вещей, даже часть мебели. Но садов забрать не мог. Он их уничтожил.

— Нет, Филавандрель, — сказала наконец королева. — Еще рано, еще очень рано. Не надо мечтать о расширении наших границ, пока мы не знаем даже, где они точно проходят. Хенсельт из Каэдвена и не думает соблюдать договор и убираться с Дыфни. Шпионы доносят, что он отнюдь не отказался от мысли о нападении. Он может ударить в любой момент.

— Значит, мы не добились ничего.

Королева медленно протянула руку. Бабочка аполлон, влетевшая в окно, уселась на ее кружевной манжет, сложила и раскрыла заканчивающиеся остриями крылышки.

— Мы добились больше, — сказала королева тихо, чтобы не спугнуть бабочку, — чем могли ожидать. Спустя сто лет мы наконец получили обратно нашу Долину Цветов...

— Я бы не называл ее так, — грустно улыбнулся Филавандрель. — После того как здесь прошли войска, она скорее Долина Пепла.

— Мы снова получили свою собственную страну, — закончила королева, глядя на бабочку. — Мы снова — Народ, не изгнанники. А пепел удобряет. Весной Долина Цветов расцветет вновь.

— Этого слишком мало, Маргаритка. Все еще слишком мало. Мы сбавили тон. Еще недавно мы похвалялись, что столкнем людей в море, с которого они прибыли. А теперь сузили наши границы и амбиции до Доль Блатанна...

— Эмгыр Деитвен подарил нам Доль Блатанна. Чего ты от меня хочешь, Филавандрель? Требовать большего? Не забывай, что, даже принимая дары, следует соблюдать умеренность. Особенно это относится к дарам Эмгыра, ибо Эмгыр ничего не дает даром. Земли, которые он нам даровал, мы должны удерживать. А наших сил едва хватит, чтобы удерживать Доль Блатанна.

— Вернем бригады из Темерии, Редании и Каэдвена, — предложил белоголовый эльф. — Вернем всех скоя'таэлей, борющихся с людьми. Теперь ты королева, Энид, они выполняют твой приказ. Сейчас, когда у нас наконец-то есть собственный клочок земли, их борьба потеряла смысл. Теперь их обязанность — вернуться и защищать Долину Цветов. Пусть сражаются как вольный народ, обороняя свои границы. А они гибнут как

разбойники по лесам!

Эльфка опустила голову.

— Эмгыр на это не согласен, — шепнула она. — Бригады должны продолжать борьбу.

— Зачем? Во имя чего? — Филавандрель аэп Фидаиль резко выпрямился.

— Я скажу больше. Мы не имеем права поддерживать их и помогать. Таково условие Фольтеста и Хенсельта. Темерия и Каэдвен признают нашу власть над Доль Блатанна только в том случае, если мы официально осудим борьбу «белок» и отречемся от них.

— Дети умирают, Маргаритка. Умирают ежедневно, гибнут в неравной борьбе. После тайных договоров с Эмгыром люди накинута на бригады и уничтожат их. Это наши дети, наше будущее! Наша кровь! А ты заявляешь, что мы должны от них отречься! Que'ss aen me dicette, Enid? Vorsaeke'llan? Aen vaine?

Бабочка взлетела, затрепыхала крылышками, устремила к окну, закружилась, подхваченная потоками горячего воздуха. Франческа Финдабаир, именуемая Энид ан Глеанна, некогда чародейка, а отныне королева Aen Seidhe, Вольных Эльфов, подняла голову. В ее прекрасных голубых глазах стояли слезы.

— Бригады, — повторила она глухо, — должны продолжать борьбу. Нарушать порядок в человеческих королевствах, затруднять военные приготовления. Таков приказ Эмгыра, а я не могу противиться Эмгыру. Прости меня, Филавандрель.

Филавандрель аэп Фидаиль взглянул на нее и низко поклонился.

— Я-то прощаю, Энид. Но вот простят ли они?

— И ни один чародей не продумал все случившееся заново? Даже после того как Нильфгаард убивал и жег все и вся в Аэдирне, ни один из них не бросил Вильгефорца, не присоединился к Филиппе?

— Ни один.

Геральт молчал долго. Наконец очень тихо сказал:

— Не верю. Не верю, чтобы никто не отрекся от Вильгефорца, когда истинные причины и последствия его предательства вылезли наружу. Я, как всем известно, наивный, неразумный и анахроничный ведьмак. Но я по-прежнему не верю, чтобы ни у одного чародея не проснулась совесть.

Тиссая де Врие поставила тщательно отработанную, замысловатую подпись под последней фразой письма. Подумав, добавила рядом идеограмму, означающую ее истинное имя. Имя, которого никто не знал. Имя, которым она не пользовалась очень-очень давно. С тех пор как стала чародейкой.

«Жаворонок».

Отложила перо. Старательно, ровненько, точно поперек исписанного листа пергамента. Долго сидела неподвижно, уставившись в красный шар заходящего солнца. Потом встала. Подошла к окну. Какое-то время глядела на крыши домов. Домов, в которых в это время укладывались спать обычные люди, утомленные своей обычной человеческой жизнью и трудами, полные обычного человеческого беспокойства о судьбах, о завтрашнем дне. Чародейка взглянула на лежащее на столе письмо. Письмо было адресовано обычным людям. То, что большинство обычных людей не умело читать, значения не имело.

Остановилась перед зеркалом. Взбила волосы. Стряхнула с буфов рукава несуществующую пылинку. Поправила на декольте ожерелье из шпинели.

Подсвечники у зеркала стояли неровно. Видимо, служанка трогала их и переставляла во время уборки.

Служанка. Обычная женщина. Обычный человек с глазами, полными страха перед наступающим. Обычный человек, затерявшийся в полотнищах времён презрения. Обычный человек, пытающийся обрести надежду и уверенность в завтрашнем дне в ее, чародейки, словах...

Обычный человек, доверие которого она не оправдала.

С улицы донеслись звуки шагов, стук тяжелых солдатских сапог. Тиссая де Врие даже не вздрогнула, не повернула головы. Ей было безразлично, чьи это шаги. Королевского солдата? Прево с приказом арестовать предательницу? Наемного убийцы? Палача, подосланного Вильгефорцем? Ее это не интересовало.

Шаги утихли в отдалении.

Подсвечники у зеркала стояли неровно. Чародейка подровняла их, поправила салфетку так, чтобы угол оказался точно посередине, симметрично четырехугольным подставкам подсвечников. Сняла с рук золотые браслеты и ровненько положила их на разглаженную салфетку. Глянула критично, но не нашла ни малейшего изъяна. Все лежало ровно,

аккуратно. Как и должно было лежать.

Она отворила ящик комода, вынула из него короткий стилет с костяной ручкой.

Лицо у нее было гордое и неподвижное. Мертвое.

В доме стояла тишина. Такая тишина, что можно было услышать, как на столешницу падают лепестки увядающего тюльпана.

Красное как кровь солнце медленно опустилось на крыши домов. Тиссая де Врие села на стоящее у стола кресло, задула свечи, еще раз поправила лежащее поперек письма перо и перерезала себе вены на обеих руках.

Утомление от полного дня езды и впечатлений дало о себе знать. Лютик проснулся и понял, что заснул, скорее всего, захрапел на полуслове во время рассказа. Пошевелился и чуть не скатился с кучки веток — Геральта уже не было рядом, и он не уравнивал подстилки.

— Так на чем... — Лютик откашлялся, сел. — На чем же я вчера остановился? Ага, на чародеях... Геральт? Где ты?

— Здесь, — отозвался ведьмак, едва различимый в темноте. — Продолжай. Ты собирался сказать об Йеннифэр.

— Послушай. — Поэт точно знал, что о названной персоне не имел ни малейшего намерения упоминать даже мимоходом. — Я, верно, ничего...

— Не ври. Я тебя знаю.

— Если ты меня так хорошо знаешь, — занервничал трубадур, — то на кой ляд добиваешься, чтобы я говорил? Зная меня как фальшивый шелонг, ты должен знать также, почему я промолчал, почему не повторяю дошедших до меня сплетен! Ты должен был бы додуматься, что это за сплетни и почему я хочу тебя от них избавить!

— Que suess's? — Одна из спящих рядом дриад вскочила, разбуженная его возбужденным голосом.

— Прости, — тихо сказал ведьмак. — Ты тоже.

Зеленые фонарики Брокилона уже погасли, лишь немногие еще слабо тлели.

— Геральт, — прервал молчание Лютик. — Ты всегда утверждал, будто стоишь в стороне, будто тебе все едино... Она могла поверить. И верила, когда вместе с Вильгефорцем начала эту игру...

— Довольно, — прервал Геральт. — Ни слова больше. Когда я слышу

слово «игра», мне хочется кого-нибудь убить. Давай свою бритву. Надо же наконец побриться.

— Сейчас? Еще темно...

— Для меня никогда не бывает темно. Я — монстр.

Когда ведьмак вырвал у него из руки кошелек с туалетными принадлежностями и направился к реке, Лютик почувствовал, что сонливость как рукой сняло. Небо уже начинало светлеть. Поэтому он отошел в лес, осторожно проходя мимо спящих, прижавшихся друг к другу дриад.

— Ты к этому причастен?

Он вздрогнул и обернулся. У опирающейся о ствол дриады волосы серебрились, это было видно даже в утреннем полумраке.

— Отвратительная картинка, — сказала она, скрещивая руки на груди. — Человек, который все потерял. Знаешь, певун, это любопытно. В свое время мне казалось, что всего потерять нельзя, что всегда что-то да остается. Всегда. Даже во времена презрения, когда наивность может отыграться самым чудовищным образом, нельзя потерять все. А он... Он потерял несколько кварт крови, возможность нормально ходить, частично власть над левой рукой, ведьмачий меч, любимую женщину, чудом найденную дочь, веру... Но, подумала я, но ведь что-то должно было у него остаться? Я ошибалась. У него уже нет ничего... Даже бритвы.

Лютик молчал. Дриада не шелохнулась.

— Я спросила, ты причастен к этому? — продолжила она после недолгого молчания. — Но, видимо, спросила напрасно. Конечно, причастен. Ты же его друг. А если у тебя есть друзья и все-таки ты все теряешь, значит, виноваты друзья. В том, что сделали, и в том, чего не сделали. В том, что не знали, что следует сделать.

— А что я мог? — шепнул он. — Что я мог сделать?

— Не знаю.

— Я сказал ему не все...

— Это так.

— Я ни в чем не виноват.

— Виноват.

— Нет! Нет! Я не...

Он вскочил, раскидывая ветки лежанки. Геральт сидел рядом, растирая лицо. От него шел аромат мыла.

— Не виноват? — холодно спросил он. — Интересно, что тебе приснилось? Что ты — лягушка? Успокойся. Ты не лягушка. Что ты — олух? Ну в таком случае это мог быть провидческий сон.

Лютик оглянулся. Они были на поляне совершенно одни.

— Где она... Где они все?

— На опушке. Собирайся. Тебе пора.

— Геральт, я только что разговаривал с дриадой. Она говорила на всеобщем без всякого акцента и сказала мне...

— Ни одна из этой группы не говорит на всеобщем без акцента. Тебе приснилось, Лютик. Это Брокилон. Тут многое может присниться.

На опушке их ожидала одинокая дриада. Лютик узнал ее сразу — это была та, с зеленоватыми волосами, которая ночью приносила им свет и уговаривала его спеть еще. Дриада подняла правую руку, приказывая остановиться. Левой она держала лук со стрелой на тетиве. Ведьмак крепко сжал трубадуру руку.

— Что-то случилось? — шепнул Лютик.

— Да. Стой тихо, не шевелись.

Плотный туман, заполняющий пойму Ленточки, заглушал голоса и звуки, но не настолько, чтобы Лютик не услышал плеск воды и похрапывание лошадей. Реку переходили конные.

— Эльфы, — догадался он. — Скоя'таэли? Бегут в Брокилон, верно? Целая бригада...

— Нет, — проворчал Геральт, всматриваясь в туман. Поэт знал, что зрение и слух ведьмака невероятно чувствительны, но не мог угадать, оценивает ли он сейчас слухом или же зрением. — Не бригада. То, что осталось от бригады. Пятеро или шестеро конных, три лошади без седоков. Стой здесь, Лютик. Я иду туда.

— Gar'ean, — предостерегла зеленоволосая дриада, поднимая лук. — N'te va, Gwynbleidd! Ki'rin!

— Thaess aep, Fauve, — неожиданно резко ответил ведьмак. — M'aespar que va'en ell'ea? Пожалуйста, стреляй. А если нет, то замолчи и не думай меня запугать, потому что меня запугать нельзя. Я должен поговорить с Мильвой Барринг и поговорю, независимо от того, нравится тебе это или нет. Останься, Лютик.

Дриада опустила голову. Лук тоже.

Из тумана проступили девять лошадей, и Лютик увидел, что действительно только на шести из них сидели наездники. Заметил он и фигурки дриад, появившихся из зарослей и направлявшихся навстречу,

заметил, что трем наездникам пришлось помогать слезть с лошадей и поддержать, чтобы они могли дойти до спасительных деревьев Брокилона. Другие дриады, словно привидения, промчались по бурелому и береговому откосу и исчезли во мгле, затягивающей Ленточку. С противоположного берега раздался крик, ржание, плеск воды. Поэту почудилось, что он слышит свист стрел. Впрочем, уверен он не был.

— За ними гнались... — проворчал он.

Фаувэ повернулась, держа руку на луке седла.

— Ты петъ такая песня, taedh, — проворчала она. — N'te ch'aent a'minne, не о Эттариэль. Любить — нет. Время — нет любить. Теперь время — убивать, да. Такая песня — да!

— Я, — пробормотал он, — не виноват в том, что творится...

Дриада минуту помолчала, глядя в сторону, потом быстро проговорила:

— Я — нет тоже. — И быстро скрылась в чаще.

Ведьмак вернулся примерно через час. Привел двух оседланных лошадей — Пегаса и гнедую кобылу. На чепраке кобылы видны были следы крови.

— Это лошадь эльфов, верно? Тех, что перешли реку?

— Да, — ответил Геральт. Лицо и голос у него были чужие и незнакомые. — Это кобыла эльфов. Однако временно она послужит мне. А представится случай — обменяю на коня, который умеет нести раненого, а если раненый упадет, останется рядом с ним. Кобылу этому явно не научили.

— Уезжаем?

— Уезжаешь ты. — Ведьмак кинул поэту поводья Пегаса. — Ну бывай, Лютик. Дриады проводят тебя версты три вверх по течению, чтобы ты не налетел на солдат из Бругге, которые, вероятно, все еще крутятся на том берегу.

— А ты? Остаешься?

— Нет. Не остаюсь.

— Узнал что-то от «белок»? О Цири, да?

— Бывай, Лютик.

— Геральт... Послушай...

— Что мне слушать? — крикнул ведьмак и вдруг осекся. — Ведь я ее... Я же не могу оставить ее на произвол судьбы. Она совсем одна. Ей нельзя быть одной, Лютик. Ты этого не поймешь. Никто этого не поймет, но я-то знаю. Если она будет одинока, с ней случится то же, что когда-то... Что когда-то случилось со мной... Ты этого не поймешь...

— Я понимаю. И поэтому еду с тобой.
— Да ты спятил! Знаешь, куда я еду?
— Знаю. Геральт, я... Я не сказал тебе всего... Я чувствую свою вину. Я не сделал ничего. Не знал, как следует поступить... Но теперь знаю. Я хочу поехать с тобой. Сопровождать тебя. Я не сказал тебе... о Цири, о слухах, которые кружат. Я встретил знакомых из Ковира, а те, в свою очередь, слышали сообщения послов, которые вернулись из Нильфгаарда... Догадываюсь, что эти слухи могли дойти даже до «белок», и ты уже все узнал от тех эльфов, которые перешли через Ленточку. Но позволь... мне... мне самому рассказать тебе...

Ведьмак долго молчал, безвольно опустив руки, наконец сказал изменившимся голосом:

— Прыгай в седло. Расскажешь по дороге.

В то утро во дворце Лок Грим, летней резиденции императора, царило необычное оживление. Тем более необычное, что всякие оживления, возбуждения и волнения были абсолютно не в обычаях нильфгаардской знати, а проявление беспокойства либо любопытства считалось признаком незрелости. Такое поведение нильфгаардскими вельможами почиталось столь предосудительным и недостойным, что выказывать оживление или возбуждение стыдилась даже недозрелая молодежь, от которой, кстати, мало кто ожидал приличного поведения.

Однако в то утро в Лок Гриме молодежи не было. Молодежи нечего было искать в Лок Гриме. Гигантскую тронную залу дворца заполняли серьезные и строгие аристократы, рыцари и дворяне, все как на подбор затянутые в черную придворную одежду, оживляемую лишь белизной брыжей и манжет. Мужчин сопровождали немногочисленные, но столь же серьезные и строгие дамы, которым традиция разрешала освежить чернь одежд минимумом скромной бижутерии. Все прикидывались благопристойными, благовоспитанными, серьезными и строгими. А меж тем были невероятно возбуждены.

— Говорят, она некрасива. Худа и некрасива.
— Но вроде бы королевских кровей.
— От незаконного брака?
— Отнюдь. Легального.
— Стало быть, взойдет на трон?

- Если император пожелает...
- Разрази меня гром, вы только гляньте на Ардаля аэп Даги и князя де Ветта... Ну и физии... Словно укуса наглotalись...
- Тише, граф... Тебя удивляют их мины? Если слухи подтвердятся, Эмгыр даст пощечину древним родам. Унизит их...
- Слухи не подтвердятся. Император не женится на этой найде! Он не может так поступить...
- Эмгыр может все. Следите за словами, барон. Следите за тем, что говорите. Бывали уже такие, кто утверждал, будто Эмгыр не может того, сего. Кончали на эшафоте.
- Говорят, он уже подписал декрет о пожаловании ей земель. Триста гривен ренты, представляете себе?
- И титул принцессы. Кто-нибудь из вас ее уже видел?
- Как только она прибыла, ее тут же отдали в руки графини Лиддерталь, а вокруг дома поставили гвардейцев.
- Ее поручили графине, чтобы та научила девчонку хотя бы началам хороших манер. Говорят, ваша принцесса ведет себя как девка из коровника...
- И что странного? Она с севера, из варварской Цинтры.
- Тем невероятнее слухи о браке Эмгыра. Нет, нет, это абсолютно невозможно. Император, как и планировалось, возьмет в жены младшую дочь де Ветта. Он не женится на узурпаторке!
- А пора бы уж наконец жениться. Ради продолжения династии. Самое время завести маленького великого князя...
- Так пусть женится, только не на этой бродяге!
- Тише, без экзальтации! Ручаюсь, милостивые государи, этому союзу не бывать. Какая цель может быть у такого марьяжа?
- Политика, граф. Мы ведем войну. Такой союз имел бы политическое и стратегическое значение... Династия, из которой происходит принцесса, имеет законные титулы и подтвержденные ленные права на земли в Долине Ярры. Если она станет супругой императора... О, это был бы удачный шаг. Только взгляните на послов короля Эстерада, как они шепчутся...
- Похоже, князь, вы одобряете столь странное поведение? А может, даже и присоветовали его Эмгыру, а?
- Мое личное дело, маркграф, что я советую и одобряю, а что нет. А решения императора я не рекомендовал бы вам подвергать сомнению.
- Стало быть, он уже принял решение?
- Не думаю.

— Значит, ошибаетесь, если не думаете.

— Что вы этим хотите сказать, милостивая государыня?

— То, что Эмгыр удалил от дворца баронессу Тарнханн. Приказал ей вернуться к мужу.

— Порвал с Дервлей Трыффин Бруаннэ? Не может быть! Дервля была его фавориткой три года...

— Повторяю: удалил со двора.

— Это правда. Говорят, Золотоволосая Дервля страшно скандалила. Четверо гвардейцев силой заталкивали ее в карету...

— Вот муж обрадуется...

— Сомневаюсь.

— Великое Солнце! Эмгыр порвал с Дервлей? Порвал с ней ради этой найды? Дикарки с севера?

— Тише... Тише, черт побери...

— Кто за этим стоит? Какая партия поддерживает?

— Я же просила тише. На нас смотрят...

— Эта девка... Я хотел сказать, принцесса... Кажется, некрасива... Когда император ее увидит...

— Думаете, он ее еще не видел?

— Некогда было. Он только час назад прибыл из Дарн Руаха.

— Эмгыру никогда не нравились тощие. Айна Дермотт... Клара аэп Гвиндолин Гор... А Дервля Трыффин Бруаннэ — это же писаная красавица...

— Может, и найда со временем похорошеет...

— Если ее отмыть. Княжны с севера, кажется, моются редко...

— Следите за словами. Возможно, мы говорим о будущей супруге императора...

— Она же еще ребенок. Ей не больше четырнадцати.

— Повторяю, это будет политический союз... Чисто формальный...

— Если б так, Золотоволосая Дервля осталась бы при дворе.

— Найда из Цинтры политически и формально уселась бы на трон рядом с Эмгыром... А по вечерам Эмгыр давал бы ей забавляться тиарой и играть коронными драгоценностями, а сам шел бы в опочивальню Дервли... По крайней мере до того времени, пока соплячка не достигнет того возраста, когда уже можно безопасно рожать.

— Хм... Да... В этом что-то есть. Как ее зовут... эту «принцессу»?

— Ксерелла или как-то так.

— Да нет же. Зирилла. Да, кажется, Зирилла.

— Варварское имечко.

— Тише, дьявольщина...
— И серьезнее. Вы ведете себя как дети!
— Следите за словами! Следите за тем, чтобы я не почел их за оскорбление!

— Желаете сатисфакции? Вы знаете, где меня искать, маркграф!

— Тише! Спокойнее! Достойнее! Император...

Герольду достаточно было одного удара жезлом о паркет, чтобы украшенные черными беретами головы аристократов и рыцарей склонились словно колосья под порывом ветра. В тронной зале повисла тишина, такая, что герольду не потребовалось чрезмерно напрягать голосовые связки.

— Эмгыр вар Эмрейс, Деитвен Аддан ын Карн аэп Морвудд!

Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов, ступил в залу. Прошел вдоль рядов зная своим обычным быстрым шагом, энергично размахивая правой рукой. Его черная одежда ничем не отличалась от одежд дворян, разве что отсутствием брыжей. Темные волосы императора, как всегда, не уложенные в прическу, удерживало в относительном порядке узкое золотое кольцо, на шее поблескивала императорская цепь.

Эмгыр довольно небрежно присел на трон, стоящий на возвышении, уперся рукой в подлокотник, а подбородок положил на ладонь. На другой подлокотник трона ногу не забросил, а это означало, что соблюдение церемониала по-прежнему обязательно. Ни одна из склоненных голов не приподнялась ни на вершок.

Император громко, не меняя позы, кашлянул. Придворные перевели дыхание и выпрямились. Герольд снова ударил жезлом по паркету.

— Цирилла Фиона Элен Рианнон, королева Цинтры, княжна Бругге и Соддена, наследница Инис Ард Скеллиг и Инис Ан Скеллиг, сюзеренка Аттре и Абб Ярра!

Глаза присутствующих обратились к дверям, в которых стояла высокая и преисполненная достоинства Стелла Конгрев, графиня Лиддерталь. Рядом с графиней шла носительница всех только что перечисленных весьма внушительных титулов. Худенькая, светловолосая, невероятно бледная, сутуловатая, в длинном белом платье. В платье, в котором она чувствовала себя явно неуютно и скверно.

Эмгыр Деитвен выпрямился на троне, а дворяне незамедлительно согнулись в поклонах. Стелла Конгрев незаметно подтолкнула светловолосую девочку. Обе они шествовали вдоль шеренги аристократов, представителей первых семей Нильфгаарда. Девочка семенила неуверенно и как бы ооченев. «Сейчас споткнется», — подумала графиня.

Цирилла Фиона Элен Рианнон споткнулась.

«Неловкая и тощая, — подумала графиня, приближаясь к трону. — Неловкая и в придачу недоразвитая. Но я сделаю из нее красотку. Сделаю из нее королеву, как приказал ты, Эмгыр».

Белое Пламя Нильфгаарда рассматривал их с высот своего трона. Как всегда, глаза его были слегка прищурены, на губах блуждала едва заметная насмешливая улыбка.

Королева Цинтры споткнулась снова. Император уперся локтем в подлокотник трона, коснулся рукой щеки. Улыбнулся. Стелла Конгрев была уже достаточно близко, чтобы разгадать его улыбку. И обмерла от ужаса. «Что-то не так, — испуганно подумала она. — Что-то не так. Полетят головы. Ох, Великое Солнце, полетят...»

Она быстро взяла себя в руки, поклонилась, заставив сделать книксен и девочку.

Эмгыр вар Эмрейс не поднялся с трона. Но слегка наклонил голову. Придворные затаили дыхание.

— Королева, — проговорил Эмгыр. Девочка съежилась. Император не глядел на нее. Он глядел на собравшихся в зале. — Королева, — повторил он. — Я рад возможности приветствовать тебя в моем дворце и в моем государстве. Ручаюсь словом императора, что близок тот день, когда все принадлежащие тебе по праву титулы вернутся к тебе вместе с землями, которыми ты законно, легально и неоспоримо владеешь. Узурпаторы, хозяйничающие в твоих владениях, развязали против меня войну. Они напали на меня, заявив при этом, будто защищают твои права и власть. Так пусть же весь мир знает, что ко мне, а не к ним ты обращаешься за помощью. Так пусть же весь мир знает, что здесь, в моем государстве, ты обретешь вновь надлежащие сюзерену почести и королевское имя, в то время как для моих врагов ты была лишь изгнанницей. Так пусть же весь мир знает, что в моем государстве ты в безопасности, в то время как мои враги не только отказывали тебе в короне, но и пытались подвергнуть опасности твою жизнь.

Взгляд императора Нильфгаарда остановился на послых Эстерада Тиссена, владыки Ковира, и на посланниках Недамира, короля Лиги из Хенгфорса.

— Пусть правду узнает весь мир, в том числе и короли, которые делали вид, будто не ведают, на чьей стороне истина и справедливость. И пусть весь мир узнает, что помощь тебе будет оказана. Твои и мои враги будут повергнуты. В Цинтре, в Соддене и Бругге, в Аттре, на Островах Скеллиге и в устье Ярры вновь воцарится мир, а ты, к радости и ликованию

твоих земляков и всех почитающих справедливость людей, обретишь трон.

Девочка в белом платье опустила голову еще ниже.

— А пока этого не случилось, — продолжал Эмгыр, — в моем государстве будут относиться к тебе с подобающим почтением я и все мои подданные. А поскольку в твоём королевстве все еще полыхает пожар войны, в доказательство почтения, уважения и дружбы Нильфгаарда дарую тебе титул принцессы Рована и Имлака, госпожи замка Дарн Рован, куда ты сейчас отбудешь, дабы ожидать там наступления спокойных и счастливых времен.

Стелла Конгрев сдержалась и не позволила появиться на лице хотя бы признаку удивления. «Он не оставит ее при себе, — подумала она, — отошлет в Дарн Рован, на край света, туда, где сам не бывает никогда. Он явно не намерен свататься к этой девочке и не думает о скором браке. Он явно не желает ее даже видеть. Тогда почему же освободился от Дервли? В чем тут дело?»

Она встрепенулась, быстро схватила принцессу за руку. Аудиенция была окончена. Когда они выходили из залы, император на них не смотрел. Придворные кланялись.

Дождавшись, пока они выйдут, Эмгыр вар Эмрейс закинул ногу на подлокотник трона.

— Кеаллах, — сказал он. — Ко мне!

Сенешаль остановился на положенном по церемониалу расстоянии, согнулся в поклоне.

— Ближе, — сказал Эмгыр. — Подойди ближе, Кеаллах. Я буду говорить тихо. И то, что скажу, предназначено исключительно для твоих ушей.

— Ваше величество...

— Что еще предусмотрено на сегодня?

— Прием верительных грамот и вручение экзекватуры послу короля Эстерада из Ковира, — быстро доложил сенешаль. — Назначение наместников, префектов и палатинов в новые провинции и палатинаты. Утверждение графского титула и земельного надела...

— Послу вручим экзекватуру и примем его на приватной аудиенции. Остальное — на завтра.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Скажи Скллену и виконту Эиддону, чтобы сразу после аудиенции явились в библиотеку. Тайно. Ты тоже. И приведи вашего главного мага, ворожея... как там его?

— Ксартисиус, ваше величество. Он живет в башне за городом...

— Его жилищные условия меня не интересуют. Пошлешь за ним, пусть доставят в мои покои. Тихо, без шума, секретно.

— Ваше величество... Разумно ли, чтобы астролог...

— Я приказал, Кеаллах.

— Слушаюсь.

Не прошло и трех часов, как все названные встретились в императорской библиотеке. Ваттье де Ридо, виконта Эиддона, вызов не удивил. Ваттье руководил военной разведкой. Эмгыр вызывал его очень часто — шла война. Не удивил вызов и Стефана Скеллена по прозвищу «Филин», исполняющего при императоре обязанности коронера, специалиста по особым заданиям и спецслужбам. Филина никогда ничто не удивляло.

А вот третий из вызванных был невероятно удивлен. Тем более что именно к нему-то император обратился прежде всего:

— Мэтр Ксартисиус.

— Ваше императорское величество?

— Мне необходимо знать местонахождение некоей особы. Особы, пропавшей без вести либо кем-то укрываемой. Возможно, она находится в узилище. Чародеи, которым я уже однажды это поручал, не оправдали надежд. Возьмешься?

— На каком расстоянии находится... может находится эта особа?

— Если б я знал, мне не потребовались бы ворожба и твои услуги.

— Прошу простить, ваше императорское величество, — икнув, пробормотал астролог. — Дело в том, что большое расстояние затрудняет астромантию. Практически... исключает... Хм, хм... А ежели на эту особу распространяется магическая протекция... Я могу попробовать, но...

— Короче, мэтр.

— Мне необходимо время... И компоненты для заклинаний... Если конъюнкция звезд будет удачной, то... Хм... хм... Ваше императорское величество, то, о чем вы просите, дело очень сложное... Мне необходимо время...

«Еще минута — и Эмгыр велит посадить его на кол, — подумал Филин. — Если чародей не перестанет бормотать...»

— Мэтр Ксартисиус, — неожиданно любезно, даже мягко прервал император, — ты получишь все необходимое. В том числе и время. В границах разумного.

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверил астролог. — Но смогу установить лишь приблизительное расположение... То есть район или радиус...

— Что?

— Астромантия... — пробормотал Ксартисиус. — При больших расстояниях астромантия позволяет только приблизительно локализовать. Очень приблизительно, с большим допуском. Так сказать, разбросом. Поверьте, ваше императорское величество, я действительно не знаю, смогу ли...

— Сможешь, мэтр, сможешь, — процедил император, а его темные глаза зловеще сверкнули. — Я абсолютно уверен в твоих способностях. А что касается допуска и разброса, то чем больше будут твои... допуски, тем меньше моя... терпимость.

— Мне необходимо знать точную дату рождения названной особы, — поежившись, пробормотал астролог. — По возможности до часа... Весьма полезно было бы получить какой-нибудь предмет, принадлежавший оной особе.

— Волосы, — тихо сказал Эмгыр. — Волосы подойдут?

— О-о-о! — повеселел астролог. — Волосы! Это значительно облегчит... Ах, если б еще получить кал либо мочу...

Глаза Эмгыра опасно прищурились, а маг скусился и переломился пополам в низком поклоне.

— Покорнейше прошу простить, ваше императорское величество... — заикаясь, пробормотал он. — Прошу простить... Я понимаю... Да, волос будет вполне достаточно... Совершенно достаточно... Абсолютно достаточно... Когда можно будет их получить?

— Их доставят тебе сегодня же одновременно с датой рождения. Я тебя не задерживаю, мэтр. Отправляйся в свою башню и начинай следить за созвездиями.

— Да будет с вашим императорским величеством Великое Солнце...

— Хорошо, хорошо. Можешь идти.

«Теперь наша очередь, — подумал Филин. — Интересно, что ждет нас?»

— Каждого, — медленно проговорил император, — кто хоть слово пикнет о том, что сейчас будет сказано, ждет четвертование. Ваттье!

— Слушаю, ваше величество.

— Каким образом к нам попала эта... принцесса? Кто этим занимался?

— От крепости Настрог, — собрал лоб в складки начальник разведки, — ее высочество конвоировали гвардейцы под командованием...

— Не об этом я спрашиваю, черт подери! Как девочка оказалась в Настроге, в Вердэне? Кто доставил ее в крепость? Кто там сейчас начальником? Тот, кто прислал сообщение? Годыврон какой-то?

— Годыврон Пыткаирн, — быстро сказал Ваттье де Ридо, — конечно, был проинформирован о миссии Риенса и графа Кагыра аэп Кеаллаха. Спустя трое суток после событий на острове Танедд в Настрог явились два человека. Точнее — один человек и один эльф-полукровка. Именно они, ссылаясь на указания Риенса и графа Кагыра, передали Годыврону принцессу.

— Так, — усмехнулся император, и Филин почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки. — Вильгефорц ручался, что схватит Цириллу на Танедде. Риенс гарантировал мне то же самое. Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах получил относительно этого четкие указания. И вот в Настрог у реки Ярре, через три дня после аферы на острове, Цириллу привозит не Вильгефорц, Риенс или Кагыр, а человек и полуэльф. Годыврон, конечно, и не подумал арестовать обоих?

— Не подумал. Наказать его за это, ваше величество?

— Нет.

Филин сглотнул. Эмгыр молчал, потирая лоб, огромный бриллиант в его перстне искрился звездой. Через минуту император поднял голову.

— Ваттье.

— Ваше величество?

— Поставишь на ноги всех своих подчиненных. Приказываю схватить Риенса и графа Кагыра. Догадываюсь, что они находятся на территориях, еще не занятых нашими войсками. Для этого используешь скоя'таэлей либо эльфов королевы Энид. Обоих арестованных доставишь в Дарн Руах и подвергнешь пыткам.

— О чем спрашивать, ваше величество? — прищурился Ваттье де Ридо, прикидываясь, будто не видит бледности, покрывшей лицо сенешаля Кеаллаха.

— Ни о чем. Позже, когда они уже немного размякнут, я повыспрашиваю их лично. Скеллен!

— Слушаю, ваше величество.

— Как только этот старый хрыч Ксартисиус... Если этот бормочущий говноман ухитрится определить то, что я приказал ему определить... Тогда организуешь в указанном им районе поиски некоей особы. Описание получишь. Не исключено, что астролог укажет территорию, которая находится под нашей властью, тогда поставишь на ноги всех, отвечающих за эту территорию. Весь гражданский и военный аппарат. Этот вопрос — наипервостепеннейший. Ты понял?

— Так точно. Могу ли я...

— Не можешь. Садись и слушай, Филин. Скорее всего, Ксартисиус не

определит ничего. Особа, которую я приказал ему искать, вероятно, находится не на нашей, а на чужой территории и под магической опекой. Голову дам на отсечение, что она пребывает там же, что и наш таинственно потерявшийся друг, чародей Вильгефорц из Роггевеена. Поэтому, Скеллен, сформируешь и подготовишь специальный отряд, которым будешь командовать лично. Людей подберешь из самых лучших. Они должны быть готовы ко всему... Не верить в приметы и так далее... То есть не бояться магии.

Филин поднял брови.

— Твой отряд, — закончил Эмгыр, — получит задание отыскать и захватить пока что неизвестное мне, но наверняка неплохо замаскированное и хорошо охраняемое укрытие Вильгефорца. Нашего бывшего друга и соратника.

— Понял, — бесстрастно сказал Филин. — У разыскиваемой особы, которую я там скорее всего обнаружу, не может, как я понимаю, волос с головы упасть?

— Правильно понимаешь.

— А у Вильгефорца?

— У Вильгефорца — может. — Император жестко усмехнулся. — У него даже должен упасть раз и навсегда. Вместе с головой. К другим чародеям, обнаруженным в его укрытии, это также относится. Без исключений.

— Понял. Кто займется розыском укрытия Вильгефорца?

— Я же сказал: ты, Филин.

Стефан Скеллен и Ваттье де Ридо переглянулись. Эмгыр откинулся на спинку кресла.

— Все ясно? Итак... В чем дело, Кеаллах?

— Ваше величество, — с трудом проговорил сенешаль, на которого до сих пор никто, казалось, не обращал внимания. — Покорнейше прошу помиловать...

— Никаких помилований предателям. Никакого милосердия к тем, кто противится моей воле.

— Кагыр... Мой сын...

— Твой сын... — Эмгыр прищурился. — Я еще не знаю, в чем провинился твой сын. Хотелось бы верить, что его вина лишь в глупости и нерасторопности, а не в предательстве. Если так, он будет обезглавлен, а не колесован.

— Ваше величество, Кагыр не предатель... Кагыр не мог...

— Достаточно, Кеаллах, ни слова больше! Виновные будут наказаны.

Они пытались меня обмануть, а этого я не прощаю. Ваттье, Скеллен, через час явитесь за подписанными инструкциями, приказами и полномочиями, затем незамедлительно приступайте к выполнению заданий. И еще одно: не надо, думаю, добавлять, что девица, которую вы недавно видели в тронной зале, для всех должна оставаться Цириллой, королевой Цинтры и принцессой Рован. Для всех. Приказываю считать это государственной тайной и вопросом величайшего государственного значения.

Собравшиеся с удивлением взглянули на императора. Деитвен Аддан ын Карн аэп Морвудд слегка улыбнулся.

— Или вы еще не поняли? Вместо настоящей Цириллы из Цинтры мне подсунули какую-то недотепу. Предатели, вероятно, тешили себя надеждой, что я ее не разоблачу. Но я распознаю истинную Цири. Распознаю ее на краю света и во мраке ада.

Глава 6

Великозагадочно то, что единорожец, хотя ж небывало пуглив и любознателен есть, ежели такову девицу повстречает, коя еще со супругом телесно не общалась, незамедля пристанет к оной, преклонит колена и безо всякого страха главу свою ей на подол покладет. Говорят, в минувшие и древние времена такие девицы бывали, кои из способности таковой себе ремесло учиняли. В безбрачии и воздержании томились лета многие, дабы ловчим аки манки на единорожцев служить могли. Однако же вскорости выявилось, что единорожец токмо к младым девицам пристаёт, старшими же пренебрегает. Разумным животным будучи, единорожец безошибочно понимает, что сверх меры в девичестве пребывать — вещь противная натуре и зело подозрительная.

«Physiologus»

Разбудила и привела ее в чувство жара, обжигающая кожу, как раскаленное железо палача.

Она не могла пошевелить головой, что-то ее держало. Она дернулась и вскрикнула от боли, чувствуя, как разрывается кожа на виске. Раскрыла глаза. Камень, на который опиралась голова, был бурым от запекшейся крови. Она ощупала висок, почувствовала под пальцами твердый, потрескавшийся струп. Струп прилип к камню и оторвался, когда она пошевелила головой. Ранка снова начала кровоточить. Цири откашлялась, харкнула, выплюнула песок вместе с густой тягучей слюной. Приподнялась на локтях, села, осмотрелась.

Со всех сторон ее окружала каменистая, красно-серая, иссеченная рывтинами и террасами равнина, кое-где вздыбившаяся кучками камней, огромными валунами либо торчащими из песка скалами странной формы. Высоко над равниной в желтом небе висело огромное раскаленное солнце, искажающее все видимое слепящим огнем и дрожанием воздуха.

«Где я?»

Она осторожно коснулась разбитого, распухшего виска. Больно. Очень

больно. «Видимо, — подумала она, — я не раз перевернулась, здорово проехала по земле». Тут она увидела разорванную, изодранную в клочья одежду и обнаружила новые участки боли — на крестце, на спине, на руке и бедрах. При падении пыль, острые песчинки и гравий забрались всюду — в волосы, в уши, в рот и даже в глаза, которые горели и слезились. Горели ладони и локти, стертые до мяса.

Медленно и осторожно она распрямила ноги и снова застонала, потому что левое колено отозвалось на движение пронизывающей тупой болью. Она ощупала его через неповрежденную кожу брюк, но колено было в норме. При вдохах сильно и злоеюще кололо в боку, а попытка наклониться привела к тому, что она чуть не крикнула от резкой спазмы в нижней части спины. «Ну и побилась же я, — подумала она. — Но вроде ничего не поломала. Если б сломала кости, болело бы сильнее. Я цела. Просто ушиблась. Я смогу встать. И встану».

Медленно, экономными движениями она приняла нужную позу, неловко встала на колени, пытаясь предохранять ушибленное колено. Потом, постанывая, охая и шипя, встала на четвереньки. Прошла вечность, прежде чем ей удалось подняться во весь рост. Однако головокружение тут же подкосило ей ноги, и она сразу тяжело повалилась на камни. Чувствуя подступающую тошноту, повернулась на бок. Раскаленные камни жгли как уголья.

— Не встать, — всхлипнула она. — Не могу... Испекусь на солнце.

В голове билась боль, вредная, непрекращающаяся боль. Каждое движение усиливало ее. Цири замерла. Заслонила голову руками, но жара вскоре стала невыносимой. Хочешь не хочешь, а от нее надо как-то скрыться. Преодолевая обессиливающее сопротивление больного тела, жмурясь от разрывающей виски боли, она на четвереньках поползла к большому камню, который песчаные вихри сделали похожим на странный гриб. Бесформенная головка каменного гриба давала у основания немного тени. Цири свернулась калачиком, кашляя и шмыгая носом.

Лежала она до тех пор, пока передвигающееся по небу солнце вновь не достало ее потоками изливающегося сверху огня. Она переползла на другую сторону камня, но это не помогло. Солнце стояло в зените, каменный гриб практически не давал тени. Она прижала руки к вискам, надеясь унять боль.

Разбудила ее дрожь, сотрясающая все тело. Огненный шар солнца растратил слепящую золотистость. Теперь, повиснув над далекими рваными, зубчатыми скалами, он был оранжевым. Жара чуточку спала.

Цири с трудом села, осмотрелась. Головная боль немного утихла. Она

ощупала голову: жара спалила и высушила струп на виске, превратив его в твердую, скользкую корочку. Однако тело все еще болело, казалось, на нем нет ни одного здорового местечка. Она отхаркнулась, скрипнув песком на зубах, попробовала сплюнуть. Ничего не получилось. Оперлась спиной о камень, все еще источающий тепло. «Наконец-то перестало припекать, — подумала она. — Теперь, когда солнце садится, можно выдержать, а скоро...

Скоро наступит ночь».

Она вздрогнула. «Где я, черт дряхлый, нахожусь? Как отсюда выбраться? И куда? Куда идти? А может, вообще не двигаться с места, ждать, пока найдут? Ведь меня же будут искать. Геральт, Йеннифэр. Не оставят же они меня одну...»

Она снова попыталась сплюнуть, и опять ничего не получилось. И тогда она поняла.

Жажда.

Она помнила. Уже тогда, во время бегства, ее мучила жажда. К луке седла вороного, на которого она забралась, убегая в Башню Чайки, была приторочена деревянная фляжка. Она это помнила точно. Но тогда не смогла ее ни отстегнуть, ни унести. А теперь фляжки не было. Теперь вообще не было ничего. Ничего, кроме острых раскаленных камней, струпа, стягивающего кожу на виске, боли во всем теле и пересохшего горла, которое невозможно смочить, даже проглотив слюну.

«Я не могу здесь оставаться. Я должна идти и отыскать воду. Не найду воды — умру».

Она попробовала подняться, раня пальцы о каменный гриб. Встала. Сделала шаг. И со стоном упала на четвереньки, выгнулась в сухом позыве тошноты. Ее схватили судороги, началось головокружение, настолько сильное, что снова пришлось лечь.

«Я бессильна. И одинока. Опять. Все меня предали, бросили, оставили одну. Как когда-то...»

Цири почувствовала, как горло стискивают невидимые клещи, до боли сводит челюсти, начинают дрожать полопавшиеся губы. «Нет более отвратного зрелища, чем плачущая чародейка», — вспомнила она слова Йеннифэр. «Но ведь... Ведь меня здесь никто не увидит... Никто...»

Свернувшись в клубок под каменным грибом, Цири всхлипнула, разразилась сухим, страшным плачем. Без слез.

Подняв наконец распухшие, непослушные веки, она увидела, что жара еще больше смягчилась, а небо, совсем недавно бывшее желтым, окрасилось в свойственный ему темно-синий цвет, по которому — о

диво! — протянулись тонкие белые нитки облаков. Солнечный диск покраснел, опустился ниже, но все еще лил на пустыню зыбкий, пульсирующий жар. А может, жар источал нагретый камень?

Цири села, отметив, что боль в голове и побитом теле перестала докучать, была сейчас ничем по сравнению с сосущей болью, нарастающей в желудке, и чудовищными, вызывающими постоянный кашель резами в пересохшем горле.

«Не поддаваться, — подумала она. — Мне поддаваться нельзя. Как и в Каэр Морхене, я должна встать, преодолеть, победить, заглушить в себе боль и слабость. Я должна встать и идти. Теперь по крайней мере я знаю направление. Там, где сейчас солнце, — запад. Я должна идти, должна найти воду и что-нибудь съедобное. Я должна. Иначе — погибну. Это — пустыня. Я залетела в пустыню. В Башне Чайки был магический портал, чародейское приспособление, при помощи которого можно переноситься на большие расстояния...»

Портал в Тор Лара был странным порталом. На последнем этаже, на который она вбежала, не было ничего, даже окон, только голые, покрытые плесенью стены. И на одной из стен вдруг разгорелся правильный, опалесцирующий белым светом овал. Она заколебалась, но портал притягивал, призывал ее, прямо-таки умолял войти. Другого выхода не было, только этот светящийся овал. Она зажмурилась и ступила в него.

А потом была слепящая яркость и сумасшедшая круговерть, вихрь, запирающий дыхание и ломающий ребра. Она помнила полет в тишине, холоде и пустоте, потом снова вспышку и... шквал воздуха. Наверху все было голубым, внизу — туманным и серым...

Портал выбросил ее на лету, как орлик выпускает слишком тяжелую для него рыбу. Повалившись на камни, она сразу же потеряла сознание. На сколько времени — она не знала.

«В Храме я читала о порталах, — вспомнила она, вытряхивая песок из волос. — В книгах были упоминания о телепорталах, действующих искаженно либо хаотично, выносящих неведомо куда. Вероятно, портал в Башне Чайки был именно таким. Выкинул меня куда-то на край света. Куда — не знает никто. Никто меня здесь не найдет. Если останусь — умру».

Она встала. Собрав все силы, придерживаясь за камень, сделала первый шаг. Второй, третий.

С первых же шагов поняла, что пряжки правого сапога сорваны, а сползающее голенище затрудняет ходьбу. Она села, на этот раз уже умышленно, не вынужденно, осмотрела одежду и оснащение.

Сосредоточившись на этих действиях, забыла об усталости и боли.

Первое, что она обнаружила, был кордик. Она забыла о нем, пояс с ножнами сполз вниз. Рядом с кордиком, как всегда, на поясе висел маленький кошелек. Подарок Йеннифэр. Кошелек содержал то, что «у дамы всегда должно быть при себе». Цири развязала кошелек. Увы, стандартная экипировка дамы не предусматривала ситуации, в которой она оказалась. В кошельке лежали: черепаховый гребень, универсальный ножичек-пилка для ногтей, обмотанный тряпицей, предварительно прокипяченный тампон из льняной ткани и жадеитовая баночка мази для рук.

Цири немедленно смазала мазью горящее лицо и губы и сразу же слизала мазь с губ. Не раздумывая вылизала всю баночку, наслаждаясь жирностью и капелькой успокоительной влаги. У использованных для ароматизации мази ромашки, амбры и камфоры был отвратительный вкус, но подействовали они стимулирующе.

Она обвязала сползающее с ноги голенище вытянутым из рукава ремешком, встала, несколько раз топнула для пробы. Развязала тампон, сделала из него широкий бинт, защищающий разбитый висок и обожженный солнцем лоб.

Встала, поправила пояс, передвинула кордик ближе к левому бедру, механически вытащила его из ножен, проверила большим пальцем клинок. Острый. Она знала.

«Ну что ж, — подумала она, — оружие у меня есть. Я — ведьмачка. Нет, я тут не погибну. Что нам голод, выдержу. В храме Мелитэле порой приходилось поститься даже и по два дня кряду. А вода... Вот воду необходимо искать. Буду идти до тех пор, пока не найду. Должна же эта проклятая пустыня где-то кончаться. О большой пустыне я бы что-нибудь да знала, заметила бы на картах, которые рассматривала вместе с Ярре. Ярре... Интересно, что он сейчас делает...

Ну — вперед. На запад. Туда, где заходит солнце. Единственное четкое направление. Ведь я никогда не плутаю, всегда знаю, в какую сторону идти. Если потребуется, буду идти всю ночь. Я — ведьмачка. Как только ко мне вернутся силы, я побегу, как на Мучильне. Тогда быстро доберусь до края пустоши. Выдержу. Должна выдержать... Хо-хо, Геральт, наверно, не раз бывал в таких пустынях, а то и еще попаршивее...

Все. Иду».

Прошел час. Местность не изменилась. Вокруг по-прежнему были только камни, красно-серые, острые, выскальзывающие из-под ног, требующие осторожности. Редкие кустики, сухие и колючие, протягивали к ней из расщелин искореженные ветки. У первого попавшегося куста Цири

задержалась, надеясь найти листья или молодые побеги, которые можно будет высосать и сжевать. Но у куста были только колючки. Он не годился даже на то, чтобы сделать из него палку. Второй и третий кусты были точно такими же, на следующие она уже не обращала внимания, не задерживаясь, проходила мимо.

Смеркалось быстро. Солнце опустилось к зубчатому, рваному горизонту, стало красным, потом пурпурным. Вместе с сумерками надвигался холод. Вначале это было приятно, прохлада успокаивала обожженную кожу. Однако вскоре стало гораздо холоднее, и Цири начала щелкать зубами. Она ускорила шаг, рассчитывая на то, что согреется, но усилие снова пробудило боль в боку и колене. Она начала прихрамывать. Вдобавок солнце полностью скрылось за горизонтом и моментально опустилась тьма. Было новолуние, а звезды, от которых искрилось все небо, почти не давали света. Вскоре Цири перестала что-либо видеть. Несколько раз падала, болезненно сдирая кожу с запястий. Дважды попадала ступней в щели между камнями, не сломала и не вывихнула ногу только потому, что ее выручали от падения выученные ведьмачьи движения. Ясно — идти в темноте было невозможно.

Она в отчаянии присела на плоскую базальтовую плиту, не имея понятия, выдержала ли направление. Ту точку, в которой солнце скрылось за горизонтом, она давно уже потеряла. Ее окружала бархатистая, непроглядная темень. И пронизывающий холод. Холод, который парализовал, кусал суставы, заставлял сутулиться и втягивать голову в плечи. Цири затосковала по солнцу, хоть и знала, что как только оно выглянет, на камни и скалы хлынет ливень невыносимого жара. Жара, лишаящего возможности двигаться. Цири снова почувствовала, как горло стискивает спазма, заливают волна отчаяния и безнадежности. Но на этот раз отчаяние и безнадежность сменились бешенством.

— А вот и не буду плакать! — крикнула она во мрак. — Я — ведьмачка! Я... чародейка!

Цири подняла руки, прижала ладони к вискам. Сила есть всюду! В воде, в воздухе, в земле...

Цири быстро встала, протянула руки, медленно, неуверенно сделала несколько шагов, лихорадочно отыскивая истоки. Ей повезло. Почти тотчас она почувствовала в ушах знакомый шум и пульсацию, ощутила энергию, бьющую из водной жилы, скрытой в глубинах земли. Она зачерпнула Силу одновременно с осторожным, сдержанным вдохом, понимая, что она ослаблена, а в таком состоянии резкое наполнение мозга кислородом может мгновенно лишить ее сознания, свести на нет все усилия и привести к

роковым последствиям. Энергия понемногу наполняла ее, приносила знакомую, минутную эйфорию. Легкие начали работать быстрее и сильнее.

Получилось!

«Вначале утомление, — подумала она, — сначала парализующая боль в руках и бедрах. Потом — холод. Необходимо повысить температуру тела».

Постепенно она вспоминала жесты и заклинания. Некоторые проделывала и произносила слишком поспешно — судороги, резкая спазма и головокружение подрезали колени. Она опустилась на базальтовую плиту, успокоила руки, сдержала рваное, неравномерное дыхание.

Повторила формулу, принуждая себя к спокойствию и сосредоточенности. На этот раз результат сказался незамедлительно. Она растерла на бедрах и затылке охватившее ее тепло. Встала, чувствуя, как утомление исчезает, а наболевшие мускулы расслабляются.

— Я — чародейка! — торжествуяще воскликнула она, высоко поднимая руки. — Явись, бессмертный Свет! Я призываю тебя! Aen'drean ve, eveigh Aine!

Небольшой теплый шар света бабочкой выплыл из ее ладони, отбросив на камни подвижные мозаики теней. Медленно двигая руками, она успокоила шар, поместила его так, чтобы он висел перед ней. Решение было не самое удачное — свет ослеплял. Она передвинула шар за спину. Не то — ее собственная тень ложилась на дорогу, ухудшая видимость. Цири потихоньку переместила светящуюся сферу вбок, повесила чуть выше правого плеча. Хотя шар явно не мог конкурировать с настоящей магической Aine, все же девочка была невероятно горда своими действиями.

— Ха! — сказала она, напустив на себя важный вид. — Жаль, Йеннифэр не видит!

Бодро и энергично она двинулась дальше, шагая быстро и уверенно выбирая дорогу в мерцающем и зыбком свете, создаваемом шаром. Одновременно пыталась вспомнить другие заклинания, но ни одно не годилось для этой ситуации, к тому же некоторые требовали очень больших усилий, она немного боялась их и не хотела применять без крайней надобности. К сожалению, она не помнила ни одного заклинания, способного создать воду либо пищу. Знала, конечно, что такие заклинания существуют, но не умела воспроизвести ни одного.

В свете мерцающей сферы мертвая до того пустыня неожиданно ожила. Из-под ног Цири неуклюже убегали поблескивающие жуки и косматые пауки. Небольшой желто-рыжий скорпион резво перебежал

дорогу, волоча за собой сегментный хвост, и забился в щель между камнями. Зеленая длиннохвостая ящерка шмыгнула во мрак, шурша по гравию. Разбегались похожие на больших мышей грызуны, юркие и высоко подпрыгивающие на задних лапках. Несколько раз она примечала во тьме блеск глаз, а однажды услышала замораживающее кровь в жилах шипение, исходящее из груды камней. Если вначале она надеялась поймать что-нибудь пригодное для еды, то это шипение окончательно заставило ее отказаться от поисков в камнях. Она внимательнее стала смотреть под ноги, а перед глазами вставали гравюры из книг, которые она разглядывала в Каэр Морхене. Гигантский скорпион, скарлетия, химера, вихт, ламия, крапук. Чудовища, обитающие в пустынях. Она шла, опасливо оглядываясь и чутко прислушиваясь, сжимая потной ладонью рукоять кордика.

Спустя несколько часов светящийся шар помутнел, создаваемый им круг света уменьшился, ослаб. Цири, с трудом сосредоточившись, вновь произнесла заклинание. Шар на несколько секунд заиграл ярким светом, но тут же покраснел и угас вновь. Предпринятое усилие заставило ее покачнуться, перед глазами заплескали черные и красные пятна. Она тяжело села, скрипнув гравием.

Шар погас совершенно. Цири уже не пыталась заклинать его, истощение, опустошенность и слабость, которые она ощущала в себе, заранее обрекали все ее попытки на провал.

Впереди, далеко на горизонте, вставал туманный отсвет. «Я потеряла дорогу, — с ужасом поняла она. — Все перепутала... Сначала шла на запад, а теперь солнце взойдет прямо передо мной. Значит...»

Она почувствовала страшную слабость и сонливость, которую не снимал даже сотрясающий ее холод. «Не усну, — решила она. — Мне нельзя засыпать... Мне нельзя...»

Проснувшись она от пронизывающего холода. В себя ее привела скручивающая внутренности боль в животе, сухое мучительное жжение в горле. Она попыталась встать. И не смогла. Онемевшие суставы не желали слушаться. Ощупывая почву вокруг себя, она почувствовала под пальцами влагу.

— Вода... Вода!

Дрожа всем телом, она приподнялась на четвереньки, припала губами к базальтовой плите, лихорадочно слизывая осевшие на камне капельки, высасывая влагу из углублений на неровной поверхности. В одном собрала без малого полгорсти росы — выхлебнула ее вместе с песком, не решившись выплюнуть. Осмотрелась.

Осторожно, чтобы не потерять, собрала языком блестящие капельки, висящие на иголках карликового кустика, который загадочным образом ухитрился вырасти между камнями. На земле лежал кордик. Она не помнила, когда вынула его из ножен. Клинок был мутным от пленочки росы. Цири тщательно вылизала холодный металл.

Преодолевая сковывающую тело боль, поползла на четвереньках, выискивая влагу на попадающихся камнях. Но золотой диск солнца выскочил из-за каменистого горизонта, залил пустыню ослепительным желтым светом и мгновенно высушил камни. Цири радостно встретила нарастающее тепло, однако понимала, что уже вскоре, безбожно поджариваемая, снова затоскует по ночному холоду.

Она повернулась спиной к яркому шару. Там, где был он, горел восток. А ей надо идти на запад.

Жара нарастала, быстро набирала силу, вскоре стала невыносимой. К полудню измучила так, что она волей-неволей вынуждена была изменить направление, чтобы поискать тени. Наконец нашла укрытие: большой, похожий на гриб камень. И заползла под него.

И тут увидела лежащий между камнями предмет. Это была начисто вылизанная жадеитовая баночка из-под мази для рук.

Ей уже не хватило сил заплакать.

Голод и жажда перебороли утомление и отчаяние. Покачиваясь, она встала и снова пошла. Солнце палило.

Далеко на горизонте, за зыбкой завесой жара, она различила что-то, что могло быть только горной цепью. Очень далекой горной цепью.

Когда наступила ночь, она с огромным трудом зачерпнула Силы, но выколдовать магический шар удалось лишь после нескольких попыток, и это измучило так, что идти дальше она уже не могла. Она растратила всю энергию, согревающее и приносящее облегчение заклинание не получилось. Выколдованный свет добавлял смелости и поднимал дух, но холод изнурял. Пронизывающий, мучительный холод не давал уснуть до самого утра. Она дрожала, с нетерпением ожидая восхода солнца. Вынула из ножен кордик, предусмотрительно положила его на камень, чтобы металл покрылся росой. Она жутко устала, но голод и жажда отгоняли сон. Дотерпела почти до рассвета. Было еще темно, когда она принялась жадно вылизывать росу с клинка. Как только рассвело, она сразу же опустилась на

четвереньки, чтобы поискать влагу в углублениях и расщелинах.

Услышала шипение.

Большая яркая ящерица, сидевшая на ближайшей каменной глыбе, разевала на нее беззубую пасть, распускала роскошный гребень, раздувалась и хлестала по камню хвостом. Перед ящерицей поблескивала маленькая, наполненная водой ямочка.

Сначала Цири испуганно попятилась, но тут же ее охватила дикая ярость. Шлепая вокруг растопыренными пальцами, она ухватилась за острый осколок камня.

— Это моя вода! — взывала она. — Моя!

Она бросила камень в ящерицу и промахнулась. Ящерица подпрыгнула на лапках с длинными коготками, ловко юркнула в каменный лабиринт. Цири припала к камню, высосала остатки воды из ямки. И тут увидела: за камнем в круглой нишке лежали семь яичек, чуточку выглядывающих из красноватого песка. Девочка, не раздумывая ни минуты, подползла к гнезду, схватила одно из яичек и впилась в него зубами. Кожистая шкурка лопнула и осела у нее в руке, клейкое содержимое стекло в рукав. Цири высосала яйцо, облизала руку. Глотала она с трудом, совершенно не чувствуя вкуса.

Она высосала все яйца, да так и осталась стоять на четвереньках, липкая, грязная, вся в песке, со свисающим с губ клейким содержимым, лихорадочно копаясь в песке и издавая нечеловеческие звуки.

И вдруг замерла.

...Сиди прямо, княжна. Убери локти со стола. Следи за тем, как тянешься к тарелке, испачкаешь кружева на рукавах! Вытри губы салфеткой и перестань чавкать. О боги, неужели никто не научил этого ребенка, как следует вести себя за столом? Цирилла!

Цири расплакалась, опустив голову на колени.

Она выдержала до полудня, потом жара скрутила ее и заставила передохнуть. Она дремала долго, спрятавшись в тени под каменистым уступом. Тень не приносила прохлады, но была все же лучше, чем палящее солнце. Жажда и голод отпугивали сон.

Далекая горная цепь, казалось, горела и сверкала в лучах солнца. «На вершинах гор, — подумала Цири, — может лежать снег, там может быть лед, там могут быть ручьи. Я должна туда добраться, должна добраться

туда как можно скорее».

Она шла почти всю ночь, руководствуясь звездами. Все небо было в звездах. Цири пожалела, что была невнимательна на занятиях и не хотела изучать атласы неба, хранившиеся в храмовой библиотеке. Она, конечно, знала самые главные созвездия — Семь Коз, Кувшин, Серп, Дракон и Зимнюю Деву, но те, что видела сейчас, висели высоко над головой, и по ним трудно было ориентироваться. Наконец удалось выбрать из мерцающего звездного муравейника одну достаточно яркую звезду, указывающую, как она считала, нужное направление. Она не знала, что это за звезда, и сама дала ей название — Око.

Она шла. Горная цепь не приблизилась ничуть — по-прежнему была такой же далекой, как и вчера. Но зато указывала направление.

Двигаясь, Цири внимательно осматривалась. Нашла еще одно ящериное гнездо, в нем было четыре яйца. Углядела зеленое растеньице, не больше мизинца, которое каким-то чудом сумело вырасти меж камней. Поймала большого коричневого жука. И тонконого паука.

Съела все.

В полдень ее вырвало всем, что она съела, и она потеряла сознание. Очнувшись, поискала глазами хоть немного тени, не нашла и продолжала лежать, свернувшись в клубок, сжимая руками живот.

После захода солнца пошла снова. Словно автомат. Несколько раз падала, вставала, шла дальше.

Шла, ибо должна была идти.

Вечер. Отдых. Ночь. Око указывает дорогу. Марш до полного изнеможения, которое наступило задолго до восхода солнца. Отдых. Скверный сон. Голод. Холод. Отсутствие магической энергии. Неудача при попытке выколдовать свет и тепло.

Роса, которую она утром слизала с клинка кордика и камней, только еще больше усилила жажду.

Когда солнце взошло, она уснула в наплывающем тепле. Разбудила ее жара. Она встала, чтобы идти дальше.

Обморок случился через неполный час. Когда она пришла в себя, солнце стояло в зените, палило. У нее не было сил искать тени. Не было сил встать. Но она встала.

Шла. Не поддавалась. Почти весь день. И часть ночи.

Самую сильную жару снова проспала, приткнувшись под наклонным, зарывшимся в песок камнем. Сон был плохой и мучительный — ей снилась вода, вода, которую можно было пить. Огромные, белые, все в водяном тумане и радуге водопады. Поющие потоки. Маленькие лесные ключи, окруженные купающимися в воде папоротниками. Пахнущие влажным мрамором дворцовые фонтаны. Омшелые колодцы и полные ведра воды... Капли, стекающие с тающих сосулек льда... Вода. Холодная живительная вода, от которой ломит зубы. Ах, какой же у нее чудесный, неповторимый вкус...

Она проснулась, вскочила и пошла туда, откуда пришла. Она возвращалась, качаясь и падая. Ей необходимо было вернуться! Ведь она же прошла мимо воды! Прошла, не остановилась. Мимо шумящего меж камней потока! Как она могла быть такой безрассудной!

Она взяла себя в руки. Встряхнулась.

Жара ослабла, приближался вечер. Солнце указывало на запад. Горы. Солнце не может, не должно, не имеет права быть у нее за спиной. Цири отогнала мираж, сдержала слезы. Повернулась и пошла к горам.

Шла всю ночь, но очень медленно. Ушла совсем недалеко, засыпая на ходу. Ей снилась вода. Восходящее солнце застало ее сидящей на каменной глыбе, уставившейся на клинок кордика и обнаженное предплечье.

Ведь кровь — жидкость. Ее можно пить.

Она отогнала миражи и кошмары. Облизала покрытый росой кордик и пошла дальше.

Обморок. Очнулась она от жара, пышущего от солнца и раскаленных камней.

Впереди, за дрожащим от жары занавесом, проступала рваная, зубчатая цепь гор.

Горы были ближе. Гораздо ближе.

Но у Цири уже не было сил. Она села.

Кордик, зажатый в руке, отражал солнце, горел огнем. Он был острым. Она знала об этом.

«Зачем ты мучаешься, а? — спросил кордик серьезным, спокойным голосом педантичной чародейки по имени Тиссая де Врие. — Зачем обрекаешь себя на страдания? Покончи с этим наконец!»

«Нет. Не поддамся».

«Ты же не выдержишь. Знаешь, как умирают от жажды? Ты вот-вот сойдешь с ума, и тогда уже будет поздно. Тогда ты уже не сможешь с этим покончить».

«Нет. Не поддамся. Выдержу».

Она спрятала кордик в ножны. Встала, покачнулась, упала. Встала, покачнулась, пошла вперед.

Над собой, высоко в желтом небе, увидела коршуна.

Очнувшись, она не могла вспомнить, когда упала. Не помнила, как долго лежала. Подняла глаза. К кружащему над ней коршуну присоединились еще два. У нее не было сил встать.

Было ясно: конец. Она восприняла это спокойно. Даже с облегчением.

Что-то к ней прикоснулось.

Что-то легонько и осторожно ткнулось ей в руку. После долгого одиночества, когда ее окружали лишь мертвые и неподвижные камни, это прикосновение, несмотря на усталость, заставило ее резко вскочить, во всяком случае, она попыталась вскочить. То, что к ней прикоснулось,

фыркнуло и с громким топотом отбежало.

Цири с трудом села, протирая фалангами пальцев загноившиеся уголки глаз.

«Ну вот я и спятила», — подумала она.

В нескольких шагах от нее стояла лошадь. Цири заморгала. Нет, это не был мираж. Это действительно была лошадь. Лошадка. Молодая лошадка. Почти жеребенок.

Она пришла в себя. Облизала запекшиеся губы и кашлянула. Лошадка подпрыгнула и отбежала, шурша копытами по гравию. Она двигалась очень странно, и масть у нее тоже была непривычной: то ли буланая, то ли серая. Но, возможно, так только казалось, потому что солнце освещало ее сзади.

Лошадка фыркнула и подошла на несколько шагов. Теперь Цири видела ее лучше. Настолько лучше, что кроме действительно непривычной масти сразу же заметила и странные неправильности строения — маленькую головку, необычно стройную шею, тоненькие бабки, длинный и густой хвост. Лошадка остановилась и взглянула на Цири, повернув голову боком. Цири беззвучно вздохнула.

Из выпуклого лба лошадки торчал рог длиной не меньше двух пядей.

«Невозможная невозможность, — подумала Цири, приходя в себя и собираясь с мыслями. — Ведь единорогов уже нет на свете, ведь они же вымерли. Даже в ведьмачьей книге в Каэр Морхене не было единорога! Я читала о них только в „Книге мифов“ в храме... Да и в Physiologus'е, который я просматривала в банке господина Джианкарди, была картинка, изображающая единорога... Но тот единорог больше походил на козла, чем на лошадь, у него были косматые бабки и козлиная борода, а рог был, пожалуй, длиной в два локтя...»

Цири удивилась, что так хорошо все помнит, помнит события, происходившие сотни лет назад. Голова закружилась, внутренности скрутила боль. Она застонала и свернулась в клубок. Единорог фыркнул и сделал к ней шаг, остановился, высоко поднял голову. Цири вдруг вспомнила, что говорили о единорогах книги.

— Можешь подойти... — прохрипела она, пытаясь сесть. — Можешь, потому что я...

Единорог фыркнул и умчался, размахивая хвостом. Но недалеко. Через минуту остановился, мотнул головой, копнул копытом и громко заржал.

— Неправда! — в отчаянии застонала она. — Ярре только один раз поцеловал меня, а это не в счет. Вернись!

От усилий у нее потемнело в глазах, она бессильно упала на камни. Когда наконец сумела поднять голову, единорог уже снова был близко.

Внимательно глядя на нее, он наклонил голову и тихо фыркнул.

— Не бойся меня... — шепнула она. — Не надо, ведь... ведь я же умираю...

Единорог заржал, тряхнул головой. Цири потеряла сознание.

Когда она очнулась, никого рядом не было. Застывшая, измученная жаждой, голодная и одинокая... Единорог был миражем, призраком, сном. И исчез, как исчезают сны. Она понимала это, признавала и все-таки чувствовала обиду и отчаяние, словно это видение и правда существовало, было рядом — и вот бросило ее. Как бросили все остальные.

Она хотела встать, но не могла. Прижалась лицом к камням. Медленно протянула руку к бедру, нащупала рукоять кордика.

«Кровь — жидкость. Я должна напиться».

Послышался стук копыт. Фыркание.

— Ты вернулся... — прошептала она, поднимая голову. — Ты в самом деле вернулся?

Единорог громко фыркнул. Она увидела его копыта, близко, у самых глаз. Копыта были мокрые. С них прямо-таки стекала вода.

Надежда придала ей силы, переполнила радостью. Единорог вел. Цири шла следом, все еще не веря, что это не сон. Когда наконец усталость победила, она опустилась на четвереньки. Потом поползла.

Единорог привел ее к неглубокой впадине между скалами, дно которой выстилал песок. Цири ползла из последних сил. Но ползла. Потому что песок был влажный.

Единорог остановился над небольшим углублением в песке, заржал, ударил копытом раз, другой, третий. Она поняла. Подползла ближе, стала помогать. Рыла, обламывая ногти, копала, отбрасывала. Возможно, всхлипывала при этом, но не отдавала себе в том отчета. Стоило в углублении появиться грязно-коричневой жиже, как Цири тут же приникла к ней губами, глотала мутную воду вместе с песком так жадно, что жидкость мгновенно исчезла. Цири с величайшим трудом взяла себя в руки, углубила ямку, помогая кордиком, потом села и стала ждать. Скрипя

песком на зубах и дрожа от нетерпения, она ждала, чтобы лунка снова наполнилась водой. А потом пила. Долго.

В третий раз она дала воде немного отстояться, выпила глотка четыре без песка, только с мутью. И тут вспомнила о единороге.

— Ты, наверно, тоже хочешь пить, Конек? — сказала она. — Но ведь грязь ты пить не станешь. Коньки грязи не пьют.

Единорог заржал.

Цири углубила ямку, укрепив ее края камнями.

— погоди, Конек. Пусть немного отстоится.

Конек фыркнул, топнул, отвернулся.

— Не косись. Пей.

Единорог осторожно поднес ноздри к воде.

— Пей, Конек, это не сон. Это всамделишная вода.

Вначале Цири тянула, не хотела отходить от ключа. Придумала, как лучше пить. Просто надо было выжимать в рот намоченный в ямке платочек, что позволяло отцедить песок и тину. Но единорог налегал — ржал, топал, отбегал, возвращался снова. Он призывал идти и указывал дорогу. Хорошо подумав, Цири послушалась — Конек прав, надо идти, идти в сторону гор, выбраться из пустыни. Она двинулась следом за единорогом, оглядываясь и тщательно фиксируя в памяти положение источника. Она не хотела блуждать, если б пришлось возвращаться.

Вместе они шли весь день. Единорог, которого она назвала Коньком, вел. Это был удивительный Конек. Он обрывал и жевал стебли, которых не тронула бы не только лошадь, но и изголодавшаяся коза. А обнаружив в камнях колонну больших муравьев, тут же принялся поедать их. Сначала Цири изумленно смотрела на него, потом присоединилась к пиршеству. Она была чертовски голодна.

Муравьи оказались ужасно кислыми, но, возможно, благодаря этому у нее не возникали позывы. Кроме того, муравьев было много, и можно было поработать занемевшими челюстями. Единорог съедал насекомых целиком, она же удовольствовалась брюшками, выплевывая твердые части хитиновых оболочек.

Пошли дальше. Единорог высмотрел несколько кустиков пожелтевших ковылин и с удовольствием сжевал их. На этот раз Цири не присоединилась. А когда Конек отыскал в песке ящериные яйца, ела она, он

же только посматривал.

Пошли дальше. Цири заметила небольшие заросли ковыля и указала на них Коньку. Спустя какое-то время Конек обратил ее внимание на огромного черного скорпиона с хвостом пяди в полторы. Цири затоптала эту мерзость. Видя, что она не собирается есть скорпиона, единорог съел его сам, а вскоре указал ей на очередное гнездо ящерицы.

Сотрудничество оказалось вполне сносным.

Пошли дальше.

Горная цепь была все ближе.

Когда опустилась глубокая ночь, единорог остановился. Он спал стоя. Цири, знакомая с лошадьми, вначале пыталась уговорить его лечь. Она могла бы прислониться к нему и попользоваться его теплом. Но из этого ничего не получилось. Конек косился и отходил, все время выдерживая дистанцию. Он вообще не желал вести себя классическим образом, описанным в ученых книгах, — явно не имел ни малейшего желания класть голову ей на подол. Цири одолевали сомнения. Она не исключала, что относительно взаимоотношений единорогов и девиц книги лгали. Но имелась и другая возможность. Во-первых, у Цири не было подола, а значит, и некуда было класть голову, а во-вторых, единорог был явно единорогом-жеребенком и как всякое юное создание абсолютно, ну абсолютно не разбирался в девицах. Вероятность того, что Конек мог воспринимать и серьезно толковать те несколько странных снов, которые ей некогда привиделись, она категорически отбросила. Ну кто же всерьез толкует сны?

Он ее немного разочаровал. Они вместе путешествовали уже два дня и две ночи, а он так и не нашел воды, хоть и искал. Несколько раз останавливался, крутил головой, водил рогом, потом уходил рысью, разведывал каменные распадки, греб копытами в песке. Нашел муравьев, нашел муравьиные яйца и личинки. Нашел ящеринное гнездо. Нашел цветастую змейку, которую ловко забил. Но воды не нашел.

Цири заметила, что единорог все время крутит, не придерживается

прямой линии, и не без оснований заподозрила, что животное вовсе не было обитателем пустыни — просто заблудилось тут.

Как и она.

Муравьи, которые стали попадаться все чаще, содержали в себе кислую влагу, но Цири все серьезнее начала подумывать о возвращении к источнику. Если б они пошли еще дальше и не нашли воды, на возвращение могло бы и не хватить сил. Жара все усиливалась, движение изнуряло.

Она уже намеревалась попробовать втолковать это Коньку, когда тот вдруг протяжно заржал, махнул хвостом и галопом бросился вниз, между иззубренными камнями. Цири последовала за ним, на бегу пережевывая муравьиные брюшки.

Большое пространство между камнями заполняла широкая песчаная площадка, в центре которой расположилось углубление.

— О! — обрадовалась Цири. — Умная ты коняшка, Конек! Опять нашел источник. В этой яме должна быть вода!

Единорог протяжно фыркал, обходя углубление легкой рысью. Цири подошла. Углубление было большим, никак не меньше двадцати футов в диаметре. Круглое, оно напоминало воронку и было таким правильным, словно кто-то оттиснул в песке гигантское яйцо. Внезапно Цири поняла, что такая правильная форма не могла возникнуть сама по себе. Но было уже поздно.

На дне воронки что-то зашевелилось, в лицо Цири ударил сильный фонтан песка и гравия. Она отскочила, упала и почувствовала, что сползает вниз. Рвущиеся вверх фонтаны гравия били не только по ней, они били в обрез воронки, и ее край осыпался волнами и волочил девочку ко дну. Цири крикнула, словно пловец молотя руками, напрасно пытаясь нащупать опору для ног. Тут же сообразила, что резкие движения только ухудшают положение, ускоряют осыпание песка. Она перевернулась на спину, уперлась каблуками и широко раскинула руки. Песок на дне ямы зашевелился и заволновался, она увидела вылезающие из-под него коричневые, оканчивающиеся крючками клешни длиной в добрую половину сажени. Она снова крикнула, на этот раз гораздо громче.

Град гравия сразу перестал сыпаться на нее и ударил в противоположный край воронки. Единорог встал на дыбы, неистово

заржал, край воронки обломился под ним. Он попытался вырваться из зыбкого песка, но тщетно — он погружался все глубже и все быстрее сползал ко дну. Страшные клешни громко защелкали. Единорог отчаянно заржал, дернулся, бессильно колотя передними копытами по осыпающемуся песку. Задние ноги у него целиком увязли. Как только он сполз на дно воронки, его тут же схватили чудовищные клешни укрытого в песке существа.

Услышав дикий визг боли, Цири яростно крикнула и кинулась вниз, выхватывая из ножен кордик. Оказавшись на дне, она мгновенно поняла свою ошибку. Чудовище скрывалось глубоко, удары кордика не доставали его через слой песка. Вдобавок ко всему удерживаемый чудовищными клешнями и затягиваемый в песчаную ловушку единорог обезумел от боли, визжал, вслепую колотил передними копытами, угрожая переломать ей кости.

Ведьмачьи пляски и фокусы здесь пригодиться не могли. Но существовало одно достаточно простое заклинание. Цири призвала Силу и ударила телекинезом.

Туча песка взвилась вверх, обнажая скрытое чудовище, вцепившееся в бедро визжащего единорога. Цири тоже взвизгнула от ужаса. Ничего более отвратительного она не видела никогда — ни на картинках, ни в ведьмачьих книгах. Ничего столь мерзостного она даже не могла вообразить.

Чудовище было серо-коричневым, овальным и раздувшимся, словно упившийся кровью клоп, узкие сегменты бочкообразного тела покрывала редкая щетина. Ног у него, казалось, нет вообще, зато клешни были почти такой же длины, как и само тело.

Лишившись песчаной защиты, существо немедленно отпустило единорога и начало закапываться быстрой, резкой вибрацией раздувшегося тела, а выбирающийся из воронки единорог еще и помогал ему, сталкивая вниз волны песка. Цири охватило бешенство и жажда мести. Она кинулась на едва уже выступающую из песка мерзость и всадила кордик в выпуклую спину. Налетела сзади, предусмотрительно держась подальше от щелкающих клешней, которыми чудовище, как оказалось, могло дотянуться далеко назад. Ударила снова, а хищник закапывался с невероятной скоростью. Но закапывался не для того, чтобы сбежать, а чтобы напасть. Ему хватило двух движений, чтобы скрыться полностью, затем он резко двинул волну, засыпав Цири до половины бедер. Она вырвалась и бросилась назад, но бежать было некуда — кругом песок, любое движение тянуло на дно. А песок на дне вспучивался двигающейся к

ней волной, из волны высунулись щелкающие, оканчивающиеся острыми крючками клешни.

Спас ее Конек. Опустившись на дно воронки, он мощно ударил копытами в выступающий песок, выдающий неглубоко скрывающееся чудовище. Под сильными ударами приоткрылась серая спина. Единорог наклонил голову и всадил рог точно в то место, где вооруженная клешнями голова соединялась с пузатым туловищем. Видя, что пригвожденный к земле монстр бессильно загребает песок, Цири подскочила и с размаху вонзила кордик в дергающееся тело. Выхватила, ударила снова. И еще раз. Единорог вырвал рог и со всей силы опустил на бочкообразный корпус передние копыта.

Истоптанный монстр уже не пробовал закапываться. И вообще не шевелился. Песок вокруг него увлажнился от зеленоватой жижи. Не без труда они выбрались из воронки. Отбежав на несколько шагов, Цири без сил свалилась наземь, тяжело дыша и дрожа под действием поступающего в гортань и виски адреналина. Единорог обошел ее вокруг. Он ступал неловко, из раны на бедре сочилась кровь, стекая по ноге на бабки, метя шаги красным. Цири поднялась на четвереньки, и ее вырвало. Спустя немного она встала, подошла к единорогу, но Конек не позволил к себе прикоснуться. Отбежал, повалился на бок. Потом вычистил рог, несколько раз сунув его в песок.

Цири тоже очистила и вытерла клинок кордика, то и дело беспокойно поглядывая в сторону недалекой воронки. Единорог встал, заржал, шагом подошел к ней.

— Я хочу осмотреть твою рану, Конек.

Конек заржал и тряхнул рогатой головой.

— Ну на нет и суда нет. Если можешь идти, пойдем. Здесь лучше не оставаться.

Вскоре им встретилась обширная песчаная лавина, вся, до основания обрамляющих ее скал, пестрящая выкопанными в песке воронками. Цири изумленно рассматривала их — некоторые были чуть не в два раза больше той, в которой они недавно боролись за жизнь.

Они не решились пересечь песчаный поток, лавируя между воронками. Цири была уверена, что воронки подстерегали неосторожные жертвы, а сидящие в них монстры с длинными клешнями опасны только

тем, кто попадал в воронки. Соблюдая осторожность и держась подальше от ям, можно было пересечь песчаный район напрямик, не опасаясь, что одно из чудовищ вылезет из воронки и погонится за ними. Она считала, что риска нет — но предпочитала не испытывать этого на собственной шкуре. Единорог был явно согласен — фыркал и отбегал, оттаскивая ее от лавины песка. Они обошли опасный район, держась ближе к скалам и твердому каменистому грунту, в который ни одна тварь не сумела бы закопаться.

Цири не спускала с воронок глаз. Несколько раз видела, как из убийственных ловушек вырывались фонтаны песка — чудовища углубляли и обновляли свои жилища. Некоторые воронки были так близко одна от другой, что выбрасываемый монстром песок попадал в соседние ямы, тревожа укрытых на дне существ, и тогда начиналась ужаснейшая канонада, в течение нескольких минут песок свистел и градом сыпался кругом.

Цири заинтересовало, на кого же песчаные чудовища охотятся в безводной и, казалось бы, мертвой пустыне. Ответа долго ждать не пришлось — из ближайшей ямы по широкой дуге вылетел темный предмет и шлепнулся неподалеку от них. После недолгого колебания она сбежала с камней на песок. Оказывается, из воронки вылетел трупик грызуна, напоминающего кролика. Во всяком случае — шерсткой. Трупик был съезжившийся, твердый и сухой, легкий и пустой, как пузырь. В нем не было ни капли крови. Цири вздрогнула — теперь она уже знала, на кого охотятся и как питаются уродины.

Единорог предостерегающе заржал. Цири подняла голову. Поблизости не было ни одной воронки, только ровный и гладкий песок. И у нее на глазах этот ровный и гладкий песок вдруг вздулся, а вздутие начало быстро передвигаться в ее сторону. Она кинула высосанную труху и умчалась на камни.

Решение обойти песчаную лавину стороной оказалось верным.

Они пошли дальше, обходя даже мельчайшие участки песка и ступая исключительно по твердому грунту.

Единорог шел медленно, прихрамывая. Из его раненого бедра сочилась кровь. Но он по-прежнему не позволял Цири подойти и осмотреть рану.

Песчаная лавина заметно сузилась и начала извиваться. Мелкий

сыпучий песок уступил место крупному гравию, потом окатышам. Воронки больше не попадались, поэтому они решили идти по проделанному лавиной руслу. Цири, хоть ее снова мучили жажда и голод, пошла быстрее. Появилась надежда. Песчаная лавина была никакой не лавиной, а дном реки, текущей с гор. В реке не было воды, но высохшее русло вело к истокам — слишком слабым и маловодным, чтобы наполнить русло, однако скорее всего достаточным, чтобы из них можно было напиться.

Она могла бы идти еще быстрее, но приходилось сдерживаться, потому что единорог шел медленно, с явным трудом, хромал, тянул ногу, копыто ставил боком. Когда опустился вечер, он лег. И не встал, когда она подошла. Позволил ей осмотреть рану.

Раны было две, по обеим сторонам сильно вспухшего, горячего бедра. Обе все время кровоточили, и вместе с кровью из них струился липкий, дурно пахнущий гной.

Чудовище было ядовитым.

На следующий день стало еще хуже. Единорог едва шел. Вечером лег на камни и не захотел подниматься. Когда она опустилась рядом на колени, он дотянулся до раненого бедра ноздрями и рогом, заржал. В этом ржании была боль.

Гной выделялся все сильнее, запах был отвратительный. Цири достала кордик. Единорог тонко завизжал, попытался встать и упал задом на камни.

— Я не знаю, что делать... — всхлипнула девочка, глядя на клинок. — Я действительно не знаю... Наверно, рану надо разрезать, выдавить гной и яд... Но я не умею! Я могу навредить тебе еще больше!

Единорог попытался поднять голову, заржал. Цири села на камни, обхватила голову руками.

— Меня не научили лечить, — с горечью сказала она. — Меня научили убивать, втолковывая, что таким путем я могу спасти. Это была страшная ложь, Конек. Меня обманули.

Надвигалась ночь, быстро темнело. Единорог лежал. Цири лихорадочно размышляла. Она набрала колосья и стебли, обильно растущие на берегу высохшей реки, но Конек не захотел их есть. Бессильно положил голову на камни и уже не пытался подняться. Только моргал. На морде проступила пена.

— Я не могу тебе помочь, Конек, — глухо сказала она. — У меня нет

ничего...

Кроме магии.

Я — чародейка.

Она встала. Вытянула руки. Ничего. Магической энергии требовалось много, а ее не было вообще. Этого она не ожидала. Как же так? Ведь водные жилы есть повсюду. Она сделала несколько шагов в одну, потом в другую сторону. Пошла по кругу. Отступила.

Ничего.

— Проклятая пустыня! — крикнула она, потрясая кулаками. — В тебе нет ничего! Ни воды, ни магии! А говорили, что магия должна быть всюду! И это тоже было ложью! Все меня обманывали, все!

Единорог заржал.

Магия есть всюду. Она есть в воде, в земле, в воздухе и...

И в огне.

Цири зло стукнула себя кулаком по лбу. Раньше это не приходило ей в голову, возможно, потому, что там, меж голых камней, вообще не было ничего способного гореть. А теперь под рукой были сухие ковыли и стебли, а чтобы создать малюсенькую искорку, ей должно хватить тех крох энергии, которые она еще чувствовала в себе.

Она набрала побольше сухих стеблей, сложила в кучку, обложила сухим ковылем. Осторожно сунула туда руку.

— Aenye!

Костерок посветлел, замерцал язычок пламени, разгорелся, охватил стебли, сожрал их, взвился вверх. Цири подбросила стеблей.

«И что дальше, — подумала она, глядя на оживающее пламя. — Вбирать? Как? Йеннифэр запрещала касаться энергии огня... Но у меня нет ни выбора, ни времени! Я обязана действовать! Стебельки и ковылины сгорят мгновенно... Огонь погаснет... Огонь... Какой он прекрасный, какой теплый...»

Она не заметила, как и когда это случилось. Засмотрелась в пламя и вдруг почувствовала ломоту в висках. Схватила за грудь, ей почудилось, что лопаются ребра. Внизу живота, в промежности и в сосках забила боль, которую мгновенно сменило блаженство. Она встала. Нет, не встала. Взлетела.

Сила заполняла ее расплавленным свинцом. Звезды на небосклоне заплясали, как отраженные в поверхности пруда. Горящее на западе Око ослепительно вспыхнуло. Цири поглотила этот свет, а вместе с ним и Силу.

— Hael, Aenye!

Единорог дико заржал и попытался вскочить, опираясь на передние

ноги. Рука Цири поднялась сама, пальцы сложились в знак, губы сами выкрикнули заклинание. Из пальцев выплыла светящаяся, колеблющаяся ясность. Огонь загудел языками пламени.

Рвущиеся из ее руки волны света коснулись раненого бедра единорога, сосредоточились, проникли в него.

— Хочу, чтобы ты выздоровел! Я хочу этого! Yass'hael, Aenye!

Сила вспыхнула в ней, переполнила безграничной радостью. Огонь взвился к небу, вокруг посветлело. Единорог поднял голову, заржал, потом вдруг быстро вскочил с земли, сделал несколько неверных шагов. Выгнув шею, дотянулся мордой до бедра, пошевелил ноздрями, зафыркал — как бы с недоверием. Заржал громко и протяжно, подпрыгнул, махнул хвостом и галопом обежал костер.

— Я вылечила тебя! — гордо воскликнула Цири. — Вылечила! Я — чародейка! Мне удалось извлечь Силу из огня! И она во мне, эта Сила! Я все могу! Я могу все!

Она обернулась. Разгоревшийся костер гудел, рассыпая искры.

— Нам больше не надо искать источники! Мы больше не будем пить воду пополам с грязью! Теперь у меня есть Сила! Я чувствую Силу, которая таится в этом огне! Я сделаю так, чтобы на проклятую пустыню хлынул дождь! Чтобы вода брызнула из камней! Чтобы здесь выросли цветы! Травы! Кольраби! Теперь я могу все! Все!!!

Она резко подняла обе руки, выкрикивая заклинания и скандируя апострофы. Она не понимала их, не помнила, когда научилась им и вообще обучалась ли когда-нибудь. Это не имело значения. Она чувствовала Силу, горела огнем. Она сама была огнем. Она дрожала от переполняющего ее могущества.

Неожиданно ночное небо пропахала стрела молнии, меж скал и ковылей завыл ветер. Единорог пронзительно заржал и поднялся на дыбы. Огонь, бушуя, устремился вверх. Веточки и стебли уже давно обуглились, теперь горели сами камни. Но Цири этого не видела. Она чувствовала Силу. Видела только огонь. Слышала только огонь.

Ты можешь все, — шептало пламя, — ты овладела нашей Силой, ты велика! Ты могуча!

В пламени возникает фигура. Высокая молодая женщина с длинными, прямыми, цвета воронова крыла волосами. Женщина дико хохочет, вокруг нее бесится огонь.

Ты могуча! Те, кто тебя обидел, не знали, с кем имеют дело! Отомсти! Отплати им! Отплати им всем! Пусть они трепещут от страха у твоих ног, пусть лязгают зубами, не смея взглянуть вверх, на

твое лицо! Пусть канючат и стенают, добиваясь твоей милости. Но ты будь выше этого! Отплати им! Отплати всем и за все! Мсти!

За спиной черноволосой женщины — огонь и дым, в дыму — виселицы, колья, эшафоты и помосты, горы трупов. Это трупы нильфгаардцев, тех, кто захватил и разрушил Цинтру, убил короля Эйста и ее бабушку Калантэ, тех, кто убивал людей на улицах города. На виселице болтается рыцарь в черных латах, веревка скрипит, вокруг выются вороны, пытающиеся выклевать ему глаза сквозь щели в крылатом шлеме. Другие виселицы уходят за горизонт, на них висят скоя'таэли, убившие Паулье Дальберга в Каэдвене и преследовавшие ее на острове Танедд. На высоком коле дергается чародей Вильгефорц, его красивое, обманчиво благородное лицо сморщено и сине-черно от муки, острый окровавленный конец кола торчит из ключицы... Другие чародеи из Танедда ползают на коленях по земле, руки у них связаны за спинами, а острые колья уже ждут их...

Столбы, обложенные связками хвороста, тянутся до полыхающего, помеченного столбами дыма горизонта. У ближайшего столба, притянутая цепями, стоит Трисс Меригольд... Дальше — Маргарита Ло-Антиль... мать Нэннеке... Ярре... Фабио Сахс...

— Нет! Нет! Нет!

Да! — кричит черноволосая. — Смерть всем, отплати им всем! Презрение им всем! Они это заслужили! Все они обидели либо собираются обидеть тебя! Могут когда-нибудь снова обидеть! Презирай их, ибо пришел наконец Час Презрения! Презрение, месть и смерть! Смерть всему миру! Смерть, гибель и кровь!

*Вся в крови твоя одежда.
Так гори, прими же муки...*

Они предали тебя! Обманули! Обидели!!! Теперь у тебя Сила, мсти!

Йеннифэр. Ее губы разбиты, кровоточат, на руках и ногах оковы, тяжкие цепи прикреплены к мокрым и грязным стенам узилища. Вопят толпящиеся вокруг эшафота люди, поэт Лютик кладет голову на плаху, над ним сверкает острие палаческого топора. Собравшиеся под эшафотом оборванцы разворачивают тряпки, чтобы собрать кровь... Гул толпы заглушает удар, от которого сотрясается помост...

Тебя предали! Обманули. Все! Ты была для них марионеткой, куклой на веревочках! Тебя использовали! Обрекли на голод, на палящее солнце, на жажду, на скитания, на одиночество! Пришел Час Презрения и мести! Ты

*владеешь Силой. Ты могуча! Пусть же весь мир трепещет перед тобой!
Пусть весь мир трепещет перед Старшей Кровью!*

На эшафот заводят ведьмаков — Весемира, Эскеля, Койона, Ламберта.
И Геральта... Геральт еле держится на ногах, он весь в крови...

Нет!!!

Вокруг нее огонь, за стеной пламени дикое ржание, единороги
вздываются на дыбы, трясут головами, бьют копытами. Их гривы — как
рваные боевые штандарты, их рога длинные и острые как мечи. Единороги
огромны, огромны, как кони рыцарей, гораздо крупнее ее Конька. Откуда
они взялись? Откуда их столько? Пламя с ревом взмывает в небо.
Черноволосая женщина вздымает руки, на ее руках кровь, ее волосы
развеивает жар.

Гори... Ты в крови...

— Прочь! Отойди! Я не хочу тебя! Мне не нужна твоя Сила!

Так гори, прими же муки...

...Брось надежду...

— Не хочу!

*Хочешь! Жаждешь! Жажда и месть. Жажда и жадность кипят в
тебе как пламя, наслаждение охватывает тебя! Это могущество, это
Сила, это власть! Это блаженнейшее из блаженств мира!*

Молния. Гром. Ветер. Топот копыт и ржание безумствующих вокруг
огня единорогов.

— Я не хочу этой Силы! Не хочу! Я отрекаюсь от нее!

Она не знала, то ли погас огонь, то ли у нее потемнело в глазах. Она
упала, чувствуя на лице первые капли дождя.

*Существо следует лишить существования. Нельзя допустить, чтобы
оно существовало. Существо опасно. Подтверждение.*

*Отрицание. Существо призвало Силу не для себя. Оно поступило так,
чтобы спасти Иуарраквакса. Существо соперживает. Благодаря*

Существо Иуарраквакс опять с нами.

Но у Существа — Сила. Если оно захочет ею воспользоваться...

Оно не сумеет ею воспользоваться. Никогда. Оно отказалось от нее. Отреклось от Силы. Совсем. Сила — ушла. Это очень странно...

Нам никогда не понять Существо.

И не надо понимать! Отберем у Существа существование. Пока не поздно. Подтверждение.

Отрицание. Уйдем отсюда. Оставим Существо. Отдадим Существо его Предназначению.

Цири не знала, сколько времени она лежала в камнях, сотрясаемая дрожью, уставившись в изменяющее свой цвет небо. Оно было то темным, то светлым, то холодным, то жарким, а она лежала, бессильная, иссушенная и пустая, как шкурка, как трупик грызуна, которого чудовище высосало и выкинуло из воронки.

Она не думала ни о чем. Она была одинока, опустошена. У нее уже не было ничего, и она не ощущала в себе ничего. Не было жажды, голода, утомления, страха. Исчезло все, даже воля к жизни. Была только гигантская, холодная, мрачная, ужасающая пустота. Она воспринимала эту пустоту всем своим естеством, каждой клеткой своего тела.

Чувствовала кровь на внутренней стороне ляжки. Это было ей безразлично. Она была пуста. Она потеряла все.

Небо меняло расцветки. Она не шевелилась. Разве движение в пустоте имеет какой-то смысл?

Она не пошевелилась, когда вокруг нее зацокали копыта, звякнули подковы. Не прореагировала на громкие окрики, на возбужденные голоса, на фыркание лошадей. Она не пошевелилась, когда ее схватили жесткие, сильные руки. Когда ее подняли, она бессильно повисла. Не отреагировала на резкие, грубые вопросы, на то, что ее трясли и дергали. Она не понимала этих вопросов и не хотела понимать.

Она была пуста и безучастна. Равнодушно приняла воду, брызгающую ей на лицо. Когда ко рту приставили фляжку, она не поперхнулась. Пила. Безучастно. Равнодушно.

Позже она тоже была безразлична ко всему. Ее затащили на седло. В промежности болело. Она дрожала, ее обернули попоной. Она была бессильной и мягкой, вываливалась из рук, поэтому ее привязали ремнем к

сидевшему сзади седоку. Седок вонял потом и мочой. Это было ей безразлично.

Кругом были лошади. Много лошадей. Цири глядела на них равнодушно. Она была пуста, она потеряла все. Уже ничто не имело никакого значения.

Ничто.

Даже то, что командовавший конниками рыцарь был в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

Глава 7

Когда к костру преступницы поднесли огонь и ее охватило пламя, принялась она осыпать оскорблениями собравшихся на плацу рыцарей, баронов, чародеев и господ советников словами столь мерзостными, что всех объял ужас. И хоть костер тот мокрыми поленьями обложили, дабы дьяволица не сгорела быстро и крепче огнем терзания познала, теперь же чем быстрее велено было сухого древна подбросить и казнь докончить. Но воистину демон сидел в оной ведьме проклятуцей, ибо хоть она уже и шипела зело, однакож крику боли не издала, а еще более ужаснейшие ругательства выкрикивать почала. «Возродится Мститель из крови моей! — возвестила она во весь глас. — Возродится из оскверненной Старшей Крови Истребитель народов и миров. Отмстит он за муки мои! Смерть, смерть и мщение всем вам и всем коленам вашим!» Одно токмо это успела она выкрикнуть, прежде чем спалилась. Так сгинула Фалька, такову кару понесла за пролитую кровь невинную.

Родерик де Новембр. «История мира», том II

— Гляньте на нее. Солнцем опалена, покалечена, вся в пылишше. Пьет и пьет, ровно губка, а оголодала, аж страх. Говорю ж вам, она с востока пришла. Прошла через Корат. Через Сковородку.

— Э-э-э! На Сковородке-та никто не выживет. С заката шла, от гор, по руслу Сухака. Корат едва краем задела, а и того хватило. Кады мы ее отыскали-та, пала уж, без духу лежала.

— На закате пустоши верстами тянутси. Дык откедова шла-та?

— Не шла — ехала. Кто знат, откедова, издалека ль? Следы копыт подле нее были. Видать, конь-та ейный в Сухаке пал, потому как побита, в синьцах вся.

— Пошто ж она така для Нильфгаарда важна, хотца знать. Кады нас префект на поиски слал, я думал, кака важна дворянка сгинула. А эта? Обнаковенная девка, помело драное, к тому ж немовля какая-та. Не-а, не

знаю, Скомлик, тоё ли, что надыть, искали-та...

— Она. И не как всяка. Как всяку-то мы б ее помершей нашли.

— Ишшо б малость. Никак дождь ее спас. Он, зараза. Самые што ни на есть стары деды дождю на Сковородке-та не припомнут. Тучи завсегда обходят Корат-та... Дажить кады в долинах дождит, тама ни единой капли не падет!

— Гляньте-ка на ее, как жрет. Быдто б неделю ничо на зуб не имела... Эй, девка! Вкусна ль солонина-то? Хлеб-та сухой? Э?

— Пытай по-эльфьему. Аль по-нильфскому. Она по-людски не разумет. Эльфий помет какой-то...

— Придурок, недоделок. Как я ее утром на коня-та сажал, то быдто куклу тряпичну сажал-та.

— Глазов нету, — сверкнул зубами тот, кого назвали Скомликом, крупный и лысоватый. — Каки с вас ловчие, ежели ишшо ее не признали! И не придурок она и не без разума. Прикидываются. Дивна и хитра пташка.

— И чего ж така Нильфгаарду важна? Награду обещшали, во все стороны патрули-та разогнали... Чего б это?

— Того не ведаю. А вот кабы ее как след запытать... Плетью по хребту... Ха! Видали, как она на меня зыркнула? Все понимает, внимательно слухат. Эй, девка! Скомлик я, искатель, ловчий. А энто, глянь-кось, нагайка, кнутом именуемая. Мила тебе на спине шкура?

— Довольно! Молчать!!!

Громкий, резкий, не терпящий возражений приказ прозвучал от другого костра, у которого сидел рыцарь.

— А ну за работу! Лошадей привести в порядок. Мои доспехи и оружие вычистить. В лес по дрова! А девушку не трогать! Ясно, хамы?

— Воистину, благородный господин Сверс, — буркнул Скомлик. Его дружки опустили головы.

— За работу! Выполняй!

Ловчие зашептались.

— Судьба нас покарала энтим засранцем, — пробормотал один. — И надыть же было префекту-та аккурат его над нами поставить, лыцаря затрахатого...

— Ишь, важный какой, — тихо промямлил другой, оглядываясь украдкой. — А ведь девку-та мы, ловчие, отыскали... Наш нюх тому виной, што мы в русло Сухака-та завернули.

— Угу. Заслуга, вишь, наша, а энто благородный награду-та хапанет, нам едва чево достанется... Флорен под копыты кинет, хватай, ловчий, поблагодарстуй за господску-та ласку...

— Заткнись, — прошипел Скомлик. — Ишшо услышит, неровен час...

Цири осталась у огня одна. Рыцарь и оруженосец внимательно глядели на нее, но молчали.

Рыцарь был уже в летах, но еще крепкий мужчина с суровым, меченым шрамом лицом. Во время езды он не снимал шлема с птичьими крыльями, но это были не те крылья, которые являлись Цири в ночных кошмарах и на острове Танедд. Это был не Черный Рыцарь из Цинтры. Но он был рыцарь нильфгаардский. Приказы отдавал и говорил на всеобщем, но с заметным акцентом, напоминающим акцент эльфов. Со своим оруженосцем, паренком немногим старше Цири, разговаривал языком, близким Старшей Речи, но не таким напевным, более твердым. Это, вероятно, был нильфгаардский диалект. Цири, хорошо владеющая Старшей Речью, понимала большинство слов, но не выдавала себя. На первой стоянке, на краю пустыни, которую называли Сковородкой или Коратом, нильфгаардский рыцарь и его оруженосец засыпали ее вопросами. Тогда она не отвечала, потому что была в полной прострации, ошарашена случившимся. Через несколько дней пути, когда выбрались из каменных ущелий и спустились вниз, в зеленые долины, Цири пришла в себя, начала наконец замечать окружающий мир и хоть замедленно, но реагировать. Однако по-прежнему не отвечала на вопросы, поэтому рыцарь вообще перестал к ней обращаться. Казалось, она его больше не интересуется. Ею занимались только мужчины, велевшие называть себя ловчими. Эти тоже пытались ее выпрашивать. И были грубы.

Однако нильфгаардец в крылатом шлеме быстро призвал их к порядку. Было ясно, кто здесь хозяин, а кто слуга.

Цири прикидывалась глуповатой немой, но внимательно прислушивалась к разговорам и понемногу начала осознавать свое положение. Она попала в лапы к нильфгаардцам. Нильфгаард ее разыскивал и нашел, несомненно, выследив трассу, по которой ее послал из Тор Лара хаотично работающий телепорт. То, что не удалось Йеннифэр и Геральту, удалось крылатому рыцарю и ловчим.

Что произошло на Танедде с Йеннифэр и Геральтом? Куда попала она? У нее были самые скверные предчувствия. Ловчие и их главарь Скомлик говорили на простонародном, исковерканном жаргоне всеобщего языка, но без нильфгаардского акцента. Ловчие, несомненно, были обычными людьми. Но служили нильфгаардскому рыцарю. Их подогревала мысль о награде, которую за Цири выплатит префект. Флоренами.

Но единственные страны, где в ходу флорен, а люди служат нильфгаардцам, — это управляемые префектами имперские провинции на

дальнем юге.

На следующий день, когда они остановились на берегу ручья, Цири начала подумывать о возможности побега. Магия могла бы помочь. Она осторожно попробовала применить самое простое заклинание, самый простой телекинез. Опасения подтвердились. В ней не осталось ни крохи чародейской энергии. После неразумной игры с огнем магические способности полностью покинули ее.

Цири словно овладела апатия ко всему. Она надолго замкнулась в себе.

Это продолжалось до того дня, когда на дороге через вересковые заросли им встретился Голубой Рыцарь.

— Ай-яй! — буркнул Скомлик, глядя на загородивших им путь всадников. — Быть беде. Энто Варнхагены из Сарды...

Наездники приближались. Впереди на могучей сивой лошади ехал гигант в вороненых с голубым отливом латах. Сразу за ним держался другой латник, сзади следовали два наездника в простых грязно-коричневых одеждах, несомненно — слуги.

Нильфгаардец в крылатом шлеме выехал им навстречу, сдерживая пляшущего гнедого. Его оруженосец нащупал рукоять меча, повернулся в седле.

— Стоять сзади и следить за девушкой, — бросил он Скомлику и его ловчим. — Не вмешиваться!

— Дурни, што ль, — тихо проговорил Скомлик, как только оруженосец отъехал. — Не дураки в разборки промеж господ из Нильфгаарда мешаться.

— Будет драчка, Скомлик, да?

— Как пить дать. Промеж Сверсами и Варнхагенами родовая вражда, кровная месть. Слезайте с конев. Девку стерегите, в ей наш спор и выгода. Ежели счастье привалит, вся награда наша.

— Варнхагены небось тоже девку ищут. Ежели победят, отымут... Нас токмо четверо...

— Пятеро... — сверкнул зубами Скомлик. — Один малый из Сарды,

сдается, мой свояк. Увидите, в этой драчке наш будет верх, а не господ лыщарев...

Рыцарь в голубых доспехах натянул поводья сивки. Крылатый встал напротив. Спутник Голубого остановился позади. Его странный шишак был украшен двумя лентами кожи, свисающими с забрала и напоминающими огромные усы или моржовые клыки. Поперек седла Два Клыка держал грозно выглядевшее оружие, немного напоминавшее шпонтон гвардейцев из Цинтры, но с более коротким древком и длинным железным острием.

Голубой и Крылатый обменялись несколькими словами. Цири не расслышала какими, но тон рыцарей не оставлял сомнений. Это не были дружественные слова. Голубой вдруг выпрямился в седле, резко указал на Цири, проговорил что-то громко и зло. Крылатый в ответ крикнул так же зло, махнул рукой в железной перчатке, явно приказывая Голубому идти прочь. И тут началось.

Голубой прищепил сивку и рванулся вперед, выхватывая из держателя при седле топор. Крылатый осадил гнедого, одновременно вытащив из ножен меч. Однако прежде чем латники начали бой, напал Два Клыка, древком шпонта послав коня в галоп. Оруженосец Крылатого прыгнул на него, выхватывая меч, но Два Клыка приподнялся в седле и ткнул его шпонтоном в грудь. Длинный наконечник с хрустом пробил нагрудник и кольчугу, оруженосец раздирающе крикнул и рухнул с коня, обеими руками ухватившись за шпонтон, вбитый по самую крестовину.

Голубой и Крылатый сошлись с гулом и грохотом. Топор был опаснее, но меч — быстрее. Голубой получил в плечо, кусок вороненого наручника отлетел в сторону, вращаясь и таща за собой ремешок, наездник покачнувшись в седле, на голубом панцире блеснули карминовые струйки. Проскочившие в галопе кони разделили дерущихся. Крылатый нильфгаардец развернул гнедого, но тут на него налетел Два Клыка, обеими руками подняв для удара меч. Крылатый рванул поводья. Два Клыка, управлявший конем лишь ногами, пронесся мимо. Однако Крылатый успел рубануть его на ходу. Цири увидела, как наплечник вмялся, из-под металла хлынула кровь.

Голубой уже возвращался, крича и размахивая топором. Оба рыцаря на ходу обменялись гулками ударами и разъехались. На Крылатого снова налетел Два Клыка, кони столкнулись, зазвенели мечи. Два Клыка ударил Крылатого, разрубив нарукавник и щиток. Крылатый выпрямился и мощно ударил справа по боковине нагрудника. Два Клыка покачнувшись в седле. Крылатый поднялся в стремях и с размаху врезал ему еще раз между разрубленным, уже вогнутым наплечником и шишаком. Острие широкого меча с грохотом вонзилось в металл, увязло там. Два Клыка напрягся и

задрожал. Кони столкнулись, топоча и грызя зубами удила. Крылатый оперся о лук, вырвал меч. Два Клыка свесился с седла и рухнул под копыта. Подковы коня зазвенели по раздавленному панцирю.

Голубой развернул сивку, напал, подняв топор. Он с трудом управлял конем раненой рукой. Крылатый заметил это, ловко зашел ему справа, поднялся в стремях для страшного удара. Голубой отразил удар топором и выбил меч из руки Крылатого. Кони снова сошлись. Голубой был настоящим силачом, тяжелая секира в его руке поднялась и упала как камышинка. На латы Крылатого с грохотом обрушился удар, от которого гнедой даже присел. Крылатый покачнулся, но удержался в седле. Прежде чем топор успел грохнуть его второй раз, он отпустил поводья, закрутил левой рукой, схватив висящую на ремennom темляке тяжелую граненую булаву, и с размаху саданул ею Голубого по шлему. Шлем загудел словно колокол, теперь Голубой покачнулся в седле. Кони визжали, пытались кусаться и не хотели расходиться.

Однако Голубой, явно одурманенный ударом булавы, все же сумел ударить топором, с гулом хватив противника по нагруднику. То, что оба все еще держались в седлах, было заслугой высоких луков. По бокам обеих лошадей текла кровь, особенно хорошо заметная на светлой шерсти сивки. Цири с ужасом смотрела на бой. В Каэр Морхене ее научили драться, но она не представляла себе, каким образом могла бы сопротивляться таким силачам. И парировать хотя бы один из их мощных ударов.

Голубой обеими руками ухватился за рукоять топора, глубоко врезавшегося в нагрудник Крылатого, сгорбился и уперся в стремя, пытаясь выбить противника из седла. Крылатый с размаху ударил его булавой раз, другой, третий. Кровь брызнула из-под козырька шлема на голубые латы и шею сивки. Крылатый ударил гнедого шпорами, прыжок коня вырвал острие секиры из его нагрудника, качающийся в седле Голубой выпустил из рук рукоять топора. Крылатый перехватил булаву правой рукой, налетел, страшным ударом пригнул голову Голубого к конской шее. Схватив поводья сивки свободной рукой, нильфгаардец дубасил булавой, голубые латы звенели, как железный горшок, кровь текла из-под промятого шлема. Еще удар — и Голубой рухнул головой вперед под копыта сивки. Сивка отскочил, но гнедой Крылатого, явно натренированный, с грохотом лягнул упавшего. Голубой еще был жив, о чем свидетельствовал отчаянный рев боли. Гнедой продолжал топтать его с таким упорством, что раненый Крылатый не удержался в седле и свалился рядом.

— Позабивали дружка дружку, сукины дети, — охнул ловчий,

державший Цири.

— Господа лыцари, чума на них и зараза, — сплюнул другой.

Слуги Голубого поглядывали издали. Один завернул коня.

— Стой, Ремиз! — крикнул Скомлик. — Куда ты? В Сарду? На виселицу торописси?

Слуги остановились, один глянул, заслонив глаза рукой.

— Скомлик, ты, што ль?

— Я. Подъезжай, Ремиз, не бойсь! Лыцаревы разборки не наша забота!

Цири вдруг решила, что пора кончать с апатией. Она ловко вырвалась у державшего ее ловчего, подскочила к сивке Голубого, одним прыжком взлетела в седло с высокой лукой.

Возможно, ей и удалось бы сбежать, если б слуги из Сарды были не в седлах и не на отдохнувших конях. Они запросто догнали ее, вырвали поводья. Она соскочила и помчалась к лесу, но конные догнали ее снова. Один на скаку схватил ее за волосы, рванул, поволок. Цири крикнула, повисла на его руке. Конник кинул ее прямо под ноги Скомлику. Свистнула нагайка. Цири взвыла и свернулась клубком, заслоняя голову руками. Нагайка свистнула снова и хлестнула ее по рукам. Она отпрыгнула, но Скомлик подскочил, пнул ее, потом прижал ботинком крестец.

— Сбежать удумала, змейство?

Свистнула нагайка. Цири снова вскрикнула. Скомлик опять пнул ее и проехался нагайкой.

— Не бей меня! — крикнула она.

— Ага, заговорила, зараза! Расшнуровала хайло-то. Вот я те щас!

— Опомнись, Скомлик! — крикнул кто-то из ловчих. — Жизню хошь и из ей выколотить аль как? Она стоит сильно, штоб ее доконать-та!

— Ясны громы, — сказал Ремиз, слезая с коня. — Неужто та, котору Нильфгаард ишшет уже неделю как?

— Она.

— Ха! Все гарнизоны ее ишшут. Кака-то важна для Нильфгаарда персона! Вроде какой-то сильный маг наворожил, што она должна быть гдей-то тут. В тутошних местах! Болтали в Сарде. Где отыскали-та?

— На Сковородке.

— Не может того быть!

— Может, может, — зло сказал Скомлик, скривившись. — Взяли мы ее, награда наша! Чё стоите навроде кольев? А ну спутать пташку и на седло! Топаем отседова, парни. Живо!

— Благородный Сверс-та, — начал один из ловчих, — вроде бы ишшо дышит...

— Долго не подышит. Пес с им. Едем прямо в Амарильо, парни. К префекту. Предоставим ему девку-та и отхватим награду.

— В Амарильо? — Ремиз почесал затылок, глянул на поле недавней брани. — Там-то уж нам палач точно! Чево скажешь префекту-та? Лыцари побиты, а вы, стал быть, целы? Как все дело на явь выйдет, префект велит вас повесить, а нас этапным ходом отошлет в Сарду... А тады Варнхагены шкуру с нас живьем сдерут. Вам-та, может, и в Амарильо дорога, а по мне так лучшей в леса податься...

— Ты ж — мой свояк, Ремиз, — сказал Скомлик. — И хоша ты есть песий хвост, потому как сестру мою поколачивал, все ж как-никак родня. Потому шкуру твою сберегу. Едем в Амарильо, говорю. Префект знат, что промеж Сверсами и Варнхагенами вражда. Встренулись, побили один другого, обнаковенная меж ими штука. Чево мы-та могли? А девку, гляньте на мои слова, мы нашли позднее. Мы ловчие. Отноне ты тож ловчий, Ремиз. Префект того не знат, всколькиром мы со Сверсом поехали. Не сочтет...

— Ты ничего не запомнил, Скомлик? — протяжно спросил Ремиз, глядя на второго слугу из Сарды.

Скомлик медленно обернулся, потом мгновенно выхватил нож и с размахом вбил его слуге в горло. Слуга взвизгнул и повалился на землю.

— Я ничего не забываю, — холодно сказал ловчий. — Ну таперица мы уж тута токмо одни свои. Свидетелев нету, да и голов для дележки награды не больно много. По коням, парни, в Амарильо! Впереду еще добрый шмат пути, тянуть нечего!

Выехав из темной и влажной буковины, они обнаружили у подножия горы деревушку — несколько крыш внутри кольца из низкого частокола, огораживающего излучину небольшой речки.

Ветер принес запах дыма. Цири пошевелила занемевшими пальцами рук, притянутых ремнями к луке седла. Вся она вконец одеревенела, ягодицы болели немилосердно, докучал полный пузырь. Она не слезала с седла с восхода солнца. Ночью не передохнула, потому что ее руки привязали к рукам лежавших по обе стороны ловчих. На каждое ее движение ловчие отвечали руганью и обещаниями поколотить.

— Деревня, — сказал один.

— Ага, — ответил Скомлик.

Они спустились с горы, копыта лошадей захрустели по высоким,

спаленным солнцем травам. Вскоре вышли на покрытую выбоинами дорогу, ведущую прямо к деревне, к деревянному мостику и воротам в частоколе.

Скомлик остановил коня, приподнялся на стремянах.

— Што за деревня? Никогда тут не бывал. Ремиз, знашь это место?

— Ране, — сказал Ремиз, — деревню звали Бела Речка. Но как начались беспорядки, несколько тутошних пристали к бунтовщикам, то Варнхагены из Сарды пустили тут красного петуха, людишек перебили альбо погнали в неволю. Таперича одни нильфгаардские поселенцы здесь обретаются, новопоселенцы, стал быть. А деревушку в Глысвен перекрестили. Поселенцы тутошние недобрые, упрямые люди. Говорю — не надьть тута останавливаться. Едем дале.

— Коням передых нужон, — запротестовал один из ловчих. — И еда. Да и у меня кишка кишке кукиш кажет. Што нам новопоселенцы, говно, замухрышки. Махнем им перед носом приказом префекта, префект-та тожить нильфгаардец, как и они. Увидите, в пояс нам поклонятся.

— Ну уж, — буркнул Скомлик, — видал кто нильфгаардца-та, который в пояс кланяется? Ремиз, а корчма какая-никакая есть в энтом Глысвене?

— Есть. Корчму Варнхагены не спалили.

Скомлик обернулся в седле, глянул на Цири.

— Развязать ее надьть. Нельзя, штобы кто узнал... Дайте ей попону. И чего-нить на башку... Эй... Ты куда, девка?

— В кусты надо.

— Я те дам кусты, потаскуха! Садись у дороги! И помни: в деревне ни слова. Думаешь, хитра больно? Пикнешь токо, так горло перережу. Ежели я за тебя флоренов не получу, никто не получит.

Подъехали шагом, конские копыта застучали по мостику. Из-за частокола тут же выглянули поселенцы, вооруженные копьями.

— Сторожат у ворот-та, — буркнул Ремиз. — Антересно, чего ради?

— Ага, — буркнул Скомлик, приподнимаясь на стремянах. — Ворота стерегут, а от мельницы частокол развален, возом можно проехать...

Подъехали ближе, остановили лошадей.

— Мир вам, хозяева! — крикнул весело, хоть и не совсем натурально Скомлик. — В добрый час!

— Кто такие? — кратко спросил самый высокий из поселенцев.

— Мы, кум, армия, — соврал Скомлик, откинувшись в седле. — На службе его восходительства господина префекта в Амарилю.

Посланец провел рукой по древку копья, глянул на Скомлика исподлобья. Он явно не мог припомнить, на каких крестинах ловчий стал

его кумом.

— Нас сюды прислал господин префект, — продолжал врать Скомлик, — штоб узнать, как идут делишки у его земков, добрых людей из Глысвена. Его восходительство шлет, стал быть, пожелания и спрашивает, не надоть людям из Глысвена какой помочи?

— Справляемся понемногу, — сказал поселенец. Цири отметила, что он говорит на всеобщем с таким же акцентом, как и Крылатый, хоть стилем речи старается подражать жаргону Скомлика. — Привычные мы сами себе управляться.

— Рад будет господин префект, услышавши энто. Корчма открыта? В горлах у нас пересохло...

— Открыта, — угрюмо бросил поселенец. — Пока еще открыта.

— Пока еще?

— Пока еще. Вскорости мы эту корчму разберем, стропилы и доски на амбар сгодятся. А с корчмы никакого дохода. Мы трудимся в поте лица и в корчму не заглядываем. Корчма только приезжих тянет, больше таких, которым мы не рады. Теперь там тоже такие остановились.

— Кто? — Ремиз слегка побледнел. — Не из форта ли Сарда, случаем? Не благородные ли господа Варнхагены?

Поселенец скривился, помял губами, словно собирался плюнуть.

— К сожалению, нет. Милиция господ баронов. Нисары.

— Нисары? — наморщил лоб Скомлик. — А откедова они? Под чьей командой-та?

— Старшим над ними высокий, черный, усатый, как сом.

— Ха! — Скомлик повернулся к спутникам. — Повезло нам. Токмо одного такого знаем, нет? То никак будет наш старый друг Веркта. «Верь мне», помните? А чего ж тут у вас, кум, нисары поделявают?

— Господа нисары, — понуро пояснил поселенец, — в Тыффию направляются. Почтили нас своим присутствием. Везут пленника. Одного из банды Крыс взяли в полон.

— Глянь-ка! — фыркнул Ремиз. — А нильфгаардова инператора не взяли? В полон-та?

Поселенец нахмурился, стиснул руку на древке копья. Его товарищи глухо зароптали.

— Езжайте в корчму, господа солдаты. — На скулах поселенца заходили желваки. — И поболтайте с господами нисарами, вашенскими дружками. Вы вроде бы на службе у префекта. Так спросите господ нисар, почему они бандита в Тыффию везут, вместо того чтобы тут, на месте, сразу на кол волами тянуть, как префект велел. И напомните господам

нисарам, дружкам вашим, что здесь власть — префект, а не барон из Тыффии. У нас уж готовы и волю в ярме, и кол заостренный. Если господа нисары не пожелают, то мы сообразим, что надо. Шепните им это.

— Шепну, а как же. — Скомлик многозначительно глянул на спутников. — Бывайте, люди.

Они шагом двинулись меж халуп. Деревня казалась вымершей, не было видно ни души. Под одним из заборов рылась свинья, в грязи барахтались грязные утки. Дорогу наездникам пересек большой черный котище.

— Тьфу, тьфу, котья морда. — Ремиз наклонился в седле, сплюнул, сложил пальцы знаком, оберегающим от злой порчи. — Дорогу перешел, котий сын!

— Штоб у него мыша в горле застряла!

— Чего? — повернулся Скомлик.

— Кот. Што твоя смола черный. Дорогу перебег, тьфу, тьфу.

— Хрен с ним. — Скомлик осмотрелся. — Гляньте-ка, пустынь какая. Однако ж видел я сквозь пузыри оконные, людишки сидят по хатам, глядят. Тама вон из-за ворот, заметил, пика блеснула.

— Баб стерегут, — засмеялся тот, который пожелал коту подавиться мышью. — Нисары в селе. Слыхали, что кмет плел. Видать, не любят нисаров-та.

— И не диво. «Верь мне» и его кодла ни одной кметки не пропустят. Эх, доиграются они ишшо, энти господа нисары. Бароны их «Стражами порядка» величают, за то им плотют, чтоб порядок стерегли, за дорогами приглядывали. А как крикнешь кмету в ухо «нисар!», так он немедля себе пятки со страху обдекает. Но это до поры до времени. Ну ишшо одного теленка зарежут, ну ишшо одну девку оттрахают, и, глянь, кметы их на вилы подымут. Ей-бо. Видали тех, у ворот, какие мордovorоты у их злые? Это нильфгаардское поселение. С имя шуток не шуток... Хо, а вот и корчма...

Они поторопили коней.

У корчмы была малость просевшая, сильно омшелая крыша. Стояла корчма в некотором отдалении от халуп и хозяйственных построек, отмечая, однако, середину, центральную точку всего огороженного разваленным частokoлом пространства, место пересечения двух проходящих через селение дорог. В тени единственного поблизости большого дерева был загон, заграда для скота и отдельная — для лошадей. В последней стояло пять или шесть нерасседланных верховых коней. Перед дверью, на ступенях, сидели два типа в кожаных куртках и остроконечных

меховых шапках. Оба любовно прижимали к груди глиняные кувшины, а между ними стояла миска, полная обглоданных костей.

— Кто такие? — крикнул один при виде Скомлика и его спутников, слезающих с коней. — Чего тут ищите? Топайте отседова! Занята корчма именем закона!

— Не ори, нисар, не ори! — сказал Скомлик, стаскивая Цири с седла. — А дверь раззявь пошире, потому как мы хотим внутрь. Твой командир, Веркта, — наш замок.

— Не знаю вас!

— Потому как зелен ишшо. «Верь мне» и я разом служили ишшо в стародавние времена, прежде чем Нильфгаард тута осел.

— Ну коли так... — заколебался любитель пива, отпуская рукоять меча, — заходите. Мне все едино...

Скомлик толкнул Цири, другой ловчий схватил ее за воротник.

Вошли.

В помещении было мрачно и душно, несло дымом и жареным. Корчма была почти пуста — занят только один стол, который стоял в полосе света, падающего сквозь окно, затянутое рыбьими пузырями. За ним сидели несколько мужчин. В глубине, перед топкой, возился корчмарь, грохоча горшками.

— Челом бью господам нисарам! — загудел Скомлик.

— Бей, бей, да не с нами пей, — буркнул один из сидевших у оконца, сплюнув на пол. Другой остановил его жестом.

— Давай потише. Свои парни, не узнал, што ль? Скомлик и его ловчие. Челом, челом!

Скомлик расплылся в улыбке и двинулся к столу, но остановился, видя своих дружков, уставившихся на столб, который поддерживал балку потолка. У столба сидел на табуретке щуплый светловолосый паренек лет пятнадцати, странно напряженный и вытянутый. Цири заметила, что его неестественная поза — результат того, что руки его вывернуты назад и связаны, а шея притянута к столбу ремнем.

— Обсыпь меня короста, — громко вздохнул один из ловчих, тот, что держал Цири за воротник. — Глянь-ка, Скомлик! То ж Кайлей!

— Кайлей? — наклонил голову Скомлик. — Крыс Кайлей? Не может того быть!

Один из сидевших за столом нисар, толстяк с волосами, зачесанными в колоритный чуб, гортанно рассмеялся.

— Может, может, — сказал он, облизывая ложку. — Кайлей своей собственной вонючей персоной. Оправдался ранний подъем. Получим за

него верняк — полгорсти флоренов доброй императорской монетой.

— Хватанули Кайлея, ну, ну, — поморщился Скомлик. — Значится, правду говорил нильфгаардский кметок...

— Тридцать флоренов, сучий хвост, — вздохнул Ремиз. — Недурственно... Платит барон Люц из Тыффии?

— Верно, — подтвердил другой нисар, черноволосый и черноусый. — Благородный барон Люц из Тыффии, наш господин и благодетель. Крысы ограбили его советника на большаке, ну вот он обозлился и назначил награду. И мы эту награду примем, Скомлик, верь мне. Хе, гляньте-ка, парни, ишь как напыжился! Не ндравится ему, что это мы, а не он Крыса изловил, хоша и ему префект банду ловить приказал.

— Ловчий Скомлик, — толстяк с чубом ткнул в Цири ложкой, — тожить чего-то словил. Вишь, Веркта? Девка кака-то.

— Вижу, — сверкнул зубами черноволосый. — Чего ж это, неужто тебя беда так скрутила, что ты дитёв уводишь заради выкупа? Что за грязнуха така?

— Не твоё дело!

— Ишь, какой грозный, — засмеялся чубатый. — Удостовериться хотим, не дочка ль твоя.

— Евонная дочка? — засмеялся Веркта, черноусый. — Да неужто? Чтоб дочь сплодить, надыть яйцы носить.

Нисары грохнули.

— Ну, ну, ржите, лбы бараньи, — рявкнул Скомлик и напыжился. — А тебе, Веркта, так скажу: не минет неделя, увидишь, о ком громче-та будут — о вас и вашем Крысе аль о том, чего я сварганил. И тады посмотрим, кто ишшедрее — ваш барон или император префект из Амарилю!

— Могешь меня в зад уцаловать, — презрительно известил Веркта и вернулся к похлебке, — вместях с твоим префектом, твоим императором и всем Нильфгаардом разом. Верь мне. И не надувайся. Знаю, что Нильфгаард уж неделю как за какой-то девой гонится, аж пыль на дорогах стоит. Знаю, что награда за нее назначена. Но мне это до говна, значит, верь мне. Я уж префекту и нильфам прислуживать не мыслю и наплевать мне на них. Я теперича у барона Люца служу, и стал быть, ему одному подчиняюся, никому боле.

— Твой барон, — отхаркнулся Скомлик, — вместо тебя нильфгаардскую ручку поглаживает, нильфгаардские сапоги лижет. Тебе того не надо делать, вот ты и трепешься.

— Не хорохорься, — примиряюще сказал нисар. — Не супротив тебя

говорил, верь мне. То, што девку, кою Нильфгаард ишшет, ты нашел, рад видеть. Хорошо, что и награду ты возьмешь, а не засратые нильфгаардцы. А то, што ты префекту служишь, дык никто себе господ не выбирает, это они выбирают нас. Нет, што ль? А ну, садись с нами, выпьем, коли встреча вышла.

— Ну, чего ж нет-та, — согласился Скомлик. — Токмо для початку дайте-ка кусок вожжей. Привяжу девку к столбу, рядом с вашим Крысом, лады?

Нисары грохнули.

— Глянь-ка, пугало пограничное! — захохотал толстяк с чубом. — Вооруженная силы Нильфгаарда. Повяжи ее, Скомлик, повяжи, чего уж. Токмо возьми железню цепь, потому как вожжи-та твой важный пленник запросто разорвет и морду тебе набьет, прежде чем сбежать. Выглядит грозно, аж мурашки по пузу.

Даже спутники Скомлика глухо рассмеялись. Ловчий покраснел, затянул пояс, подошел к столу.

— Я для верности, штоб не сбегла.

— Ну, ну, — прервал Веркта, разламывая хлеб. — Хошь поболтать, так садися, поставь всем, как положено. А свою девку, ежели хошь, подвесь за ноги к потолку. Мне энто без разницы, верь мне. Токмо жуть как смешно, Скомлик. Для тебя и для твоего префекта это, может, и важный пленник, а по мне так — заморенное и запуганное дите. Собираешься ее связывать? Она, верь мне, едва на ногах держится, где ей там сбежать-та. Чего боисси?

— Щас скажу чего. — Скомлик закусил губу. — Это нильфгаардское поселение. Нас тут хлеб-солью поселенцы не встречали, а для вашего Крыса, сказали, уже готов кол заостренный. И правы, потому как префект указ дал, чтоб пойманных разбойников на месте кончать. Ежели им пленника не выдадите, они и для вас колышки обстругают.

— Эва как, — бросил чубатый. — Чаек им пугать, дурням. Лучше пусть не лезут, не то кровушки им пустим.

— Крыса им не выдадим, — добавил Веркта. — Наш он и в Тыффию поедет. А барон Люц уж все с префектом уладит. Э, что трепаться попусту. Садитесь.

Ловчие, повернув пояса с мечами, охотно присели к столу, покрикивая на корчмаря и согласно указывая на Скомлика, как на плательщика.

Скомлик пинком придвинул табурет к столбу, схватил Цири за руку, дернул так, что она упала, ударившись плечом о колено связанного паренька.

— Сиди тут, — буркнул он. — И не шевелись, иначе изобью, суку.

— У, гнида, — проворчал паренек, глядя на него прищуренными глазами. — Ты, пес...

Большинство слов, которые слетели со злых, искривленных губ паренька, Цири не знала. Но по изменениям на лице Скомлика поняла, что это должны были быть слова невероятно мерзкие и обидные.

Ловчий побледнел от бешенства, замахнулся, ударил связанного по лицу, ухватил за длинные светлые волосы, рванул, стукнув парня затылком по столбу.

— Эй! — крикнул Веркта, поднимаясь из-за стола. — Чего ты?

— Клыки ему повыбиваю, Крысу паршивому! — рявкнул Скомлик. — Ноги из жопы вырву! Обе!

— Иди сюды и перестань хайло рвать. — Веркта сел, одним духом опрокинул кубок пива, отер усы. — Твоим пленным можешь вырывать чего ндравится, а от наших — стороной. А ты, Кайлей, не изображай больно-то уж смелого. Сиди тихо и починай мыслить о шафоте, который барон Люц уже велел поставить в городке. Спис тех штук, которы тебе на том шафоте сотворит палач, уже составлен, и, верь мне, долгий список, на три локтя будет. Полгородка уж заклады поставило, до которого пункта ты выдержишь. Так што эконошь силенки-то, Крыс. Я и сам поставлю малость и рассчитываю — ты меня не разочаруешь и выдержишь хоша бы кастрирования.

Кайлей сплюнул, отвернув голову, насколько позволял стянутый на шее ремень. Скомлик затянул пояс потуже, зловещим взглядом окинул скорчившуюся на табурете Цири и присоединился к компании за столом, нещадно ругаясь, потому что в принесенном корчмарем кувшине остались лишь слабые следы пены.

— Как взяли Кайлея-та? — спросил он, дав знак корчмарю, что хочет расширить заказ. — К тому ж живым? Потому как не уверю, что остальных Крысов перебили.

— По правде-та, — ответил Веркта, критически рассматривая то, что только что извлек из носа, — повезло, и вся недолга. Сам-друг был. От шайки отлучился и в Нову Кузню к девке приперся на ночку. Солтысина знал, што мы недалече стоим, ну и кликнул. Пospели мы до свету, схватили его на сеновале, он и не пикнул.

— А с девкой евонной поиграли сообча, — захохотал толстяк с чубом. — Ежели ее Кайлей ночкой не удобрухал, так мы-то не обидели. Мы ее поутру так удобрухали, что потом-та она ни рукой, ни ногой двинуть не могла!

— Ну, говорю, лопухи вы и дурни, — громко и насмешливо известил

Скомлик. — Протрахали добру деньгу, глупцы. Вместо того чтоб девку трахать, надоть было железо раскалить и Крыса выпытать, где банда ночует. Могли всех взять. Гиселера и Реефа... За Гиселера Варнхагены из Сарды двадцать флоренов давали уж в зашлом годе. А за ихнюю подружку, как там ее... Мистель навроде... За ее префект ишшо боле б дал опосля того, что она с евонным братаном учинила под Друи, когда Крысы обоз раскурочили.

— Ты, Скомлик, — поморщился Веркта, — то ль от рождения чокнутый, то ль тебе жизнь тяжкая разум из башки в уши выдула. Нас шестеро. Што, вшестером надо было на целу шайку вдарить, иль как? А награда нас и без того не обойдет. Барон Люц в тюряге Кайлею пятки пригреет, времени не пожалеет, верь мне. Кайлей запоем, выдаст их скрытники и жилье, тогда силой и кучей пойдем, окружим банду, выташшим, как раков из сачка.

— Как же! Станут они ждять. Узнают, что Кайлея схватили, и затаятся в других скрытниках и камышовнике. Нет, Веркта, надоть тебе глянуть правде в глаза: испоганили вы дело. Обменяли награду на бабью манду. Такие уж вы, знаем мы вас... Токмо манды у вас на уме-то.

— Сам ты манда! — Веркта выскочил из-за стола. — Ежели у тебя чешется, так топай сам за Крысами-та вместе с твоими героями! Токмо смотри, потому как на Крысов идтить, нильфгаардский подлиза, энто тебе не недорослую девку лапать!

Нисары и ловчие принялись орать и взаимно обзывать друг друга. Корчмарь быстренько подал пива, вырвав пустой кувшин из рук толстяка с чубом, уже замахнувшегося на Скомлика. Пиво быстро смягчило спор, охладило глотки и успокоило темпераменты.

— Есть давай! — крикнул толстяк корчмарю. — Яешню с колбасой, фасоли, хлеба и сыра!

— И пива!

— Ну чего вытаращился, Скомлик? Мы нонче при деньге! Ослобонили Кайлея от коня, кошелька, безделушек, меча, седла и кожушка, все продали краснолюдом!

— Красные сапожки евонной девки тожить продали. И кораллы!

— Ну стал быть, и верно есть на что выпить! Рад!

— И чегой-то ты такой-та уж радый? У нас есть, не у тебя... Ты за свою важну добычу токмо сопли из-под носа вытирать сможешь или вшей у нее выискивать! Каков поход, таков и доход, ха, ха!

— Ну собачье племя!

— Ха-ха! Садись, шутовал я.

— Выпьем за дружбу! Мы ставим!

— Эй, где яешня, корчмарь, чтоб тебя чума сожрала! Быстрей!

— И пиво давай!

Скорчившаяся на табуретке Цири подняла голову, наткнувшись на злые зеленые глаза Кайлея, сверкнувшие из-под взлохмаченной челки светлых волос. Ее прошила дрожь. Лицо Кайлея, хоть и симпатичное, было злым. Очень злым. Цири тут же поняла, что этот ненамного старше ее паренек способен на все.

— Никак тебя мне боги послали, — шепнул Кайлей, сверля ее зеленым взглядом. — Подумать только, я не верю в богов, а они прислали. Не оглядывайся, идиотка маленькая. Ты должна мне помочь... Слушай, зараза...

Цири съежилась еще больше, опустила голову.

— Слушай, — прошипел Кайлей, совсем по-крысиному сверкнув зубами. — Когда мимо нас будет проходить корчмарь, крикнешь... Да слушай же ты меня, черт возьми...

— Нет, — шепнула она. — Они меня избьют...

Губы Кайлея скривились, а Цири сразу же поняла, что избиение вовсе не самое худшее, что может с ней случиться. Хотя Скомлик был большой, а Кайлей худой и вдобавок связанный, она инстинктивно чувствовала, кого надо бояться больше.

— Если поможешь мне, — шепнул Кайлей, — я помогу тебе. Я не один. Мои друзья в беде не оставляют... Поняла? Но когда мои друзья нагрянут, когда начнется, я не могу торчать у столба, потому что эти сволочи меня прикончат... Слушай, собачий хвост, что надо сделать...

Цири опустила голову еще ниже. Губы у нее дрожали.

Ловчие и нисары жрали яичницу, чавкая как свиньи. Корчмарь помешал в котле и принес на стол очередной кувшин пива и буханку пеклеванного хлеба.

— Я голодная! — послушно запищала Цири, немного побледнев. Корчмарь остановился, дружелюбно взглянул на нее, потом повернулся к пирующим.

— Можно ей дать, господа?

— Прочь! — невнятно рявкнул Скомлик, краснея и брызгая яичницей. — Прочь от нее, вертельщик засратый, не то я тебе ноги повыкручиваю! Нельзя! А ты сиди тихо, шалава, тихо...

— Эй-эй, Скомлик, чегой-то ты, одурел вконец или как? — бросил Веркта, с трудом проглатывая покрытый луком хлеб. — Гляньте, парни, жадюга, сам жрет за чужие деньги, а девке жалеет. Дай ей миску, хозяин. Я

плачу, и я решаю, кому дать, кому нет. А ежели кому-то это не ндравится, может сразу получить по щетине.

Скомлик покраснел еще сильнее, но смолчал.

— Чтой-то мне ишшо вспомнилось, — добавил Веркта. — Надыть Крыса накормить, чтоб копыта в пути не откинул, не то барон с нас шкуру спустит, верь мне. Девка его покормит. Эй, хозяин! Навали жратвы какой для них! А ты, Скомлик, чево там бурчишь? Чево тебе не ндравится?

— Следить за ней надыть, — ловчий головой указал на Цири, — потому как энто кака-то странная пташка. Ежели б то была обнаковенная девка, Нильфгаард бы за ней не гонялси, префект награды бы не посулил.

— Обнаковенная — не обнаковенная, — хохотнул толстяк с чубом, — сразу видать будет, как ей промеж ног глянуть! Как вы на это, парни? Заберем на сеновал на минутку?

— И не вздумай трогать, — буркнул Скомлик. — Не позволю!

— Эва! Будем тебя спрашивать!

— Моя добыча, и мое дело, чтоб ее целой довести! Префект из Амарильо...

— Наклали мы на твоо префекта. За наши деньги пил, а нам потрахаться пожалел? Эй, Скомлик, не будь сквалыгой! И голова у тебя не упадет, и выгода тебя не обойдет! Целой довезешь. Девка — не рыбий пузырь, от тисканья не пукнет!

Нисары заржали. Спутник Скомлика поддержал их. Цири затряслась, побледнела, подняла голову. Кайлей усмехался.

— Поняла уже? — прошипел он, еле шевеля губами. — Как напьются, возьмутся за тебя. Изувечат. Мы едем в одной телеге. Говори, что я велю. Получится у меня — получится и у тебя.

— Еда готова! — крикнул корчмарь. У него не было нильфгаардского акцента. — Подойди, мазелька!

— Нож, — шепнула Цири, принимая у него миску. — Нож. Быстро.

— Ежели мало, получай еще! — неестественно воскликнул корчмарь, косясь в сторону пирующих и добавляя в миску каши. — Отойди, прошу тебя.

— Нож.

— Жаль мне тебя, дочка, но не могу. Пойми ты. Отойди...

— Из корчмы, — повторила она дрожащим голосом слова Кайлея, — никто не выйдет живым. Нож. Быстро. А когда начнется, беги...

— Держи миску, неряха! — крикнул корчмарь, поворачиваясь так, чтобы заслонить собой Цири. Он был бледен и дробно лязгал зубами. — Ближе к сковороде!

Она почувствовала холодное прикосновение кухонного ножа, который он сунул ей за пояс, заслонив ручку курточкой.

— Прекрасно, — прошипел Кайлей. — Сядь так, чтобы меня заслонить. Поставь миску мне на колени. В левую руку возьми ложку, в правую — нож. И пили вожжу. Не тут, дура. Под локтем, на столбе. Осторожнее, глядят.

Цири почувствовала, как пересохло горло. Наклонила голову чуть не к самой миске.

— Корми меня и ешь сама. — Зеленые глаза всматривались в нее из-под прищуренных век, гипнотизировали. — И пили, пили. Смелее, малек. Получится у меня — получится и у тебя...

«Верно, — подумала Цири, трудясь над веревкой. Нож вонял железом и луком, острие было неровным, видимо, много раз точили. — Он прав. Разве я знаю, куда меня везут эти подлецы? Разве я знаю, что надо от меня их нильфгаардскому префекту? Может, и меня ждет колесо, растяжки и клещи, раскаленное железо... Я не дам отвести себя как овцу на бойню. Уж лучше рискнуть...»

С грохотом вылетело окно, вместе с рамой и кинутым снаружи пнем для рубки поленьев, все свалилось на стол, чиня опустошение среди мисок и кувшинов. Вслед за пнем на стол прыгнула светловолосая коротко подстриженная девушка в красной курточке и высоких блестящих сапогах выше колен. Упав на колени, она тут же взмахнула мечом. Один из нисаров, самый медлительный, не успевший отскочить, рухнул на спину вместе с лавкой, исходя кровью из рассеченного горла. Девушка ловко спрыгнула со стола, уступив место влетевшему в окно пареньку в коротком вышитом полукожушке.

— Кры-ы-ысы! — рявкнул Веркта, возясь с мечом, запутавшимся в поясе.

Чубатый толстяк выхватил оружие, прыгнул к ползающей по полу девушке, замахнулся, но та, поднявшись на колени, ловко парировала удар, отползла, а парень в кожушке, прыгнувший вслед за ней, с размаху ткнул нисара в висок. Толстяк повалился на пол, мгновенно обмякнув, как вывернутый тюфяк.

Двери корчмы распахнулись под ударом ноги, в помещение ворвались двое Крыс. На первом, высоком и чернявом, был усеянный шишками кафтан, на лбу — пурпурная повязка. Этот двумя быстрыми ударами меча откинул двух ловчих в противоположные углы, схватился с Верктой.

Второй, коренастый и светловолосый, широким ударом располосовал Ремиза, шурина Скомлика. Оставшиеся кинулись в бегство, направляясь к

кухонным дверям. Но Крысы уже врывались и туда — из задней комнаты вдруг выскочила темноволосая девушка в сказочно красивой одежде. Быстрым тычком пропорола насквозь одного из ловчих, мельницей отогнала другого и тут же зарубила корчмаря, прежде чем тот успел крикнуть, кто он такой.

Помещение заполнил рев и звон мечей. Цири спряталась за столбом.

— Мистле! — Кайлей, разорвав надпиленную веревку, силился освободиться от ремня, все еще державшего ему шею у столба. — Гиселер! Рееф! Ко мне!

Однако Крысы были заняты дракой, крик Кайлея слышал только Скомлик. Ловчий развернулся и уже собрался пригвоздить Крысу к столбу, но Цири прореагировала мгновенно и автоматически — как во время драки с выверной в Горс Велене и на Танедде — все выученные в Каэр Морхене движения проделались вдруг сами по себе, почти без ее участия. Она выскочила из-за столба, завертелась в пируэте, налетела на Скомлика и сильно ударила его бедром. Она была слишком мала и легка, чтобы откинуть огромного ловчего, но ей удалось нарушить ритм его движений и обратить на себя его внимание.

— Ах ты дрянь поганая!

Скомлик замахнулся, меч взвыл в воздухе. Тело Цири снова само по себе проделало спасительный вольт, а ловчий чуть не перевернулся, полетев следом за набравшим инерцию клинком. Грязно ругаясь, он рубанул еще раз, вложив в удар всю свою силу. Цири ловко отскочила, уверенно опустившись на левую ногу, закружилась в обратном пируэте. Скомлик рубанул снова, но и на этот раз не смог ее достать.

Между ними вдруг свалился Веркта, поливая обоих кровью. Ловчий отступил, оглянулся. Его окружали одни трупы. И Крысы, надвигающиеся со всех сторон с направленными на него мечами.

— Стойте, — холодно сказал чернявый в пурпурной повязке, наконец освобождая Кайлея. — Похоже, он очень хочет зарубить девочку. Не знаю почему. Не знаю также, каким чудом ему это не удалось до сих пор. Но дадим ему шанс, коли он так сильно хочет.

— Дадим и ей, Гиселер, — сказал кряжистый. — Пусть это будет честный бой. Дай ей какое-нибудь железо, Искра.

Цири почувствовала в руке рукоять меча. Немного тяжеловатого.

Скомлик яростно засопел, кинулся на нее, размахивая оружием в мерцающей мельнице. Он был слишком медлителен — Цири уходила от ударов быстрыми финтами и полуоборотами, даже не пытаясь парировать сыпавшиеся на нее удары. Меч служил ей только противовесом,

облегчавшим вольты.

— Черт-те что! — коротко рассмеялась стриженная. — Невероятно! Акробатка!

— Быстрая, — сказала разноцветная, которая дала ей меч. — Быстрая, как эльфа. Эй ты, толстый! Может, хочешь кого-нибудь из нас? С ней у тебя не получается.

Скомлик попятился, осмотрелся, вдруг неожиданно прыгнул, целясь в Цири уколom, вытянувшись словно цапля с выставленным клювом. Цири ушла от удара коротким финтом, закружилась. Несколько мгновений видела набухшую, пульсирующую жилу на шее Скомлика. Она знала: в той позиции, в которой он оказался, он не сумеет ни избежать удара, ни парировать. Знала, куда и как следует ударить.

Но не ударила.

— Достаточно. — Она почувствовала на плече руку. Девушка в яркой одежде оттолкнула ее, одновременно двое других Крыс — в полукожушке и коротко стриженная — зажали Скомлика в углу, держа его под мечами.

— Достаточно баловаться, — повторила цветастая, поворачивая Цири к себе. — Это немного затянулось. И по твоей вине, девочка. Можешь убить и не убиваешь. Что-то мне сдается, долго ты не проживешь.

Цири вздрогнула, глядя в огромные темные миндалевидные глаза, видя приоткрытые в улыбке зубы, такие мелкие, что улыбка выглядела противоестественной. Это были не человеческие глаза и не человеческие зубы. Яркая девушка была эльфкой.

— Пора уходить, — резко сказал Гиселер, тот, с пурпурной перевязкой на лбу, явно командир. — Это действительно слишком уж затянулось. Мистле, прикончи поганца.

Коротко стриженная приблизилась, подняла меч.

— Смилуйтесь! — взвизгнул Скомлик, падая на колени. — Даруйте жизнь! У меня дети малые... Малышки...

Девушка ударила резко, развернувшись в бедрах. Кровь брызнула на побеленную стену широким неправильным веером карминовых точек.

— Терпеть не могу малышей, — сказала стриженная, быстрым движением пальцев сгоняя кровь с лезвия.

— Не стой, Мистле, — поторопил ее парень с пурпурной повязкой. — По коням. Надо смываться! Поселение нильфгаардское, у нас здесь нет друзей!

Крысы мгновенно выбежали из корчмы. Цири не знала, что делать, но раздумывать было некогда. Мистле, коротко стриженная, подтолкнула ее к двери.

Перед корчмой, среди осколков кувшинов и обглоданных костей, лежали трупы нисаров, охранявших вход. Со стороны поселка бежали вооруженные копьями поселенцы, но при виде высыпавших на двор Крыс тут же скрылись между домишками.

— На коне сидишь? — крикнула Мистле Цири.

— Да...

— Ну так давай, хватай любого — и вперед! За наши головы назначена награда, а это — нильфгаардское село. Тут уже хватаются за луки и рогатины! Галопом за Гиселером! Посередине улочки! Держись подальше от халуп!

Цири легко перепрыгнула через невысокую загородку, схватила поводья одного из коней ловчих, запрыгнула в седло,хватила коня по крупу плоской стороной меча, которого так и не выпустила из рук. Рванула в галоп, опережая Кайлея и многоцветную эльфку, которую называли Искрой. Помчалась за Крысами в сторону мельницы. Увидела, что из-за угла одной из хат выскакивает человек с арбалетом и целится в спину Гиселера.

— Руби его! — услышала сзади. — Руби его, дева!

Цири откинулась в седле, рывком поводьев и нажимом пятки заставив коня сменить направление, замахнулась мечом. Человек с арбалетом отвернулся, в последний момент она увидела его искаженное ужасом лицо. Поднятая для удара рука на мгновение задержалась, этого было достаточно, чтобы конь пронес ее мимо. Она услышала щелчок освобождаемой тетивы, конь взвизгнул, дернул крупом и встал на дыбы. Цири прыгнула, вырывая ноги из стремян, ловко опустилась на полусогнутые. Подроспевшая Искра перевесилась с седла, резким взмахом рубанула арбалетчика по затылку. Арбалетчик упал на колени, перегнулся вперед и рухнул лицом в лужу, разбрызгивая грязь. Раненый конь ржал и топтался рядом, наконец помчался между халупами, сильно взбрыкивая.

— Идиотка! — крикнула эльфка, минув Цири. — Чертова идиотка!

— Запрыгивай, — рявкнул Кайлей, подъезжая.

Цири подбежала, схватила протянутую руку. Хрустнул плечевой сустав, но она успела вскочить на коня, прижалась к спине светловолосого паренька. Запустили рысью, обгоняя Искру. Эльфка вернулась, чтобы перехватить еще одного арбалетчика, который бросил оружие и бежал к воротам овина. Искра без труда настигла его. Цири отвернулась. Услышала, как арбалетчик взвыл. Коротко, дико, словно зверь.

Их догнала Мистле, тянувшая за собой оседланного коня. Крикнула что-то. Цири не поняла слов, но сообразила сразу. Отпустила плечи Кайлея, на полном ходу спрыгнула на землю, подскочила к лошади, опасно

приблизившись к постройкам. Мистле кинула ей поводья, обернулась и предостерегающе крикнула. Цири повернулась в самую пору, чтобы ловким полуоборотом уйти от предательского удара копьем, которым орудовал крепенький поселенец, выглянувший из хлева.

То, что случилось после, долгое время преследовало ее в снах. Она помнила все, каждое движение. Полуоборот, спасший от удара острием копья, дал ей идеальную позицию. Копейщик же, сильно наклонившийся вперед, не мог ни отскочить, ни заслониться древком, которое держал обеими руками. Цири ударила плашмя, вывернувшись в обратный пируэт. Какое-то мгновение видела раскрытый в крике рот на заросшем щетиной лице. Видела увеличенный лысиной лоб, светлый повыше линии, над которой шапка или капюшон защищали его от загара. А потом все, что она видела, заслонил фонтан крови.

Она все еще держала коня за поводья, конь испугался жуткого воя, дернулся, повалил ее на колени. Цири не выпустила поводьев. Раненый выл и хрипел, конвульсивно метался по соломе и навозу, а кровь выплескивалась из него, как из вебря. Цири чувствовала, как желудок подпирает горло.

Рядом осадил коня Искра. Схватив поводья кружащего на месте коня Цири, она дернула, поднимая на ноги все еще вцепившуюся в ремень девочку.

— В седло! И рысью!

Цири сдержала тошноту, вскочила в седло. На мече, который она не выпускала из рук, была кровь. Она с трудом сдержалась, чтобы не бросить оружие как можно дальше.

Из прохода между халупами вылетела Мистле, волоча за собой двух человек. Один ухитрился вырваться и сбежать, перепрыгнув через заборчик, второй, получив мечом, упал на колени, обеими руками схватившись за голову...

Цири с эльфкой погнали галопом, но тут же осадил коней, упершись в стремя, потому что со стороны мельницы возвращался Гиселер с другими Крысами. За ними, подбадривая себя криками, мчалась толпа вооруженных поселенцев.

— За нами! — крикнул на скаку Гиселер. — За нами, Мистле! К речке!

Мистле, склонившись набок, перескакивая через низкие заборчики, натянула поводья и галопом пустилась за ними. Цири прижалась головой к гриве и припустила следом. Совсем рядом галопом пронеслась Искра. Ветер развеивал ее прекрасные темные волосы, приоткрывая маленькое остренькое ушко, украшенное филигранной сережкой.

Человек, которого ранила Мистле, все еще ползал на коленях посреди дороги, раскачиваясь и обеими руками держась за окровавленную голову. Искра завернула коня, подлетела к нему, ударила мечом сверху изо всей силы. Раненый взвыл. Цири увидела, как отрубленные пальцы прыснули в сторону словно щепки от разрубленного полена и упали на землю толстыми белыми червями.

Она с величайшим трудом сдержала позывы тошноты.

Около дыры в частоколе их ожидали Мистле и Кайлей, остальные Крысы были уже далеко. Вся четверка пошла стремительным вытянутым галопом, перенеслась через речку, разбрызгивая воду, взметнувшуюся выше конских голов. Наклонившись и прижавшись щеками к гривам, они взобрались на песчаный откос, погнали через фиолетовый от люпинов луг. Искра, у которой был самый лучший конь, вырвалась вперед.

Влетели в лес, во влажную темь, между стволами буков. Догнали Гиселера и остальных, но задержались только на мгновение. Лес кончился, они вырвались на вересковое поле и снова пустили лошадей в галоп. Вскоре Цири и Кайлей начали отставать — лошади ловчих не могли выдержать темпа прекрасных, породистых коней Крыс. У Цири были дополнительные сложности — на крупном коне она едва касалась ногами стремян, а на ходу не могла подогнать стременных ремней. Без стремян она умела ездить не хуже, чем с ними, но знала, что при такой скорости долго галопа не выдержит.

К счастью, через несколько минут Гиселер сдержал передних, позволив ей и Кайлею присоединиться. Цири перешла на рысь. Укоротить стременные ремни она еще не могла, в ремешках не было дырочек. Тогда она, не снижая скорости, перекинула правую ногу над лукой и уселась по-дамски.

Мистле, увидев позу девочки, рассмеялась.

— Видишь, Гиселер? Она не только акробатка, но еще и вольтижерка! Эх, Кайлей, где ты выкопал эту чертовку?

Искра, придерживая свою прелестную каштанку, по-прежнему сухую и так и рвущуюся в галоп, подъехала ближе, напирая на коня Цири. Тот захрапел и попятился, задрав голову. Цири откинулась в седле, натянула поводья.

— Знаешь, почему ты еще жива, кретинка? — буркнула эльфка, отбрасывая волосы со лба. — Парень, которого ты по глупости своей пожалела, раньше времени нажал спусковой крючок и попал в коня, а не в тебя. Иначе б сейчас у тебя стрела сидела в спине аж по перья. Зачем тебе меч?

— Оставь ее, Искра, — сказала Мистле, ощупывая мокрую от пота шею своей лошади. — Гиселер, надо идти помедленней, иначе мы загоним лошадей! Ведь никто за нами не гонится.

— Мы должны как можно скорей перейти Вельду, — ответил Гиселер. — За рекой передохнем. Кайлей, как твоя лошадь?

— Выдержит. Это не скакун, в гонках не пройдет, но зверюга крепкая.

— Ну так вперед.

— Минутку, — сказала Искра. — А девчонка?

Гиселер оглянулся, поправил пурпурную повязку на лбу, задержал взгляд на Цири. Его лицо сейчас немного напоминало Кайлея — такой же злой изгиб губ, такие же прищуренные глаза, острые, выпирающие скулы. Однако он был старше светловолосого. Синеватая тень на щеках свидетельствовала о том, что он уже регулярно бреется.

— И верно, — бросил он грубовато. — Что делать с тобой, девка?

Цири опустила голову.

— Она помогла мне, — проговорил Кайлей. — Если б не она, паршивый ловчий пришпандорил бы меня к столбу...

— В деревне, — добавила Мистле, — все видели, как она убежала с нами. Одного хлопнула, вряд ли он выжил. Это поселенцы из Нильфгаарда. Если девочка попадет к ним в лапы, они ее забьют. Мы не можем ее бросить.

Искра гневно фыркнула, но Гиселер махнул рукой.

— До Вельды, — решил он, — поедет с нами. А там видно будет. Сядь как следует, дева. Если отстанешь, мы оглядываться не станем. Поняла?

Цири поспешно кивнула.

— Давай, давай. Кто такая? Откуда? Как зовут? Почему ехала под охраной?

Цири наклонила голову. Пока они скакали, у нее было достаточно времени, чтобы придумать какую-нибудь историю, и она придумала несколько. Но атаман Крыс не походил на человека, который поверил бы хоть одной из них.

— Ну, — поторопил Гиселер. — Ты ехала с нами несколько часов. Останавливалась с нами, а я еще не слышал твоего голоса. Ты — немая, что ли?

Пламя костра рванулось вверх, рассыпая искры и заливая то, что

осталось от пастушьего шалаша, волной золотого света. Будто послушный приказам Гиселера, огонь высветил лицо девочки словно бы для того, чтобы можно было легче прочесть на нем ложь и фальшь. «Ведь я не могу открыть им правды, — с отчаянием подумала Цири. — Это разбойники, убийцы. Если они узнают правду о нильфгаардцах, о том, что ловчие поймали меня ради награды, то и сами могут эту награду захотеть. Кроме того, правда слишком... неправдоподобна, чтобы в нее поверить».

— Мы вывели тебя из поселка, — медленно продолжал главарь. — Взяли сюда, в одно из наших убежищ. Дали поесть. Ты сидишь за нашим костром. Так говори же, кто ты такая?

— Отстань от нее, — вдруг бросила Мистле. — Гляжу я на тебя и сразу вижу нисара, ловчего или одного из нильфгаардских сволочей. И чувствую себя как на допросе, привязанной к пыточной скамье палача в подвале!

— Мистле права, — проговорил светловолосый парень, носивший полукожушок. Цири вздрогнула, услышав его акцент. — Девочка явно не хочет говорить, кто она, и имеет на это право. Я, когда к вам присоединился, тоже был неразговорчив. Не хотел, чтобы вы узнали во мне одного из нильфгаардских... сволочей...

— Прекрати, Рееф! — махнул рукой Гиселер. — Ты — другое дело. А ты, Мистле, перебрала! Это никакой не допрос. Просто я хочу услышать, кто она такая и откуда. Как только узнаю, укажу ей дорогу домой, вот и все. А как это сделать, если я не знаю...

— Ты вообще ничего не знаешь, — отвела глаза Мистле. — Даже есть ли у нее дом. А я вот думаю — нету. Ловчие схватили ее на большаке, когда она была одна. Типичные повадки трусов. Если велишь отправить ее куда глаза глядят, она в одиночку в горах не выживет. Разорвут ее волки или помрет с голоду.

— Что же с ней делать? — сказал юношеским басом коренастый, тыча палкой в горящие поленья. — Доставить поближе к какой-нибудь деревушке?

— Прекрасная мысль, Ассе, — усмехнулась Мистле. — Кметов не знаете? Им вечно не хватает рабочих рук. Загонят девку скот пасти, предварительно сломав ей ногу, чтобы не сбежала. Ночами она будет ничьей, а стало быть, общей собственностью. Будет расплачиваться за жратву и крышу над головой, знаешь, какой монетой. А весной станет метаться в родильной горячке, рожая чьего-нибудь ребенка в грязном хлеве.

— Если у нее будет конь и меч, — медленно процедил Гиселер, все еще глядя на Цири, — то не хотелось бы мне оказаться на месте того, кто

захочет переломить ей ногу или сотворить ублюдка. Видели, какую пляску она затеяла в корчме с ловчим, которого потом прикончила Мистле? Он по воздуху колотил, а она отплясывала как ни в чем не бывало... Да, по правде-то меня мало интересует ее имя, а вот где она выучилась таким штучкам, хотелось бы знать...

— Штучки ее не спасут, — неожиданно проговорила Искра, точившая меч. — Она умеет только плясать. Чтобы выжить, надо уметь убивать, а этого она не сможет.

— Пожалуй, сможет, — вступился Кайлей. — Когда в деревне рубанула по шее того парня, кровь свистнула на полсажени...

— А сама чуть в обморок не грохнулась, — фыркнула эльфа.

— Она же еще ребенок, — вставила Мистле. — Я догадываюсь, кто она такая и где научилась своим фортелям. Мне доводилось встречать таких. Это танцорка или акробатка из какой-нибудь бродячей труппы.

— С каких пор, — поморщилась Искра, — нас стали интересовать танцорки и акробатки? Черт побери, скоро полночь, спать хочу. Давайте кончать пустую болтовню. Надо выспаться и отдохнуть, чтобы завтра к вечеру быть в Кузне. Надеюсь, вы еще не забыли, что тамошний солтыс выдал Кайлея нисарам и теперь вся их зачуханная деревушка должна узнать, что такое красная ночь! А девочка? У нее есть конь и есть меч. Она их честно заработала. Дадим ей немного едова и денег. За то, что спасла Кайлея. И пусть едет, куда хочет, сама о себе позаботится...

— Хорошо, — сквозь зубы процедила Цири, вставая.

Наступила тишина, прерываемая только потрескиванием костра. Крысы с любопытством смотрели на нее.

— Хорошо, — повторила она, удивляясь, как по-чужому прозвучал ее голос. — Вы мне не нужны, я не просила... И вовсе не хочу оставаться с вами! Уеду сей же час...

— А ты, я гляжу, не немая, — угрюмо заметил Гиселер. — Умеешь говорить, да еще и нагло.

— Гляньте на ее глаза, — фыркнула Искра. — Гляньте, как она голову держит. Хищная птичка! Юная соколица!

— Собираешься уехать? — сказал Кайлей. — А куда, позволю спросить?

— Вам-то какое дело? — крикнула Цири, и глаза ее загорелись зеленым огнем. — Я вас спрашивала, куда вы едете? Меня это не интересует! И вы меня тоже не интересуете! Вы мне не нужны. Я сумею... Я справлюсь сама! Одна!

— Одна? — повторила Мистле, странно улыбаясь.

Цири умолкла, опустив голову. Крысы тоже молчали.

— Сейчас ночь, — наконец сказал Гиселер. — Ночью в одиночку не ездят, дева. Тот, кто ездит в одиночку, должен погибнуть. Там, около лошадей, валяются попона и шкуры. Выбери что-нибудь. Ночью в горах холодно. Что уставилась? Погаси свои зеленые фонарики! Приготовь лежанку и спи. Тебе надо отдохнуть.

Немного подумав, Цири послушалась, а когда вернулась, волоча за собой попону и одну из шкур, Крысы уже не сидели, а стояли полукругом у костра, и красные огоньки пламени играли в их глазах.

— Мы — Крысы Пограничья, — гордо проговорил Гиселер. — За версту чуем добычу. Нам не страшны ловушки. И нет на свете ничего, чего бы мы не разгрызли. Мы — Крысы. Подойди сюда, девочка.

Цири подошла.

— У тебя нет ничего, — сказал Гиселер, вручая ей украшенный серебром пояс. — Возьми хотя бы это.

— У тебя нет ничего и никого, — улыбнувшись, проговорила Мистле, накинула ей на плечи зеленый атласный кафтанчик и сунула в руки вышитую мережкой блузку.

— У тебя нет ничего, — буркнул Кайлей, и подарком от него был кинжальчик в ножнах, искрящихся дорогими камнями. — У тебя нет никого. Ты одинока.

— У тебя нет никого, — повторил за ним Ассе. Цири приняла дорогую перевязь.

— У тебя нет близких, — проговорил с нильфгаардским акцентом Рееф, вручая ей пару перчаток из мягчайшей кожи. — У тебя нет близких и...

— ...Ты всюду будешь чужой, — dokonчила с кажущимся безразличием Искра, быстро и довольно бесцеремонно надевая на голову Цири беретик с перьями фазана. — Всюду чужой и всегда другой. Как нам называть тебя, маленькая соколица?

Цири взглянула ей в глаза.

— Gvalch'ca.

Эльфка рассмеялась.

— Стоит тебе начать говорить, и ты говоришь на многих языках. Маленькая соколица! Хорошо, будешь носить имя Старшего Народа, имя, которое ты выбрала себе сама. Ты — Фалька.

Фалька.

Она не могла уснуть. Кони топали и храпели в темноте, ветер шумел в лапах елей. Небо искрилось звездами. Ярко светило Око, долго бывшее ее верным проводником по каменной пустыне. Оно указывает на запад. Но Цири не была уверена, что это правильное направление. Теперь она уже ни в чем не была уверена.

Она не могла уснуть, хотя впервые после долгих дней чувствовала себя в безопасности. Она не была одинока. Лежанку из ветвей она устроила себе в сторонке, подальше от Крыс, которые спали на согретом огнем глинобитном полу разрушенного шалаша. Она была далеко от них, но чувствовала их близость и присутствие. Она не была одинока.

Послышались тихие шаги.

— Не бойся...

Кайлей.

— Я не скажу им, — шепнул светловолосый юноша, опускаясь на колени и наклоняясь к ней, — что тебя ищет Нильфгаард. Не скажу о награде, которую за тебя пообещал префект из Амарильо. Там, в корчме, ты спасла мне жизнь. Я отблагодарю тебя. Приятным. Сейчас.

Он прилег рядом с ней. Медленно и осторожно. Цири пыталась вскочить, но Кайлей прижал ее к подстилке движением не грубым, но сильным и решительным. Мягко положил ей пальцы на губы. Это было ни к чему: Цири парализовал страх, а из перехваченного, болезненно сухого горла она не смогла бы извлечь ни звука, даже если б хотела. Но она не хотела. Тишина и мрак были лучше. Безопаснее. Привычнее. Они скрывали страх и стыд.

Она тихо охнула.

— Тише, маленькая, — шепнул Кайлей, осторожно расшнуровывая ей рубашку. Медленно, мягкими движениями спустил ей ткань с плеч, а низ рубашки подтянул выше бедер. — И не бойся. Увидишь, как это приятно.

Цири задрожала от прикосновения сухой, жесткой и шероховатой руки. Она лежала неподвижно, напряженная и оцепеневшая, переполненная обессиливающим страхом и отвращением, заливающими виски и щеки волнами жара. Кайлей завел ей левую руку под голову, прижал ее ближе к себе, стараясь отвести руку, которой она ухватилась за подол рубашки, тщетно пытаясь снова стянуть ее вниз. Ее начала бить дрожь.

В окружающей тьме она вдруг уловила движение, почувствовала толчок, услышала звук пинка.

— Ты спятила, Мистле? — буркнул Кайлей.

— Оставь ее, ты, свинья.
— Отвали. Иди спать.
— Оставь ее в покое, я сказала.
— А я беспокою, что ли? Она кричит или вырывается? Я только хочу приласкать ее перед сном. Не мешай.
— Выматывайся отсюда, или я тебя ткну.
Цири услышала скрип кинжала в металлических ножнах.
— Я не шучу, — проговорила Мистле, слабо вырисовывающаяся во мраке над ними. — Отправляйся к парням, да побыстрее!
Кайлей сел, выругался под нос, потом молча встал и быстро ушел.
Цири почувствовала, как по щекам покатались слезы. Быстро, все быстрее. Они, словно юркие червячки, вползали под волосы около ушей. Мистле легла рядом, заботливо укрыла шкурой. Но не поправила задранной рубашки. Оставила так, как было. Цири снова задрожала.
— Тише, Фалька. Все хорошо.
Мистле была теплой, от нее пахло смолой и дымом. Но прикосновение ее маленькой руки снова заставило Цири напрячься. У нее перехватило дыхание. Мистле прижалась к ней, прильнула, ее маленькая рука не останавливаясь поползла по телу, как теплая улиточка. Цири глухо застонала...
— Тише, соколица, — шепнула Мистле, осторожно подсовывая ей руку под голову. — Ты больше не будешь одна. Больше не будешь.

Назавтра Цири поднялась на заре. Осторожно выскользнула из-под шкуры, чтобы не разбудить Мистле, спящую с приоткрытым ртом, прикрыв предплечьем глаза. Руку покрывала гусиная кожа. Цири заботливо укутала девушку. После недолгого колебания наклонилась, нежно поцеловала ее в стриженные, торчащие щеткой волосы. Мистле замурлыкала сквозь сон. Цири отерла слезы со щеки.

Она уже не была одинока.

Остальные спали, кто-то звучно храпел, кто-то так же звучно пустил ветры. Искра лежала, откинув руку на грудь Гиселера, ее буйные волосы рассыпались в беспорядке. Кони фыркали и топтались, дятел короткими очередями ударов долбил ствол сосны.

Цири сбежала к речке. Мылась долго, подрагивая от холода. Резкими движениями трясущихся рук старалась смыть с себя то, что уже смыть

было невозможно. По щекам текли слезы.

Фалька.

Вода пенилась и шумела на камнях, уплывала вдаль, в туман.

Все уплывало вдаль. В туман.

Все.

Они были отбросами общества, отребьем. Удивительным сборищем, порожденным войной, несчастьем и презрением. Война, несчастье и презрение объединили их и выкинули на берег, как вздыбившаяся в половодье река выбрасывает на плесы черные, отполированные водой и камнями куски дерева.

...Кайлей очнулся среди дыма, огня и крови в разрушенном замке, между трупами родственников и родителей. Бредя по усеянному убитыми двору, наткнулся на Реефа, солдата из корпуса карателей, которых император Эмгыр вар Эмрейс послал усмирять бунты в Эббинге. Рееф был одним из тех, кто захватил и разрушил замок после двух дней осады. Захватив замок, спутники бросили Реефа, хотя Рееф был еще жив. Но заботиться о раненых — не в обычаях бандюг из нильфгаардских подразделений.

Вначале Кайлей думал добить Реефа, но ему не хотелось бродить в одиночестве. А Реефу, как и Кайлею, было шестнадцать лет.

Они вместе зализывали раны. Вместе прикончили и ограбили сборщика податей, вместе упились пивом в корчме, а потом, проезжая на трофейных конях через деревню, разбрасывали вокруг остатки награбленных денег, хохоча при этом до колик.

Вместе бежали от гоняющихся за ними нисаров и нильфгаардских патрулей.

Гиселер дезертировал из армии. Вероятнее всего, это была армия князя из Гесо, вступившего в союз с повстанцами из Эббинга. При этом Гиселер, надо думать, не очень-то понимал, куда затащили его вербовщики. Был он тогда пьян в стельку. Протрезвев и получив во время муштры выволочку от сержанта, он сбежал. Вначале блуждал в одиночку, но когда нильфгаардцы разгромили повстанческую конфедерацию, в лесах стало тесно от дезертиров и беглецов. Беглецы быстро объединились в банды. Гиселер пристал к одной из них.

Банда обирала и палила деревни, нападала на обозы и транспорты,

растворялась и таяла, сбегаая от эскадронов нильфгаардской кавалерии. Однажды банда Гиселера наткнулась в дебрях на Лесных Эльфов и погибла от летящих со всех сторон стрел, шипящих серыми перьями. Стрела насквозь пробила плечо Гиселера, пригвоздив его к дереву. Ту эльфку, которая под утро вытянула стрелу и перевязала ему рану, звали Аэниеведдиен.

Гиселер так и не узнал, почему эльфы осудили Аэниеведдиен на изгнание, за какие провинности послали на смерть — ведь для свободной эльфки одиночество в узкой полосе ничьей земли, отделяющей Свободный Старший Народ от людей, было смертным приговором. Одинокой эльфке предстояло погибнуть. Если она не найдет спутника.

Аэниеведдиен нашла спутника. Ее имя, в вольном переводе означающее «Дитя огня», для Гиселера было слишком трудным и чересчур поэтичным. Он назвал ее Искрой.

Мистле была родом из богатой дворянской семьи из города Турн в Северном Мехте. Отец, вассал Рудигера, присоединился к повстанческой армии, проиграл бой и пропал без вести. Когда население Турна, узнав о приближающейся карательной экспедиции широкоизвестных «миротворцев из Геммеры», бежало из города, семья Мистле последовала за всеми, а сама Мистле затерялась в охваченной паникой толпе. Прекрасно одетая, изящная дворяночка, которую с юных лет носили в лектике, не поспевала за беженцами. После трех суток блуждания в одиночестве она попала в руки следовавших за нильфгаардцами ловчих. Девушки моложе семнадцати были в цене. Нетронутые. Ловчие не тронули Мистле, предварительно проверив, не тронута ли она. После проверки Мистле прорыдала всю ночь.

В долине реки Вельды обоз ловчих был разгромлен и вырезан под корень бандой нильфгаардских мародеров. Прикончили всех ловчих и невольников мужского пола. Пощадили только девушек. Девушки не знали, почему их пощадили. Неведение длилось недолго.

Мистле была единственной, кто выжил. Из рва, в котором она оказалась, ее, голую, покрытую синяками, нечистотами, грязью и засохшей кровью, вытащил Ассе, сын сельского кузнеца, гонящийся за нильфгаардцами трое суток, озверевший от жажды отомстить за то, что мародеры сделали с его отцом, матерью и сестрами и что ему довелось видеть, укрывшись в конопле.

Однажды все они встретились на празднике Ламмас, Празднике Жатвы, в одной из деревенок в Гесо. Война и нужда в то время еще почти не коснулась земель над Верхней Вельдой — кметы веселыми играми и

плясками традиционно отмечали начало Месяца Серпа.

Мистле, Гиселеру, Искре, Реефу, Ассе и Кайлею не пришлось долго искать друг друга. Слишком многое их выделяло в толпе. Слишком много общего было у них за плечами. Объединяла их любовь к крикливой, цветастой, причудливой одежде, краденым безделушкам, роскошным лошадям, мечам, которых они не снимали даже на время пляски. Их выделяли дерзость и кичливость, самоуверенность, задиристость и грубость.

Презрение и пренебрежение.

Они были детьми Часа Презрения. И только презрение чувствовали к остальным. Признавали только силу. Ловкость во владении оружием, которую они быстро приобрели на дорогах. Решимость. Признавали быстрого коня и острый меч.

И друзей. Товарищей. Дружков. Потому что одинокий должен погибнуть — от голода, от меча, от стрелы, от кметской дубины, от веревки и пожара. Одинокий гибнет — зарезанный, забитый, оскверненный, изнасилованный, словно игрушка перебрасываемый из рук в руки.

Они встретились на Празднике Жатвы. Угрюмый, почерневший, тощий Гиселер. Худой, длинноволосый Кайлей со злыми глазами и губами, сложенными в мерзкую ухмылочку. Рееф, все еще говоривший с нильфгаардским акцентом. Высокая, длинноногая Мистле с остриженными, торчащими щеткой соломенными волосами. Глазастая и яркая Искра, гибкая и воздушная в танце, быстрая и убийственная в схватке, с тонкими губами и мелкими эльфьими зубками. Плечистый Ассе со светлым, курчавящимся пушком на подбородке.

Атаманом стал Гиселер. А назвали они себя Крысами. Кто-то когда-то так их нарек. Им это понравилось.

Они грабили и убивали, а их жестокость стала притчей во языцех.

Вначале нильфгаардские префекты недооценивали их. Были уверены, что по примеру других банд они вскоре станут жертвами концентрированных действий разъяренного крестьянства, вырежут и перебьют себя сами, когда страсть к нагребленному возьмет верх над бандитской солидарностью. Что касается других банд — префекты были правы, но их ждала осечка, когда речь заходила о Крысах. Потому что Крысы, дети Часа Презрения, презирали добычу. Они нападали, грабили и убивали ради развлечения, а отбитых у войсковых транспортов лошадей, скот, зерно, фураж, соль, деготь и сукно раздавали по деревням. Горстями золота и серебра расплачивались с портными и ремесленниками за то, что любили сверх меры: оружие, броскую одежду и украшения. Одариваемые

ими кормили их, поили, принимали и укрывали и, даже истязаемые до крови нильфгаардцами и нисарами, не выдавали Крысиных нор и троп.

Префекты назначали высокие награды — и вначале сыскались было такие, кто польстился на нильфгаардское золото. Но по ночам халупы доносчиков охватывало пламя, а убегающие от пожара умирали от клинков призрачных наездников, кружащих среди дыма. Крысы нападали по-крысиному. Тихо, предательски, жестоко. Крысы обожали убивать.

Префекты ухватились за испытанные в борьбе с другими бандами способы — пытались заслать к Крысам предателей. Не получилось. Крысы не принимали никого. Плотная, сдружившаяся шестерка, порожденная Часом Презрения, не желала чужаков, презирала их.

Так было до того дня, пока не явилась ловкая, как акробатка, пепельноволосая неразговорчивая девочка, о которой Крысы не знали ничего, кроме одного: она была такой же, какими некогда были они, каким был каждый из них. Одинокая и переполненная обидой за все, что отнял у нее Час Презрения.

А в Час Презрения одинокий должен погибнуть.

Гиселер, Кайлей, Рееф, Искра, Мистле, Ассе и Фалька.

Префект из Амарильо невероятно удивился, когда ему донесли, что Крысы разбойничают всемером.

— Семеро? — удивился префект из Амарильо, недоверчиво глядя на солдата. — Говоришь, их было семеро, не шестеро? Ты уверен?

— Чтоб я так жил! — невнятно ответил единственный уцелевший после резни солдат.

Пожелание было вполне уместным — голова и половина лица солдата были перебинтованы грязными, набухшими кровью тряпками. Префект, которому довелось побывать не в одном бою, знал, что солдат получил мечом сверху, самым концом клинка, ударом слева, метким, точным, требующим опыта и скорости, направленным в правое ухо и щеку — в места, не защищенные ни шишаком, ни железным воротником.

— Рассказывай.

— Шли мы берегом Вельды в сторону Турна, — начал солдат. — Конвоировали один из транспортов господина Эвертсена, идущий на юг. На нас налетели у разведенного моста, когда мы через реку переправлялись. Одна телега завязла, тады мы выпрягли коней с другой, чтобы ее вытащить.

Часть конвоею поехала дале, я приостался с пятерьми и с коморником. И тут нас обскочили. Коморник, прежде чем его забили, успел крикнуть, мол, это Крысы, а потом уж они сели нашим на шею... И вырезали всех до одного. Кады я это увидел...

— Когда ты это увидел, — поморщился префект, — ты всадил коню шпоры в бок, но поздно...

— Она налетела на меня, — опустил голову солдат, — как раз та седьмая, которую я сызначала не приметил. Девчонка. Почти ребенок. Я думал, ее Крысы оставили сзади, потому как молодая и неопытная.

Из тени высунулся гость префекта.

— Девочка? — спросил он. — Как выглядела?

— Как все они. Разукрашенная словно эльфка, пестрая как попугай, выраженная в безделушки, бархат и парчу, в шапочке с перьями...

— Светловолосая?

— Кажись, так, господин. Кады я ее увидал, налетел конем, думал, хочь ее одну усеку за товарищев, кровью за кровь отплачу... Зашел справа, чтобы ловчей ударить... Как она это сделала, не знаю. Но я промахнулся. Словно по призраку бил... Не знаю, как эта дьяволица сделала... Хочь я прикрылся, она меня оттедова достала. Прямо по морде... Господин, я под Содденом был, под Альдерсбергом был. А теперича от девки выпендренной памятка мне на морде на всю жизнь.

— Радуйся, что жив остался, — буркнул префект, глядя на своего гостя. — И радуйся, что тебя посеченного на переправе нашли. Теперь будешь в героях ходить. Если б без борьбы сбежал, если б без памятки на морде докладывал мне о потере груза и лошадей, то сейчас бы уже пяткой о пятаку на виселице колотил! Ну марш отсюда! В лазарет.

Солдат вышел. Префект повернулся к гостю:

— Сами видите, благородный господин коронер, нелегкая тут служба, нет покоя, полны руки работы. Вы там, в столице, думаете, что в провинциях баклуши бьют, пиво дрызгают, девок портят и взятки берут. О том, чтобы людей или денег прислать побольше, никто не заботится, только приказы шлют: дай, сделай, найди, всех на ноги поставь, от зари до зари летай... А тут башка раскалывается от собственных забот... Таких банд, как Крысы, у нас шастает пять или шесть. Правда, Крысы самые страшные, не проходит и дня...

— Достаточно, достаточно, — надул губы Скеллен. — Знаю, чего вы ноете, господин префект. Только напрасно. От данных приказов никто вас не освободит, не рассчитывайте. Крысы не Крысы, банды не банды, а продолжать поиски должны. Всеми доступными средствами, до отмены

приказа. Так приказал император.

— Три недели ищем, — поморщился префект. — Кстати, не очень-то ведая, кого или чего ищем — призрака, духа или иглу в стоге сена. А результат? Только у меня одного несколько человек пропали без вести, не иначе как бунтовщиками или бригадами скоя'таэлей убиты. Говорю вам еще раз, господин коронер, если мы до сей поры не нашли этой вашей девчонки, то и не найдем. Если даже такая тут была, в чем я сомневаюсь. Разве что...

Префект осекся, задумался, глядя на коронера исподлобья.

— Эта девка... Седьмая, которая с Крысами ездит...

Филин пренебрежительно махнул рукой, стараясь, чтобы его жест и выражение лица выглядели убедительно.

— Нет, господин префект. Не ищите слишком легких решений. Расфранченная полуэльфка или другая бандитка в парче наверняка не та девушка, которая нам нужна. Наверняка. Продолжайте поиски. Это приказ.

Префект насупился, глянул в окно.

— А с той бандой, — добавил внешне безразлично коронер императора Эмгыра Стефан Скеллен по прозвищу «Филин», — с этими Крысами, или как там их... Наведите порядок, господин префект. В провинции должен установиться порядок. Беритесь за работу. Выловить и повесить без церемоний. Всех.

— Легко сказать, — буркнул префект. — Но сделаю, что в моих силах, заверьте императора. И все же, я думаю, ту, седьмую девчонку у Крыс следовало бы для верности взять живой...

— Нет, — перебил Филин, следя за тем, чтобы голос не дрогнул. — Никаких исключений, повесить всех. Всю семерку. Мы не желаем больше о них слышать. Не желаем слышать о них больше ни слова.

Примечания

В средние века существовал закон «кудели и меча» — о наследовании трона по женской (кудель) и мужской (меч) линии. — Примеч. пер.

Перевод Эльвиры Частиковой.

Перевод Эльвиры Частиковой.